

Ecstasyflame

Я СТАВЛЮ
НА ЛЮБОВЬ

Она прошла семь кругов ада с целью отомстить тому, кто пустил ее жизнь под откос. Он выжил после предательства своих собратьев по оружию, чтобы однажды жестоко расправиться с тем, кто подписал ему смертный приговор. У них один враг. У них одна цель. Но они по разную сторону баррикад. Волею судьбы она обязана охранять того, кого поклялась уничтожить. Она — Ангел смерти, профессионал высокого класса, работающая на крупный мафиозный синдикат столицы. Он — волк-одиночка, который идет к своей цели, ломая стены, и ни перед чем не остановится. Мир перевернется с ног на голову, когда они встретятся. Перевернется и замрет в нерешительности, какую же ставку сделать, но ни одна не будет верной. Любовь не подчиняется никаким правилам и не признает тотализаторов...

Пролог

Здравствуй!

Здравствуй, говорю я тебе, хотя знаю: ты меня не услышишь.

У меня все хорошо, наверное, даже лучше, чем ты можешь себе представить. Здесь все по-иному — всегда светит яркое теплое солнце, никогда не дуют шквальные ветра когда-то родной мне планеты, а воздух так упоительно свеж, что не хватает жизни, чтобы им надыхаться... Именно так мне хочется сказать, хотя здесь больше нет понятия жизни и смерти. Впереди у меня вечность, и я до сих пор не могу соизмерить это понятие и попытаться его представить.

Они говорят, ты меня не услышишь, но почувствуешь. А мне хочется кричать, чтобы мой безмолвный крик долетел до тебя через все измерения, чтобы ты однажды сказала себе: жизнь продолжается! Тебе же так трудно было в это поверить, когда меня не стало. А мне так хотелось вернуться обратно, прожить отпущенные мне дни еще раз, вместе с тобой! Не растрчивать их на бесплодную подростковую ревность и белую зависть, не терять ни мгновения наших дней на бестолковые ссоры, а просто обнять тебя и не отпускать... сказать тебе правду. У меня на земле никогда не было никого ближе тебя, но я так боялась тебе в этом признаться.

Глядя на тебя с этой необъятной вселенской высоты, я хочу сказать тебе лишь одно: не бойся.

Не бойся жить. Даже после того как мир перевернулся и не стало меня, но в нем осталась ты. Выжила, отвоевала это право у того, кто возомнил себя вершителем судеб и посланником смерти, но оказался слишком слаб, чтобы отнять у тебя данный свыше дар под названием Жизнь.

Не бойся своих слез. Тебе будут говорить, что они напрасны, ведь меня не вернуть. Плачь, просто выплесни из себя прочь это бессилие и тоску, чтобы однажды отпустить неподвластное нам прошлое. А потом разозлись. На этот несовершенный мир, на обстоятельства, на собственную слабость. И иди дальше.

Не бойся мстить. О да, я знаю: это вопреки священному писанию. Но ты пойдешь путем борца за справедливость. Он не имел права отнимать мою жизнь. Он не карающий архангел, он просто решил однажды, что вправе распоряжаться чужими жизнями. И если совесть начнет грызть тебя и ты захочешь сойти с этого пути, просто знай: это не я хочу быть

отомщена. Это ты пишешь новую линию своей жизни, и без своеобразного обряда очищения, который ты пройдешь, не обрести покой.

Не бойся новых жизненных ударов. Не скрою, они будут. Но мы выстоим вместе, я всегда незримо держу тебя за руку, чтобы ты чувствовала мою поддержку и подпитывалась моими силами. Ты выстоишь в очередном кошмаре, чтобы стать сильной и самодостаточной.

Не бойся терять. Возможно, он не потерялся и ваша с ним встреча совсем близко.

Не бойся любить. Ты заслужила это право, как никто другой. Знаешь, закон равновесия существует. Когда небеса забирают одну жизнь, они проявляют великодушие и дарят ее другому. Я никогда не задавала вопросов, но то, что выжил именно он, не случайность. Когда твоя месть свершится, останется пустота, которую сможет заполнить только он. И я сделаю все, чтобы снова скрестить его путь с твоим. Настоящему чувству никогда не потеряться на бескрайних просторах вашей галактики. Не бойся быть счастливой с тем, кто любил и будет любить тебя больше, чем кто-либо другой.

Не бойся рисковать. Не бойся быть не такой, как все. Не бойся делать этот мир лучше.

Не бойся верить, что твой Ангел никогда не спит.

Не говорю тебе “прощай”. Нет. До свидания.

До свидания, говорю я тебе, хотя знаю, что ты меня не услышишь. Но ты почувствуешь. Ты поймешь, что именно моя рука удержит тебя за плечи перед шагом в пустоту. Именно она превратит яд в твоем кубке в целительный бальзам. Я отведу чужую руку, которая однажды выстрелит в тебя. Моя сила перейдет к тебе, когда ты будешь ослаблена и беззащитна. У нас было так мало времени на земле, но у нас будет целая вечность. Пусть далеко друг от друга, но всегда незримо рядом!

Я люблю тебя. И прошу, кричу через далекие расстояния неподвластных разуму измерений: не бойся! Не бойся поставить все на любовь.

Потому что я открою тебе секрет. Именно она основа мироздания и самая высшая сила, которая направит твой путь и позволит обрести на земле то, чего так незаслуженно лишили меня...

Глава 1

“Гелендваген” последней модели, сопровождаемый тремя бронированными “хаммерами”, по защите сравнимыми с БТР, подбрасывало на бездорожье. Впрочем, дорога здесь имелаась. Некогда асфальтированная скоростная трасса, столь любимая стритрейсерами и мотогонщиками. Всего несколько лет назад здесь еще можно было наблюдать автомобильные гонки в стиле киноэпопеи “Форсаж”. Отличались только транспортные средства: модификация автомобилей по количеству вбуханного в тюнинг бабла заставила бы Вина Дизеля настаивать на более престижных машинах под угрозой срыва съемок. Золотая молодежь играла в свои рискованные игры, не задумываясь о завтрашнем дне, и никак не могла предположить, во что превратится их процветающий город уже совсем скоро. Срочная эвакуация, грохот артобстрелов, разрушенные здания, полная анархия — до тех самых пор, пока в некогда мирном (относительное понятие, учитывая, что здесь в последнее время была власть криминала) городе N не установится власть тех, кого западные СМИ окрестили “террористами”.

Криминальный авторитет по кличке «Спикер», получивший ее в связи со своим особым

положением в аппарате власти, проводил долгим взглядом удаляющуюся картину разрушенного железнодорожного вокзала. От некогда красивого строения в стиле хай-тек, казавшегося невесомым кубом из металла и зеркального стекла, остались мрачные руины с торчащими в серое неприветливое небо стеблями арматуры — артобстрел не оставил от него камня на камне. Железнодорожные пути были разрушены без возможности восстановления.

На волевом лице Спикера отразилась мимолетная тень ностальгии. Не так давно он сам ступал по мраморным плитам ныне разрушенного вокзала, любил выпить изумительный кофе в одном из ресторанов внутри здания, лениво наблюдал за суетой спешащих отъезжающих и приезжающих... Два с половиной года. Прошло совсем немного времени, а казалось, вечность. Ничего не имело смысла. Транспортный узел обороняли бригады лучших бойцов, профессионалов, многие встретили свою смерть на этом огневом рубеже. Не удалось отстоять, сровняли с землей, превратив в груды обломков и осколков.

Очередной блокпост. Седьмой на сегодня. Их еще будет как минимум три, прежде чем они достигнут центральной части самопровозглашенной мини-империи. Спустя еще два кордона ухабистая дорога осталась позади, и чудо немецкого автопрома заскользило по относительно гладкому асфальту. Разрушенных зданий стало меньше, но угнетающую картину это не меняло. Пустые оконные глазницы, кое-где — остовы сгоревших автомобилей, рваные черные дыры на месте попадания снарядов. Спикер, в миру Антон Сергеевич, отвлекся от созерцания невеселого пейзажа и нажал кнопку вызова на спутниковом телефоне. На этой частоте разговор невозможно было запеленговать и прослушать.

— Подъезжаю. Ангел на месте? — безжалостно прервал заискивания и неуместные восторги лидера самопровозглашенной республики. — Распорядись, чтобы я не терял время.

— Так точно, Антон Сергеевич... на месте, что ей сделается, — при упоминании о Насте в голосе Никитченко отразилась целая гамма эмоций: от удивления до презрения, смешанного чуть ли не со страхом.

— Отлично, вы мне оба нужны. Отбой. И приготовитесь к погрузке, я на вашем курорте не намерен долго отдыхать.

Прошло совсем немного времени, и панорама за тонированным стеклом автомобиля стала напоминать практически мирный город. Немноголюдный, непривычно тихий — можно было забыть о том, что на передовой ведутся ожесточенные бои. И все равно здесь царило запустение. Пустые витрины, редкие прохожие, немногочисленные автомобили. Флаги непризнанной республики напоминали “веселого Роджера”. “Комедианты”, - подумал Спикер, наблюдая за бойцами Никитченко в камуфляже и с автоматами, которые расступались, завидев процессию с большой земли. Вся эта ситуация напоминала игры детей-переростков, которые дорвались до подобия власти, толком не понимая, что с ней делать. Резиденция лидера народной республики, который все еще не мог решить, как же ему называться — вождем или президентом, располагалась в центре города. Раньше это был особняк местного олигарха, который сейчас прочно обосновался в столице и получил гораздо больше, чем потерял в ходе революции. “Сказочный debil”, - вздохнул Спикер при виде почетного караула, оцепившего трехэтажное имение с автоматами наперевес. Впрочем, ожидать высокого уровня IQ от пешки в играх реальных власть имущих было бы просто глупо.

Их встретили и провели в кабинет Евгения Никитченко. По сравнению с прошлым визитом Спикера в окружении лидера произошли существенные изменения. От личной

охраны “вождя-президента” больше не разило перегаром, как в прошлый раз, они не задавали глупых вопросов из серии “как там в столице” и “а чего это вы тут делаете”, да и выглядели при этом, как отряд элитного спецназа из западных боевиков. Ангел не подкачала даже в вынужденной ссылке, скрупулезно выполняя работу и не саботируя задание от обиды на решение своего непосредственного босса.

Никитченко поспешно убрал ноги в “гриндерсах” со столешницы красного дерева, стоило Антону войти в огромный кабинет. Здесь тоже все изменилось, и не в лучшую сторону. От нынешнего убранства кабинета бывшего работника автодора и мелкого барыги, кем Евгений был до начала боевых действий, рябило в глазах. Так извратить утонченный вкус олигарха М. нужно было еще ухитриться. Некогда приятный глазу японский минимализм претерпел кардинальные изменения. Огромная люстра со стеклянными подвесками из оперного театра ну никак не вписывалась в изначальный дизайн, гипсовые статуи по углам вперемишку с оленями и Санта-Клаусом, искусственные цветы по карнизу и даже неуместные колонны испохабили работу японского дизайнера. Принцип “тащи все, что плохо лежит” сыграл с новоявленным обладателем особняка злую шутку. Розовая мебель (привет от гражданской супруги, которая быстро сориентировалась, заграбастав перспективного мужика) венчала собой эти декорации театра абсурда.

— Антон Сергеевич, — загнусавил Никитченко, натянув на грубоватое лицо выражение щенячьего восторга, — А мы вас ждем, как... как... ждем, в общем! Ну, сауна, девочки? Выпьем?

— Тебе, дураку, все бы бухать да на параде мордой и шевронами сверкать, — брезгливо отозвался Спикер. — Погрузка началась?

— Конечно, сразу, обижаюте...

— Если мои ребята не досчитаются стволов, как в прошлый раз, ты у меня окопы рыть пойдешь!

— Да это ошибочка вышла, они...

— Считать не умеют? Отправь их учиться в школу, раз набрал себе дебилов. Ты, родной, совсем края видеть перестал. Теперь мне проясни, как так вышло, что Ангела едва не ирзешетили вблизи от передовой три дня назад?

— А я манал! Надо было дома сидеть, а не гонять на своей тачиле по передовой. Кто ей доктор, что она отмороженная на всю голову?

— Значит, это не ты отправил координатора своей личной охраны вытягивать троицу заблудившихся на кордоне? И это не они обстреляли ее автомобиль? Ты играешь в опасные игры, друг мой, и наверху крайне недовольны тем, что лидер провозглашенной республики не видит дальше собственного носа. Может, ты свой член не в состоянии удержать в штанах, и от этого все твои проблемы? Или наоборот, утомился от того, что тебя имеет сверху баба? Может, мне сделать рокировку и назначить Ангела вместо тебя?

— Сука она, — вспыхнул Никитченко. — Ты знаешь, что она замочила двух моих людей? Кто наркотрафиком теперь рулить будет? Ханаев вообще никому, кроме нее, не отчитывается!

— Ну, если ты больше не авторитет для своей кодлы, кто тебе виноват? Курт давно просил пулю в лоб. Как долго ты собирался закрывать глаза на его леваки? Сколько кокса с его подачи ушло в дружественное государство?

— У этой твари не было никакого права в него стрелять...

— У этой, как ты позволил себе выразиться, “твари” есть право действовать по

собственному усмотрению. Даже грохнуть тебя, если ссучишься. Или ты будешь оспаривать мои решения?

— Нет, Антон Сергеевич, нет... хрен с ним, с Куртом, но Спартак... да она ему пулю в затылок, ничего не поясняя... еще и на меня ствол навела...

— Ты не знал, что Спартак подсел на кокс и трепался на каждом углу о вашей предстоящей военной операции? Или о том, что он залил в инстаграм фото с тренировочных баз, отметив на картах? Может, ты не знал о том, что он скуки ради перестрелял всех оставшихся жителей в деревне Велесово, с пеной у рта доказывая, что ты ему не указ? Может, дело в другом? Ты готов похоронить профессионала, которая умнее всего твоего стада, только потому, что она работает, вместо того чтобы трахаться с тобой?

— Могла бы быть поласковее... А то как с танцорами “Палладиума” во всех позах, так нам не запахло... — Никитченко осекся, сжав кулаки, встретив лишенный эмоций взгляд Спикера. И как-то сразу сник, сгорбился, отвел глаза в сторону, понимая, что едва не переступил черту, поливая грязью ставленницу своего непосредственного начальника. Осознал, что все его претензии не стоят ломаного цента, перешел на свои личные комплексы, забыв напрочь, кто он сам и что из себя подставляет. Настя, сука. Безжалостная диктаторша с внешностью пухлогубой блондинки, превосходящая его самого недюжинным умом и сообразительностью, безжалостная к чужим проступкам во имя общей цели, несгибаемая и хладнокровная, всегда смотрящая на него, лидера хаотично сформировавшейся республики, как на пыль под ногами. Попытался прочитать ответ на давно мучивший его вопрос по поведению Антона Сергеевича, но эта задача оказалась ему не по силам. Конечно, убедил он себя тут же, Спикер ее трахает. Другого пояснения нет и быть не может. И сама она дура... точно, так и есть. Эта кукла ни шагу не ступит без указки свыше. Пояснили ей расклад на пальцах, вот и козыряет тут своим четвертым размером и длинными ногами, заставляя всех поверить, что именно она мегамозг, почки и печень системы. Якобы ликвидировала слабые места в системе его, Никитченко, безопасности. Даже тот факт, что эта девчонка всего за несколько месяцев выявила в их строю предателей и шпионов, сделала департамент собственной безопасности практически неуязвимым, остановила два покушения — одно на шкуру самого Никитченко, другое на его жену Марину, не заставил его относиться к ней иначе. До них “Черный Ангел”, как ее поэтично называл Спикер, была досадным элементом в системе, потому как во многом превосходила его, своего непосредственного начальника. Не слушала и не подчинялась, ласково посоветовав не вмешиваться в работу. К тому же выявила непростительные недостатки во всем “аппарате власти”, выставив его, своего формального правителя, не в лучшем свете...

И вместе с тем, иногда в моменты просветления и честности с самим собой, Никитченко не мог не признать всех заслуг спикеровского Ангела. В отряде его личной охраны прошла чистка рядов, дилетантов вытеснили профессионалы, бывшие военные и спортсмены. Поговаривали, Спикер в свое время сам нашел Настю на военной базе, где она играючи лупила в десятку с большого расстояния. Девчонка пошла тем же путем: привела стрелков-разрядников, мастеров единоборств и ценных воинов буквально с передовой. В отличие от первоначального штата дорвавшихся до оружия гопников, которые бухали по-черному и через одного сидели на наркоте, новое пополнение соблюдало дисциплину и четко понимало, для чего они здесь находятся. Ангел запретила грабить рынки и отжимать товар у тех отчаянных, кто купился на сладкие лозунги Никитченко о честном малом бизнесе и остался на территории самопровозглашенной республики. Она потребовала унять

не в меру ретивых братков, привыкших громить дома мирного населения и насиловать все, что движется.

Если бы Спикер оставил ее на руководящих позициях, мирное население пришло в восторг. Но эта девчонка была себе на уме: не рвалась к излишней славе и никогда не делилась своими секретами с ним, практически царем этого мини-государства. Ее надменность и дистанция жутко раздражали. Даже когда Никитченко подогнал ей красный “порше панамера”, отжатый у кого-то из не успевших свалить в мирную столицу нуворишей, Настя сделала вид, что не поняла намека “не лезь на мою территорию”. Собственноручно закрепила номерной знак “Ангел” и вела себя по-прежнему.

Дорвавшийся до власти и привыкший получать все, что захочет, Никитченко в первые дни еще не осознал угрозы своему авторитету. Появившаяся на его территории блондинка с большой грудью и кукольным личиком столичной тусовщицы, или попросту содержанки богатого папика, была истолкована как особый подарок Спикера для нескучного времяпрепровождения. Марина закатила истерику с битьем посуды, едва завидев Настю в доме, на что Евгений грубовато велел ей заткнуться, если она не хочет отправиться обратно на рынок торговать стельками. Его жена паниковала не зря. Среди “орды” не было никого, кто бы не попытался подкатить к Ангелу Спикера. “Право первой ночи мое”, - осадил их лидер республики и в тот же день вернулся несолоно хлебавши, получив от ворот поворот. Власть вскружила голову настолько, что он мнил себя средневековым феодалом. Во второй раз решил не разводить долгие разговоры с укачиванием, опрокинул полбутылки коньяка и отстрелил замок в апартаментах дерзкой телки. Откуда ему было знать, что она спит со стволом под подушкой... если вообще спит? Нет, Настя не орала и не обещала семь египетских кар на его голову. Даже благосклонно позволила полюбоваться своей грудью, которую не скрывал розовый шелковый пеньюар, нацелив ствол “макарова” аккуратно в головку эрегированного члена Никитченко. Братва, разбуженная выстрелом в замок, долго над ним потом потешалась. В замене кадрового состава было еще одно преимущество — никто из новеньких не был свидетелем его облома.

За два месяца пребывания Насти на негласной должности руководителя службы личной безопасности новоявленного царька Никитченко больше не делал попыток к ней подкатить. Сорвался раз, когда она хладнокровно уложила Спартака выстрелом в затылок. Он понимал, что за дело, что вся эта дружба была филькиной грамотой, бывший кореш-рэкетир продаст ни за грош, но все же... Срежессировать подставу оказалось не трудно. Эта отчаянная дефилировала под градом пуль, как по подиуму. Казалось, смерть от нее бежит прочь. В ту ночь она самолично и поперлась к границе кордона вытаскивать трех ребят из-под пуль, прихватив двух бойцов. То ли правда неуязвимая, то ли у Шкета от кокса глазомер выбило, а может, от ее силиконовой груди пули рикошетили. Раскусила подставу уже на месте и уложила неудавшихся убийц прямо там. Это у солдат-призывников, пытающихся отстоять свою исконную территорию, бронежилеты из картона, у протеже Спикера был кевлар высшей пробы. Хоть и кривилась от боли, сука, скрывая обширную гематому в области ребер, но своей дерзости и сноровки не потеряла. “Ох и зря, Женечка”, - проворковала, потрепав его по затылку, как мальчугана. В тот же вечер Спикер раскатал его в пыль по телефону. За такое по головке не поглядят, думал Никитченко, скрывая свой страх перед авторитетом под маской бесстрашного правителя, как ему сейчас казалось, но все же надеялся на “авось пронесет”. Сам себе казался в тот момент едва ли не Геркулесом, не понимая, насколько комично выглядит, переминаясь с ноги на ногу и пытаясь восстановить

сбившееся дыхание. Отгрузка оружия должна пройти без эксцессов, бабло от покупателя за транзит лично перечислил на счета Спикера в офшорах (не, сам не рубит в технике, все делал Ботан, но ведь стоял же за его спиной с осознанием причастности к хакерскому миру), в империи закон и порядок, по хрену, что усилиями Ангела, но ведь порядок же!

— Раз она тебя так бесит и отказывается с тобой спать, — криво усмехнулся Антон, — пожалуй, избавлю я тебя от ее общества.

— Баба на корабле... — неуместно подгавкнул Никитченко, и тут же снова стушевался под пренебрежительным взглядом спикера, не закончив свою мысль.

— Эта баба умнее сотни охломонов с такими мозгами, как у тебя. Ты, Евгеша, так ничему и не научился, — прозвучало почти по-отечески беззлобно. — привык драть официанток и секретуток в своем кабинете, и тут тебе по хрену, что девочка твой цирк спасла от разрушения. Не видишь краев. Утомился? Дружка в штанах удержать не можешь? Может, тебе сексопатолога прислать, чтобы пояснил, куда сублимировать?

— Вы ее сами видели! Какой мужик устоит, а?

— Мужик устоит, — задумчиво ответил Спикер. — Обезьяна с гранатой — нет. Спи спокойно, Ангел сегодня уедет со мной.

— Да ради бога. Все ж на высшем уровне...

— Именно. Она навела порядок в твоём вертепе, пора ей возвращаться в цивилизацию. И попробуй только похерить то, над чем она два месяца трудилась, лично урою. У меня в пешках типа тебя недостатка не будет.

Никитченко сам не понял, почему испытал панику и... это не поддавалось никакому пояснению, но также чувство потери чего-то важного и значимого. Он не отрицал, что эта девчонка сделала невозможное, оставив в штате только тех, кто предан идее республики, возвела градус безопасности в абсолют и он сам расслабился, впервые за полгода своего фиктивного правления ощутив себя в безопасности. Мысль о том, что с ее отъездом все рухнет, а у него не хватит авторитета и банального умения удержать порядок, атаковала уставший мозг. Вместе с тем Настя делала его... цивилизованнее, что ли. Он самолично пресек пьянки и беспредел среди приближенных, старался при Насте носить деловой костюм и гладко бриться, понимая, что это не гарантирует ему ее расположение, но все же... У этой девчонки был дар держать мужиков на коротком поводке. Он сам опешил, когда осознал, что вслед за облегчением пришла тоска.

— Антон Сергеевич... может, рано еще? Ну после нового года уедет... Еще столько дел, боюсь не справиться...

— Ты меня удивляешь. Разве не ты сам прожужжал мне все уши тем, как она тебя достала?

— Да, но она отличный профессионал... хоть и сука...

— До жирафа все доходит медленно. Лучше рано, чем поздно. Сообрази отужинать нам с ребятами, я пока ее предупрежу, что уезжаем. У меня к тебе еще разговор по поводу нашего общего вопроса. И с передовой данные подготовь, хочу взглянуть. Где моя девочка?

— В бассейне с обеда отмокает.

— Готовься, разговор у нас будет малоприятный. Ты накосячил будь здоров. Оружие, траффик и твои выходы. Вопросы есть?

— Только один. — Никитченко и сам не понял, почему именно этот вопрос задал. Типичное любопытство? Или Спикер не стал бы слушать оправдания и вопросы в стиле «что я сделал не так». — Почему Ангел? Характер, прямо скажу, далеко не ангельский.

Он не ожидал, что получит ответ на свой вопрос. Но Спикер неожиданно улыбнулся и пожал плечами:

— Да как тебе сказать. Вот у кого-то ангелы «Викториас Сикрет». У меня Ангелы более серьезных материй. Не забывай эту фразу, а то мозг подвиснет.

Спикер развернулся и вышел, оставив дезориентированного Никитченко топтаться на месте. Этот дом он знал хорошо, поэтому найти большой зал, часть площади которого занимал бассейн, не составило труда. Толкнул матовую дверцу, ощутив на коже влажность и свежесть. Здесь было тепло, комфортная температура поддерживалась круглосуточно. Огляделся по сторонам.

Настя возлежала в шезлонге, в руках книга в твердом переплете. Эта девочка никогда не любила электронные девайсы, предпочитая, как она говорила, уникальный аромат и энергетику книжных страниц. На его вторжение не обернулась, хотя Антон знал: узнала по шагам, еще когда он шел по коридору, и наверняка уже не в романе всеми мыслями, а внутренне готовая к любой неожиданности.

— Что читаешь, Ангел? — ему действительно стало интересно, что так увлекло лучшего бойца его секретной гвардии. Девушка приподняла развернутую книгу, на миг закрывая свое лицо, позволяя прочитать название.

— «451 градус по Фаренгейту»? — Не то чтобы его удивил ее выбор. Скорее, приятно поразило спокойствие и возможность находить время для обычных человеческих радостей в столь напряженной обстановке. — Отличное произведение. Я никогда не мог запомнить цифру.

— 451. Всего на 27 меньше, чем постоянная численность армии этой чудореспублики. — Тонкие пальчики с неизменным маникюром загнули уголок страницы, перед тем как девушка с сожалением отложила книгу в сторону, наконец-то соизволив обратить внимание на своего непосредственного босса. На ее пухлых губах расцвела теплая, почти нежная улыбка — та самая, которая могла растопить лед на арктическом побережье. А еще — заставить любого противника потерять бдительность. Когда Настя улыбалась, ее хотелось кружить на руках и защищать от вселенского зла. Мало кто знал, что она могла олицетворять собой это зло в полной мере. Серые глаза в обрамлении густых ресниц смотрели смело, без какого-либо смущения, на щеках заиграли трогательные ямочки. Густые светлые волосы собраны в высокий хвост, черный цельный купальник сидит, как вторая кожа на стройном теле, длинные ноги согнуты в коленях. Спикер оглянулся по сторонам, подвинул свободный шезлонг и присел на его краешек напротив девушки. Настя закусила губу и склонила голову набок, в глазах игривые чертики. Сама невинность для тех, кто не знает ее так, как знает он.

— У Евгения Санюча потрясающая библиотека. Только он сам не умеет читать. Нет в мире справедливости. Вы в гости или моя опала исчерпала себя?

— Я за тобой, Ангел. У тебя будет новое задание, — Антон не раз ловил себя на том, что ему хочется чем-то порадовать эту девчонку, увидеть блеск энтузиазма и восторга в больших серых глазах. Обычно этот оттенок радужки обмораживает холодом, но в этом Настя была исключением из правил.

— Слава богу, у меня уже сил нет тут находиться. Даже нормальный маникюр сделать негде. Куда теперь? В столицу?

— Именно. Собирайся, сегодня уезжаем.

— Класс! — Настя вскочила на ноги, бросив взгляд на бассейн, прикидывая, успеет искупаться или нет. — Подробности на месте или прямо сейчас потешите женское

любопытство?

— Все на месте, Ангел. Некоторое время отдохнешь, скажешь, сколько понадобится. А потом нас снова ждут великие дела.

— Побежала, — девушка накинула халатик и направилась к выходу, не задавая лишних вопросов... как и не дожидаясь разрешения Спикера. Кого бы другого это возмутило, но он сам относился к подобному проявлению самостоятельности своего Ангела практически с отеческой теплотой. Вот и сейчас лишь покачал головой, не осознавая, что улыбается, провожая глазами высокую фигуру Анастасии.

Настя. Его персональный Ангел Смерти — это не было красивой метафорой. Богатым воображением и эстетическим вкусом обладал координатор элитной тренировочной базы, на которой в течение нескольких лет готовили опасных бойцов высочайшего класса. Набор смертельных знаний включал в себя также детальное изучение стратегии, планирования и своеобразного кризис-менеджмента различных структур. Преимущественно преступных группировок. Тех, которые могли себе позволить подобного Ангела.

Подготовка была предельно серьезная и тяжелая. Не все выдерживали, оставались только лучшие — закон естественного отбора в действии. Владелец этого сверхсекретного полигона, именуемый в их среде Терминатор, еще с начала девяностых лепил в своем ведомстве лучших из лучших. Если кто-то смотрел фильм «Человек президента», прекрасно поймет, какую карьеру потом делали выпускники базы «Черные Ангелы». Увы, реалии фильма пропагандировали светлые ценности, тогда как в реальности все обстояло иначе.

Та Настя, которую он впервые увидел во время стрельб еще в начале ее учебы, была даже отдаленно не похожа на себя нынешнюю. Коротко стриженные волосы, печать усталости и ненависти к окружающему на хмуром лице, с которого не сходили кровоподтеки и ссадины. Хочешь стать лучшей из лучших — забудь, что ты женщина. Здесь все равны, и человек человеку волк. Терминатор не зря создавал предельную конкуренцию, небезосновательно полагая, что только гонка на выбывание совершенствует навыки и заставляет двигаться вперед. Свои гематомы будущий Ангел Спикера получила вовсе не в спаррингах и не вследствие падений на тренировках. Внешне хрупкую девчонку рвались прессовать все кому не лень. Руководящий состав долго делал ставки на то, сколько эта одержимая жаждой мести дура продержится. А спустя пару лет перестали. Не сломалась девочка и не отказалась от своих, известных только ей одной, планов вендетты, а оттого впитывала ценные навыки и знания с жаждой иссушенного в пустыне цветка.

Тогда Спикер не рассматривал всерьез эту девчонку. Нет, конечно же, его поразило то, как легко, практически с закрытыми глазами ей удавалось лупить по быстро движущимся мишеням и опрокидывать коллег по цеху на лопатки. Он еще подумал, что она будет хорошим снайпером, не более. Такие везде работу найдут...

Самого перспективного выпускника базы хватило всего на год работы. Его и еще троих ребят взорвали в автомобиле, когда они возвращались с задания. Как потом сказал эксперт, обнаружить взрывное устройство было делом нескольких минут. Парни сильно расслабились за относительно спокойный год своей службы... И вот снова он сидел в кабинете Терминатора, листая досье перспективных кандидатов — разборки среди криминальных группировок грозили перерасти в масштабную войну, и наличие толкового Ангела было необходимостью, а не показателем статуса.

Тогда он и увидел обновленную Настю и не узнал ее. Яркая, красивая, так не похожая на ту, какой он увидел ее в первый раз. Девушка ворвалась в кабинет руководителя базы, не

обратив внимания на случайного посетителя. Терминатор не успел осадить зарвавшуюся курсантку — на стол полетела флешка.

— У вас утечка информации. И теперь я знаю имя этого человека.

Тогда на базе «Обитель Ангелов» полетело немало голов... «Толковая девчонка. Мозги как у гения, — говорил Терминатор, — но дурная малость, какими-то планами мести одержимая...»

— Разберемся, — Спикер не мог пояснить, почему выбрал ее. Уловил этот недюжинный интеллект и страсть к работе?

Спустя неделю она начала работать на него. И это сотрудничество продолжалось уже четыре года.

За эти четыре года он сам мог пять раз стать трупом, пятнадцать раз калекой и около ста раз — проигравшим.

К счастью, Черный Ангел знала свою работу и всегда делала ее на отлично.

Глава 2

Город напоминал огромный муравейник. После запустения затерянной на западе самопровозглашенной республики суэта и шум давили на психику, забытые автомобилями магистрали с вечными пробками раздражали из-за бессмысленной потери времени. Любящая скорость Настя вынуждена была скрепя сердце подчиниться действующим ограничениям. В такие моменты она скучала по городу N. Пусть дороги были не такими ровными, пусть опасность обстрела или мины подстерегали за каждым поворотом, там она чувствовала себя свободнее и независимее.

«Привет, цивилизация», — первое, что сказала себе Ангел смерти при въезде в столицу. Несмотря на раннее утро, движение было оживленным. Этот город, похоже, никогда не спит. Кого другого резкая смена обстановки выбила бы из колеи, но тренированный боец элитного подразделения обладала необходимой в их профессии гибкостью и способностью моментально перестраиваться. Тренировали их безжалостно, прививая ценные навыки и напитывая новыми знаниями. Окажись она на Северном Полюсе, тоже сориентировалась бы в считанные минуты.

Спикер поселил ее в одном из своих загородных домов, который пустовал уже долгое время. Здесь было тихо и спокойно, природа радовала глаз. Летом здесь был рай — она это помнила, одно из ее заданий когда-то было связано с этой виллой. Сейчас же дождливая зима накрыла город промозглой серостью, серая гладь водохранилища, которая хорошо просматривалась с лоджии, была пустынна и неприветлива. Настя любила дождь и пасмурное небо. Она бы с удовольствием наблюдала за размеренным накатом волн с гребешками белой пены, устроившись на подоконнике с чашкой фруктового чая, закутавшись в клетчатый плед, и, как и прежде, совсем бы не удивлялась собственным мыслям. А они были совсем не свойственны девушкам ее возраста.

О чем бы думала обычная девчонка двадцати шести лет, вглядываясь в серую даль под мерный рокот волн и свист ветра в голых ветвях деревьев? Наверняка о чем-то приятном. Скорее всего, не о теоретическом появлении Грея на шхуне с алыми парусами (возраст вроде как уже должен лишить подобных иллюзий. Да и умы всех женщин сейчас занимает совсем другой Грей). Настя усмехнулась, представив ход мыслей обычной женщины.

«Тепло ли в Египте?.. Как быстро я замерзну, если поплыву по заливу на яхте?.. Было бы

лето, я бы с пляжа не вылезала... В “Армани” новая коллекция... В столичном клубе шоу-программа... Надо бы обновить маникюр... Этот козел так и не позвонил...».

По одному пункту Настя была сейчас с воображаемой собеседницей с подоконника солидарна. Маникюр и сопутствующие услуги в одном из лучших салонов красоты. В остальном же... Девушка криво усмехнулась.

Особняк Спикера был расположен в очень неудачном месте. Скалистое побережье — прекрасный плацдарм для высадки предполагаемого десанта. Левый сектор акватории не попадает в поле зрения даже с высотных камер. На скале с южной стороны — небольшое бугристое плато с зарослями кустарника. Прекрасная снайперская позиция. За час отстраненного любования пейзажем Настя насчитала как минимум семь брешей в плане безопасности. Интересно, она здесь именно с этой целью? Превратить дом в неприступный форт и выявить слабые стороны? Вполне возможно. За последний год на Спикера было совершено три покушения. Два ей вместе со службой личной безопасности Антона Сергеевича удалось пресечь в зародыше, третье было спланировано более тщательно. Тогда она сама отсутствовала, по просьбе Терминатора проводила ряд тренингов для курсантов родной базы...

Парни говорили, она фартовая. Суперинтуицию вполне можно было назвать фартом. Что, казалось, опасного в обычном рыболовецком суденышке, которое курсировало у побережья виллы этим летом несколько дней подряд? Никто не заметил, что маршрут катера был рассчитан по схеме и якобы случайно проходил через ключевые точки, с которых здание лучше просматривалась. Служба безопасности босса ни о чем не догадывалась, шутили над незадачливым рыбаком, который уходил со скудным уловом. Настя же придерживалась иного мнения по поводу залетного рыбака. Шестое чувство никогда ее не обманывало. На третий день появления суденышка она залегла в тесной расщелине обрыва, сфокусировав прицел оптической винтовки на одинокой фигуре мужчины с удочкой. До того как совершить свою вылазку, тщательно изучила и проанализировала информацию при помощи гугла. Опасения подтвердились. Профессиональный рыболов (а именно такую модель судна они предпочитали), да что там, даже фанат-любитель никогда бы не приобрел себе подобный спиннинг. Эта модель была жутко непрактична, несмотря на дороговизну, и служила больше атрибутом в руках скучающих мажоров. Двадцатиминутное наблюдение при десятикратном приближении оптики расставило все по своим местам.

У рыбака имелся бинокль, портативная рация... а еще СВД в чехле. Да, рыбаки бывают именно такими. Выслеживают рыбку с помощью бинокля, предлагают всему косяку сдаться добровольно при помощи спутникового телефона, а в случае отказа расстреливают из снайперской винтовки, потому как удочка не справляется. Все это она сказала лбам из охраны Спикера спустя четверть часа, а сейчас хладнокровно, без долгих раздумий, навела крест прицела на лоб липового рыбака и нажала спусковой крючок.

В жизни все происходит иначе, не так, как в кино. Вместо аккуратной дырочки во лбу — кровавое месиво. Вместо немедленного реагирования охраны — ступор и недоверие. Когда она спустя еще двадцать минут ступила на палубу судна, хозяин которого начал остывать, даже удивилась тому, насколько правильными были все ее догадки. На планшете, найденном в рубке, стояла программа, где незадачливый киллер уже успел отметить слабые стороны охраны дома и “слепые зоны”. Спикер имел привычку ужинать на террасе. Эта точка была отмечена мигающей мишенью. Четыре винтовки, ящик гранат, бинокли и прибор ночного видения. Хороша рыбалка с таким арсеналом.

В спутниковом телефоне был всего один контакт. Лидер. То ли погоняло, то ли особенность характера. Ей это слово ни о чем не говорило, без указки свыше сама Настя редко вмешивалась в бандитские распри и предпочитала не забивать себе голову перипетиями конфликтов и противостояний криминальных авторитетов. Ее это мало касалось. Сейчас не девяностые, и в криминальном мире несколько иные законы. Пустыри и заброшенные промзоны сменили дорогие рестораны и кабинеты, нацеленные в лоб стволы — столы переговоров и видимость мирного урегулирования вопросов. Даже сферы влияния предпочитали делить путем конструктивного диалога. Братва, не стреляйте друг в друга!

Дипломатия — война в белых перчатках. Прямой вызов на стрелку заменили интриги и шпионские войны. Неудобные правящей верхушке криминалитета погибали от от случайной пули на охоте и от ДТП, умирали от пищевого отравления и инфаркта в сауне. Зачем была нужна эта показуха, если все прекрасно понимали без слов и знали врага в лицо?..

Второе покушение произошло на открытии высотного отеля в центре города. Незадачливый стрелок не успел даже вытащить ствол, а Настя — замарать руки его кровью. Движение головой, и бодигарды Спикера вывели его прочь из зала. Никто из гостей этого даже не заметил. Это казалось случайным совпадением, но Ангел Смерти срисовала этого наемника, меняющего свою внешность, еще на первых публичных выступлениях своего босса. Просмотр километров записей, детальный анализ каждого, кто вертелся рядом со Спикером на подобных мероприятиях, поиск по базе. Она его там не нашла, и это говорило лишь об одном: против Антона Сергеевича играет далеко не слабый противник.

Тогда, после первого покушения, при упоминании имени Лидера Спикер пришел в ярость. Именно этому мифическому Зорро приписывали взрыв двух казино и букмекерской конторы в империи игорного бизнеса, которым уже несколько лет рулил Шах...

Шах. Алексей Шахновский. Для корешей просто Лекс. Мужчина с обложки мужского журнала, конченный отморозок... и идея фикс длительностью в девять долгих лет, спонсор не утоленной ни на миг жажды мести.

А ведь она была так близка! В шаге, в движении указательного пальца на спусковом крючке, одном касании, в нескольких секундах! Месяцы для того, чтобы подобраться вплотную к своему заклятому врагу, войти в доверие и изучить маршрут его передвижений и уязвимые точки... Возможно, поспешила. Жажда мести и благополучное стечение обстоятельств сыграли с ней злую шутку. Ведь знала, на чем можно подловить помощника Спикера, имела в своем распоряжении достаточно времени, чтобы организовать подставу и рассекретить махинации, лишить благосклонности царя криминала... не захотела ждать. Или, может, уже тогда понимала, что финансовые потоки на левые счета в офшоре и слив информации не столь значительное преступление в глазах Сергеевича, пока Шах соблюдает свою часть сделки? Ей хотелось думать именно так, но Настя всегда оставалась честна сама с собой: нет, планы с подставой запросто свергли бы Алексея Шахновского с криминального пьедестала. Мечь — блюдо, которое подают холодным? Увы, этот деликатес так и не успел остыть за девять лет. Более того, он звал наслаждаться вкусом и терять голову в эйфории. Тогда она думала, что поступает правильно — с личными врагами не разводят долгих разговоров. Свою дозу удовольствия получила сполна, забавляясь неведением того, кто был давно приговорен...

Оступилась? Или была не так осторожна? Кто рассекретил ее планы и сдал Спикеру всего за шаг до реализации смертельного приговора? Она об этом уже никогда не узнает. Одна ошибка — знать бы, где прокололась! — и занесенную для рокового удара руку

перехватили в запястье.

Ангел смерти лишен эмоций и других человеческих качеств. Холодное сердце, расчетливый ум, никаких личных устремлений. Это то, что делает тебя идеальным боевым оружием, практически искусственным интеллектом без права на сожаление, симпатию или ненависть. Хочешь быть первой — научись отключать сердце. Хочешь достичь вершины — забудь, что ты умеешь чувствовать. Люди — игрушечные солдатики. Шахматные пешки. Бездушные объекты. Ровно до тех пор, пока ты не видишь в них людей. Если прониклась — пиши пропало и будь готова к тому, что жертва станет охотником, молниеносно обратив твоё колебание против тебя же самой. Мечь не просто слово, не просто эмоция. Комплекс всех тех противоречий и чувств, что делает тебя по-настоящему живой. Ты пылаешь, но этот огонь тебя не сожжет. Только обогреет и придаст дополнительную энергию. Во время подготовки им часто говорили, что в крайнем случае может быть только одна эмоция, с которой можно справиться. У кого-то это была любовь. У нее — ненависть. Она не разрушила ее мир только потому, что сильна и несокрушима была вера в наступление возмездия. Рано или поздно ублюдок получит свою пулю — у нее всё получится... Самоуверенность — опасная дама.

...За такое уничтожают. Никто не имеет права идти против Спикера. Она не раз за все годы их совместной работы становилась свидетельницей того, как расправляются с теми, кто пошел против его воли. Настя понимала: ее проступок не спустят с рук. Она давно не боялась смерти. В тот момент, когда Спикер призвал ее к ответу, думала лишь об одном: лоханулась, не довела дело своей жизни до логического завершения... и еще о том, есть ли жизнь после смерти и можно ли достать своего заклятого врага с того света.

Он ее ударил. В первый раз, кулаком в лицо. Было больно. Первой реакцией было высадить ему глаза выверенным ударом пальцами. Сдержалась. Упала на пол, сделав несколько глубоких вдохов для того, чтобы огромный кабинет не крутился спиралью, слизнула языком хлынувшую из носа струйку крови. К черту. Смерть так смерть. Выходит, адская школа выживания на тренировочной базе была напрасной тратой времени, и грош ей цена, если допустила провал. Не прошла испытание собственными демонами. От шальной пули и ножа братьев по оружию не погибла, а на ровном месте споткнулась, дала осечку на пути к заветной цели. Может, действительно устала, уверовала в собственную уникальность и неуязвимость.

— Кого другого я бы сам заставил рыть себе могилу, — Спикер выглядел невозмутимым. В его глазах не было ни единой эмоции. Впрочем, ничего хорошего в них тоже не было. — Только с женщинами я не воюю.

«Идиот! — хотелось крикнуть Насте. — Да такая женщина, как я, сейчас вырвет тебе кадык и даже не повредит маникюр! Нашел с кем разводить философские беседы в стиле Марио Пьюзо!». Сдержалась, погасила вспышку гнева — больше на саму себя, за то, что так глупо спалилась. Не рассчитывала на прощение, решила действовать по ситуации. Здесь вряд ли застрелят, в самом центре города в пентхаусе бизнес-центра. На пустырь? Никогда не работала чистильщиком у Спикера и понятия не имела, в какой братской могиле покоятся те, кто вышел из доверия. Умирать рано, она в крайнем случае заберет с собой тех, кому будет поручено ее исчезновение без вести.

— Ты думала, я не знаю, что у вас с Шахновским было на заре твоей придурочной юности, Ангел? — Спикер протянул руку. Настя поборола искушение применить один из приемов боевого дзюдо, ухватила за протянутую ладонь. Кровь из носа полилась с новой

силой, замирая алыми пятнами на белоснежной ткани брючного костюма. Антон поморщился, вытянул платок с вензелем инициалов из нагрудного кармана. — Вытрись. И не зыркай раненым сусликом. Хотел бы — сломал.

Нос или ее саму, Настя не стала уточнять. Несмотря на головокружение, сделала несколько уверенных шагов, опускаясь в кресло. Платок стал практически мокрым от крови, и девушка осторожно ощупала переносицу. Умеет бить. Так, чтобы больно и до крови, но без переломов. Первые месяцы на базе ей прилетало посильнее. После того как Гюрза полоснула ее ножом по щеке, понадобилась пластика. Но именно благодаря несущественному хирургическому вмешательству Шахновский и не признал в ней прежнюю Настюху Краснову.

— Молись своему сатане за то, что очень много ценных навыков в тебя вложил. — Голос Спикера оставался таким же спокойным и ровным, как и прежде, но Настя безошибочно вычислила, что внутри он дрожит от негодования. И еще колеблется. Видимо, выбор между двумя решениями — казнить или помиловать, дался ему нелегко. — Ни одна тварь в этом городе не смеет вершить самосуд без моей на то санкции. Ты мозги в солярии спалила? Или покрасила голову токсичным осветлителем?

— Антон Сергеевич, я думала, вы не подвержены стереотипам относительно цвета женских волос. — Ирония дала того эффекта, на который она рассчитывала. От так и не прекратившегося кровоизлияния прозвучало гундосо и невесело.

— Ты едва не завалила человека, без которого рухнет целая система. Мне плевать на твои подростковые комплексы, которые до сих пор не выветрились. Запомни, девочка, если хочешь дальше жить и работать на меня: я не потерплю крысу в своем окружении, какие бы благие цели ты не преследовала. Расслабилась? Надоела спокойная жизнь?

Настя молчала. Возможно, тогда ей хотелось высказать Спикеру все, пояснить, почему она так поступила, поделиться, найти понимание... но не стала ничего говорить. Эмоции в их работе — вселенское зло. Да и знал босс в деталях суть конфликта почти десятилетней давности и то, что она не отказалась от планов мести человеку, по вине которого погибла ее близкая подруга, да и сама она выжила чудом. Время стерло острые грани. Не ради мести за Светлячка она все это затеяла — ради собственного успокоения и жажды крови. Но что даст ее откровенность? Пока Шах — ключевая фигура в играх криминальной власти, с его головы и волос не слетит. Молчала, выслушивая свой приговор: видеть тебя, Ангел, не могу, отправляешься на запад в N, строить тоталитаризм на территории самопровозглашенной республики и наводить порядок в системе безопасности Никитченко. А то позор, а не армия, шайка-лейка наркоманов и барыг, а так у Спикера быть не должно, Евгений — важный винт в системе. Будешь нужна — обратно позову...

— Можешь там потешить свою жажду убийства. Смотри, сама уцелей. — И опять не смогла она скрыть удивления от отеческих ноток в голосе Спикера. Да и годилась ему в дочери по сути. Как ни крути, сильно дорожил он ценным кадром в ее лице, чтобы пустить в расход. Что ж, если все это затевается с целью преподать ей урок, могло быть гораздо хуже. Не на линию огня едет, за частокол хрупкой самопровозглашенной власти. Справится, не впервой вычислять слепые зоны в личном окружении ключевых фигур синдиката, устранять недостатки и совершенствовать систему безопасности. А Шах? Что ж, Скарлетт, О,Хара, она так и поступит, как ты советовала. Подумает об этом по возвращении в столицу.

...Чай давно остыл. Настя удивленно посмотрела на свои ладони, на которых краснели углубления от ногтей. Мысли о Шахновском все еще волновали, и очень сильно. Спина

затекла от долгого сидения в одной позе, пожалуй, стоит прогуляться. Сколько она лишала себя привычных женских радостей.

— Эй, Никитос! — открыла шкаф, в который приходящая домработница развесила ее вещи, поняла, что соскучилась по платьям. Последние два месяца не вылезала из джинсов. Не Никитченко же, в самом деле, ей очаровывать было! Сняла с плечиков красную обтягивающую красоту от “Валентино” и рывком стянула через голову свитер. В таком виде и застал ее непонятно с какой целью приставленный телохранитель. Скорее, она б охранила его тело при теоретическом нападении. Спикер подстраховывался, наверное, опасался, что она прямо с вилкой или ножом для колки льда может сорваться вершить суд над Шахом.

— Заводи мотор, глотай «новопассит», у меня шопинг! — натянула платье через голову, позволив мужчине (кстати, вполне интересному мужчине) оценить кружево практически ничего не скрывающего белья. Она одичала в этой долбанной республике, и душа требовала обычных женских радостей, в которых не привыкла себе отказывать.

«Этро», «Армани», «Майкл Корс». «Булгари», «Графф», «Тиффани». Настя привыкла выбирать самое лучшее. Ее работа стоила баснословных денег, а Спикер никогда не скупился в вопросах оплаты. Три часа шопинга. Еще три — в самом крутом спа-салоне столицы. На бедного водителя-телохранителя Никиту было больно смотреть, но он видел края и не смел проявлять недовольство в открытую. Наконец-то сев в автомобиль, Настя откинулась на сиденье и прикрыла глаза. Со стороны можно было подумать, что она спит, но на самом деле слегка уставший Ангел изучала чеканный римский профиль бодигарда. Волевой подбородок, высокие скулы, ровный нос. Развитая мускулатура. Увы, в рукопашном бою от такого тела будет мало толку: парень явно качался в зале исключительно для того, чтобы летом забить нишу короля пляжа. Спикер промахнулся. Реши она избежать надзора, бедный телохранитель отрубится с первого удара.

Столичные пробки съели час времени, прежде чем они прибыли домой. На город опустилась ночь, и Настя внезапно ощутила тоску от вынужденного бездействия. Спикер сказал, пару суток отдыха? Еще первые не подошли к концу, а ей охота взвыть от скуки. Даже Дэниэл Киз не смог заполнить пустоту неизвестности и вынужденного ничегонеделания. Отложив “Множественные умы Билли Миллигана” в сторону, Настя запахнула черный шелковый халат и спустилась на первый этаж с намерением выпить кофе.

Никита отложил газету и настороженно посмотрел на исчадие ада в юбке, которая заставила его наматывать километры по ТЦ и сносить пакеты с покупками в автомобиль. Вся гамма чувств отразилась на его лице: не дай бог сейчас эта непоседа решит окунуться в атмосферу клубной жизни и ему придется подпирать барную стойку, ожидая, пока «объект охраны» натанцует вдоволь. Девушка окинула его ироничным взглядом, задержавшись на рельефе грудных мышц под сатином обтягивающей рубашки. Налила себе ароматного кофе, запрыгнула на барный стул, скрестив ноги. Пола халата съехала по гладкой коже, обнажая бедро. Как Никита ни старался держать себя в руках, Настю не могли обмануть его расширенные зрачки и дыхание, которому он изо всех сил старался придать прежний размеренный ритм. Она спокойно пила кофе, наслаждаясь спектаклем и в то же время не отрицая, что он, сам о том не догадываясь, уже прошел своеобразный кастинг.

— Вам на работе запрещают тесные контакты с объектами?

Вопрос застал врасплох. Насте стало смешно от замешательства визави. Не в состоянии отказаться от того, чтобы потешить свое садистское эго, девушка слегка подалась вперед, сканируя красавца разоблачающим взглядом.

— Ваш вопрос... к чему? — Никита нервно проглотнул и отвел глаза в сторону.

— Два с половиной месяца — это срок или нет?

— Для чего? — Никита совладал с собой, как ему казалось, но глаз не поднял.

— Мое лицо выше, — усмехнулась Настя. — Два месяца без мужчины — срок или нет?

Выпей воды, я не кусаюсь...

...Утро следующего дня было похоже на вчерашнее: такое же серое и дождливое. Настойчивая щекотка в области ребер становилась невыносимой, и Настя спросонья не сообразила, что происходит. Ее реакция была выработана до автоматизма. Резкий рывок, сдавленный крик — она открыла глаза, уставившись в изумленные глаза Никиты. Красавец с телом бога войны, каким его любят изображать в современных кинолентах, весь изогнулся от боли во взятом на излом локте.

— Эй, ты чего? Это я!

— А мы уже на ты? — пробурчала Настя, разжимая ладонь. — Не смей подкрадываться, когда я сплю! Я могла бы запросто свернуть тебе шею и уже потом разбираться.

Парень закатил глаза, качая головой. Его обнаженное тело покрывал ровный загар, рельефные мышцы притягивали взгляд. Сейчас абстрактную вязь татуировки на правом крыле грудной мышцы пересекали три отметины от ногтей. А не так уж и прост этот “бодигард”. Да и ночью он, чего греха таить, был на высоте, доведя изголодавшуюся по плотским утехам Настю почти до обморока. С непривычки истертые стенки влагалища отозвались сладкой пульсацией при одном взгляде в его глубокие голубые глаза. Дилемма, однако: начать утро с новой порции умопомрачительного секса или же остановиться, не превращая трепет удовлетворенных крыльев в рутину.

— А откуда у тебя шрам? Это огнестрельное? — Никита бросил быстрый взгляд на ребро девушки с затянутой сеточкой келоидного рубца отметиной. В такие моменты она почти жалела, что не позволила пластическим хирургам убрать это красноречивое напоминание о собственной беспечности на одном из заданий. — И этот синяк...

Ах да, она почти забыла о поцелуе шальной пули от орлов Никитченко, спасибо бронижилету.

— Ты много говоришь. Спустишь и свари кофе. — Свесила длинные ноги на пол, отбросив одеяло, и сладко потянулась, не слушая невнятного ропота любовника. Телохранитель, как же. Вряд ли Спикер ошибся в выборе надзирателя. Занятный презент.

Теплые струи душа прогнали сон окончательно. Перекусив омлетом и тостами, старательно приготовленными руками Никиты, Настя озадачилась выбором, чем же ей заняться. Совершать очередной рейд в город под дождем не особо хотелось, мысль о пробках на центральных магистралях вызывала внутренний протест. Бездействовать она не привыкла. Именно за размышлениями о дальнейшем досуге, среди которых преобладало желание вызвать тренера по боевому дзюдо для поддержания формы, ее и застал звонок Спикера.

— Ангел, у нас форс-мажор. Отдых придется отложить, — с места в карьер объявил босс, — в течение часа буду. И пожалуйста, не зли меня. Я не в том настроении. — В трубке послышались гудки отбоя.

О том, что произошло нечто серьезное, Настя догадалась сразу. Спикер никогда излишне не драматизировал ситуацию. Включила телевизор, пробежалась по каналам. Ничего из того, что могло бы пояснить спешку Антона Сергеевича и необходимость срочного разговора. Залезла в интернет. ДТП. Ограбление магазина. Вооруженное

нападение. Нападение? Может, совпадение. Информация скудная, не разглашается. Не стоит забивать голову, скоро она обо всем узнает.

Через сорок минут Настя спустилась в холл, чтобы встретить Спикера. Антон Сергеевич выглядел усталым. В руках — папка с бумагами.

— Свободен! — холодно велел Никите. Когда за парнем закрылась дверь, испытывающее посмотрел на Настю. Девушка с улыбкой покачала головой, разрядив обстановку:

— Телохранитель! Любите вы красиво преподносить сюрпризы. А если бы я не догадалась?

— Тогда бы это была не ты, Ангел.

— Подослать жиголо под видом цербера? Это было забавно.

— Ты заслужила. А теперь к делу. — В доме не было никого, кроме них двоих, и Спикер указал девушке на кожаный диван. Сам сел рядом, достал из папки несколько распечаток. Настя, не задавая лишних вопросов, уставилась на четкие фотоснимки. Черный “лексус” со смятым бампером. Веб-камера зацепила несколько фигур в “балаклавах”, удаляющихся с места преступления. Номерной знак крупным планом.

Иглы дискомфорта холода впились в позвоночник, заставив сердце замедлить свой ритм. Вовсе не оттого, что интуиция в который раз ее не подвела. Она узнала этот номер:

— Инкассация Шаха.

— Именно. В его окружении появился крот. Кто-то сдал маршрут и точное время съема кассы.

— Ваш мальчик решил наплевать на мою рекомендацию почаще менять транспортные средств и сделать график инкассации плавающим в пределах часа?

— Нет. Твоя система работала без перебоев и эксцессов до сегодняшней ночи. Это говорит о том, что среди тех, кто имел доступ к данной информации, появилась крыса.

Настя ощутила, как сердце забилося сильнее. Снова Шах? Спикер решил проверить ее на прочность, забросив в логово зверя, которого она уже девять лет как хочет уничтожить?

— Надеюсь, вы не провели параллель между моим возвращением и этим вооруженным нападением?

— Ангел, ты у меня под присмотром. Я бы узнал прежде, чем ты успела об этом подумать. Знаю, как ты относишься к теории случайных совпадений, но сейчас это исключение из правил. — Спикер достал из футляра очки в тонкой серебряной оправе. — Водитель мертв. Целились в голову. Экспедитор тяжело ранен, его подстрелили, когда он пытался догнать нападавших. Их было четверо.

— Что их вспугнуло?

— Маяк. Бригада С была на хвосте. Как что-то чуяли.

— Самого Шахновского проверили? — этот выпад остался без ответа. — Руководство казино?

— Трясут. Пока безрезультатно.

— Менты?

— Исключено. Это слив информации. Группировка Лидера практически объявила нам войну.

Настя шумно выдохнула. Из одной войны в другую. Хороши расклады. Что ж, придется вспомнить все свои агентурные навыки и достать этого неуловимого Лидера из-под земли. Но у Спикера, как оказалось, были совсем иные планы. Он не собирался рассказывать ей про

Лидера, словно ее это не касалось...

— Собирайся. В папке закрытые данные для внутреннего пользования по системе безопасности Шаха. От тебя требуется разобраться на месте, откуда утечка и кто там работает против нас. Хотела искупить свою вину? У тебя появилась эта возможность. Станешь личным ангелом Шахновского. Субординацию соблюдать, когда это не идет в ущерб твоему заданию. Все поняла?

“Твою мать”, - сжала кулаки Настя.

— Не искушайте, Антон Сергеевич. Вы прям сами кидаете мне на съедение...

— Настя, ты, похоже, перестала рубить фишку, кто ты! И почему я терплю те выходки, за которые кто-то другой давно бы лишился головы? У тебя от *бли совсем мозги отшибло? Я сказал, ты станешь тенью и щитом Шаха! Станешь, и попробуй только проявить халатность или показать свои бзики на месте! Ты засунешь свои мысли о мести сама знаешь куда и будешь делать то, что сказал я! Если хотя бы волос упадет с головы Лекса...

— А в постель к нему случайно лечь не надо, чтобы ненароком сердце от тревожного сна не остановилось?

Спикер поднял глаза, и не робкая Настя внутренне содрогнулась от угрозы и решительности в его тоне.

— Если я скажу, ты ляжешь. Даже на коврик на полу возле его кровати, если потребуется! И чтобы у тебя не возникало искушения...

Сердце Насти забилося сильнее. Она уловила угрозу еще до того, как та прозвучала.

— Венцеслав — красивое имя. Если не ошибаюсь, твоему племяннику в январе исполнится три года? Твоя сестра в нем души не чает. Ведь исполнится, да, Ангел? Копенгаген не столь далеко, а у меня там завязки есть.

— Хрен с вами. — Пришлось сделать над собой усилие, чтобы унять нервную дрожь. В ход пошли угрозы благополучием Ирины и маленького Славика. Снова Шах! Вашу мать, что за чувство юмора у этой судьбы? — Когда приступать?

— Немедленно. Переодевайся. Едем прямо сейчас.

«Считай, что тебе временно повезло, Шах. Но вскоре ты станешь не нужен Спикеру, и я до тебя доберусь!» — подумала Настя. Сердце покрывалось льдом. Но это было необходимо, чтобы не сорваться. Ничего. Приговор не отменяется. Отодвигается только его исполнение во времени...

Глава 3

За девять лет до вышеперечисленных событий

День, с которого начался путь к точке отсчета, когда жизнь когда жизнь семнадцатилетней Насти Красновой перевернулась с ног на голову, не задался с самого начала.

Прощание с матерью получилось совсем не душевным. Опять на повестке дня встал вопрос о том, что Настя должна переехать в Мюнхен, в семью мамы и отчима. “Твой институт — жалкая пародия на образование, в той стране ты никогда не найдешь себе работу по специальности, лучше бы ты пошла изучать иностранные языки, раз на то пошло! Здесь у тебя совсем другие перспективы, это Европа! О чем ты думала, когда подавала документы? Лучше бы изучала немецкий, Дитрих помог бы тебе поступить здесь! И вообще,

тебе самой не противно смотреть на себя в зеркало? Что это за две серьги в бровях и в носу? А в языке? Как тебя металлоискатели в аэропорту пропустили! Почему ты красишь волосы в этот ужасный черный цвет, когда сама природа наградила тебя светлыми волосами? А макияж? Ты похожа на панду! Неужели ты появишься в таком виде в институте?!”

Этот разговор повторялся с завидной периодичностью каждый раз. Мать не жалела денег на международные телефонные разговоры, и содержание нотаций не менялось, разве что чередовалось время от времени. А ведь был уговор: Настя прилетает и проводит две недели в новой семье своей мамы, и в обмен на то, что ведет себя благопристойно, ее оставят в покое и не будут читать нотации! Чего матери нейметя? Даже Дитрих, которого она заочно тихо возненавидела без каких-либо на то оснований, оказался вполне понимающим дядькой: не крестился и не впадал в ступор при виде эмо-падчерицы, был приветлив и благосклонен. Однажды презентовал ей набор штанг в язык из серебра, приложив палец к губам — мол, наш секрет, маме не скажем. А три дня назад лично свозил ее на живой концерт “Рамштайн”. Не совсем эмо-стайл, но Настя пришла в восторг. Дитрих Швайгер и тут смог ее удивить: без излишнего сопротивления позволил потащить себя в магазин одежды для неформалов и весь концерт прыгал рядом с новоявленной дочерью, практически с удовольствием сменив деловой костюм-тройку на кожаный жилет и брюки. К концу своих каникул в Германии Настя почти в него влюбилась. Иное дело мать, с которой у нее никогда не было полного взаимопонимания.

Марианна Швайгер, в девичестве Ярьско, была красавицей. Сколько Настя ее помнила, у матери всегда был идеальный маникюр с педикюром, гладкая кожа, которая чудесным образом избегала морщин, шелковистые светлые волосы (натуральный цвет, который она делала теплее и притягательнее с помощью тонирующих бальзамов), белоснежные зубы и подтянутая фигура. Никто и никогда не видел ее в бигуди и маске из огурцов на лице, даже по дому она передвигалась в комнатных туфельках на каблук и атласных халатиках. После ухода отца они жили небогато, но мама все равно умудрялась выглядеть на все сто. Фитнес-залы сменили пробежки и видеотренировки, салонные процедуры — отказ от курения и полноценный сон, брендовые вещи — наряды с рынка. Но мало кто это замечал, Марианна обладала изысканным вкусом. На ней даже китайская синтетическая блуза смотрелась не хуже, чем «Дольче и Габбана». Как отец мог оставить такую женщину, по которой видели мокрые сны все без исключения одноклассники Насти, оставалось загадкой. Сама мать о нем практически не говорила после этого. Проплакала сутки, ужаснулась опухшим векам и перестала лить слезы. Плохо о нем она тоже не отзывалась. Отец появлялся редко, но семью без средств к существованию не оставил.

Мать работала литературным корректором — фриланс не приносил регулярную прибыль, поэтому денежные переводы отца были как нельзя кстати. Настя скучала по нему гораздо сильнее, чем мама. Виделись они довольно редко, и эти встречи становились для девушки праздником. Именно он, как догадывалась Настя, помог ей поступить на юридический в один из лучших вузов города, хотя никогда в этом не признавался. Забеспокоился было, когда дочь причислила себя к маловразумительной субкультуре эмо, но, убедившись, что умирать от несовершенства мира та не собирается — интеллект взяла от обоих родителей, — успокоился.

А мать второй раз вышла замуж спустя десять месяцев после ухода отца. В международном брачном агентстве от иностранных женихов у нее не было отбоя. Итальянец Серджио подарил ей бриллиантовый браслет, датчанин Эрик — малолитражное чудо

китайского автопрома. Дитрих же, по ее словам, подарил ей второе дыхание. Когда она перед отъездом в Германию надумала продать автомобиль, Настя закатила скандал. Скоро начинается учебный год, и ее дочь не собирается выпадать из когорты студентов, которые ездили на собственных авто — вуз престижный.

Ее сестра Ира жила с парнем в гражданском браке и тоже осталась в городе. Может, именно поэтому мама быстро сдалась и позволила Насте остаться здесь, под присмотром старшей. От присмотра было одно название: сестры никогда не были особо близки. Отстаивая свою независимость, Настя апеллировала понятиями “учеба”, “патриотизм” и “потом приеду”. На самом же деле истинная причина того, почему она не уехала с матерью в Мюнхен, была иная. Она носила имя Леша и была окрашена во все цвета первой и долгожданной подростковой влюбленности.

Мало ей было в тот день нотаций матери перед отлетом, еще и Дитрих задержался в командировке и не смог с ней попрощаться. Рейс из-за погодных условий задержали на несколько часов. Настя была уже на пределе от этих закидонов судьбы, расцвела, лишь когда увидела своего соседа по креслу — молодого немца с обаятельной улыбкой... но не с ее фартом сегодня было суждено наслаждаться совершенствованием немецкого. Сопливый пацан лет трех с соседнего ряда кресел закатил истерику, требуя, чтобы его посадили к окошку на место Насти. Ладно, пожилая женщина с улыбкой согласилась поменяться местами, но, когда обаятельный незнакомец поспешно освободил кресло под хитро-беззащитным взглядом мамыши разбалованного ребенка, Настя ощутила, как ее горло сжало слезами бессилия. Усугубило ситуацию еще и то, что у иллюминатора на соседнем ряду восседала симпатичная блондинка с длинными волосами и замашками королевы бала. Понятно, что выбор между пирсингованной Настей в невразумительном наряде из юбки и свитшота, скрывающим собой то самое тело, которое хоть сейчас можно было разместить на обложки журналов, и этой феей гламура был в пользу последней — даже при том, что ее фигура значительно уступала Настиной, облегающее платье демонстрировало товар лицом. Настя по какой-то причине стеснялась своего тела и никогда не думала, что оно может кому-то показаться соблазнительным. Когда довольная мамаша потребовала (на просьбу это было мало похоже) «посадить Андрюшеньку к окну и пересесть в кресло у прохода», Настя, проклиная себя за бесхребетность, молча согласилась, всю дорогу пытаясь унять головную боль от визга гиперактивного ребенка и стараясь не смотреть направо, где несостоявшийся сосед и надменная белобрысая сучка вовсю флиртовали. То и дело его смех перемежался с манерными возгласами девицы “даст ист фантастиш”, “данке шон”. “Понятно, где ты изучала язык истинных арийцев”, - со злостью подумала Настя.

По прилете череда ее неудач не закончилась. Наглый таксист, не забыв включить счетчик, якобы ненамеренно заблудился в трех улицах, наматывая круги. В очередной раз проклиная свою бесхарактерность, Настя молча заплатила по счетчику озвученную сумму под циничным взглядом водителя, который даже не помог достать сумки из багажника, насмешливо курил в стороне, наблюдая за мучениями девушки, лучше всяких слов демонстрируя позицию: если ты дура, оставайся ею до конца. Лифт тоже не работал. От жары и усталости, а еще от перенапряжения вследствие подъема с сумками на пятый этаж кружилась голова. Мама накануне позвонила Ирине и попросила прикупить для Насти минимальный набор продуктов, чтобы дочь не умирала с голоду по возвращении, но для сестры эта просьба осталась пустым звуком: холодильник зиял пустотой, на всех поверхностях квартиры лежал слой пыли. Но бутылка шампанского и баночка красной икры

загадочным образом испарились — похоже, Ирка все же навестила родительскую квартиру как минимум раз и приложила к деликатесам, забыв смахнуть пыль и полить цветы. Погасив желание позвонить сестрице и высказать все, что она о ней думает, Настя завалилась на диван. Наконец-то она дома. Только почему нет никакой радости от возвращения?

За все время, пока она гостила в Мюнхене, Алексей ни разу не позвонил. Ему дорог совершать международные звонки, оправдывала его Настя, глотая слезы, вздрагивая на любую эсэмэску... но ни одна из них не была от него. Ничего, теперь она вернулась, и они снова будут вместе. Настя села, взяла в руки фоторамку, в которой на снимке они были запечатлены рука об руку на ее выпускном вечере. Сама себе Настя на этой фотографии не нравилась. Тогда прилетела мама и буквально силком отволокла дочь в салон красоты, где ей сделали подобие вечерней прически. Почему подобие? А что, спрашивается, могло выйти из жидких темных волос с выстриженной техникой слайсинга макушкой? Такая прическа выигрышно смотрелась в первозданном виде, особенно с косой рваной челкой, а не когда ее зачесали назад, придав лицу выражение простодушной наивности. Вечерний макияж был бледным и тусклым, но в понятии визажиста это и являлось “смоки айз”. Французский маникюр она, кажется, испортила в тот же вечер. Кому помешал ее любимый черный оттенок лака, спрашивается? Оставалось радоваться, что мама не стала настаивать на вечернем платье с розовыми рюшами, одобрив черное. Фигура в нем выглядела очень женственно, но все впечатление портили ссутуленные плечи — девушка стеснялась своего роста и большой груди. Зато Леха выглядел на все сто. Перед выпускным, правда, едва не довел ее до срыва, заявив, что явится в спортивном костюме и бейсболке, иной дресс-код ему и в пыль не тарахтит. Он всегда любил над ней стебаться, испытывая на прочность, в глубине души Настя это понимала, на все же... он же не виноват, что столь остроумен и независим. Даже когда уменьшительно-ласкательно называл ее “Мышка”, это не казалось ей уничижительным и обидным. Наоборот, Настя убедилась в том, что это нежность и восхищение в его проявлении. “Я бы такое обращение не терпела”, - любила говорить эффектная Светка. Настя лишь огрызалась в ответ. Она же глупая, ее подруга Светлячок, завидует по-черному тому, что такой парень достался не ей...

На выпускной Алексей явился в костюме... но не спортивном. И даже не в таком, в каких щеголяли ее тупые одноклассники — как сказала Марианна, это деловой костюм, и стоит в несколько раз дороже, чем все наряды пацанов из ее класса. Настя была на седьмом небе от счастья, что наконец-то вся эта свора крашенных сучек, ботаников и красавчиков класса уронит челюсти, увидев бойфренда вечной неудачницы Красновой. Леха же просто купался в лучах женского внимания, те зловерные девчонки, что не упускали случая унижить ее перед классом и смотрели за все годы учебы как на грязь под ногами, сейчас проявили чудеса фальшивого дружелюбия, пытаясь приблизиться к двадцатидвухлетнему красавцу через его маловразумительную подругу. Тогда Настя почти поверила в их искренние чувства, наверное, в немалой степени этому поспособствовала распитая за “женскую дружбу” прямо в школьном туалете бутылка шампанского. Пока три красавицы класса, сдерживая циничный хохот, нараспев хвалили ее прическу и платье, Алексей уже успел пообжимать Юльку Ярцеву из 11-А. Этот факт отчасти почти по-настоящему сплотил ее с одноклассницами. Тогда Ярцевой разбили нос, но Настя в этом не участвовала, преследуя Леху по пятам. К утру они поскандалили.

— Ты пришел со мной! Будь так любезен держаться рядом и не улыбаться этим сукам,

как родным! — не выдержала Настя, когда парень бросил ее во время медленного танца и вытащил на танцпол слегка поддающую Марину, которую она ненавидела больше всех гламурных идиоток в классе.

Леха выслушал ее молча, с улыбкой, сдвинув бровь.

— Послушай, Мышонок, — процедил в ответ, растягивая слова. — Я пришел не с тобой. Я пришел, потому что ты решила выпендриться и показать, что кто-то все же видит в тебе телку, а не ходячее недоразумение. — Настя почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Леха криво усмехнулся. — Если я захочу отжарить кого-то из вашего несовершеннолетнего борделя, я это сделаю. Еще раз услышу собственнические закидоны или попытку мне указывать, будешь за этим наблюдать в стороне!

Тогда все слова застряли у Насти в горле. Когда она собралась было попросить прощения, к Лехе нерешительно приблизились два Настиных одноклассника. Их разговора она не слышала, а потом Алексей, ничего не поясняя, куда-то уехал вместе с ними. Один из них занимался боксом, другой — айкидо. Но ребята подкатили к Шахновскому вовсе не с целью набить морду залетному на их праздник прощания с детством. Настя никогда не задавала своему парню вопросов, чем он занимается, почему так часто срывается с места, иногда посреди ночи, и откуда у него всегда в избытке наличность. “Меньше знаешь — крепче спишь”, - грубовато ответил Лешка на этот вопрос в начале их романа, чем отбил у нее желание спрашивать дальше. Одного из своих одноклассников Настя неоднократно видела летом в компании Лехи. Кир, кстати, никогда плохо к ней не относился, классе в восьмом даже впрягся за нее, когда парочка школьных шутов толкали ее в спину и пытались подпалить волосы. Протянул платок, чтобы она вытерла слезы обиды, и подмигнул: “Не вздумай суицидничать дома, лады?”. Больше эти два ушлепка ее не трогали, Кирилл Аксенова, который с детства занимался боксом, небезосновательно побаивались. Однажды он нарисовался в Лехиной квартире посреди ночи и впал в ступор, застав в его постели Настю. “Видишь, Мышь, умытая ты на человека похожа”, - съязвил Шахновский, и Настя списала робость Кирилла на то, что тот просто не опознал ее без слоя косметики на лице...

...После бодрящего душа Настя подошла к огромному запотевшему зеркалу, вглядываясь в чистое посвежевшее личико. Она ненавидела свою внешность. Светлые густые брови, светлые белесые ресницы, подпорченная постоянным макияжем кожа с расширенными порами, водянистый серый цвет глаз. Такой оттенок радужки поэты любят сравнивать с морем в зимнюю пору, с айсбергами и грозowymi тучами. Ничего такого собственный цвет глаз ей не напоминал. Только при большом количестве черной подводки для век глаза казались яркими и глубокими. Нижняя губа больше верхней, она привыкла ее прикусывать, чтобы никто не заметил этого недостатка. Когда-то у нее были густые и длинные волосы — мама любила заплетать их в косы... Настя обрезала их в седьмом классе собственноручно, устав от вечных попыток пацанов сорвать с нее скальп или облить клеем. В последнем им помогали и девчонки. Мать тогда закатила скандал, но подростковое чувство протеста, свойственное всем девчонкам на этапе переходного возраста, выиграло по всем законам реверсивной психологии. Тогда тринадцатилетняя Настя Краснова отыскала на просторах сети сообщество движения «эмо». Здесь, в отличие от школы, ее приняли как родную. Да и выглядели девчонки и мальчишки донельзя эффектно — яркие, нарядные, не такие унылые и отталкивающие, как готы, они напоминали скорее персонажей аниме, чем компанию разочаровавшихся в жизни подростков. Мечтать о смерти от непонимания окружающего

мира и грустить о судьбе здесь было всего лишь модным трендом: об этом говорили, хвастались своей отвагой (я порезал иголкой запястье, я тру!), но редко воспринимали всерьез. Большой частью шутили, устраивали вечеринки с викторинами и хвастались обновками и победами на личном фронте. Уже спустя неделю новые приятельницы отвели Настю в парикмахерскую, где ей сделали дерзкую прическу, выкрасили волосы в черный цвет и научили рисовать глаза. Язык ей проколола Лялька, законодательница мод форума, а колечки в бровь Настя продела уже сама. Как ни странно, ей шла прическа и черные стрелки. Если эмо-бои обращали на нее внимание (с одним из них и состоялся ее первый поцелуй), то далекие от тусовки ребята насмеялись, а то и вовсе игнорировали. Одноклассницы уже всю крутили романы со старшеклассниками, тогда как Насте приходилось довольствоваться поцелуями с зачастую апатичными пацанчиками, при этих взаимных ласках чужая челка колола глаза, а обещанного полета в облака все не происходило. К десятому классу у нее и вовсе пропал интерес к эмо-тусовкам. Она никогда не была одной из них. Ни своя, ни чужая. Как и везде. Как и для всех.

В эти месяцы Настя ощущала себя одинокой и потерянной. От имиджа эмо не отказалась, вопреки недовольству матери, повторяла сама себе, что чувствует себя под этой маской комфортно. Но тоска накатывала с потрясающей силой. Ее единственная подруга, симпатяжка Светка Красовская, купалась в мужском внимании и все чаще оставляла Настю одну, сделав выбор в пользу своих многочисленных поклонников. Настя часто ловила себя на мысли, что хочет стать похожей на Светлячка. Пока же у них были похожи только фамилии. Обратиться к матери, женщине с высоким эстетическим вкусом ей не позволяла гордость и бунтующая подростковая сущность. Сколько раз, выслушивая нравоучения мамы, Настя мысленно умоляла ее надавить сильнее, поставить ультиматум, силой затащить туда, где из нее сделают красавицу без всяких ухищрений! Но мать всегда останавливалась на полпути, махнув рукой: делай что хочешь. Сама же Светка пела иную песню: ты бунтарка и уникальна по-своему. Часто Насте казалось, что ее Светлячок, привыкшая блистать на фоне более страшенькой подруги, просто боится того, что Настя похорошеет и составит ей конкуренцию. Иногда Красовская тащила ее на двойные свидания, но вовсе не с целью устроить личную жизнь своей подруги. В такие моменты платиновую блондинку Свету было трудно узнать: она щебетала, стреляла глазками, нацелившись на завоевание двух парней одновременно и напроочь забывала о Насте, которая чувствовала себя ущербной, а оттого волновалась и не могла связать двух слов. И все же, как ни странно, дружба между ними была. При всем своем превосходстве Светка никогда не была сухой. Утешала, когда Настя рыдала на ее плече, в беде не бросала, раз даже устроила нескучную жизнь однокласснице, шпюшке Марине, распечатав фото с вечеринки, где та напилась в хлам и щеголяла без трусов. Может, именно на поразительной контрастности и держалась их дружба. Настя радовалась за подругу, которая переживала головокружительные романы один за другим, но одновременно с этим сходила с ума от своего одиночества и часто рыдала в подушку. Знакомства в интернете не принесли ей ничего, кроме разочарования. После того как один из кандидатов пришел бухой в хлам, а двое других и вовсе не явились, навсегда зареклась искать любовь в сети.

А потом с ней случился Лешка. Случился как раз тогда, когда Настя была готова поставить на себе крест как на женщине. Десятый класс подходил к концу, на улице цвела поздняя весна, город был заполнен целующимися парочками, Светка все меньше времени проводила с ней рядом. Настя копила деньги на знахарку, которая б сняла с нее венец

безбрачия. В отчаянии даже столь неглупая девочка, как она, готова была поверить в карму и родовое проклятие.

Перед этим мама прихватила ее с собой на шопинг, где приобрела для дочери несколько платьев и купальник ярко-розового цвета. Платьиц у Насти скопилось уже достаточно много, ни одно из них она не носила. Но кислотно-розовый цвет купальника пришелся ей по вкусу. Настя искренне недоумевала, почему продавщицы замирали от восхищения, когда видели ее в нем, и в их глазах появлялось нечто сродни зависти. Тогда она не могла даже предположить, насколько потрясающе выглядит: длинные ноги, плоский живот, большая высокая грудь. Видела в журналах фотографии топ-моделей, кусала ногти оттого, что никогда не станет на них похожа, и даже не осознавала, что, помести ее кто на обложку рядом с ними, затмила бы всех без какого-либо фотошопа. Если посмотреть правде в глаза, она никогда не была полной или нескладной, но кто обращал внимание на нелюдимую девчонку, одетую в бесформенный балахон? Ей никогда не хватало уверенности в себе: ссутуленные плечи, отсутствие улыбки, перебор в безвкусном агрессивном макияже отталкивали парней прочь. Пафосные сучки класса не могли похвастаться подобной фигурой, но они умели как следует подать себя, поэтому всегда оставались в выигрыше.

К концу мая город раскалился от жары, на всех водоемах стартовал пляжный сезон. Светка не желала упускать возможность продефилировать по пляжу в откровенном бикини, особенно на фоне невзрачной приятельницы. Вытащила ее силком к водохранилищу, за что в конечном итоге в тот же день поплатилась.

Настя стеснялась и долго не желала раздеваться, но зной был настолько удушающим, что не выдержала и пятнадцати минут. Стянула бесформенный джинсовый комбинезон и едва не задохнулась от паники, когда мир вокруг, как ей показалось, застыл, а практически все взгляды без исключения остановились на ее теле. Сжалась, но, несмело осматриваясь вокруг, заметила широко распахнутые глаза Красовской, которая как-то сразу погрузилась и сникла. Ощущения были странными и незнакомыми. Отчего-то распахнувшаяся Света отправилась плескаться в воде, проигнорировав просьбу Насти не оставлять ее в одиночестве. Стоило подруге исчезнуть, покой был нарушен.

Сперва к ней подкатили несколько спортивных ребят, которые пригласили сыграть в пляжный волейбол. Настя растерялась, покраснела и пробормотала что-то вроде “позже”. У загорелого нарцисса на соседнем шезлонге резко потерялась зажигалка, которую тот вознамерился во что бы то ни стало одолжить у нее, несмотря на наличие курящих поблизости. Улыбчивый мужчина средних лет завел разговор об опасности полуденного солнышка и посоветовал почаще переворачиваться, не поднимая глаз выше ее бюста, затянутого ярко-розовым нейлоном. Низкорослый малолетка предложил выпить пива в пляжной кафешке. Когда мимо ее шезлонга проходили ребята, достаивали ее улыбкой, которая до того доставалась только Свете. В десятках мужских взглядов, обращенных на нее, не было насмешек, издевок, равнодушия и презрения. Какая-то неизвестная мелодия зародилась в глубине души девушки, и она сама не поняла, что улыбается в ответ каждому, кто обращает на нее внимание. С непривычки заныли скулы, но ментальные волны чужого восхищения отозвались какой-то восхитительной пульсацией во всем теле, заставив сердце биться чаще. То, что она желанна и сексуальна, Настя тогда так и не осознала, списав все на сбывшееся желание хоть раз ощутить внимание, в котором купалась ее подруга.

— Чего они так смотрят? — осторожно поинтересовалась Настя у нахмуренной Светки, которая так долго сидела в воде, что сейчас дрожала.

— Ха, ты экзотика, дорогая. Они увидели живую и говорящую эмо на пляже! — Получилось резковато, и Настя испытала чувство вины. Только не успела понять, за что именно, так как в этот момент солнце перекрыла тень.

— И как зовут такую секси? — хриплый тембр мужского голоса нарушил раздумье Насти. Впрочем, нарушил — не совсем точное определение. Он буквально затопил внутри волной приятного огня, завибрировал по позвоночнику ментоловой прохладой, разгоревшись с новой силой в районе копчика, аукнувшись в пятках внезапной слабостью. Ничего подобного девушке еще не приходилось испытывать. Сердце глухо стукнуло о ребра, а в горле пересохло. Еще до того, как она повернула голову в сторону заговорившего с ней парня.

— Свободен, красавчик! — проворковала Светлячок. Впрочем, ее уверенность пошатнулась на последнем слове.

— Да не тебя, подругу твою. — Светка опешила от такого ответа, а Настя подтянулась на локтях, чтобы получше рассмотреть нарушителя спокойствия. Прикрыла глаза ладонью от слепящего солнца, он тут же отошел так, чтобы она получше его рассмотрела. Девушка сразу и не поняла, что зеленые тиски чужого, слегка насмешливого взгляда сжались на ее встрепенувшейся сущности, запустили собственную программу по всем проводам ее сознания, не оставляя пути к отступлению. Это было настолько необычно и странно, что Настя поспешно опустила взгляд ниже... Как она еще не охнула от изумления и не зажала рот ладонью, наткнувшись на восемь кубиков рельефного пресса, четкий абрис грудных мышц на загоревшем теле. Абстрактная вязь цветной татуировки поднималась от правого запястья, обвивала предплечье и расцветала на мощном бицепсе, задевая грудное крыло. На миг девушке показалось, что зеленый глаз дракона с огненным эллипсоидным зрачком подмигнул ей. Может, так оно и было задумано, для этого парню лишь требовалось напрячь и расслабить мышцу.

Он был похож на викинга. Или на Криса Хемсворта. Или на обоих одновременно. Когда незнакомец откинул со лба взъерошенные светлые волосы, Настя ощутила непреодолимое желание ощутить их шелк и запустить в них собственные пальцы. Губы красавца были сжаты в ироничной улыбке, в зеленых глазах скользила заинтересованность и веселое любопытство, твердый подбородок, несмотря на беззаботную внешность голкипера школьной сборной по американскому футболу, выдавал характер, серьезность, силу... и что-то еще, чего неискушенная девушка поначалу не осознала.

— Как тебя зовут, секси?

— Н-Настя, — проигнорировав предупреждающий пинок Светки под ребра, пролепетала, как замороженная, не в силах отвести взгляд. Его глаза затягивали. Подчиняли себе. Отрезали пути к отступлению. Впрочем, она уже и не хотела никуда отступать. Первозданная эйфория зародившейся влюбленности и пока нераспознанного сексуального влечения накрыла с головой, затопила тело волнами сладкого предвкушения и чудесного ожидания.

— Я видел тебя несколько раз. Кажется. Мы живем на одной улице.

— Где?

— 27А.

— Действительно... двести метров от моего дома. — Она его ни разу не видела. Хотя, может, они все же сталкивались, но Настя не могла рассчитывать на внимание подобного парня, поэтому опускала глаза и забывала в ту же секунду.

— Н-Настя, — нараспев повторил красавец, словно пробуя это имя на вкус. — Ты наверняка хорошо целуешься?

— Ч-что? — девушка густо покраснела.

— Скажу по секрету, — игнорируя так и не пришедшую в себя Светлячка, парень присел на корточки, без излишней тактичности разглядывая лицо Насти, — эта штучка в твоём языке будит во мне зверя.

Его слова вместе с притягательной, сексуальной, но одновременно чем-то настораживающей внешностью могли напугать. Должны были напугать. Но единственное, о чем подумала тогда Настя, так это о том, что сама до безумия, до дрожи в коленках хочет ощутить его язык на своем...

...Насте завидовали все. Света — в первую очередь. По крайней мере ей хотелось так думать. Красавец Леха выбрал ее, а не подругу, гламурную блондинку. Стоило им тогда покинуть пляж — Алексей не исчез с ее орбиты. Более того, явился на свидание без опоздания. Пусть звездный час Насти был недолгим и к девушке вернулась ее прежняя неуверенность. Она не понимала, насколько притягательной может быть, и если на пляже всех сводила с ума ее пока что несколько угловатая, но уже красивая фигура, то за бесформенными балахонами ее трудно было угадать. Чудесным образом он расцветала только в его руках. Обнаженная, пылающая от страсти и желания, которое проснулось в ней с появлением этого человека.

Она не знала, чем он занимался. Ей просто было с ним хорошо. Не задавала вопросов, когда он мог в полночь выставить ее из квартиры и сорваться «по делам», а то и высадить посреди дороги из автомобиля. Не спрашивала, откуда шрамы, похожие на следы от ножа. Откуда огромные деньги. Почему его товарищи выглядят, как ожившие персонажи криминальных сериалов. Ей просто было сладко и бесконечно хорошо рядом с ним...

...Настя завернулась в полотенце и прошла в комнату, расстегнув молнию чемодана. Что ж, пора закончиться этой череде мелких неприятностей. Она сделает Алексею сюрприз. Черт с ним, с голодом. Неохота тратить время на супермаркет и приготовление еды, у нее куда более силен голод иного свойства. Руки девушки нервно перебирали тот гардероб, что ей подарили мать с Дитрихом. На многих платьях и блузах с джинсами были лейблы, за которые пафосные сучки из ее бывшего класса продали б душу дьяволу. Настя неуверенно прикоснулась к красному коктейльному платью с вставкой-сеточкой на подоле. Один раз она его померила и не узнала себя. Ей тогда показалось, что оно смотрится донельзя похабно и вызывающе... но если бы только она знала, насколько женственна и элегантна была в таком платье!

Она не знала. Не имела ни малейшего понятия. Со злостью закрыла молнию чемодана и подошла к шкафу. Бесформенная черная туника с принтом в виде шкодливой кошечки куда лучше подходила для жаркой погоды. Застегнув лифчик модели «минимайзер», девушка натянула через голову свой привычный наряд. Черная тяжелая ткань скрыла торчащую грудь и тонкую талию. Так гораздо лучше. На ноги — черно-розовые «конверсы» под грубоватые гетры. Ноги больше не казались длинными, и Настя удовлетворенно усмехнулась. Последний штрих — макияж. Теперь можно и в гости.

Подхватив пакет с подарком — рубашкой и ремнем известного немецкого бренда, Настя занесла палец над кнопкой вызова... и, криво улыбнувшись, спрятала телефон в широкий карман. Нет, она не будет сообщать о своем приезде.

Она сделает Алексею сюрприз...

Настя поправила строгие очки в черной оправе, которые немного съехали вперед от дрефта по обледенелым за ночь автодорогам столицы, расправила плечи и, погасив беспечную улыбку, вошла в обширный холл бизнес-центра. Спикер замешкался на присыпанных снегом скользких ступеньках и едва не растянулся — вышколенная охрана подоспела вовремя. Больше всего Насте хотелось рассмеяться, особенно после вчерашнего разговора, в ходе которого непосредственный босс позволил себе отчитывать ее, словно непослушную школьницу, но она сделала вид, что ничего веселого или незапланированного за ее спиной как раз таки не происходит.

Вышколенные референты за широкой стойкой ресепшен. Темные стены, отделанные дубовыми панелями. Черный мрамор напольной плитки. Аромат кофе, приглушенный гул спешащих по своим делам сотрудников, создающий симфонию вместе с дзиньканьем полукруглых лифтов и журчанием воды в большом фонтане по центру вестибюля. Когда-то Настя боялась таких вот высотных зданий и огромного скопления людей. Со временем она избавилась от многих своих фобий и комплексов. Теперь не только не боялась, но и досконально знала примерную планировку здания, резервные выходы и слепые зоны многочисленных видеокамер. О да, ей бы не составило труда убить выстрелом в упор того, кого волею судеб она сейчас должна была защитить от беспредела его же собственных подпольных крыс и неуловимого врага, о котором не было известно практически ничего, кроме того, что он настроен очень решительно и называет себя «Лидер»...

Их ожидали. Легко было догадаться, особенно когда похожий на агента ФБР гардеробщик принял ее полушубок, верхнюю одежду Спикера и пальто двух горилл. Настя поймала свое отражение в зеркальном полотне лифта.

Светлые волосы стянуты в высокий узел на затылке. Искусный невесомый макияж практически незаметен, но лицо кажется свежим и сияющим, а серые глаза — сосредоточенными и глубокими. Черно-угольный брючный костюм облегает спортивную фигуру, строгий приталенный пиджак подчеркивает изгибы тонкой талии, а расстегнутая на три пуговицы белоснежная блуза — высокую грудь. Этот наряд удивляет своей простотой, но мало кому придет в голову принять ее за бестолковую секретаршу — дорогую ткань и дизайнерский пошив видно невооруженным глазом. Классические черные лодочки на высокой шпильке и клатч из крокодиловой кожи довершают ансамбль. Аксессуаров по минимуму, только бриллиантовые гвоздики в мочках ушей.

Искушение не дожидаться Спикера и подняться на двенадцатый этаж первой было сильным, но Настя решила не раздражать босса по пустякам. Она и так ему потрепала нервы этим утром. Антон злился, пытаясь проникнуть под хладнокровную маску одной из самых опасных киллеров страны, которую не искали и не нашли исключительно благодаря его распоряжению, но у него так и не вышло понять, о чем думает его Ангел. С таким выражением безмятежности на лице девушка могла думать как о сказочном принце, так и рисовать картину внутренностей Шахновского, намотанных на люстру. Ну а что же сама Настя? Как ни странно, она не думала ни о чем. Ни об абстрактных принципах современных сказок, ни о реках крови, агонии умирающего врага и последующем побеге. Она выжидала.

Для того чтобы действовать, надо сначала собрать информацию и сориентироваться на местности. Этап второй — завоей доверие. И жертвы, и того, кто хочет помешать тебе уничтожить эту жертву. Этап третий — постарайся все сделать чужими руками. Такая возможность существует всегда. Мало кто ее рассматривает, прежде всего потому, что она кажется абстрактной и трудновыполнимой, и совершенно напрасно. Спикер был бы крайне удивлен, если бы узнал, что большинству подобных интриг и скольжению по острию интересов противоборствующих сторон она обучилась у него. Сейчас девушка была настроена на сбор и детальный анализ данных. Торжествовать победу и впадать в экстаз, мысленно представляя час расплаты, было преждевременно и нерационально.

Высокий лифт плавно поехал вверх. Настя продолжала задумчиво улыбаться, игнорируя пристальный взгляд Антона Сергеевича. Убедить его в своей лояльности будет нетрудно. Ведь она на самом деле сделает все возможное, чтобы помочь его ставленнику.

Настя удовлетворенно кивнула в знак одобрения, когда им навстречу вышла коротко стриженная брюнетка в светлом костюме, словно сошедшая с обложки «Бизнес уикли». Итак, перемены начались с малого. Наверняка Шах с неохотой расстался с прежней секретаршей, которую любил раскладывать на столе в начале и конце рабочего дня. С его психотипом подкатить с подобными предложениями к этой диве с темными глазами будет трудно. Кстати, глаза уж сильно умные и цепкие. Первым делом нужно узнать, откуда взялась эта примерная мисс Манипенни и не забивает ли она голы в чужие ворота за спиной главы игорного синдиката. Этим Настя займется сегодня же.

— Доброе утро, меня зовут Элина, — ровно поставленный голос, дежурная улыбка. — Алексей Анатольевич ожидает вас.

— Перье без газа, Элина, — небрежно бросила Настя, на которую чары высокомерной помощницы хозяина кабинета не подействовали. Спикер слегка вздрогнул, прекратил пожирать глазами фигуру красивой женщины, и его губы сжались в тонкую линию:

— Мои вкусы вам должны быть известны. Поторопитесь.

Настя пропустила босса вперед. Охрана осталась в приемной. Вошла вслед за ним в роскошный кабинет Шахновского, прекрасно зная, какую именно картину там застанет. Она уже успела изучить объект своей ненависти, а теперь, по иронии судьбы, защиты, до малейшей детали.

Большое кресло было повернуто спинкой к столу. Вот сейчас Алексей лениво обернется, словно о встрече не было условлено заранее, изобразит на своем нордическом лице легкое удивление, которое даже не покажется фальшивым, и температура в кабинете потеплеет на несколько градусов. Настя терпеливо ждала. Наконец Шахновский, резко развернувшись вместе с креслом, встал на ноги, чтобы без спешки поприветствовать Спикера.

— Сиди, не вставай, — буркнул Антон Сергеевич. Взгляд Алексея переместился пока еще на неузнанную им Настю. Девушка стояла, слегка наклонив голову и не прекращая улыбаться.

Миг — и равнодушное выражение зеленых глаз пошатнулось. Казалось, что по внешне обманчивой спокойной глади моря скользнули лучи восходящего солнца, которые разбавили этот холодный взгляд оттенками тепла и добродушного удивления. С каждой секундой они проникали все глубже в пучину, зажигая ее призрачным изумрудным сиянием, бились о защитную стену Настиной невозмутимости в попытке зацепиться и установить взаимосвязь — но это было невозможно. Впрочем, Настя улыбнулась еще шире, дав своему визави

стойкую иллюзию того, что ему это удалось. В ответ на ее, когда-то такую привычную и родную, его улыбка стала шире. Длинные пальцы мужчины сжались в кулаки в попытке скрыть волнение, только голос дрогнул, не в силах скрыть эмоции своего обладателя:

— Анна!

— Меня здесь нет, ребята, но надеюсь, что вы все же вспомните, с какой целью мы здесь сегодня собрались? — добродушно высказался Спикер, ни к кому конкретно не обращаясь. Шахновский растерянно посмотрел на босса, слегка вопросительно сдвинув бровь, и, получив молчаливое согласие, двинулся навстречу Насте. Атмосфера сгустилась, наэлектризованная флюидами почти мальчишеской радости этого представительного мужчины в строгом костюме с внешностью киногероя, который сейчас приближался к девушке решительными шагами, едва скрывая нетерпение. Если бы они были одни, он наверняка бы попытался ее обнять, но этикет диктовал свои правила. Настю обдало жаром, когда Алексей, намереваясь пожать ей руку, передумал и поднес тонкую ладонь к губам, оставив на ней свой обжигающий след. Несмотря на то, как она к нему относилась, это было приятно. И даже слегка волнующе.

— Здравствуй, Лекс. — Настя на миг почувствовала, как дикая внутренняя пантера содрогнулась во сне, ощутив приближение добычи. По ее грациозному телу пошла мелкая дрожь, коготки впились в ворс ковра, она неосознанно повела головой, но тут же уснула, убаюканная ласковым поглаживанием теплой ладони своей непосредственной владелицы. Ни один мускул не дрогнул на умиротворенном и спокойном лице девушки, она даже позволила теплой волне от прикосновения мужских пальцев пройти по позвоночнику яркими огненными искрами, а себе испытать азарт предвкушения, отчасти похожий на проблеск эротического желания.

Ведь когда-то давно она могла сгорать от страсти и возрождаться, подобно птице Феникс, в этих сильных руках, взлетать выше звезд от прикосновения этих чувственных губ и терять способность мыслить лишь оттого, что он рядом! Сейчас же самоконтроль и ненависть трансформировали эту память рефлексов от близости первого мужчины в нечто иное, темное, необъяснимое. Незаметное ни для одного из радаров, и потому более пугающее. Но назначенный жертвой об этом знать не мог. Как же иначе, если он и не догадывался, что чудом избежал смерти от рук Ангела, которая сейчас улыбалась показательно смущенной улыбкой и не отводила взгляд, позволяя теплым волнам изумрудного моря ласкать свое эго неоспоримой хозяйки положения.

— Лекс, Анна, у меня время не ждет. Перейдем к делу. — На том, чтобы ее не называли в присутствии Шахновского Настей, девушка настояла сама. «Ни к чему Шаху параллели с прошлым, Анастасия — простор для фантазии», — сообщила Спикеру еще перед первым своим визитом в логово ничего не подозревающего Алексея, который за время их полугодового сотрудничества привык доверять своему пока что несостоявшемуся палачу, как самому себе. Настя подмигнула Шаху, который всего за несколько секунд рядом с ней словно помолодел на несколько лет и обрел способность радоваться жизни. Не удивилась, когда он поспешно отодвинул кресло, придержав ее за руку под испытывающим взглядом Антона Сергеевича...

Секретарь принесла напитки. Настя намеренно задела ее плечом и едва заметно нахмурилась. У этой девушки была отменная реакция — открытая бутылка воды даже не пошатнулась, потому как та удержала поднос. Это бы ничего не значило, если бы ее определили работать с Шахом люди Спикера, но тогда бы Антон Сергеевич сообщил об

этом. Итог — этой Элиночкой следует заняться в первый же день. Внедрить засланного казачка под видом сотрудника-специалиста — проще простого.

Аура в кабинете непостижимым образом изменилась. Еще несколько минут назад здесь царил напряженность и атмосфера настороженной серьезности, но она разгладилась под легким давлением улыбок и восхищения, которое могло показаться взаимным. Алексей Шахновский сбросил свою маску жесткого гангстера преступного мира. Его сканирующий взгляд тепло скользил по лицу Насти, которая не сочла нужным гасить добродушную улыбку. Открутила крышечку на бутылке минеральной воды, убедившись, что она сохранила заводскую закрутку, проигнорировала стакан и сделала несколько глотков. Ей не хотелось признаваться самой себе, что от взгляда Шаха, чьи мысли с легкостью читались в его внимательных зеленых глазах с интеллигентным прищуром, пересохло в горле, а сердце нарушило свой привычный размеренный ритм.

Иногда мужчины надевают маски уверенных в себе хозяев жизни, которые готовы разметать вселенную, и ты идешь на этот зов, потому что стремление оказаться под защитой подобного альфы прописано в твоих генах. Очень многие пользуются этими приемами, задавшись целью заполучить определенную женщину. Как правило, сама жертва подобного пикапа высшего уровня умом понимает, что есть подвох, идеальные герои живут исключительно на страницах романов, но развесив уши шагает в эту западню, готовая продать душу за иллюзию осуществившейся мечты.

Нет, Настю нельзя было втянуть в этот брачный танец ни при каких условиях. Но Лекс был выше шаблонных правил. Он не пытался повторить свои ошибки, которые успел совершить, когда она оказалась в его персональной обители зла впервые, — может, просто понял, что оттолкнет ее от себя низким классом игры? Или просто не счел нужным казаться кем-то недостижимым? Сейчас он был практически открытой книгой. Радость от встречи сгладила резкие черты его волевого лица. У Насти было ощущение сотни нежных перышек, которые ласкали ее кожу и задевали саму сущность от одного этого взгляда.

Спикер иронично усмехнулся, наблюдая за Лексом и Ангелом. Даже сейчас девушка без труда прочла его мысли: на вашей симпатии легко сыграть свою партию. Что ж, она не станет разочаровывать никого из присутствующих здесь мужчин до поры до времени. Ее игра даже не начиналась. Однажды каждый получит свое: и Шах, и Спикер, который не погнушался угрожать ей жизнью родных. Мечь — это не блюдо, которое надо подавать холодным. Мечь — бриллиант, который поначалу не имеет такой высокой стоимости, нужно дождаться, когда он засверкает всеми гранями в процессе сложной огранки и сам упадет в твои раскрытые ладони. Выбор за тобой: бросить все силы на то, чтобы самой довести этот алмаз до совершенства, или ждать, позволив времени и обстоятельствам самим подготовить для тебя эту награду.

— Как я тебе уже говорил, — Настя потеряла ласкающий бриз взгляда Алексея, который с неохотой повернул голову на голос Антона, — я пригласил Аню для того, чтобы она сама разобралась в том, что происходит в твоей конторе. На тебя, родной, положиться — смерти подобно.

— Я бы не был столь категоричен...

— Да ты никогда им не был. Поэтому у тебя бардак в системе безопасности. Информацию воруют прямо перед твоим носом, а ты ничего не видишь! — припечатал Спикер. Алексей сжал кулаки, на лбу пролегла складка. В сторону Насти он старался не смотреть.

— Значит, грамотно воруют. И ваши крысы — не бестолковые дебилы, а профессионалы в своем деле, — вмешалась девушка. — Поэтому ситуация не терпит поверхностного отношения. Если от этого станет кому-то легче, они настолько филигранно работают, что даже профессионалу это трудно заметить. А иногда и вовсе невозможно.

Алексей все-таки повернулся к ней, и в его глазах промелькнуло что-то похожее на благодарность. Но нет, она не собиралась спасать его персону от распеканий высшего руководства. Она и сама себе прекрасно отдавала отчет в том, что выявить вражеского агента в игорном бизнесе синдиката будет ой как не просто. Для некоторых и вовсе невыполнимо. Но там, где появлялась она, любые интриги вскрывались без шанса остаться в тени, предатели не могли избежать ее зоркого ока, как бы ни скрывались и насколько бы ни превосходили ее интеллектом. Она достаточно повидала подобных личностей, чтобы уметь вычислять их в толпе беспроницаемым применением психоанализа и логики.

— Я оставляю с тобой Аню. Ну, не обижать просить не буду. Она и сама кого хочешь обидит, если посмеешь ей мешать и указывать, что и как делать. Надеюсь, ты накажешь виновных без моего участия и больше не станешь расстраивать меня по пустякам?

— Я их всех на ноль помножу, — мрачно пообещал Лекс. — Подобное не повторится.

Спикер потер ладони. Настя еще накануне заметила, что их непосредственный босс выглядел усталым и чем-то обеспокоенным. И, как подсказало шестое чувство, о чем-то важном так и не сказал. Иногда это здорово мешало ее работе, но пока она повременила с вопросами. После сегодняшнего вечера у нее их появится целая анкета.

— Оставляю вас разбираться с ситуацией. Надеюсь увидеть результаты в течение недели. Это осуществимо, — последняя фраза прозвучала как утверждение.

— Раньше, — поправила Настя.

— Надеюсь, это не самоуверенность, моя дорогая. Ты же знаешь, как я этого не люблю. — Антон Сергеевич поднялся, пожав руку Алексею на прощание. — Работайте.

Когда за ним закрылась дверь, Шахновский выдохнул с облегчением. Мужчина сделал несколько шагов по направлению к Насте. Не признать желание в его взгляде мог только лишенный зрения.

— Аня... — девушка не шелохнулась, когда его теплые ладони легли на ее плечи, пропустив через тело волну приятного тепла. Он всегда умел прикасаться так: трогая сердечную мышцу, забирая напряжение и подчиняя себе через тактильные ощущения. Будь на ее месте кто другой, ни о какой работе больше не было бы и речи. — Я его грохнуть хотел, когда он забрал тебя. Я безумно рад, что мы снова будем работать вместе.

— Работать, Лекс. Ключевое слово — работать. — Настя сбросила его ладони и встала. — И я намерена приступить прямо сейчас. Надеюсь, никаких возражений?

— Я думал, мы отметим начало нашей совместной работы. У меня есть бутылка превосходного шампанского. Берег на счастливый случай и, кажется, он наконец-то настал.

— Нам нечего пока отмечать. Предлагаю дождаться окончательного результата. Пока что мне от тебя нужно совсем немного: фруктовый чай, кабинет, в котором меня никто не станет беспокоить, доступ к серверу компании, абсолютное уединение, готовность предоставить любую информацию, которую я затребую... и легенда для твоего персонала о внеплановой и скрупулезной аудиторской проверке. И придется задержаться допоздна, у меня будет к тебе ряд вопросов. Чем скорее я получу на них ответы, тем быстрее мы наведем порядок в системе.

Алексей не смог скрыть удивления и потрясения таким деловым подходом Анастасии.

Смотрел ей прямо в глаза, не в состоянии отвести взгляд, и восхищение в зеленых малахитовых озерах боролось с тающей под влиянием серьезности обстоятельств страстью. Настя спокойно выдержала его взгляд. Сейчас мысли о возмездии и ненависти отошли на второй план. Она получила очередную работу, которую привыкла делать хорошо вне зависимости от того, приятен ей напарник или же нет. Саботировать задание она не собиралась — если ей поручено отладить систему безопасности ключевой фигуры синдиката, сделает это так, что комар носа не подточит. Работе свое время, а возмездие свое. Держать врага даже не в руках, а в горсти — прекрасная подготовка почвы для реализации планов, просто немного отстроченная во времени.

— Мне необходимы также личные дела всех новых сотрудников, вплоть до уборщицы. О твоём молчании, думаю, говорить не приходится.

— Ты получишь все, что необходимо. — Шах наконец-то отвел взгляд. Просто поразительно, как сильно он сейчас отличался от того Лешки, которого наивная и беспечная Настюха Краснова когда-то осмелилась полюбить. Тот, прежний, всегда смотрел на нее свысока, словно делая ей одолжение тем, что осчастливил своим вниманием загнанную в угол и затравленную одноклассниками девчонку. Тогда она этого не замечала, или же попросту была согласна играть свою роль, лишь бы быть с ним рядом и тешить себя иллюзией того, чего не могло быть и в помине.

...Килобайты информации, десятки лиц, сухих фактов и подробностей, десятичные коды защитных программ информационной безопасности к вечеру слились перед глазами Насти в непрерывный поток безумной абстракции. Фруктовый чай давно остыл, но она о нем забыла на долгие пять часов непрерывного анализа и жонглирования предоставленной информацией. Никто и ничто не могло ее сейчас оторвать от работы, когда на первом часу детального изучения уже определила слабые места в системе защиты, спустя еще сорок минут выделила потенциальных подозреваемых. Девушка никуда не спешила. Под призмой презумпции невиновности эти лица были всего лишь предполагаемыми винтиками в системе, без доказательств составить базу обвинения и потянуть за нить Ариадны было верхом непрофессионализма. Стрелки часов приближались к 22:00, когда Настя, сбросив в отдельную папку данные на семерых человек, набрала телефонный номер, который никогда не хранился в списке ее контактов, но который она знала на память.

— Здравствуй, Хаммер. Мне нужна твоя помощь. Вернее, мне нужна твоя ищейка.

Инструктор «Обители Ангелов», с которым ее связывали несколько неоднозначные отношения, не стал задавать излишние вопросы или же возмущаться поздним звонком. Продиктовал номер Гейтса, своего лучшего разведчика, который мог достать информацию обо всех и вся. Этот двадцатилетний парнишка еще в юном возрасте хакнул ряд серверов и завладел обширными базами данных. Говорят, его безуспешно разыскивал Интерпол, но столь ценного кадра никто и никогда не отдал бы охотникам за талантливими мозгами. Один звонок, отправка файлов засекреченной линией связи, которую Настя создала за несколько минут, полчаса ожидания не прошли впустую — приблизительный план мероприятий по засекречиванию информации уже был на экране ее планшета в виде наброска, и, наконец досье главных подозреваемых пополнилось весьма любопытными деталями и подробностями.

Заместитель менеджера по кадрам стучала налоговым органам. Ничего особо страшного в этом не было, учитывая тот факт, что документация была в порядке, налоги платили исправно, а на операции с черным налом были закрыты глаза взятками крупного масштаба.

Роль этой женщины с узким кругом интересов «работа — вязание — кошки — сериалы» сводилась исключительно к тому, чтобы не позволить синдикату утаить огромные суммы, не оплатив при этом мзду контролирующему государственному органу.

Рядовой сотрудник отдела безопасности в прошлом состоял в конкурирующей с синдикатом группировке, которая на данный момент приказала долго жить. Вот ему стоило уделить повышенное внимание.

Остальные хоть и вызывали подозрения, но пока что у Насти было очень мало информации, для того чтобы отметить их красным флажком. Предстояла масштабная работа, которой она займется в ближайшие дни.

Сделав глоток сладкого, но холодного чая, Настя открыла файл Элины Валиулиной. Предоставленное кадровым отделом досье примерного секретаря-референта выглядело безупречным настолько, насколько противоположным было то, что ей только что переслал Гейтс. Информация сопровождалась видеозаписями и фотографиями как самой сотрудницы, так и тех лиц, с кем она была замечена на досуге. Безупречная биография пополнилась любопытными деталями. Что ж, подозрения Настю не обманули. Вычистив историю своего посещения и сбросив на флэшку основную информацию, девушка выключила компьютер и закрыла за собой двери.

Как и стоило ожидать, Шахновский никуда не ушел. Элина тоже находилась в приемной, старательно изучая какие-то документы. Раскрытые папки валялись даже на диване. Секретарь не выглядела усталой или недовольной сверхурочной работой — при появлении Насти она вежливо улыбнулась, оставив неприятное ощущение от цепкого и внимательного взгляда.

— Кошмар, мне никто не платит за сверхурочные! — притворяясь рядовой сотрудницей аудиторской фирмы, посетовала Настя. — Они КЗоТ читали? Если бы еще так оплачивали, как эксплуатируют!

Подозрение, которое так явственно читалось на красивом лице референта, медленно отступило, и она улыбнулась почти искренней улыбкой:

— Увы. Меня тоже завалили работой. Но я не жалуясь, это не столь высокая цена за право работать в подобной компании. Я доложу о вашем приходе, шеф в кабинете.

— Не беспокойтесь, он меня вызвал, — игнорируя протест Валиулиной, Настя направилась к двери, закрыв ее с обратной стороны прямо перед носом секретаря. Шахновский повернулся на звук шагов. Настя едва удостоила долгим взглядом Лекса, хмыкнув про себя при виде двух свечей, бокалов и бутылки шампанского на столе.

— Не рано ли нам напиваться? — остановилась в шаге, с неудовольствием отметив, как при виде высокой фигуры Шаха по телу, как и утром, пробежала волна привычного уже тепла, а сердце снова сбилось с ритма, ускорив свой бег. Алексей не сдвинулся с места, пригубил из бокала с янтарной жидкостью.

— Не думаю, Аня. — Стук стекла о подоконник, один решительный шаг. Настя была готова к тому, что сейчас произойдет, и, когда он накрыл ее губы непривычно нежным искушающим поцелуем, позволила мужчине на миг ощутить восторг победителя, дорвавшегося до игрушки, которую у него так надолго забрали. Теплые пальцы коснулись ее висков, задели дужку очков, которые Алексей снял почти жестом фокусника-иллюзиониста, не разрывая поцелуя. Настя позволила его языку проникнуть сквозь преграду ее сжатых зубов. В какой-то момент ей даже захотелось подчиниться. Позволить поцелую растворить усталость и забрать прочь все мысли, которые крутились вокруг работы, упиться всласть

восторгом охотницы, позволившей себе игру с тем, кого уже заранее списала со счета. Сейчас ей были понятны желания римских патрицианок, которые щедро платили за ночи с гладиаторами, идущими на смерть. Жизнь — игра. Любовь — игра. Видимость дружбы — игра под названием «изучи врага полностью». Судьба в очередной раз жестоко пошутила над ней, превратив в ангела-хранителя того, кого она девять лет назад поклялась уничтожить.

Горячие ладони мужчины огладили ее скулы. «Сущность инкуба не скрыть», — не к месту подумала Настя, когда горячая волна накрыла ее тело, аукнувшись сладкой вибрацией между ног. Она могла его ненавидеть и желать одновременно. Но теперь умела контролировать подобные порывы.

— Анютка, я без тебя умирал эти долбаные месяцы! — прошептал Лекс. Эти слова не были обычной, лишенной смысла попыткой соблазнить, но от их обволакивающей искренности аритмия снова зашкалила. Жгучее мужское желание разливалось сладкой негой, стремясь расплавить прутья крепкой клетки самоконтроля. Настя досчитала до десяти и решительно уперлась ладонями в плечи Шаха.

— Боюсь, мне придется прервать это прекрасное представление. — Алексей непонимающе уставился на девушку потемневшими от страсти глазами, но она осталась неумолима к этому зову отчаянного вождения. — Как давно на тебя работает эта Валиулина?

— У меня с ней ничего не было, если ты...

— Черт, хватит уже тащиться от собственного эгоцентризма, Лекс! — Несмотря на свое особое положение в синдикате Спикера, Шахновский оставался обычным самовлюбленным альфа-самцом. Женщины сами падали к его ногам, и он был прочно уверен в собственной неотразимости. — Ты хоть представляешь, кого пригрел на своей груди?..

...Двадцать минут спустя от судорожных всхлипов сжавшейся на полу женщины у Насти начала болеть голова. Она старалась не смотреть на черные разводы туши, всклокоченные волосы и выражение ужаса на некогда надменном лице референта, которая сейчас безуспешно пыталась спрятать лицо в подтянутых к груди коленях. Ко всему прочему, вопли Шаха вызывали брезгливое отторжение. Ангел привыкла окружать себя сильными личностями, которые никогда не повышали голос. Они могли говорить спокойно. Даже ласково. И этим тоном вместе с сухими словами ломать куда сильнее. Шахновский же орал, не стесняясь в выражениях, когда ему это надоедало, отвечивал Элине затрецины и тягал за волосы по ковру, упиваясь ее сухими рыданиями.

— Еще раз, сука, кто заставил тебя за мной шпионить?! — громкий шлепок пощечины прервался новым приступом рыданий молодой женщины, которая тщетно искала у Насти сочувствия, бросая отчаянные взгляды, которые та ощущала кожей. Это было лишено смысла — она не раз хладнокровно расправлялась с подобными этому засланному казачку. Предателей не прощают. Принцип «Враг моего врага — мой друг» сейчас не работал. Если тебя наняли для выполнения определенного задания, ты должна сделать свою работу на отлично и не позволять симпатиям с антипатиями принимать за тебя решения.

— Вика! — в седьмой раз прохрипела Элина, заваливаясь набок от ощутимого удара по лицу. — Это Вика! Она сказала, что... что просто хочет сберечь семью!

Алексей покачал головой и закурил, наклонившись к огоньку свечи. Курил он крайне редко и только в самых серьезных случаях. Настя повела затекшими плечами и приблизилась к столу, наполнив бокал игристым вином, которое сейчас было кстати как легкое успокоительное.

— И как же слив информации о счетах, мероприятиях, сделках поможет моей бывшей жене укрепить семью, тупая ты овца? — Настя не успела понять, что произошло, и даже непроизвольно вдрогнула, когда Лекс, в два шага преодолев расстояние к сжавшейся на полу секретарше, с силой впечатал зажженный кончик сигареты аккурат в полушарие правой груди Валиулиной. Настя не раз видела подобное, и это было самым легким вариантом издевательства, но непроизвольно коснулась пальчиками собственного декольте под новый вопль боли пойманной с поличным шпионки. Аритмия усилилась, и Ангел отчаянно возжелала оказаться хоть где, но не в этом кабинете.

— Хватит пи*деть, сука! Что ты сливала Лидеру?

— Я не знаю никакого Лидера!..

Новый удар. По подбородку Элины потекли струйки крови, а сама она едва не задохнулась от собственного крика. Насте на миг захотелось сыграть роль хорошего копа, вытереть кровь и задать аналогичный вопрос ласковым тоном, но она сильно устала для подобных инициатив. Это территория Лекса, и он сам должен разобраться в происходящем. Отошла к окну, наблюдая за тем, как Шахновский в ярости избивает женщину, отвечивая ей пощечины, превращая красивое лицо референта в оплывшую маску с кровавыми ссадинами. Ей было не привыкать видеть подобное. Она и сама часто получала подобные удары — правда, совсем незаслуженно.

— Этодохлый номер! — Шах, забыв о манерах денди, плюнул в лицо рыдающей Элине и выпрямился. Он ждал от Насти помощи, которую та не намеревалась ему оказывать. — Она заговорит только после того, как ее поимеют мои ребята. А потом, наверное...

Его взгляд в этот момент был почти просящим. Настя отставила бокал, погасив вспышку раздражения:

— Я не работаю у тебя чистильщиком. Свои косяки закрывай сам.

Шахновский смачно выругался. Больше ничего не напоминало в нем сгоравшего от страсти тоскующего Ромео, который недавно с жаром целовал ее губы и даже умудрился пробудить ответное желание. Сейчас он злился на всех, кто находился в кабинете. На Валиулину — понятно почему, на себя — тоже можно понять, а на Настю — за то, что выполнила часть своей работы, а обязанности, за которые ей не платили, не хотела взваливать на свои плечи. Вытер окровавленный кулак о собственный галстук и, задыхаясь от бешенства, достал телефон.

— Быстро в кабинет. — Настя забралась с ногами на подоконник, абстрагировавшись от происходящего, допивая изумительное вино из бокала. Когда в кабинет ворвались двое крепких ребят и выволокли прочь рыдающую Элину, Настя даже не повела бровью и не стала задавать глупых вопросов о том, что же сделают с пойманным сексотом. Впрочем, ей было все равно.

Алексей проводил своих парней и хлопнул дверью с такой силой, что оконные стекла задрожали, а гулкое эхо пронеслось по пустым коридорам.

— Тварь! — его кулак с силой впечатался в столешницу. — Тупая мразь! Да ее послужной список был идеальным... Да если бы я...

— Не ори. — Настя потерла виски и грациозно спрыгнула с подоконника. Несколько капель густого красного игристого вина упали на светлый ламинат из перевернутого пустого бокала, застыли капельками крови. — И без тебя голова болит. Ты ничего не хочешь мне рассказать?

— Я? Про Вику, что ли? — ее голос подействовал на него успокаивающе. Лекс

поправил узел галстука и пожал плечами. — Да хрен знает, мы как развелись два года назад, так я с ней не общаюсь без надобности. Она вечно сует свой нос, куда не надо, и это известно всем и каждому...

— Да мне плевать на твоих баб, Шах. — Настя наполнила бокал изумительным шампанским, отмахнувшись от неуклюжей попытки Алексея проявить галантность. Встретила его взгляд с потемневшими зрачками, который в полумраке кабинета казался пугающим. — Ты сейчас мне расскажешь, кто такой Лидер и почему ты на пару с Антоном Сергеевичем так его боишься. Я не люблю, когда из меня пытаются делать дуру и заставляют искать иголку в стогу сена. Если ты хочешь, чтобы я навела порядок в системе безопасности, ты мне сейчас все подробно расскажешь.

— Но уже почти полночь, Аня...

— Совсем недавно тебе это не мешало, Лекс. Так что наливай себе шампанского и достань мне черный шоколад. И чтобы не терять время, я очень внимательно тебя слушаю.

Глава 5

Уплывающее сознание несогласно с вынесенным ему вердиктом. Оно не хочет угасать и нарушать таким образом долг верности своему обладателю. Рикошетит эту слабость от боли и кровопотери в барабанные перепонки, где она разливается монотонным звоном, вбирает в себя те слабые капли адреналина, которые еще остались, чтобы разогнать непроглядную тьму, затуманившую глаза... Опаздывает.

Доли секунды, и земля уходит из-под ног. Словно в насмешку, теплый летний дождь не принес облегчения. Наоборот, размягчил грунт у краев свежевырытой ямы, из-за чего тот осыпался под ногами. Падение кажется замедленным, волна боли проносится по телу, взрываясь высоко в плече атомной бомбой. Мир вспыхивает яркими искрами обжигающего пламени и тут же застывает льдом, превращая конечности в лишённые нервов части тела. Холод проникает под кожу, потоки ливня заливают глаза, рот, заставляя сделать над собой последнее усилие, чтобы не захлебнуться. Откуда парализующая изморозь? Яму не могли вырыть настолько глубокой, чтобы грунт так обжег холодом. Ему хочется приподняться на руках и встать, но боль в плече настолько сильна, что не дает возможности шевелиться.

Циничный смех перекрывает шум дождя. Ему все-таки удастся открыть глаза. В свете автомобильных ксеноновых фар он отчетливо видит, как потоки воды размывают кровавое пятно на его светлой рубашке. Оно не успевает зафиксироваться на стадии бледно-красного, кровь вытекает из раны с каждым ударом сердца, вновь насыщая багровым цветом место попадания пули. Что так развеселило этих тварей? Его падение в уготованную ему же могилу? На фоне всей безысходности происходящего смех казался тупым самовыражением перебравших пива подростков, в которых все еще бурлил повышенный тестостерон.

— Кончай с ним уже!

— Да что мы, в натуре, звери? Может, он хочет что-то сказать нам на прощание.

— Ты дебил?

— Да я в боевиках такое видел, красиво, гы...

— Ты еще молитву за упокой ему прочитай...

Сознание акцентируется на этих колких репликах, полных злобного превосходства. Стая выживших из ума даже не волков, нет — волчат, почувствовавших себя значимыми и бесценными в глазах пахана. У них своя охота. Акела промахнулся! Молочные клыки сейчас

кажутся твердыми и неуязвимыми, веселый скулеж — злобным рыком, а получение регалий новых вожаков стаи — близким, как никогда прежде. Пройдет совсем немного времени, прежде чем его палачи вцепятся в глотки друг друга в неравной борьбе за одеяло.

Только сейчас он осознает с шокирующей ясностью, что не сможет этого увидеть. Его не будет в живых.

— Давай, контрольный в голову, и закапывай...

— Ты, бля, совсем долб. еб? Рядом трасса и пост ДАИ! Хочешь лишних гостей у нас на тусе?

— Ну а что я, это ж типа по правилам...

— Батя выпишет тебе правила, укурюк. Он уже не жилец, зарывай на *уй...

Чья-то тень перекрывает яркий свет фар. Он не видит его лица, даже когда человек, наплевав на усилившийся дождь, присаживается на корточки, но чувствует его внимательный и довольный взгляд. Этот узнает из тысячи. Умом понимает — сейчас начнется. Когда этот отморозок с погонялом Викинг отказывал себе в удовольствии сыграть крупным планом героя американского экшена? По части рукопашки и скорости реакции всегда проигрывал, но красноречиво пи*деть умел.

— Ну, брат, ты же не думал, что твоя лафа будет длиться вечно? Всему рано или поздно приходит конец. — У него, вопреки всему, приятный голос. Ни одна баба не может устоять перед этой арийской внешностью и уникальной способностью уболтать.

Эти нравоучения сейчас кажутся настолько издевательскими и унижительными, что ему хочется запустить комом грязи прямо в холеное лицо бывшего собрата по оружию. Пальцы зачерпывают холодную жижу, но боль в груди не позволяет сжать их в кулак, не говоря уже о том, чтобы поднять руку. Остается бессильно трястись от ярости в луже грязи и собственной крови, не имея никакой возможности закрыть рот собеседнику.

— Босс решил избавиться от тебя, Славэн, и я его не осуждаю, — в других обстоятельствах, возможно, его развеселила бы эта почти натуральная грусть. — К сожалению, все мы ходим в группе риска. Ты выработал свой потенциал, больше от тебя особого толку ожидать не приходится. Мавр сделал свое дело, Мавр может валить!

Хохот зрителей сцены. Еще позавчера эти братаны пили с ним за одним столом, прикрывали спину от шальной пули, а стоило только получить приказ свыше — хохотали у разрытой ямы и готовы были плюнуть в лицо тому, ради которого раньше сворачивали горы и перевозносили, пока он был в фаворе у пахана. Теперь же расклад изменился. Выбирая между двумя хищниками на одной арене, босс сделал выбор в пользу того, кто был малость слабее и глупее. Почему? Все просто. В какой-то момент любая криминальная структура начинает избавляться от тех, кто становится опасным и начинает вести свою игру. Синдикат расправляется с такими безжалостно.

Так было всегда. Во всех сферах интересов этой системы. Лидер каждой из них изначально находился на крючке высшего руководства. Как только он начинал задавать много вопросов или обретать власть сверх нормы, его судьба была предрешена.

Как он мог об этом забыть? Он не забывал. И не надеялся непонятно на что в стремлении выслужиться или проявить себя по-иному. Он просто не был готов к такой скорой расправе. В их среде часто ходила поговорка: «пожимая руку своему заместителю, помни, что однажды именно она может нажать на спусковой крючок». Помнил. Вообще не доверял этому белобрысому карьеристу. Не рассчитал только время.

Ему вдруг до боли захотелось что-то сказать. Так же длинно, витиевато, с цитатами

Сунь Цзы, но из горла вырвался лишь немощный хрип. Капли дождя ослабили привкус крови на языке. Сознание из последних сил цеплялось за освежающую влагу и яркий свет, но его резервы неумолимо таяли.

— Если бы не шеф, я бы сам тебя загасил. Ты просто всех заипал своей правильностью. — Даже проливной дождь и то обстоятельство, что Викинг сам промок до нитки, не смогли сейчас прервать поток красноречия. Это был бенефис нового вожака стаи, фурор среди зрителей, и отказываться от этого упоительного ощущения собственной значимости он не собирался. — Прости, я хотел пальнуть тебе в голову, чтобы долго не мучился, но никогда не признавал глушаков. Это для слабаков. Таких, как ты.

“Скоро ты рухнешь со своего Олимпа. Глупость и эгоцентризм хороши в малых дозах”, — он обманывал себя, и сам это прекрасно понимал. Так уж повелось в их среде: послушная марионетка куда выгоднее того, кто умен и не поддается влиянию. Это была очередная зацепка сознания.

— Прощай, друг, мы будем тебя помнить... если нас раньше времени не сразит болезнь Паркинсона. — Викинг поднялся и повел плечами, разминая шею. Подсвеченные ксеноном капли воды с его длинных волос разлетелись веером в стороны. «Артист во всем и до последнего», — мелькнула угасающая мысль. Чувство нереальности происходящего уже запустило свои когти в засыпающий рассудок. Больше всего это показательное выступление напоминало сюжет видеоклипа. Казалось, еще несколько мгновений, и братва запляшет профессиональный слаженный танец “а вас разыграли”, красиво рассекая по лужам. Но эта иллюзия не продержалась долго. Сознание все же уплыло в небытие на доли секунды, чтобы встрепенуться по новой, когда прямо в лицо полетел ком грязи. Он рефлекторно дернулся и закричал, преодолевая боль. Не от страха или отчаяния, нет. Это была ярость. Ярость, которой не хотело подчиняться тело.

— Я найду тебя, Викинг! — Последние силы, чтобы прокричать угрозу-проклятие. Лишенное смысла и пустое. Он сам не понимал, почему вдруг с яростью умирающего поверил в собственные слова. Комья грязи продолжали падать с высоты, задевая открытую рану. Он лишь сжал зубы и зацепился за эту боль, как за спасение. Избитый, смертельно раненный, но не сломленный. Пока ты чувствуешь боль, ты жив, и у тебя есть хоть крохотный, но шанс продолжить борьбу.

Жидкая грязь заволокла глаза, но дождь поспешно смыл ее. Викинг замер на краю ямы.

— Я не боюсь зомби, Славэн. Покойся с миром.

Комья земли уже не били так, как прежде, потому что ударялись о слой грунта поверх его тела и рассыпались мелкой фракцией. Когда земля полетела ему в лицо, он задержал дыхание и попытался выплюнуть ее комки. Затея была провальной, и только чудом сумел взять себя в руки и остаться лежать неподвижно.

Было ли ему страшно в тот момент? Кратковременная паника погасла довольно быстро, стоило только осознать, что так он задохнется гораздо быстрее. Давление сыпавшегося сверху грунта усиливалось, рана пульсировала разрывающей болью, которая постепенно маскировалась под анестезией адреналина. Задержал дыхание и, преодолевая боль, поднял обе руки, пока еще рыхлость земли позволяла это сделать. Свет померк, голоса и звуки от падения комьев перестали тревожить слух, но именно это давление сверху сейчас удерживало сознание на плаву. С трудом удалось переместить ладони к лицу и накрыть нос и губы домиком. Осторожный выдох, игнорирование боли. Он не сдастся, пока не попробует.

Движение за движением. В голове помутилось от недостатка кислорода, давление на грудь и рану усиливалось, каждый удар ощущался в теле.

Живой. Я чувствую боль. Я живой...

Влажная земля была гораздо тяжелее обычной, но она поддавалась под его руками, когда он начал постепенно, практически умоляя сознание и собственный организм выстоять, продержаться, начал приподниматься и пытаться разгрести грунтовый пресс.

Паника, давай потом, хорошо? Мы выберемся, и я дам тебе полный карт-бланш. Можешь терзать меня хоть сутками, но сейчас поспи, договорились? А еще лучше, направь силу в руки, чтобы я выжил, и ты получила обещанную награду!

Когда ему стало казаться, что цель близка, что он почти подобрался к поверхности, нехватка кислорода дала о себе знать. Готовый зарычать от ярости в шаге от победы, он велел боли заткнуться и с отчаянием утопающего в метре от спасительного жилета принялся рыть дальше, сдирая ногти в кровь о попадавшиеся камни, до онемения в мышцах рук, игнорируя новый источник боли — жжение в лишенных кислорода легких. Еще немного, держитесь, я напою вас высокогорным воздухом, мать вашу, только не смейте сейчас отключаться!

Он не сошел с ума. Он сейчас свято верил в то, что подписывает с собственным организмом и психикой договор о сотрудничестве. Сейчас ему казалось, что его обещания были услышаны, пожар в груди утих, и даже боль в ране не казалась такой запредельной — так часто бывает, когда ты, преодолевая крепатуру мышц, снова берешь штангу и делаешь рывок. После двух-трех боли уже не замечаешь. Некстати вспомнилась реклама напитка-энергетика, и он из последних сил ускорил движения руками, словно и вправду кофеин из гуараны сейчас побежал по венам, превращая руки в стальные заостренные крылья...

— ...Влад! Влад, проснись, что ты делаешь?!

Женский голос, полный испуга, разомкнул цепкие объятия сна. Он казался настолько нелогичным и неуместным в перманентном кошмаре его сновидений, что, балансируя на грани яви и сна, он глубоко вдохнул, все еще ожидая, что рот наполнится землей. Очертания просторной спальни колыхнулись и стали резче, когда власть Морфея окончательно ушла.

Черное шелковое покрывало, зажатое в пальцах. Испуганные глазищи Вики, вжавшейся в изголовье кровати, ее учащенное дыхание и выражение откровенного шока на лице. Он скользнул по ней затуманенным взглядом, и молодая женщина выдохнула с облегчением, на ее красиво очерченных губах появилась одна из тех редких улыбок, которую можно было поймать лишь в минуты растерянности.

— Тише! — теплая ладонь коснулась его скулы, и Вика грациозно подползла ближе, осторожно обвивая плечи мужчины своими руками. — Это сон, мой хороший... я здесь!

Ее голос все еще дрожал от испуга. Его сущность воина-защитника всколыхнулась волной, как всегда наедине с женщинами, которых хотелось жестко иметь и оберегать одновременно. Влад прижал ее к своей груди, стараясь поймать биение сердца и синхронизировать их ритм. Вика все еще едва заметно дрожала, продолжая успокаивающе гладить его щеки и что-то ласково нашептывая. Он не разбирал слов, сейчас перед ним стояла первостепенная задача — успокоиться и прогнать послевкусию самого реалистичного из всех сновидений.

— Прости, малыш, я не хотел тебя пугать. — Ласковый поцелуй в кромку волос. Ему даже удалось улыбнуться. — Я не сделал тебе больно?

Вика отстранилась, не размыкая рук, и указала взглядом на розовые отметины пятерни

на изгибе своего бедра.

— Ничего, все хорошо... я просто испугалась... ты вцепился руками так, словно хотел разорвать... а когда я выскользнула, ты начал рвать одеяло... — девушка закусила губу и улыбнулась. — Все хорошо, правда. Не стоит об этом переживать.

— Стоит. Я сам не знаю, на что способен в таком состоянии, я себя не контролирую. Точно в порядке?

Она не ответила, ограничившись улыбкой. Влад прижал крепче ее гибкое податливое тело, восстанавливая сбившееся дыхание. Пальцы Вики зарылись в волосы на его затылке. Когда спустя минуту она вновь заговорила, голос больше не дрожал:

— Ты никогда не рассказываешь, что тебе снится. Это как-то связано... с ним?

Зря она сейчас упомянула про Шаха, в прошлом — Викинга. Кристаллы отчуждения осели на согретом ее теплом сознании морозным инеем, и Влад чересчур поспешно сбросил ее руки.

— Нет, в таких снах обычно нет сюжета. Так, набор абстрактных видений, зачастую лишенных всякого смысла.

Виктория натянула одеяло до подбородка, и ее взгляд стал иным — цепким и испытывающим. Она явно полагала, что вызывает таким образом у собеседника чувство, будто проникает в его мозг и считывает информацию, но на самом деле это выглядело просто красиво, волнующе... и пусто.

— Ты обещал кому-то горы. Во сне. Или горный воздух.

— Может быть. Можем на следующий уик-энд свалить в Карпаты, если все сложится. Отдыхать ведь тоже надо. — Влад встал, разминая плечи, больше не обращая внимания на женщину, которая на глазах превращалась в дознавателя. Это сейчас мало его занимало. За последнюю неделю сон повторился в деталях уже второй раз. Это могло означать все, что угодно: от банального переутомления до навязчивого крика интуиции. Может, так сходят с ума и это первые звоночки. А может — банальное совпадение. Или все-таки подсознание пытается до него что-то донести?

Ощущая спиной сверлящий взгляд Вики, он вышел в коридор, бесшумно ступая по плитке с электроподогревом. Толкнул двери ванной, поймал свое отражение в зеркале и на миг призадумался. Рука уже тянулась к створкам шкафчика, чтобы достать упаковку припавших пылью таблеток. Пить или не пить?

“Я здоров. Просто работа нервная — портить кровь этому долбаному Синдикату. С Шахом разобраться куда сложнее, чем со сворой, которая едва не закопала меня живьем”, - подумал Влад, упиравшись ладонями в края мраморного умывальника. Поднял глаза, взглядываясь в отражение. Все, как и прежде — от него веет спокойствием и уверенностью в собственных силах. Улыбка и открытый взгляд вообще могут показаться добрыми. Да так, наверное, и есть. Разве он хоть раз обидел того, кто этого не заслужил?

...Они умирали в порядке очереди. Шестеро шакалов, с такой легкостью отмахнувшись от того, кого в свое время босс почти по-отечески называл “номером один”. Неоспоримый лидер, благодаря которому их группировка не знала провалов и всегда побеждала непреодолимые обстоятельства. Увы, сильных боятся и стараются сбить с рук при первой возможности. В его же случае — предварительно использовав все человеческие резервы по максимуму, ведь пройдет еще уйма времени, прежде чем новый ставленник сам научится так вот играючи решать проблемы.

Он вернулся. Шестеро мертвы. Смерть троих прошла незамеченной для Синдиката: к

этому времени один спился, а двое других обзавелись семьями и больше не входили в группировку Спикера. Разбирался он с ними жестко и решительно. К сожалению, в машине, у которой якобы случайно отказали тормоза, находилась также супруга приговоренного им предателя. Но редкая война обходится без жертв со стороны мирного населения.

Убийство оставшихся было продумано более тщательно.

Один из них перед смертью не выдержал старой доброй пытки утюгом и выдал местонахождение резиденции, в которой любил укрываться Спикер. Тогда Влад излишне поспешил. Что ни говори, а покушение на главу синдиката следовало планировать более тщательно и без всякой спешки, учитывая самые незначительные обстоятельства.

Откуда ему было знать, что зависавшая на вилле красавица — не любовница и не девочка из эскорт-агенства, а секьюрити? Несколько дней он наблюдал за ней с борта катера. Лицо было трудно рассмотреть, но фигура у нее была отпадная. То и дело она загорала на пляже и плескалась в воде, а сам Спикер никогда не составлял ей компанию. Наверняка фотомодель или дорогая проститутка, решил Влад. Не стоило недооценивать противников. Еще один урок, который жизнь преподала уже во второй раз.

Исполнителя сняли ювелирно. По непроверенным данным — именно эта кукла. С ней он разберется позже. Сначала Шах, потом Спикер. Ему было почти скучно расправляться еще с двумя, которые тогда, августовской ночью, намеревались похоронить его заживо. Одному он собственноручно выстрелил в лоб. Другого просто отдал скучающей братве. Что именно с ним творили, Владу было мало интересно, но труп после этого не опознали.

...Охота на Шахновского вступила в первую фазу. Растрачивать себя сейчас на Спикера и его охрану не имело смысла. Влад бросил взгляд на дверцы шкафчика и иронично покачал головой. Вместо этого повернул смеситель и плеснул себе в лицо холодной водой.

Не выживет никто. Синдикат лишится своих ключевых фигур и не скоро отойдет от потери. На тот момент, когда система ослабнет от постоянных распрей в борьбе за кресло крестного отца, в городе установится иная власть. И в этот раз они получают подтверждение всем своим опасениям: сильных действительно не следовало оставлять в живых.

Лидер родился не год назад. Лидер восстал из пепла, подобно Фениксу, в ту самую ночь, когда, теряя сознание и пытаясь удержать ускользающую жизнь, на последнем дыхании сделал гребок руками... и ощутил пустоту вместо грязной земли. Когда понял, что организм достиг точки невозврата и начал проваливаться в глубокую бездну потустороннего астрала, но, даже отключившись, успел сделать последний рывок и вдохнуть кислород полной грудью. След от пулевого ранения был едва заметен — операция была тяжелой, левую руку и грудь покромсали на славу, но он все равно не стал делать лазерные швы. Никогда не забывай, кто ты есть. Иди к своей цели. Скоро в этом городе воцарится одна абсолютная власть. Ей имя — Лидер.

Виктория в покрывале, намотанном по образцу римской тоги, стояла у большого панорамного окна пентхауса, разглядывая цепочки огней столицы. Между указательным и средним пальцем зажата тонкая сигарета, пальцы же правой руки раздраженно стучат по сенсорному экрану смартфона.

— Я же просил тебя никогда не курить в моей спальне, — жестко сказал Влад. Вика повела плечами и сделала глубокую затяжку, выпустив струйку дыма на стекло оконного проема.

— Я нервничаю. Ты меня напугал.

— Я еще раз повторяю: в моей спальне ты курить не будешь. Сейчас же загаси или

покинь комнату.

Вика ничего не сказала, но по ее напрягшейся позе было понятно, как сильно она раздражена требованием любовника. Повернула вниз оконную ручку и щелчком отправила сигарету в образовавшуюся щель, непроизвольно вздрогнув от морозного воздуха.

— Доволен? Все!

— Смени тон, пока я не заставил тебя взять щетку и смести пепел.

— Меня?!

— А почему бы не тебя? — Вика повернула голову в надежде увидеть улыбку на губах мужчины, но губы Влада были сжаты, а глаза смотрели с предупреждающим прищуром.

— Прости, не злись. — Она потрясла телефоном в руке. — Просто нервничаю.

— Что произошло?

— Элина, мать ее. С вечера не отвечает.

— Ты на время смотрела? Три часа ночи. Человек отдыхает.

— Влад, за те деньги, что я... ты ей платишь, она обязана забыть, что такое сон и личная жизнь!

— К сожалению, киборгов еще не запустили в массовое производство. Вернись в постель и дождись утра!

Вика отшвырнула телефон в сторону и присела на край кровати. Ее пальцы начали борьбу с узлом закрученного вдоль шеи шелкового покрывала, тогда как мысли были где-то далеко. Влад не мешал ей летать в ее собственных материях, наблюдая за рассеянными движениями рук своей любовницы.

Невысокая, худощавая, как две капли воды похожая на певицу и актрису Юлию Беретту. Такие же красиво очерченные монгольские скулы и пронзительные карие глаза в обрамлении длинных ресниц. Только волосы гуще и длиннее. Поначалу он любил погружать пальцы в их мягкий шелк и упиваться ароматом. Правда, он и сам до конца не понимал, что же его заводит больше — сама Виктория или тот факт, что она являлась бывшей женой Алексея Шахновского.

Откровенно говоря, их отношения с самого начала не строились на взаимной любви или привязанности. Была только обоюдная выгода... ну и ураганная страсть, от сексуальности этой брюнетки трудно было убежать. Он и не стал. Даже тогда, когда понял, что Виктория давно стала претендовать на чувства, выказывая поведение собственницы. На деле это никак не отразилось.

Пока она была женой Лекса, Влад к ней не приближался. Как и семь месяцев после их официального развода. Все это время он изучал, подбирался ближе, собирал любую, даже незначительную информацию — до тех пор, пока окончательно не убедился в том, что рухнувший союз тех двоих напоминал противостояние кошки и собаки. При всем этом Вика была тщеславна и амбициозна, одержима желанием насолить бывшему мужу, который не стеснясь трахал своего секретаря и парочку шлюх прямо в их спальне, практически на глазах у жены. Тогда Вика наверняка рыдала. А когда решила разорвать связь — рыдать перестала. Насолить мужчине, который вытер тобой пол — тут не нужно было быть оракулом, чтобы прочесть мысли обиженной женщины. Об этом можно было рассуждать бесконечно долго, но все сводилось к одному: предложи ей помощь в борьбе против бывшего, и ты приблизишься к цели сразу на несколько шагов.

Когда ему донесли информацию о том, что Вика слила важную информацию о деятельности Шаха правоохранительным органам, Влад посмеялся над ее глупостью. Дело

было за малым: уговорить ее предоставлять эту информацию тому, кто не куплен преступным кланом и тоже заинтересован в том, чтобы уничтожить Шахновского.

Как удержать подле себя такого выгодного партнера? Одна волна устремлений. Движение к общей цели. В его случае еще и умопомрачительный секс. Жаль только, что сейчас он начал уставать от этой женщины. Может, оттого, что все чаще замечал в ее глазах женскую тоску и ожидание чего-то более серьезного, чем обоюдная вендетта? Пока он балансировал на острие и готов был подыгрывать Вике, но в будущем это грозило обернуться проблемой.

— Иди ко мне. Информация подождет до завтра. — Обнял со спины, увлекая на постель, не дав опомниться, накрыл ее губы долгим поцелуем. Задумчивость начала таять в карих глазах женщины, сердце неистово забилося под его ладонью, когда он сжал ее грудь, отбрасывая покрывало в сторону. Не прошло и минуты, как Вика со стоном выгнулась ему навстречу, вернув ему поцелуй с неистовой торопливостью, обвила своими руками его шею. Горячая кровь монгольских предков воспламенялась моментально, достаточно было искры. Ее щеки покраснелись, карие глаза приобрели оттенок непроглядной тьмы. Хриплое сбившееся дыхание опалило его губы, и Лидер помимо воли сам поддался бесконтрольной вспышке страсти — как и каждый раз, стоило Вике его приласкать или бросить манящий взгляд исподлобья. Желание разлилось по крови жидкой лавой, зазвенело натянутой струной. Оторвавшись от ее губ, Влад скользнул губами в выемку шеи, лаская языком нежную кожу. Пальцы сжали ее грудь, чуть позже их заменили ласки языком.

Возбужденную Вику можно было заслушаться. Ее стоны разносились по спальне, лаская слух бархатной вибрацией, она едва сдерживалась от того, чтобы не накинуться в ответ. Делала над собой усилия и плавилась в этих непередаваемых ощущениях, зная, что любовник сам любит играть ведущую партию в постели.

Резкий звонок телефона показался таким неуместным, что Влад чертыхнулся про себя, отрываясь от груди девушки.

— Элина! — Вика смахнула со лба челку и сделала несколько глубоких вдохов. Иногда ее готовность во всем услужить только вредила. Владу захотелось повысить голос и запретить ей прикасаться к телефону, но девушка ловко увернулась от его рук, игриво приложив палец к губам.

— Наконец-то ты соизволила вспомнить, на кого работаешь! — прорычала в телефон с яростью тигрицы, которую прервали во время любовных игр. — Ты когда должна была мне от...

Влад ощутил перемену еще до того, как Вика заткнулась на полуслове, прервав свою обвинительную речь. Сжал ее плечо, развернув лицом к себе, и кивком велел включить громкую связь. По тому, насколько сильно она была ошарашена, понял, что произошло нечто необратимое. Девушка включила динамик потому, что от испуга не сообразила, что именно делает. Влад не удивился, когда на всю комнату прогремел голос Шаха.

— Что, дорогая, за подругой соскучилась на ночь глядя? — его голос дрожал от ярости, но ироничное красноречие так и не покинуло. — Ты что, сука, думала, я ничего не узнаю?

— Тебя зовут Элина, родной? — в экстремальные моменты в Вике просыпалась тигрица, так случилось и сейчас. Выражение испуга на ее лице сменилось ледяной маской отчужденности. — Или вы вместе в койке?

Влад сразу понял, что именно произошло. Поняла и Вика, но сейчас ее ненависть к бывшему не давала в полной мере это осознать. Она продолжала играть на поле Шаха,

парируя его фразы с искусностью фехтовальщика. Если судить, кто из них был в худшем положении, то явно не по голосу. Лекс был под градусом и говорил на повышенных тонах с оскорблениями, Вика же оставалась хладнокровной и уверенной. Ее накроет не сразу. Раньше Влад переживал, что не мог быть с ней в такие моменты, но сейчас старательно избегал женских истерик.

— Хочешь, приезжай завтра в офис. Покажу занимательное кино, как кричала твоя подруга, когда с нее снимали кожу живьем. Как ты думаешь, она рассказала все, что я хотел знать, или горой стояла за шваль вроде тебя?

— Что с ней?

— Перекрестись, идиотка, мир ее праху. Ты со своими безмозглыми потугами спасти наш брак подвела ее под монастырь сама. Что ты тупая овца, я знал давно, но, б**дь, ты переоценила себя по всем фронтам! Твоя дура работала на Лидера, ты понимаешь, кого сюда пропихнула?!

— Я не знаю никакого «лидера». И я не могу отвечать за то, кто и на кого работал. Ваши методы мне известны, ты и родную мать заставишь признаться в том, чего не было!

— Конечно, ты ни х... не можешь. Ни врубать свои тупые мозги, ни выносить сына. Ничего!

— Леша. — Влад пропустил момент, когда по лицу Вики пробежала тень, а глаза наполнились слезами. — Вот это ты сейчас... зря...

— Овец вроде тебя надо было стерилизовать с рождения, сука. А фотки твоей подружки я пришлю. Успеть бы сделать, пока не зарыли!

— Мразь! — заорала Вика, отшвыривая телефон в сторону и обнимая колени руками. Влад прижал ее к себе, пытаясь согреть душевным теплом и забирая судорожные рыдания.

— Дыши! Успокойся! В ее смерти нет твоей вины!

— В чем? — глухо спросила Вика.

— Так бывает. Это Синдикат. Они всегда расправляются с неудобными, долго не раздумывая... Я предупреждал тебя, чем рискует эта девчонка.

— Причем здесь она?! — вскинулась Вика. — Я после того выкидыша не могу больше иметь детей! А мне сейчас об этом напомнили! Ненавижу...

— Вика, — Влад ощутил, как по позвоночнику пронеслась волна озноба. — Все хорошо. Дыши. Жаль, что мы не смогли ее обезопасить, но...

— Да мне плевать на нее! Ей за это платили!

— Умер человек! — Влад поразился своей горячностью. Цинизм Виктории резанул по нервам даже его, выдавшего виды волка криминального мира. Пропасть с треском расширялась, и он встал, осознав, что желания защитить и успокоить свою женщину в нем больше не осталось. Ему сейчас было неприятно ее обнимать, он поспешил к бару и наполнил два бокала коньяком, втайне надеясь, что сейчас истерика Вики утихнет, и она поймет, что их двойного агента больше нет.

— Пей, — вложил бокал в ее дрожащие пальцы. — За тех, кто не с нами...

— За моих детей, которые никогда не родятся! — прошипела Виктория, залпом опрокидывая стакан. — Напомни мне стереть ее номер из памяти телефона. Ничего доверить нельзя...

Влад взял ее за подбородок и развернул лицом к себе. Напрасно он искал в них проблески грусти или осознания того, что она частично приложила руку к смерти той женщины. Натянуто улыбнулся ободряющей улыбкой и отошел к окну.

Город не спал. Он жил своей жизнью. И сегодня одна из таких вот жизней мучительно оборвалась.

— Покойся с миром, Элина. Я найду того, кто это сделал, не сомневайся, — прошептал он, допивая обжигающий коньяк в два глотка...

Глава 6

9 лет назад

Собирался дождь. “Не успею промокнуть”, - подумала Настя Краснова, непроизвольно вздрогнув от далекого глухого раската грома. Ее пугала гроза, особенно после того, как в детстве она увидела шаровую молнию. Только мало кому она бы в этом призналась.

Мысль о том, что все же стоило надеть одно из платьев, подаренных матерью, почему-то не хотела уходить из сознания. Подсознательно чувствовала, что может повторить историю своего успеха на пляже? Или все дело в том, что Лешка часто забывался и разрывал на ней одежду по шву? Такое отношение к изумительно красивому платью, которое Настя не знала, как носить, было неуместным вандализмом. Учитывая долгую разлуку, сегодня будет жарко, к утру она едва сможет ходить.

Почему была так уверена в том, что Лешка хранил ей лебединую верность? А кто в 16 лет может смотреть трезвым взглядом на подобные вещи? Даже пессимистичные постулаты субкультуры эмо летят ко всем чертям, когда ты встречаешь своего принца на белой “тойоте”. Ты даже не задумываешься, откуда у него такая машина и деньги. Обычно в этом возрасте заканчивают вузы и штурмуют ярмарки вакансий в поисках работы. Тот факт, что принц не стал дожидаться брачной ночи, а грубо трахнул тебя на заднем сиденье этой самой “тойоты”, даже не поинтересовавшись твоим самочувствием, когда застегивал ширинку, — не верх мужского цинизма, а брутальная романтика. Все же девчонки в первый раз испытывают боль, а парни боятся вида крови. Так она и сказала себе в тот вечер, когда Леша, забыв о ней в ту же секунду, пересел на водительское.

— Ты ничего, сойдет, — грубовато хохотнул. Насте бы психануть или разреветься, но она лишь смущенно улыбалась, преодолевая боль. Девушка действительно тогда не хотела плакать и заикливаться на показательном пренебрежении. Боль была куда сильнее, когда она выпускала нанесенные одноклассниками обиды через порезы на внутренней стороне бедра. Тонкая сеточка шрамов сейчас была едва заметна, с появлением Алексея она прекратила этим заниматься. Глупо ожидать розовых соплей и сюсюканья от такого мачо, как ее Лешка. Именно от таких парней тащилось большинство девчонок вокруг. Сильное мужское начало не скрыть, может, именно поэтому они и липли к нему, как стикеры-самоклейки. Даже в этом Настя находила свои плюсы: этот мужчина выбрал меня, а вы отдыхаете! Увы, самообман в столь юном возрасте часто затмевает здравый смысл.

Лифт и тут не работал. Слава богу, восьмой этаж, а не четырнадцатый. Подъем вприпрыжку по лестничным пролетам никак не отразился на ритме ее дыхания, аритмия имела совсем иную природу. Замерла у знакомой до мельчайших деталей бронированной двери, пытаясь вслепую пригладить растрепавшиеся волосы. Сколько бесцельных часов провела у его дверей в напрасном ожидании! Настя не знала, кем работал ее парень, и не спрашивала после жесткого совета не лезть не в свое дело. Часто не дожидаясь, оставляла в дверной щели записки с отпечатком помады и уходила хандрить и культивировать в себе

комплекс неполноценности. “Прекрати оставлять эти идиотские записки, надо мной уже соседи ржут”, - выходил из себя Леха каждый раз после подобного проявления внимания. Настя краснела, обижалась, согласно кивала, но ситуация повторялась с завидной периодичностью. Она свято верила, что втайне Алексей радовался ее наивным посланиям и признаниям. Они не отличались особой оригинальностью: “котик, ты мой наркотик”, “моя тоска безмерна”, “я без тебя схожу с ума”. Иногда она смелела до того, что могла оставить записку “прошлая ночь была незабываемая”. И не имело значения, что вся романтическая ночь уложилась в пару фрикций с параллельным просмотром матча по телеку со стороны Лехи, а самой Насте в безапелляционной форме было предложено возвращаться, откуда пришла. “Я работаю и собираюсь выспаться! Давай, будешь нужна, позвоню”, - кидал напоследок парень, захлопывая за ней дверь. “Он так боится показать мне свои чувства. Или нет, он просто не знает, что с ними делать, поэтому его так и шатает из стороны в сторону»... Светлая сторона в ее понимании была лишь одна: он ее хотел. А разве бывает желание без ответных чувств? Настя засыпала в собственной постели, прокручивая перед сном сладкие подростковые фантазии, пыталась представить, чем сейчас занят ее Леша.

...Вот, к примеру, когда он закрыл за ней дверь, приложил ладонь к бешено стучащему сердцу, кинулся к дверному глазку, чтобы еще раз посмотреть на свою девочку. Провел рукой по дверному полотну, словно пытаясь обрисовать ее силуэт, и грустно улыбнулся. Может, даже прошептал что-то вроде “прости меня, Настена, ты меня с ума сводишь”, проклиная свою резкость, и отправился в постель. Но заснуть так и не смог. Рисовал в сознании картину нежных объятий и поцелуев с ней, своей малышкой, до тех пор пока не забывался сном с улыбкой на губах.

Часто он говорил ей ласковые слова. Говорил красиво, даже сам себя заслушивался при этом. После первого такого выступления Настя сама не поняла, как оказалась на коленях и послушно сомкнула губы вокруг его пульсирующего эрегированного члена, погасив слабый внутренний протест от формы ласк, которые считала для себя неприемлемыми. Как подавляла рвотный рефлекс, интуитивно подстраиваясь под резкие толчки в ее изнеженное горло и пыталась неумело приласкать языком, при этом спрятав зубы. Сглотнула солоноватую сперму под его нежное “моя умничка”, жалея, что это не может длиться до бесконечности. Не потому, что ей понравился сам процесс, а лишь из-за того, что сейчас он говорил ей теплые слова и нежно гладил по волосам и лицу, снимая рефлексорные слезы. Время не останавливалось, и спустя жалкие секунды он вновь становился прежним — сухим и циничным, размыкал ее дрожащие руки, которые тянулись к нему в поиске опоры и поддержки, и сразу находил себе занятие поинтереснее. Например, включить телевизор и развалиться в кресле, забыв напрочь про сжавшуюся на полу Настю. Даже тогда она не плакала. Сглатывала противный комок в горле, надевала натянутую улыбку и бежала на кухню заваривать Лешке кофе. Как ей ни хотелось прополоскать горло, не решалась, боялась обидеть его таким поведением. Приносила горячий ароматный напиток, стараясь не расплескать от странной дрожи в руках, получала сухое “спасибо” и занимала пустующее кресло, стараясь стать бесшумной и невидимой, пока ее мужчина смотрит футбол. От мамы знала: матч — это святое, не стоит мешать, только налить чаю (отец не пил) и принести чипсов. Ей бы задуматься, что эта толерантность не помогла спасти родительский брак, но она всегда подсознательно оправдывала отца: у него серьезная работа в ведомстве, часто сверхурочная, поэтому мама устала с этим мириться. Родителей понимала, а что сама идет по полю с такими же граблями, в упор не видела. Играла с Лешей роль послушной и во всем

удобной девочки, свято веря, что прозреет, оценит, поймет, что лучше ему не найти. Да он наверняка уже это понял, боится признаться и самому себе, и ей. Может, бережет ее таким образом. Работа, судя по всему, опасная: раз она видела его избитым до синих гематом, второй раз в дверь начали стучать, грозя снести ее с петель. Тогда Шахновский грубовато затолкал Настю в ванную, велел не задавать вопросов и сидеть тише воды, ниже травы. “Он переживает о моей безопасности! У него, наверное, действительно очень серьезная работа”, - глупо улыбалась в зеркало девушка, не обращая внимания на усилившейся стук и маты с той стороны двери. Но чем же он все-таки занят?

Все вроде бы как стало на свои места в одно утро. Насте позвонила Светка. Психовала и материлась — кто-то из парней не пришел к ней на свидание. “Ко мне! Ты понимаешь?! Ко мне!” — редела в трубку первая красавица района и угрожала полетом с моста, если Настя все не бросит и не рванет ее спасать с бутылкой вина прямо сейчас. Девушка виновато посмотрела на Лешку, но тот только что жестко отымел ее в коленно-локтевой позе и пребывал в состоянии посткоитального пофигизма. Посмотрела на себя в зеркало. Рядом с Светкой она всегда старалась выглядеть как можно выигрышнее. Но объем прически за ночь спал, а вымыть голову и уложить волосы у нее не было времени. Светкины истерики были наигранными, но Настя все равно неслась спасать подругу по первому зову, не задумываясь, что ею манипулируют.

— Леш, у тебя есть пенка или лак? — бездумно спросила Настя. Когда до нее дошло, о чем именно спросила, прикусила губу, готовая выслушивать оскорбления, но Алексей внезапно вполне миролюбиво ответил:

— В ящике в спальне. Возле футляра с электробритвой.

Настя не успела офигеть. Увидела, что эти средства из мужской линии косметики, и успокоилась. Ей бы рвануть в ванную приводить в порядок прическу, но отчего-то именно сейчас пресловутое женское любопытство проснулось так некстати. Настя осторожно приоткрыла второй выдвижной ящик. Здесь лежали запечатанные рубашки и белье. В третьем — журналы. Спорт и автомобили, ничего особо интересного. В четвертом торчал ключ с брелоком в виде перочинного ножика. Слишком велик был соблазн, и Настя решительно повернула ключ, выдвигая ящик. То, что она увидела, было так неожиданно, что непроизвольно удивленно вскрикнула.

— Ты не заблудилась? — Алексей подошел незаметно, остановившись за ее плечом. Настя вздрогнула, проклиная собственный бесконтрольный интерес. Но сильнее страха перед тем, что сейчас устроит Лешка, было совсем иное чувство. Любопытство и... восхищение. Именно этот спектр эмоций завладел ею при одном только виде черного пистолета на белой ткани. Увы, не водяного, и даже не игрушечного.

Не блестящий, изрядно потертый, со спиленным номером (Настя видела такое в кино). Настоящий. Даже не травматический и не газовый, о чем красноречиво свидетельствовали коробки с патронами рядом. Пара кастетов и заточек — но они не вызвали подобного интереса.

— Я ясно сказал: в верхнем ящике! — он ничего такого не говорил, но Настя почувствовала, как краска стыда заливаает ее щеки. Помимо воли рука потянулась к рукоятке творения Макарова, желая прочувствовать мощь орудия смерти каждым рецептором своих пальчиков. Она действительно не могла пояснить себе, почему ее так заворожил далеко не безобидный пистолет. Когда широкая ладонь Лешки подняла его, сжимая рукоятку и играя курком, ощутила почти детское желание отобрать. Словно это и вправду была детская

игрушка.

— Ну что, Настена, завалить тебя тут, или ты достаточно умна, чтобы сейчас не рас**деть об этом своей шлюхе-подружке? — играя бровями, поинтересовался парень. Насте не было страшно. Это не было столь серьезным проступком, чтобы так наказывать. Она не вздрогнула, когда холодная сталь коснулась ее губ, а в нос ударил резкий запах пороха и смазки. Какой-то едва уловимый разряд тока пробежал по венам — он чем-то напоминал сексуальное желание, но в этот раз оно было направлено вовсе не на парня с потрясающим голым торсом, который стоял напротив и развратно сминал ее губы дулом ПМа. На языке остался противный вкус окислившегося металла, но Настя непроизвольно следила глазами за темным железным стволом, испытывая острое желание выхватить его из Лешкиных рук и рассмотреть как следует.

— Никто не узнает. Он настоящий?

— Нет, это фаллоимитатор, дура. Я похож на сопляка, который собирает игрушечные? — в голосе Лехи проскользнули ноты самолюбования. Настя непроизвольно улыбнулась. Парень сдвинул брови, явно недоумевая, почему его девчонка до сих пор не описалась от страха, мало того, тянет руки, пытаюсь сама взять пистолет.

— Можно мне?

— Тебе? Он стреляет, дура.

— Но он же на этом.... предохранителе? — Настя сама не поняла, почему Лешка послушно позволил ей забрать ствол. Когда пальцы обхватили рукоятку, ощущение было таким знакомым, едва ли не родным. Настя оказалась готова к этой тяжести. Разумная мысль о том, что на нем теперь останутся ее пальчики, мелькнула и погасла. Руки налились силой и практически фантастической уверенностью. Она никогда не знала себя такой раскованной и смелой, как сейчас, когда ее пальцы согрели металл оружия и оно поразительно легко легло в ее ладонь. Шероховатый рельеф, прохлада твердой стали, казалось, ласкали внутреннюю поверхность ладони. Настя непроизвольно сощурилась, вытягивая руку с ПМ вперед и пытаюсь зафиксировать в прицеле Лешкин лоб. Рука ходила ходуном от тяжести с непривычки, но в крови забурлила жидкая лава азарта и того поразительного чувства, когда ты ничего и никого не боишься.

— Опусть, это не игрушка! — холодно велел Леха. Еще час назад от такого тона Настя забилась бы в угол, но сейчас расхохоталась ему в лицо. Смех был иным: глубоким, бархатным, и даже слегка стервозным. Леша все-таки отобрал у нее ствол, но в его глазах на миг промелькнуло нечто новое: быстро тающее восхищение и... интерес.

Запала Насти хватило ровно до вечера. Она холодно осадил Светку, которая ныла и посылала семь египетских кар на голову того, кто посмел пренебречь свиданием с ней. “Тебе-то что, ты никогда не будешь красивой!” — орала Света, но в этот раз заткнулась на самой высокой ноте, увидев новый взгляд подруги: спокойный и ироничный, не принимающий ядовитые стрелы чужих слов. “Попустись, не всем падать у твоих ног”, - припечатала Настя. Вопреки всему они не поссорились: распили бутылку вина и орал под караоке до вечера.

На следующий день Настя позвонила отцу и попросила взять ее на военный полигон...

...Сколько она так простояла, собирая пазлы памяти, у Лешкиной двери? Аритмия отпустила. Нет, она знала, что ее сердце сорвется в бешеный такт, стоит ей его увидеть, кинуться ему на шею и встретить атаку яростного изголодавшегося поцелуя. Нерешительно сжала дверную ручку, случайно надавив вниз... двери оказались не запертыми.

Такое часто бывало, когда он кого-то ожидал.

Двери открылись бесшумно. Настя осторожно прикрыла их за собой, мягко ступая по плитке в тканевых кедах, втайне порадовавшись стечению обстоятельств: сюрприз будет полным. Прислушалась. В спальне работал телевизор. “Напитки покрепче, слова покороче!” — тянул Рома Зверев. Из ванной доносился шум воды. Редкий азарт предвкушения и смелость завладели Настей, и она осторожно положила пакет с подарками на шкафчик для обуви. Мысль о том, что сейчас она войдет в ванную, раздвинет двери душевой кабинки и закроет Лешке глаза руками, восхитила ее. Хорошо было бы перед этим раздеться, но Настя до сих пор не разучилась стесняться своего обнаженного тела. Встала на цыпочки, словно ее могли услышать, сделала неосторожный шаг...

Очень зря она не посмотрела под ноги... и каким образом, во имя всего святого, лаковые женские туфли ярко-розового кислотного цвета на высоком каблуке не попали в поле ее зрения сразу, как она только вошла?!

Пол неумолимо приближался, и Настя едва успела выставить вперед ладони, чтобы не впечататься в ламинат лицом. Жесткий задник лаковой туфельки пришелся на ее коленную чашечку, и она зашипела от боли. Ладони запекло от резкого удара, и девушка непроизвольно выругалась. Эффектное явление, ничего не скажешь!

Что-то не вписывалось в сознание. Если бы она не была в легком шоке от своего падения, сразу бы поняла, что Алексей ну никак не мог носить подобную обувь. Недоумевающе уставилась на яркую туфельку, переворачиваясь на спину и принимая сидячее положение, осторожно взяла ее в руки. До того как по телу пробежала болезненная судорога осознания, она вздрогнула от иной неожиданности.

— Ты кто, кобыла, и какого хрена трогаешь мои туфли?

Голос принадлежал женщине. Вернее, девушке, которая вряд ли была намного старше ее самой. Время замерло, Настя ошарашенно повернулась на звук голоса.

— Ле-е-екс! — манерно крикнула девица, пока Настя, открыв рот, разглядывала незнакомку, испытывая головокружение от чувства нереальности происходящего. Девушка была похожа то ли на ожившую картинку журнала, то ли на популярную певицу, то ли на Наоми Кэмпбелл, если бы той выпало счастье родиться белой. Первое, что бросилось в глаза, — ее идеально гладкая кожа, словно по ней прошлись ретушью фотошопа, длинные густые, слегка растрепанные волосы с косой челкой... и белоснежная мужская рубашка на стройном теле, которая так резко контрастировала с черными чулками на кружевной резинке.

— Лекс! — громче крикнула красавица, с пренебрежением разглядывая Настю. Шум воды в душе прекратился, но Настя едва ли это осознала. Сейчас она смотрела на эту ухоженную телку, открыв рот, а в мозгу, отодвигая осознание факта Лешкиной измены, билась пойманной птицей одна-единственная мысль: она сама никогда не сможет так круто выглядеть.

— Положи на место, они стоят двести баксов! — длинный акриловый ноготок девицы указывал прямо в переносицу Насти. Усмешка уверенной в себе женщины, привыкшей разбивать мужские сердца одним своим видом, тронула ее неестественно розовые губы, тогда как светлые миндалевидные глаза продолжали брезгливо разглядывать Настю. — Капец, панда, ты на себя в зеркало вообще смотрела?

Слова застряли у Насти в горле. Не потому, что она не знала, как ответить на оскорбление. Дверь ванной хлопнула, и она повернулась, уже понимая, что именно увидит.

Алексей откинул назад светлые мокрые волосы, нахмурил брови, разглядывая сидящую на полу Настю. Только тогда она откинула туфельку в сторону, не в состоянии отвести взгляда от Лешки в одном махровом полотенце вокруг бедер.

— Осторожно, платить будешь! — презрительно сказала брюнетка. — Лекс, ты знаешь это убожество? У нее что, ключи?

Настя почувствовала, как ее губы задрожали, а горло сжали первые слезы. Это ей сейчас казалось, что ситуацию можно пояснить как угодно, но сознание неумолимо разложило по полочкам все неизвестные этого уравнения. Алексей пожал плечами, в его глазах не было ни капли растерянности, сожаления или попытки успокоить свою девушку.

— Лиз, подожди меня в спальне.

— Нет, на минуточку, если ты хотел «ле труа», ты не мог найти соску посмазливее? Я с этим страшком не расслаблюсь...

Настя поднялась на ноги. Боль в сбитых ладонях и колене отошла на второй план. Она не понимала, что слезы уже полным ходом бегут по щекам, смывая чернила подводки. Брюнетка вновь презрительно скривила губы, даже не заметив, что Настя инстинктивно шагнула ей навстречу.

— Напиши об этом сопливую песню, эмо, — девушка повернулась, чтобы уйти. Настя не понимала, что произошло в следующий момент. Ее пальцы сжались в волосах пафосной телки, дернув на себя с силой, которой она в себе не подозревала. Испуганный вопль соперницы не остановил ее, наоборот, придав ярости и дикого желания бить, рвать, уничтожать, стереть с лица брюнетки эту гадкую ухмылку. Красотка сама опешила от нападения и, когда Настя, развернув ее рывком к себе, саданула коленом в живот, завизжала, оседая на пол. Пальцы Насти разжались на чужих волосах, но лишь затем, чтобы отвесить пощечину. Отпечаток ладони вспыхнул на идеально гладкой коже той, кого Лешка назвал Лиз. Настя не замечала боли, когда ногти этой телки вонзились в ее бедро, продолжала избивать по лицу и тянуть за волосы. Это был аффект в его чистом виде, именно поэтому она продолжила рваться и пинаться даже тогда, когда Леха перехватил ее запястья, выкручивая за спину.

— Уймись, дура... Ты тоже! — гаркнул он на обеих девушек. Лиз поднялась на ноги, сжимая пальцы в кулак. Удары пришились одновременно: кулак в живот Насти и Настина нога по колену брюнетки. Из-за тканевых кедров он показался слабым, а пальцы прострелило болью.

— В спальню, б**дь! — заорал Леха, теряя терпение. Девушка провела ладонью по взлохмаченным волосам — даже такая прическа ее не портила, наоборот, придавала некий налет агрессивной сексуальности и, сложив губы трубочкой, смачно плюнула в лицо барахтающейся в сильном захвате парня Насти. Затем, сохранив королевскую осанку и расправив ажурную резинку чулка, повернулась и захлопнула за собой дверь спальни.

Хватка ладоней на запястьях Насти разжалась, и она, не понимая, что именно делает, стерла подолом туники чужую слюну со своей щеки.

— Ты что, мать твою, тут устраиваешь?! — Алексей больше не кричал. Его голос дрожал от негодования, как будто не его только что поймали на горячем, а была виновата Настя, которая посмела явиться без предупреждения в неподходящий момент. Раскат грома перекрыл набор матов, которые посыпались на ее голову из уст ее любимого человека. — Ты из села приехала?!

— Ты... я... ты с этой... — задохнулась Настя, не осознавая, что ей сейчас умело

навязывают комплекс ложной вины. — Как ты мог... я...

— А на что ты рассчитывала, идиотка? Ты думала, я буду хранить целибат, пока сама кувыркалась на родине порнофильмов? — Настя не видела его лица за пеленой слез. Четкими остались только его глаза, приобретшие глубокий оттенок абсента. — Я буду делать то, что хочу. Не нравится — на *уй с пляжа! Ты не единственная соска в городе с большими сиськами. И хватит реветь, на тебя гадко смотреть!

— Я же... я думала, мы вместе... — боль заволакивала сознание, пульсировала черной бездной с каждым ударом сердца сломанной жестоким обращением девчонки, наивно верящей в красивую сказку. Алексей вздохнул и показательно закатил глаза.

— Если ты хочешь, чтобы мы были вместе, ты будешь принимать все мои правила. Ты сейчас пойдешь и вылижешь ее, если я тебе это скажу. Ты будешь молчать и соглашаться, и попробуй только открыть рот или кинуться на меня еще раз!

— Ты... ты тварь, Леша. — Настя не была готова к пощечине и непроизвольно заскулила, прижимая ладонь к щеке. Силуэт Алексея вновь размыли подступившие слезы, а слова обвинения застряли в горле.

— Значит, так, идиотка. Или ты сейчас валишь на хер и больше никогда меня не увидишь, — тоном, полным ядовитого превосходства, заявил Шахновский, — или дожидаясь меня на кухне, и я поясню тебе новые правила. Только умойся, меня сейчас стошнит от твоей размалеванной рожи. Можешь помыть посуду, чтобы не было мысли выпрыгнуть в окно или почикать себя. Все равно пользы больше. И запомни, сучка, напиши себе на лбу то, что я...

Трель мобильного телефона прервала его на полуслове. Алексей поправил полотенце на бедрах. В проеме двери спальни появилась Лиз, уже одетая в розовое, под цвет туфель облегающее платье, и протянула ему мобильный. Она улыбалась и на Настю даже не взглянула. Шахновский ответил на звонок, на глазах превращаясь в серьезного и делового.

— Да! Прямо сейчас? — Лешка рассеянно скользнул взглядом по фигуре Насти. — Заезжай, моя на СТО. Да я все понял, смотаемся, пора прекратить этот беспредел. Взять? Там что, до этого реально дойдет? Понял, Славэн, жду, — прервав разговор, Лешка выдохнул, насмешливо разглядывая Настю, которую опять заставил вздрогнуть раскат грома. — На кухню, и не высовываться, пока не позову!

Почему она покорно пошла — и в кухню, а не к входной двери? Слезы заливали глаза, а сердце разрывалось от острой боли предательства, ноги едва ее слушались. Пришлось на ощупь найти косяк двери и так и идти, держась за стену, буквально падая на край мягкого кухонного уголка. Только сейчас ее прострелило натуральными рыданиями, крупная дрожь сотрясла тело. Черные слезы падали на ее безвольно открытые ладони, расплывались мокрыми пятнами по подолу туники. За окном бушевала гроза, струи воды ломались в стекла, молнии прожигали кровь. Казалось, она ощущала их физически, вздрагивая еще до раската грома. Ее внутренний мир рушился. “Это все”, - пульсировала в мозгу одна и та же фраза, и сердце истекало такими же потоками, как и за окном. Но ей сейчас казалось, что они цвета холодной алой крови.

Как много усилий понадобится, чтобы окончательно сломать внутренний мир подростка, которому кажется, что жизнь только начала раскрывать перед ним объятия? Не так уж много. Даже не предательство любимого человека. Достаточно сладковатого дурмана самообмана и паутины иллюзий, которые ты однажды впустила в себя с жадностью изголодавшегося по эмоциям отшельника. Тебе же так хотелось поверить в то, что ты

достойна любви! Что разглядел он в тебе что-то, твой уникальный внутренний мир, твою душу, что ты наконец-то обрела свою каменную стену, и школьные унижения, путь аутсайдера остались далеко позади. Судьба играет людьми согласно теории белых и черных полос. Почему она с рождения знает только ее черную сторону?

Плакал дождь. Плакала Настя, подтянув колени к груди. Дрожь отступала, раскаты грома и вспышки молний, казалось, металась внутри нее, сотрясая руины того, что еще час назад было чем-то целым, ради чего так хотелось жить, улыбаться каждому новому дню и надеяться. Она сама не знала, сколько так просидела, раскачиваясь из стороны в сторону. Рыдания перешли в одиночные слезы, и она непроизвольно прислушалась к шуму в прихожей. Цокот каблучков, приглушенный голос Лешки и... смех этой телки. Почему она смеется?! Неужели ее ни в коей мере не напрягает присутствие Насти? Или она сочла ее вообще недостойной внимания? А может, ей оказалось как раз и не трудно принять эти правила? Почему такая красивая девушка стала с ними мириться? Отсутствие любви или другой интерес, возможно, финансовый? Хлопок двери, но без поворота ключа в замке. Настя непроизвольно вжалась в угол дивана, когда услышала Лешины шаги.

— Хоть бы кофе сделала, — парень застегнул пуговку на рукаве бордовой рубашки, щелкнул кнопкой кофеварки, не обращая на девушку никакого внимания. Когда кофемашина выдала порцию эспрессо, жестом велел Насте пересесть за стол. Поколебавшись, она повиновалась этому приказу.

— Значит, так. Претензий не будет. Оправданий — тоже. — Он не улыбался, выглядел серьезным и сосредоточенным. — Или ты соглашаешься с тем, что я могу позволить себе на стороне любую связь, или валишь к чертовой матери. Выбор за тобой.

— А как же я? — его слова били наотмашь, как и пощечины, отравляли своим цинизмом и жестокостью.

— А что ты? Если ты решила заниматься б***ством прямо перед моим носом, я тебя просто зарюю. Трахать тебя имею право только я, уясни себе. Главное, чтобы мне было хорошо, это понятно?

— Ты думаешь, я останусь с тобой... после этого?

— Останешься. Кому ты нужна? Посмотри правде в глаза, большинство не выпьет столько, чтобы...

— Мне самой придется пить, чтобы что-то было с тобой... — оба говорили на повышенных тонах, и Настя не услышала шагов в коридоре. А может, услышала, но проигнорировала.

— Ты что, сука, разозлить меня решила? — чашка с недопитым кофе полетела в стену, и Настя заорала, когда ее скулу обожгла резкая боль пощечины. Лешке этого показалось мало, второй рукой он сжал ее шею, вынуждая посмотреть себе в глаза. — Ты кому отказать собралась, тварь?

От шока и ужаса у нее пропал голос. Она бессмысленно хлопала ресницами, глядя в потемневшие глаза человека, которого осмелилась полюбить, следила за его ладонью, которая уже замахнулась для следующего удара, и даже не поняла, откуда взялся мужской силуэт за его спиной, который на полпути грубо перехватил занесенную руку.

Хватка на горле Насти разжалась. Все еще шокированная агрессией Лехи, она наблюдала, как появившийся в кухне незнакомец, скривив губы, с размаху впечатал свой кулак в переносицу Шахновского. Почему-то стало от этого еще страшнее, и она непроизвольно заскулила, отодвигая стул подальше.

Незнакомец был высоким и широкоплечим. Темные глаза, темные волосы, волевой подбородок, низко сведенные брови. А еще в костюме. Мать бы одобрила его сразу за один только этот прикид. Он бросил быстрый взгляд на Настю, и на миг девушке показалось, что она увидела его ободряющую теплую улыбку. Но каким-то образом улыбались только глаза.

— Славэн, ты чего? — Леха поднес руку к носу, из которого на пол капала кровь. Неожиданный визитер сдвинул брови, отчего Настя непроизвольно поежилась. Только что он улыбался ей улыбкой доброго терапевта, а сейчас был похож на льва перед смертельным прыжком.

— Еще раз увижу, что ты поднял руку на женщину, — спокойно проговорил этот спаситель, — я сам тебе пол сменю. Усек, о чем я?

— Да это наши разборки, я...

— Еще раз ты ударишь девушку, я велю братве тебя опустить. Повторить третий раз?

Леха выругался и поднес к носу кухонное полотенце под слегка брезгливым взглядом того, кого только что назвал Славэном. Настя не сводила с него глаз и, когда он повернулся, не успела спрятать взгляд.

— Все в порядке? — у нее вновь перехватило горло, когда этот новоявленный ангел-хранитель опустил на корточки, заглядывая ей в лицо. — Ну, хватит плакать. Умойся, и я провожу тебя домой. Идет?

Настя закивала, не понимая, почему соглашается. Она знала только одно: желание покинуть квартиру Лехи стало непреодолимо сильным. В ванную не пошла, побоявшись, что не рассчитает свои силы, открутила кран кухонной мойки и плеснула себе в лицо ледяной водой. Раз, потом второй. Когда вода из черной стала прозрачной, потянула на себя свободное полотенце, осушая влагу. Плакать и правда больше не хотелось.

— Ну, вот так гораздо лучше, — улыбнулся незнакомец. — Не твое это. Не надо прятать такую милую красоту под густой косметикой.

Услышать такое от мужчины было странно, и Настя открыла рот, уставившись на него, как на призрак оперы.

— Как я теперь поеду, кровь не останавливается? — прогнусавил Леха из угла кухни. Славэн к нему даже не обернулся, продолжая согреть Настю своим взглядом.

— А я почему знаю? Заткни чем-нибудь. Тампонами можешь. Если хоть капля попадет на сиденье, будешь менять обшивку. Я не шучу.

Настя нервно прыснула, представив себе это зрелище — Леха и торчащие из его ноздрей тампоны. Не заметила, как Шахновский поплелся в ванную, смотрела в глаза этому симпатичному парню и ощущала, как спазм боли разжимается глубоко в сознании, а внутрь проникают ласковые солнечные лучики.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Настя.

— А меня — Влад.

— Но только что же...

— Имя Владислав можно трактовать по-разному. Ты недалеко живешь? Отвезти тебя домой?

— Не стоит. Рядом.

— Я провожу. — Она сама не осознала, как пошла вслед за ним, как вышла из подъезда, и дождь ударил ей в лицо, за доли секунды промочив тунику. Но она ответила решительным отказом, когда Влад повторил свое предложение и кивнул в сторону автомобиля. Может,

потому, что там уже сидело двое мужчин.

— Возьми зонт, — он буквально вложил его в ее руки, а сам остался под дождем. Его улыбка стала шире, а в глазах появились лукавые искорки: — Отдашь при следующей встрече.

Она так и не двинулась с места. До тех пор пока мимо нее не пронесся Леха с запрокинутой вверх головой и полотенцем в руке и не исчез в недрах «Мицубиси Аутлендер», а сам автомобиль, посигналив на прощание, развернулся и сорвался с места.

Тогда она не могла даже предположить, что когда-нибудь снова с ним встретится.

Глава 7

“Хороши дела”, - со злостью подумала Настя, вовремя расслабив хватку пальцев на ножке бокала. Еще чуть-чуть, и стекло б гарантированно дало трещину. Вообще-то в последнее время она злилась редко, но сейчас сказала усталость и напряжение прошедшего дня. Болели глаза, и пламя свечей раздражало сетчатку. Но не так сильно, как лихорадочный блеск глаз Шахновского. У него не получалось сохранять спокойствие в критических ситуациях.

— Он неуловим. И всегда нападает внезапно.

— Что вы пытались с этим сделать?

— Работаем, — повел плечами Шах, хмуро рассматривая бокал под ровным пламенем свечи. Настя едва сдержалась, чтобы не сказать ему что-то грубое.

— Твоя сеть — сплошное решето. Половина твоих сотрудников — большой и жирный знак вопроса. Данные в свободном доступе. Знаешь, что это?

Она едва не забыла о столь существенной детали. Достала из кармана упакованные в маленький пластиковый пакет предметы, напоминающие резиновые монетки или набойки, и хладнокровно швырнула через стол к Лексу.

— Жучки, — равнодушно констатировал тот, но на миг в его глазах промелькнуло что-то похожее на испуг.

— Расслабься, кипятик для надежности и генератор белого шума творят чудеса. Одного не понимаю, меня не было полгода. Как за это время ты превратил свой бункер в реалити-шоу “за стеклом”?

— Они везде. Я не понимаю, как им удается везде просунуться. У органайзеров месяц назад легли сервера, а потом всю инфу слили в сеть. Ее только чудом выявили на начальном этапе и блокировали.

Настя поморщилась. Ей бы радоваться, что Спикер ее отправил помогать всего лишь координатору игорного бизнеса, а не «органайзерам» — торговцам органами, или живым товаром. К подобным ужасам криминального мира она давно привыкла, но не стерлись, видать, элементарные моральные ценности. Убивать умела с закрытыми глазами и без малейших угрызений совести, не боялась ни бога, ни черта, а вот когда своими глазами увидела транзит живого товара, едва справилась с потрясением. Это была одна из первых проверок на прочность, когда Спикер решил убедиться в стрессоустойчивости своего Ангела. “Познакомлю с важными людьми, — сказал он ей тогда, — в будущем, возможно, придется работать вместе. Приятные ребята, можешь выпить и расслабиться”.

...О да. Ребята оказались приятными. Цитировали Канта и Ницше, галантно ухаживали за Настей и избегали в беседе острых углов, а потом попросили «типично женской оценки

товара». По итогу разговора Настя примерно уловила, чем занимается это подразделение синдиката, но ошибочно приняла за профессиональную проституцию. Когда в огромную комнату буквально вволокли пятерых девчонок, поперхнулась мартини. Не потому, что две из них плакали навзрыд и вырывались из рук крепких братков. Такое она видела впервые. Их руки были скручены за спиной, а шеи плотно охватывали широкие стальные обручи. К каждому крепилась цепь, которая и связывала их воедино с такими же обручами на шеях подруг по несчастью.

Некоторые были избиты, на других разорвана одежда. Две самые молодые плакали, их рыдания становились громче, когда конвоиры с гадкой ухмылкой жалили их разрядами электрошокера. У Насти на миг пропал дар речи, и четверо мужчин, включая Спикера, пристально посмотрели на нее, стараясь прочесть на лице панику, сожаление или неприятие. Настя поняла, что от нее ждут именно этого: срыва, нотации или просто затянувшегося шока. Склонила голову набок и сдавила пульсирующие точки в центре ладоней, восстанавливая душевное равновесие. Годы убойных тренировок не прошли даром: уже спустя несколько секунд тело приняло сгенерированную усилием мысли дозу спокойствия, аритмия плавно сошла на нет, а окружающий кошмар стал напоминать обычную компьютерную игру. Приняв чужие правила, Настя равнодушно пожала плечами, разглядывая несчастных девчонок цепким взглядом. Кажется, продавцы “мохнатого золота” сами были удивлены ее спокойствию и равнодушию, которые в их глазах не выглядели фальшивыми. Руки больше не дрожали, и Настя спокойно отпила глоток мартини, словно ничего необычного на ее глазах не происходило, улыбнулась главарю этого подразделения.

— Обычно мы отбираем двоих из пятерки. Они остаются работать здесь.

— А остальные?

— Турция и Гонконг. — Взгляд лидера группировки казался ласковым. По сути, он был самым опасным из всех присутствующих, это Настя вычислила сразу. Интеллект, читавшийся в его светлых глазах, невозможно было перепутать ни с чем. — Вы можете нам сделать выбор?

— Всему, к чему прикасаются пальцы моего Ангела, светит удача, — самодовольно вставил Спикер, приятно удивленный тем, что его Ангел прошла и эту проверку. На стрелки и допросы он уже перестал ее с собой возить, убедившись в том, что она адекватно реагирует на вопли боли и вид крови.

— С удовольствием, только, боюсь, я мало что в этом понимаю.

Настя поднялась на ноги, стараясь сохранять самообладание, и подошла к пятерке девушек, которых выстроили в ряд.

Все они были молоды и хороши собой. Наверняка те провинциалки и пустоголовые горожанки, мечтающие о карьере моделей и не видящие за призрачным светом софитов мировых подиумов жестоких реалий криминального мира. Заплаканные глаза уставились на Настю в немой надежде — просто поразительно, сколь сильно в критический момент каждая из этих бедняжек готова была поверить в женскую солидарность и отсутствие опасности со стороны своей сестры. Эти взгляды в буквальном смысле царапали сердце. Увы, как бы ни хотелось ей сейчас помочь этим девчонкам, всего лишь одиночным каплям в потоке загубленных жизней, она ничего не могла сделать. Только цинично разглядывать каждую под прицелом испытывающих взглядов царьков этого беспредела, которые буквально прожигали ей спину. Как бы Спикер ни пытался замаскировать очередной экзамен-испытание под спланированную случайность, Настя знала: стоит ей проявить

слабость, оступиться, растеряться — сотрет в порошок, так как видела она уже достаточно из того, чего видеть непосвященным не стоило.

Самая молодая из девчонок сжалась и тихо всхлипнула. Настя попыталась остаться бесстрашной. Этой малышке едва ли исполнилось шестнадцать, совсем как... Нет, эти мысли сейчас были не просто неуместны, а крайне опасны. Старалась не замечать полных немой мольбы глазенок, отмечала про себя, что у девочки длинные русые волосы и миловидное личико. Возможно, она еще девственница. Будет ли этой жертве обстоятельств, попавшей в поле зрения торговцев живым товаром, хоть немного легче, если она останется в стране? Подумав, Настя пришла к выводу, что все же да. В экзотических странах у нее не будет шанса когда-нибудь обрести свободу, здесь же оставалась крохотная надежда на то, что ее отыщут, а если нет — минимальный, но шанс на то, что ее продадут конкретному покупателю, а не запрут в борделе. Повернулась к наблюдавшему за этим осмотром лидеру группировки и утвердительно кивнула, указав на девчонку. Третья по счету в шеренге понравилась Насте спокойствием и вызовом, который умело прятала. Если на эту найдется одиночный покупатель, есть хорошая вероятность, что она со временем сможет им управлять в свою пользу.

— Вы поясните нам свой выбор?

Она не помнила имени ключевой фигуры этой ветви синдиката. Когда он обращался к ней, в его глазах был интерес. Редкое качество для человека, привыкшего получать женщин посредством запугивания.

— Я мало что в этом понимаю, — поспешно ответила Настя и сделала глоток мартини, жалея, что не может выпить его в три глотка, иначе выдаст тем самым свое состояние. — Первая девочка, на которую пал мой выбор, кроме своей миловидности и молодости, неопытна и стеснительна. Насколько я могу судить, ваши покупатели — довольно состоятельные люди, которые пресытились однообразием. За право стать тем, кто заточит ее под себя и станет проводником в мир... чувственных удовольствий, многие готовы щедро заплатить. Вторая умна и умеет держать эмоции в узде, когда это необходимо. Вполне вероятно, что она с легкостью согласится на сотрудничество при правильном подходе и сама зависит свою стоимость на аукционе. Особенно если вы поясните ей ее же выгоду.

— А если впоследствии у покупателя возникнут претензии к ее корыстности?

— Разве вы должны нести ответственность за то, позволит счастливый владелец этой игрушки сесть себе на шею или нет?

— Антон Сергеевич, она великолепна. Я был бы счастлив работать со столь умной и привлекательной женщиной, — чуть ли не воркуя, повернулся мужчина к Спикеру.

Тот решительно мотнул головой:

— И речи быть не может. Возможно, после, но это будет исключительно ее решение. Да, Ангел?

Настя обворожительно улыбнулась. Торговец живым товаром не сдавался.

— Возможно, вам будет интересно оценить товар мужского пола?

— Я не интересуюсь мальчиками.

Брови мужчины взлетели вверх. Настя настолько взяла себя в руки, что рассмеялась тихим чарующим смехом:

— Я отдаю предпочтение зрелым и успешным мужчинам...

— Лагер потерял от тебя голову, — довольно заметил Спикер, когда они возвращались домой из загородной базы-имения работоторговца. — Но ты там быстро заскучаешь. Твои

навыки ведения боя не пригодятся.

— Почему Лагер?

— Уменьшительное от “Лагерфельд”. Когда-то он мечтал стать модельером и даже делал на этом поприще значительные успехи. А потом понял, что продажа моделей принесет куда больше бабла, чем показы и шуршание эскизами...

Два последующих дня Настя была предоставлена самой себе — Спикер улетел на отдых в Европу с очередной молодой супругой, прежнюю недавно расстреляли в ее же собственном автомобиле. Но Антон мало заморачивался. Найти смазливую двадцатилетку такому, как он, было проще пареной репы.

Тогда она закрылась в своей роскошной квартире и сутки глушила виски. О том, что сама едва не оказалась одной из тех девчонок, которых продавали, как скот, и чьи жизни не стоили ломаного гроша, не знал никто. Даже Спикер.

— ...Говори, Лекс, я очень внимательно тебя слушаю, — кивнула Настя, когда Алексей замолчал, обеспокоенно вглядываясь в ее лицо. — И запомни, нет такого понятия “его никто ни разу не видел”. Возможно, это имя носит тот, с кем ты сам каждые выходные паришься в сауне или пьешь за одним столом. Один из тех, кого ты без зазрения совести слил в свое время на пути восхождения. Как и тот, с кем ты работаешь плечом к плечу, но кому мало той власти, что он имеет.

— Ну, Виктория давно точит на меня зуб. Но Спикер наверняка рассказал тебе, чья она дочь и почему у меня связаны руки. Только мозгов у нее не хватит это проверить. Все, на что она способна, — это слить информацию в органы и потом пару лет этим кичиться. А других врагов у таких, как мы, сама понимаешь — вагон и маленькая тележка.

— Ты соберешь мне подробное досье на каждого из них. До мельчайших нюансов. И не смей сбрасывать со счета тех, кого считаешь недостойными внимания. Кому не дал списать алгебру в школе, кого отметелил в песочнице и тех, кому торчишь какой-то долг. И постарайся сделать это к завтрашнему дню.

Звонок телефона прервал раболепные кивания Лекса. Выслушав, он со злостью ударил кулаком по столу:

— Эта секретутка ни хрена не сказала. Валит на Вику. Тогда как именно она знала все детали последнего маршрута и рассчитывала время. Лидер действовал именно по этому плану.

— Мне придется переговорить с твоей бывшей женой.

Алексей закусил губу:

— Аня, нет. Я против. И речи быть не может. Если ее отец взбесится, Спикер меня на ноль помножит.

— Знаешь, мне должно быть все равно, но это моя работа, Шах. Выбирай, какое из зол меньшее: недовольство тестя или очередные проколы из-за того, что ты не предоставил мне необходимые данные. До того как я переговорю с Викторией, будь добр, раздобудь мне всю необходимую информацию. Вплоть до того, с кем она спит, с кем общается и в какой цвет красит ногти. И почему у нее на тебя зуб — тоже. Ты, конечно, мужчина видный, но чесать свое эго историями о том, как она без тебя жить не может, прекращай. Мы оба понимаем, что твоя бывшая не доросла до таких комбинаций. Но то, что она имеет отношение к Лидеру, может оказаться правдой, в отличие от твоей сказки про рухнувший брак.

— Прямо сейчас набрать?

— Нет, я устала. Завтра сделаешь то, о чем я попросила, и после этого мы продолжим

разговор.

Настя допила вино и отставила пустой бокал в сторону.

— Не хочешь допросить эту шалаву, пока она еще жива? — Алексей явно не хотел отпускать Настю. Возможно, все еще надеялся на продолжение вечера в интимной обстановке, несмотря на все события сегодняшнего дня и ее усталость. Впрочем, на других ему, как и прежде, было плевать с высокой колокольни.

— Нет. Это твои разборки. Завтра передашь мне, что она сказала. Если, конечно, заговорит.

Офисный центр опустел. Только вооруженная охрана в вестибюле проводила девушку цепкими взглядами, когда она кивнула им на прощание, на ходу завязывая пояс полушубка. Скользкие ступени присыпало снегом, но Настя сохранила равновесие даже не глядя себе под ноги. Вместо этого запрокинула голову и стянула очки в тонкой оправе, чувствуя, как мелкие снежинки тают на ее пылающих щеках.

Часы на городской площади пробили полночь. Сама столица практически никогда не спала, но сейчас город показался каким-то пустынным... и почти лишенным признаков жизни. Ксеноновые фары “брабуса” подмигнули со стоянки, но Настя все равно осталась стоять на ступеньках, подставляя лицо сыпавшимся с неба снежинкам. Она до сих пор не привыкла к городу, который миновала стороной война. “Не миновала”, - поправила она себя, когда сунула озябшие ладони в карманы шубы и расслабленной походкой направилась к автомобилю. Эти войны для большинства населения проходят незамеченными, но идут уже столько лет, сколько стоит этот город. Криминалитет делит власть, и не проходит ни дня, чтобы адская система не погребла заживо своих очередных жертв. И она сама лишь элитный боец на поле боя, где пули не свистят в открытую, где артобстрелы зачастую ведутся словами в дорого обставленных кабинетах, а убийства так красиво разыграны. Это не грязь и промозглый холод передовой. Но ты никогда не можешь быть уверена в том, что тебе не выстрелят в спину, сколь бы ни был высок класс твоей игры. Каждый из вас — игрушечный солдатик, винтик машины под названием «власть». А незаменимых деталей практически не бывает. Если и существует такая, которая может развалить всю систему своим выходом из строя, ее берегут как зеницу ока. Но значит ли это, что она неуязвима?

“Опять не усну. Буду читать”, - сознание стремилось отключиться от невеселых реалий. Настя села в теплый салон “мерседеса”, велел водителю по пути заехать в кофейню. Очень захотелось кофе. Завтра предстоял нелегкий разговор со Спикером. Судя по всему, недооценивать этого неуловимого Лидера нельзя. Если уж Сам молчал о нем и не счел нужным поставить Настю в известность, это было донельзя серьезно. Еще утром она бы списала это молчание на недооценку противника, но разговор с Шахновским многое расставил по своим местам.

Мир мужчин, где царила патриархальная узколобость. Какой из самцов, пусть даже заслуженно носящих статус альфы этого города, готов признаться в том, что есть иной хищник, который к тому же начал переигрывать тебя по большинству параметров и представлять угрозу? Спикер мог сколько угодно восхищаться мозгами своего Ангела Смерти и доверять ей самые сложные задания, но признаться в том, что кто-то, не раскрывающий своего лица, едва не прикончил его в самый неожиданный момент, было почему-то равносильно падению с пьедестала.

— Занимайся тем, чем я тебе велел, и не смей лезть в то, что тебя не касается! — зарычал на нее телефон голосом Антона Сергеевича еще в машине.

— Тебе это не по силам, просто ищи слабые места в системе и не забивай себе голову фигней! — уже мягче посоветовал он ей утром.

— Это не телефонный разговор, — уклончиво ответил в десять утра, когда Настя вошла в вестибюль офисного центра.

— Хрен с тобой. Досье на почте, — сдался окончательно в обед. — Но если высунешься и позволишь Лидеру себя прихлопнуть... клянусь, я достану тебя с того света и закопаю снова!

9 лет назад

Торговый центр бурлил, как растревоженный улей. У Насти голова раскалывалась от этого шума и суеты. Да, если б тут была ее мать, пришла бы в неопиcуемый восторг... хотя, может, и нет. Сейчас Марианна замужем за Дитрихом, который своей щедростью и желанием радовать супругу славянских кровей поставил под удар миф о скупости и педантичности немцев. Ее маме теперь доступны самые лучшие шопинг моллы и бутики Мюнхена, Кельна, Берлина. На свой любимый прежде торговый центр “Респект Витара” она бы сейчас, скорее всего, не обратила внимания.

В магазине демократичного молодежного бренда началась распродажа. Настя пыталась забиться в угол, стать невидимой, слиться со стенами, но это ей удавалось плохо. Жадные до обновок покупательницы то и дело пинали ее локтями, задевали сумочками, а то и просто толкали в сторону, не забыв наградить неодобрительным или же скептическим взглядом. Улыбались только продавщицы, уже изрядно уставшие, несмотря на обеденное время. Настю оттеснили к огромному стеклу витрины, и она присела на низкий подоконник, молясь про себя, чтобы никто ее не трогал. Как бы не так!

— Ты где?! — послышался визгливый фальцет Светки из-за серой атласной занавески примерочной. — Будь тут, ты мне нужна! Держи, а то вешалки кончились! — на миг шторка приоткрылась, продемонстрировав Красовскую в леопардовом нижнем белье, и на руки Насти буквально свалилась ощутимо тяжелая груда платьев, блузок и брюк.

Девушка бросила тоскливый взгляд на полупустой кафетерий у фонтана напротив отдела одежды. Как ей сейчас хотелось просто выпить чаю, съесть мороженое и вволю насладиться своей тянущейся уже вторую неделю депрессией! Она и так чуть не разревелась, когда утром, ожидая Светку, встретила одну из одноклассниц. Та не стала отказывать себе в удовольствии постебаться над аутсайдером класса.

— Ой, а ты и тот красивый мальчик больше не вместе, да? — пропела одна из королев школьного улья. — Я его видела вчера в центре с та-а-а-кой телочкой! Ой, ты расстроилась да? Краснова, ну прости, я думала, это его сестра. Правда! И вообще она... никакая, короче. Вот. Ну, подумай, ноги длиннее, чем у тебя, патлы гуще и маникюр шикарнее...

— Все сказала, Натали? — вовремя подроспела Светка. Принцип “это моя подруга, и жалить ее буду только я” не прекращал работать ни при каких обстоятельствах. — Ой, а че у тебя с лицом? Прыщиками посыпало? Дать телефон косметолога? Насть, гони ключи, поведу я!

Вообще-то никто из них еще не имел права управлять авто, но кто же помешает дочери полковника МВД?

— У тебя машина? — офигела Наташка Ярова, ошеломленно скользя взглядом по уютному “матизу”, пока Светка деловито вращала на пальце ключи. — Откуда?

— Ей жених подарил. Это лошицы типа тебя сосут за плитку шоколада или билет на трамвай. Адъес, Ярова! — Светка ободряюще улыбнулась Насте, довольная своей шуткой, уверенно повернула ключик в замке зажигания и тронулась с места. — Настен, забей на этих идиотов. Вечером на озеро валим. Рус и его друзья шашлычок замутят, оттянемся на полную. Хватит уже мотать на кулак сопли по своему Лошику.

Если Светлана решила повторить историю своего сокрушительного провала годичной давности и позволить подруге, которая, стоило скинуть балахон, превращалась из серой мышки в диву редкой красоты, вновь ослепить мужской коллектив видом своей роскошной фигуры... да, тогда действительно она напугала ее своими слезами, истериками и заверениями в том, что не может жить без Лешки.

Самое странное, что она осознала произошедшее не сразу. Вернулась домой, оставшись относительно сухой, спасибо тому обаятельному парню, который не позволил Шахновскому ее избить, выпила чаю, включила телевизор, даже удивляясь тому, что нормально восприняла факт измены... Сказалось обаяние того импозантного Владислава или просто организм и психика включили защитные резервы? Сама не понимала. А к ночи накопившаяся боль выплеснулась слезами, криками и острым желанием опять порезать себя ножом, чтобы боль наконец ушла. Сообразила набрать Светку, и уже спустя полчаса ее единственная подруга ввалилась в квартиру с двумя пакетами с логотипами супермаркета. Большую часть провианта составлял алкоголь.

Рыдала долго и в упор не слушала Светку. А когда градус ударил в голову, орала, что сейчас сдаст Леху ментам, а еще лучше, разрядит тот ПМ, что он прячет в белье, в голову... или нет, в голову сильно просто. Прямо в член! И кому он нужен без этого отрубка?

К полуночи подруги упились так, что соседи пригрозили участковым. Кажется, Настя орала в открытое окно о том, что ей никогда не было с ним хорошо в постели, что в Германии она время даром не теряла и спокойно без него обойдется.

А потом потянулись эти бесконечные дни без него. И Настя окунулась в пустоту одиночества, глотая слезы и теряя аппетит, вздрагивала от малейшего шороха шагов на лестнице, часами гипнотизировала телефон, который молчал. Казалось, все о ней забыли. Светлячок, хоть и появлялась набегами, но не сочла депрессию подруги весомым поводом для того, чтобы отказываться от своей личной жизни. Пару раз ненавязчиво предложила Насте присоединиться к ней на двойном свидании, но настаивать не стала. Депрессия все сильнее затягивала во тьму. Сколько раз Настя готова была загрызть себя за то, что не согласилась остаться для Лешки запасным номером, наговорила непонятно чего! Да она закроет глаза на его похождения, пусть имеет эту красавицу по четным, если уж совсем не вмоготу, Настя удовлетворится хотя бы парой раз в неделю... только пусть придет, вернет, скажет, что нужна, не оставляет ее одну в этом кошмаре! Она готова была попросить у него прощения за свои слова в буквальном смысле на коленях за одно лишь право вновь ощутить тепло его рук и горячие поцелуи.

Он просто волк, который не признает никаких ограничений. Пусть официально они больше не будут встречаться, она переживет, дайте ей просто право его видеть, она и на это согласна! Знать, что она не пустое место, не коза отпущения для насмешек и издевательств сверстников... что она нужна такому парню, как Шахновский, несмотря ни на что!

Не успели высохнуть слезы, как Настя осознала еще одну шокирующую правду жизни. Однажды возвращалась из магазина, как обычно в черном балахоне и кедах, когда к ней прицепилась тройка бритоголовых подростков. Вмешался сосед, который вечером выгуливал

собаку, и неофашисты предпочли ретироваться, чтобы не связываться с крепким мужчиной, чей ротвейлер рвал поводок. “Лешка размазал бы их по асфальту. Кто теперь это делает? Кому я нужна?” — продолжала плакать Настя.

Часто она пряталась за деревьями у детской площадки, наблюдая за подъездом своего бывшего парня. Два дня эта слезка не приносила никаких результатов, а на третий и четвертый она беззвучно рыдала, обнимая ствол липы, когда к подъезду бесшумно подъехала белая “тойота” и Шахновский галантно открыл дверцу со стороны пассажирского сиденья, подавая руку этой умопомрачительной Лиз. В первый день на ней было воздушное длинное платье нежно-розового цвета и белые босоножки на высоком каблуке. Во второй раз — ультракороткие шорты, подвязанная под грудью рубашка и яркие кроссовки. В обоих этих образах сверхэффектная дива выглядела так, что Насте захотелось рассыпаться в пыль прямо под деревом. Вечером третьего дня ее сменила рыженькая кудрявая прелестница с модельными параметрами, на четвертый опять вернулась Лиз. Тогда похолодало, и Настя испытала шок, увидев эту красивую брюнетку в облегающем кожаном костюме с косой а-ля Лара Крофт. С ней Леха вел себя по-иному. Они всегда смеялись, иногда даже целовались у подъезда, а в тот день он поднял ее на руки, чтобы перенести через лужи.

Шпионские вылазки Насти оставались незамеченными. Дома она пыталась убедить себя в том, что у новой пассии ее Алексея не все так радужно, что он избивает ту за закрытыми дверями, цинично выпихивает после секса на лестничную площадку, хлопнув перед носом дверью. И наедине с собой Лиз так же плачет, проклиная свои чувства к бессердечному сердцееду, как и Настя.

Вряд ли она тогда понимала, что, сумей так же подать себя и одеться, не уступила бы ни в чем этой яркой девчонке. Как и не могла в силу своей неискушенности допустить мысль о том, что Лиз просто не позволяла Лешке относиться к себе, как к куску мяса. Идеальная стерва до кончиков акриловых ногтей уже держала парня железной хваткой, никогда не вознося его на пьедестал. От таких девчонок теряют голову, готовы достать луну с небес и жестоко расправиться с каждым, кто посмеет забрать. Возможно, она сама его скоро бросит, говорила себе Настя и продолжала ждать звонка, надеясь непонятно на что.

Утром позвонила Светка и сообщила о роскошной распродаже, буквально поставив ультиматум: или Настя идет с ней (вернее, едет, зря, что ли, машина в гараже пылится), или она больше не прибегает ее спасать по первому щелчку пальцев. Насте было все равно. Она лишь надеялась, что шопинг несколько отвлечет ее от мыслей о Лешке.

Слава богу, магазин был женским. Она уже устала от того, что видит Шахновского в каждом светловолосом мужчине. Сидела на подоконнике витрины, иногда протягивая Светке очередное платье, показывая поднятый кверху большой палец на каждый продемонстрированный наряд, скучаяще разглядывая поток людей за стеклом витрины. Очень быстро гора покупок Светки росла.

— Теперь ты! — провозгласила подруга, больно сдавив запястье Насти и потащив ее за собой вдоль рядов с платьями. — Так, это, это, вот это тоже... И голубое берем. Давай, в темпе! — Втолкнула ее в примерочную, опередив стайку школьниц.

После принесла босоножки на каблуке, похожие на те, что были на Лиз в один из вечеров, заставивших Настю плакать.

— Я не ношу платья, ну тебя! — возмущалась Настя. Света ее не слушала. Заставляла выйти в зал и пройтись, придирчиво оглядывая каждый из нарядов.

— Прекрати горбиться и не уродуй платье! Черт, ты улыбнуться можешь? Это снимай...

следующее...

В одном из них Настя себя буквально испугалась. Такое секси ей еще прежде никогда носить не приходилось. Классическое черное с вырезом почти до пупка, чуть выше колена — никаких излишних деталей. Только сейчас Настя стянула “конверсы” и застегнула вокруг щиколоток ремешки босоножек. Провела рукой по шее, осознав, что не хватает какого-нибудь украшения. Уроки матери хоть и пролетели мимо ушей, но все же не прошли даром.

Света опешила. Затем в ее глазах появилось нечто похожее на зависть.

— Снимай. Сильно развратное. Оно не для тебя, я потом померяю.

— То есть тебя разврат не смущает?

— Настюх, ты, конечно, не обижайся, но... такие платья надо уметь носить. И все остальное должно быть в полном порядке.

— Помоги мне выбрать кольцо.

— Я сказала, снимай! Ты думаешь, Леха прозреет, увидев такое? Я тебя умоляю, та темненькая...

Прекрасно. Света тоже увидела эту Лиз. Впервые за все время, прошедшее со своего возвращения из Мюнхена, Настя почувствовала ярость.

— Ты оглохла? Или помоги мне выбрать кольцо — или вали домой, мне консультанты помогут! — потянулась к шее пластикового манекена, чтобы снять с него золотистое ожерелье с тонкими лучиками, и непроизвольно вздрогнула, почувствовав на себе пристальный взгляд.

Он стоял по ту сторону стекла и просто смотрел на нее. Настя сперва даже не поняла, кто это и почему его взгляд показался ей таким знакомым. Словно мазок кисти темной акварелью прошелся по ее лицу, скользнул к груди и ногам с явным наслаждением от увиденного, и она непроизвольно вздрогнула, когда их глаза встретились.

Он улыбался. И отчего-то именно эта вежливая теплая улыбка тронула лед ее арктической хандры, сердце ускорило ритм, а щеки залило румянцем. Настя так и замерла с воздетыми вверх руками. Пальцы никак не желали справиться с замком ожерелья.

Очень тихо приблизилась вежливая продавец-консультант:

— Не стоит беспокоиться, возьмите. И вот еще несколько, они подойдут к этому платью.

Настя рассеянно кивнула, даже не понимая, что продолжает эту игру в “гляделки”. Буквально подпрыгнула, когда Светка сжала ее плечо:

— Эй, ты чего? Смотри, что я нашла. Как раз в твоем стиле.

Настя почти брезгливо отпихнула ладонь подруги, которая подсовывала ей очередную бесформенную тунику.

— Ой... ты его знаешь, да? Какой симпатный!

— Что? Кого?

— Он идет сюда! Стой!

Светка полезла в сумку в поисках бальзама для губ, а Настя почувствовала, что краснеет еще сильнее. Аритмия не проходила. То ли от стыда, что этот парень неделю назад стал свидетелем ее унижения, то ли от... она сама не могла себе пояснить, от чего именно!

— Здравствуй, Настя. — Когда его голос раздался у нее за спиной, пол поплыл под ногами, а стены зашатались. — Какая приятная встреча.

Светка больно сжала локоть подруги, нацепив одну из своих обаятельных улыбок. Поскольку Настя забыла все слова, стоило ей увидеть Влада столь близко, Светлячок решила

действовать сама.

— Здравствуйте, меня зовут Светлана! И у нас сегодня шопинг.

— Владислав.

Сердце Насти упало вниз, когда он повернулся к Светке. «Вот и все, — обреченно подумала она, — все, что могла, ты только что сделала». Остается только наблюдать, как леопард Красовская потащит новую жертву своих чар в свое логово, и лучше добровольно уходить в тень, где ей и место. Но тут же едва не ойкнула от изумления, осознав, что взгляд Влада не задержался на ее эффектной подруге больше нескольких секунд, а устремился к ней, снова согревая, не давая холоду опустошения вновь закрепить свои позиции.

— Я... тоже рада вас встретить... — голос ее не слушался. Дрожал, сбивался, умудрившись прозвучать забито и смущенно.

— Вроде мы были на ты. Кстати, прекрасно выглядишь.

— У меня ваш... твой зонт, — некстати вспомнила Настя, заливаясь румянцем.

Влад смотрел ей прямо в глаза, а не в глубокое декольте платья. Она сама не понимала, откуда это странное тепло и ощущение чего-то незнакомого, но оттого не менее волнующего. Его взгляд не раздевал, не испытывал и не сканировал. Он словно мягким поглаживанием касался напряженных струн ее сознания и размыкал сковывающие его клеммы. Это было невероятно, но сейчас Насте показалось, что, кроме них двоих, в шумном зале магазина больше никого нет. Даже стальная хватка ладони подруги уже не ощущалась.

— Мне... прости, переодеться надо. — Наверняка ее щеки порозовели куда сильнее, чем она предполагала.

Уже за серой ширмой, услышав Светкин смех и ее комплимент костюму Влада, Настя со злости рванула бирку с платья и босоножек. Расправила плечи и быстро подняла волосы вверх, перехватив зажимом для волос. Так ее шея выглядела максимально эффектно.

Света повернулась к ней. Ее ладонь уже по-хозяйски лежала на плече Влада.

— Эй, ты переодеться хотела...

«Быстрая, однако, — подумала Настя. — Нет, дорогая подруга, я, может, и убита окончательно разрывом с Лешкой, и ты считаешь, что я в этом состоянии спокойно отдам тебе этого парня, но в этот раз ты круто просчиталась».

— Передумала, я в нем и пойду. Если ты мне подруга, стоняй за пакетом на стойку. И на, отдай им бирки. Я это покупаю.

Глава 8

День выдался сложным. Вряд ли всю череду этих слитых воедино дней можно было назвать легкой, но предчувствие чего-то необъяснимого — тревоги и азарта, ожидания и мобилизации сил — делало этот день особенным. Лидер привык доверять своей интуиции. Он сам не знал, от кого унаследовал этот дар — предвидеть неблагоприятные ситуации заранее.

Его отец был рядовым работягой. Мать — школьной учительницей. Никаких шпионских тайн в прошлом, никаких сверхспособностей. Еще в начале своего криминального восхождения по ступеням Синдиката он сделал родным левые документы и отправил в Прагу. С тем, кто помог обезопасить близких людей, расправился безжалостно — свидетели ни к чему. Тогда он еще не был настолько ключевой фигурой в карательном отряде первой ветви, чтобы его взяли в оборот, шантажируя жизнью родителей. Копать под его слабости и

привязанности начали лишь спустя год. Он не должен был об этом узнать, но тогда его окружали не профессионалы, а обычные искатели бандитской романтики, которые не всегда умели держать язык за зубами. Поэтому, когда Спикер задал ему вопрос о местонахождении родителей напрямую, просто пожал плечами:

— Я не привык смешивать работу и личную жизнь, к тому же давать повод нашим недоброжелателям как-то надавить путем запугивания. Разве это не плюс, что мои родные далеко и их не всегда могу найти даже я?

Вряд ли бы Спикер простил подобную дерзость кому-то другому, но Владу все сошло с рук. Тогда.

Первое время пытались отследить его телефонные звонки и международные перелеты. Лидер был умен и всегда запутывал следы до такой степени, что вскоре эта слежка прекратилась. Свое дело он знал, и Спикер — тогда он еще не занимал высокой должности в политике — в итоге оставил эти попытки найти слабые точки своего бойца. В Синдикате шла своя война, и Антон метил на трон, компромат на ключевых фигур синдиката оказался куда важнее родных Влада.

Спикер не брезговал ничем: ни избавлением от близких, ни подлыми подставами, ни связями с ментами. Прайма расстреляли прямо на светском рауте вместе с его командой и супругой. О том, что сделали с детьми, Лидер предпочитал не думать. Иствуда завалили доблестные органы с пометкой “при попытке побега” на допросе. Моджахед сам сложил свои полномочия — у него на тот момент сильно подкачалось здоровье. Пожалуй, он был единственным, кого оставили в живых в этой гонке за власть на позиции почетного консультанта. Со временем Моджахед стал добрым другом Спикера, но от дел отошел окончательно. Сейчас бывший криминальный авторитет выращивал капусту и морковь на грядках в своем загородном имении и хорошо себя чувствовал.

Сегодняшняя тревога пока еще не обрела четкого логического пояснения. На всякий случай он позвонил родителям и велел быть осторожными. Вряд ли в Финляндии, куда они уехали три дня назад, чтобы встретить Новый год на родине Санты, их мог кто-то вычислить или вообще узнать, но излишняя предосторожность не повредит.

С утра он жестоко расправился с одним из призраков своего девятилетнего прошлого. Выбора не было: этот человек его узнал. Причем самым банальным образом — занесла же непрошеного посетителя нелегкая в тот самый ресторан, который Лидер считал практически своим штабом. Нет, Щегол изо всех сил делал вид, что его не знает, поспешил ретироваться... На выходе его и взяли при попытке дозвониться по номеру, подписанному как “Шах”. Ностальгия, сказал себе Лидер, когда пустил нежелательному свидетелю своего чудесного воскрешения пулю в лоб на загородной свалке. Выстрел распугал ворон, которые долго кружили в сером декабрьском небе, оглашая пустырь противным карканьем. Мало кто из тех, с кем они тогда плечом к плечу шли напролом во славу Синдиката, остался жив, но вероятность столкновения всегда оставалась.

Как ни странно, после убийства на заваленном мусором пустыре тревога не улеглась. Днем ему позвонил Миша, который уже четыре года был тайным агентом Лидера в игровой ветви Синдиката, а три месяца назад начал работать непосредственно на Шахновского. “Красный код”, - сообщил парень. Влад высказал ему по поводу несерьезного отношения к происходящему, но двадцатипятилетний программист за чувством юмора всего лишь скрывал свой страх и тревогу. Вот сейчас он сидел в ресторане напротив Лидера и пил коньяк медленными глотками, стараясь выглядеть невозмутимым и бесстрашным. Может,

кого-то бы и смог этим обмануть, но Влад видел, насколько напуган и растерян один из его лучших засланных казачков.

— Закусывай и не нервничай. Запаниковал ты, конечно, зря. Иногда оценка ситуации ошибочна, мы делаем много поспешных выводов, — он по-отечески улыбнулся Михаилу, подвинув к нему блюдо с бутербродами.

Парень смущенно моргнул, наткнувшись на пристальный взгляд темных глаз своего непосредственного шефа. Бисексуал с мозгом в несколько тысяч гигабайтов всегда терялся в его присутствии.

Михаил не был похож на хакера в представлении большинства. Вместо растянутого свитера — клетчатый джемпер, вместо обкусанных ногтей — аккуратный маникюр, стильная прическа с графическими полосами над ушами и тонкие очки без оправы. Любимчик почти всех без исключения дам, которые занимались в епархии Шаха не теневой бухгалтерией, отчего часто выбалтывали ему важную информацию в неосознанном порыве. На Шахновского женская группировка лишь тайно облизывалась, с Мишей у них срабатывал исключительно материнский инстинкт.

— Я бы хотел ошибаться, Владислав, но слишком много совпадений даже для пресловутого женского любопытства, — программист отложил надкусанный бутерброд, от волнения переплетая пальцы в замок. — Она уже заранее знала, что искать. Аудиторская проверка — хлипкий миф. Конечно, она догадалась, что кто-то сможет отследить историю посещений и запрашивала данные последних отчетов и роста прибыли, но избирательно. Бухгалтерия запаниковала с ее появлением и попросила поставить их в известность о том, что она ищет. Ну, я нашим девчонкам всегда рад помочь, и хорошо, что они ко мне обратились. Я не знаю, кто эта женщина, вернее, могу примерно предположить по уровню ее знаний и близости к боссу. Но она точно не аудитор.

— Расскажи о ней подробнее. — Влад отошел к окну, наблюдая за проезжей частью.

Шел густой снег. К вечеру наметет сугробы. Он не знал, почему обратил на это внимание.

— Вот тут начинается самое интересное, — Миша запнулся на полуслове, когда сосредоточенный и отстраненный официант принес кофе и еще одно блюдо с бутербродами, и заговорил, только когда он ушел: — Я попытался пробить эту красавицу по базам МВД. Дома еще трижды по базе Интерпола. Пусто. Ни малейшего совпадения. Я использовал изображение с видеокамер, качество не айс, но обычно и его половины хватает, чтобы человек нашелся. Здесь пусто.

— Запись у тебя с собой?

— Да, в папке “грудастые шлюшки”, восьмой файл.

Влад усмехнулся находчивости парня. Хочешь спрятать информацию — прячь на самом видном месте. Нашел на смартфоне нужную папку с файлом.

Качество и правда было не ахти.

— Я нарезал нужные моменты. Вестибюль и коридор. Мне показалось, она избегала камер. К тому же Вася из отдела продаж говорил, что и раньше видел эту девчонку в офисе. Но я тогда не работал с Шахом. Год назад точно была, она появлялась редко, но он ее запомнил. Говорили, что она вроде как любовница босса.

— И что заставило тебя усомниться в этом?

Лидер поджал губы, когда на черно-белом видео появилась фигура Спикера. Он поспешно перемотал назад, потому как на вошедшую за несколько секунд до этого девушку в

коротком полушубке с собранными в узел светлыми волосами не обратил внимания. Камера смазывала черты ее лица, стекла очков слегка бликовали.

— Понимаю. Ее Сам привел.

Влад смотрел на экран. Вот Спикер и незнакомка подошли к дверям лифта, девушка кокетливо поправила прическу. Следующий кадр — большой коридор. Снова крупным планом Антон, блондинка как будто намеренно держится в тени его крупной фигуры. Конечно же, она не обязана смотреть прямо в камеру наблюдения, но... Всего лишь миг, доля секунды, чтобы отметить, как дрогнули веки девушки. Прием бокового зрения, который мало кто может использовать незаметно. Мало кто. Но этой девчонке удалось. Наклон головы — так, чтобы лицо не попало в кадр.

Приемная Шахновского. Сердце на миг пропустило глухой удар при виде ныне покойной Валлиулиной. Спикер камер не боится, не считает нужным прятать лицо, а девчонка держится спиной к объективам. Даже когда они выходят вместе с Лексом, ее дар прятать лицо выше всяких похвал. Кабинет, который ей выделили для работы, в слепой зоне.

Вот оно! На таймере записи 22:07, когда незнакомка покидает свой кабинет и наверняка забывает о камерах слежения. На лице следы усталости, но она все равно спешит в кабинет Шахновского. В приемной на доли секунд объектив выхватывает ее профиль, приятную улыбку при разговоре с Элиной. Новый кадр. В приемную вваливается охрана Шаха, один из них бьет тайного агента ногой в живот, буквально тащит за волосы в кабинет Шахновского. Таймер замирает на 23:04, когда Элину вытаскивают из кабинета и волокут прочь по коридору.

Кулаки Влада против воли сжимаются от ярости и невозможности помочь этой девчонке. И вместе с этим выстраивается логическая цепочка. Непроверенные данные, которым он наверняка найдет доказательства. Подтверждение своим выводам — на следующем кадре. Блондинка выходит в коридор, склонив голову. Она в порядке. Слегка пошатывается. Скорее всего, усталость. Вестибюль, кивок охране, тонкие пальцы на ходу завязывают пояс полушубка. Уже на пороге отходит на безопасное расстояние из зоны камер, смотрит в небо, бесконечно долго, перед тем как двинуться к парковке. Вчерашний день показан необходимыми моментами. Сегодняшний день — запись успеваешь запечатлеть ее появление. На сей раз на ней длинная шуба, которую она сдает в гардероб, черное платье и сапоги на высоком каблуке. Густая длинная челка скрывает часть лица, практически делаю ее неузнаваемой. Приемная Шаха, на месте секретаря кто-то из молодых бухгалтеров. На этом запись обрывается.

— Это все, что я успел заархивировать и нарезать, — голос Миши дрожит. — После этого спустя пятнадцать минут запись уничтожили. Доступ по IP-адресу Шаха. Как раз когда она там находилась. Про Элину говорят, что она уехала проведать родных на неопределенный срок. Спустя час запись заменили: нарезка из выборочно взятых дней.

— Никто не знает, что ты видел эту запись?

— Не знаю. Я запаролил канал. Но боюсь, это откроется... если они уже этого не сделали.

— Я не слишком силен в ваших хакерских фишках, но поясни, разве есть кто-то, кто может тебя обойти? Или эта кукла так сильна в твоей парафии? — Не то чтобы Лидер все еще отказывался воспринимать всерьез появление этой девчонки и засвет Валлиулиной, но что-то ускользало от его пристального внимания. Пока что это можно было списать на недостаток информации, но он уже осознал, насколько все серьезно.

Михаил допил коньяк. Только сейчас Влад заметил, насколько сильно парень напуган. Наполнил его стакан и твердо кивнул, велел пить и продолжать рассказ.

— Она... она сама нет. То есть ее знания на порядок выше большинства из тех, кто получил образование по этому профилю, но она совершила несколько ошибок при попытке вскрыть мой секретный канал. Сейчас попробую пояснить... — Лидер строго-настрого запретил парню апеллировать сленгом аййтишников в разговоре с ним, и Миша старательно подбирал слова. — Есть несколько ступеней защиты моего канала. Хакнуть возможно только при поэтапном подходе, и обычно это занимает продолжительное время. Но еще вчера вечером две первые ступени разлочили за считанные минуты. Я сегодня обезопасил канал... попросту удалил все, что может на меня указывать. Но если им оказалось под силу сломать мой шифр, восстановление данных для них тоже не составит труда. Среди наших это под силу только одному человеку. Скорее всего, впрягся Гейтс.

— Как я понимаю, не Билл.

— Этот Гейтс в свое время сделал того самого Билла. И еще ряд других монстров в сфере программного обеспечения. Среди наших о нем буквально ходят легенды, он может взломать абсолютно все. Я рад бы ошибаться, но это именно его почерк. Вскрытие с интервалом позволяет ему получить максимум информации. Влад, я не знаю, кто эта женщина... но блин, она знает, что делает. И у меня ощущение, что она все знает про меня. Я сегодня с ней столкнулся в коридоре, душа ушла в пятки. Вы знаете, что я никогда не был излишне мнительным, но здесь буквально чуйка: она уже поняла, что я работаю на два фронта, и ждет доказательств, чтобы сдать меня Шахновскому. Сперва я думал, что раскололась Элина, но откуда ей знать, что я тоже работаю на вас?

— Успокойся и не забивай себе голову излишней ерундой, Михаил. Ты блестяще выполнил свою работу. Можешь считать ее законченной. Оставаться там тебе теперь опасно. В городе — тоже. И как ты пояснил свое отсутствие на работе?

— С этим проблем не возникло. Сказал Шахновскому, что еду за дополнительными прогами, которые повысят безопасность сервера. У него это большая тема, отпустил не задумываясь.

— Сейчас поедешь с ребятами к себе домой. Пулей собирай вещи, не забудь загранпаспорт. Будь готов вылететь вечером, я посмотрю, с какой визой будет быстрее. Вернешься к весне, когда здесь станет поспокойнее. И прекрати нервничать. Ты выполнил свою работу, а свои обещания я всегда сдерживаю. Закусывай. И расскажи мне подробнее про эту даму.

— Вроде как ее зовут Анна. Она если старше меня, то ненамного. Носит голубые контактные линзы, скорее всего, у нее светлые глаза. Волосы, предположительно, окрашены под натуральный оттенок. У нее брендовая одежда... — Михаил запнулся и покраснел под слегка ироничным взглядом Влада. — Спортивная фигура. Такое впечатление, что она проводит большую часть времени в спортзале, но вместе с тем... знаете, я не могу пояснить. В ней как будто чувствуется физическая сила. А смотрит... мне показалось, сканирует насквозь и читает твои мысли. Ее привозит водитель. Никакой охраны. Он никогда не заходит в здание. В первый день ожидал ее на парковке. Когда я уходил, машины не было. Номер записал на всякий случай. 008 ДН, “Мерседес Брамбус”. От кабинета, в котором она работает, два комплекта ключей. У нее и у босса. Я там никогда не был, но, судя по мощности машины, которую ей предоставили для работы, проверка совсем не аудиторская.

— Спасибо, Михаил. Поезжайте собираться. До вылета поедешь с Анвером на квартиру.

Сим-карту...

— Уже, еще час назад. Это новая.

— От телефона тоже постарайся избавиться. Перебрось мне запись. И спасибо тебе за помощь.

Влад дождался, когда файл перейдет на его карту, и протянул парню ладонь. Тот не мог скрыть удивления, пожимая руку человеку, который однажды обратился к нему за помощью по пустяковому вопросу, а спустя время предложил работу. Тогда Мишка ухватился за нее обеими руками. Она так высоко оплачивалась, что он не стал долго раздумывать. Единственное, на что парень хотел надеяться, — на то, что это сотрудничество продолжится. Владислав обещал, а его обещания никогда не были пустыми. Этот мужчина с цепким взглядом всегда относился к нему как к ценному сотруднику, никогда не реагировал предвзято на его нетрадиционную сексуальную ориентацию и не требовал невозможного. А если бы потребовал, Мишка сделал бы для него не задумываясь.

Доброжелательная улыбка, призванная, скорее, успокоить парня, погасла на губах Лидера, едва за Михаилом и Анвером закрылась дверь. Пригубил коньяк, запустил запись, внимательнее всматриваясь в фигуру блондинки, из-за которой часть его агентурной сети в логове врага прекратила свое существование. Наблюдая за ее излишне резкими из-за монтажа записи движениями, понял, что имел в виду Мишка. В каждом ее движении скользила грация опасной кошки. При внешней невозмутимости она была похожая на хищницу, которая готовилась к прыжку. “Кошки — гангстеры животного мира”, — вспомнилась цитата Макса Фрая. Мужчина поставил запись на паузу на том моменте, где в кадр попало ее лицо. Девчонка была хороша собой. Вспомнилась та самая, с виллы Спикера, которую он тогда недооценил. Возможно, это один и тот же человек?

— Кто же ты такая? — вслух спросил Влад застывшее изображение. Отложил телефон в сторону, уже зная, что последует за этим. Каждый раз, когда он видел привлекательную женщину, его мысли со скоростью света устремлялись в прошлое. Словно молчаливое напоминание о том, чем закончился тот единственный раз, когда он позволил почувствовать себе нечто большее, чем обычная привязанность или сексуальное вожделение. С детства он держал свои чувства под замком. Его миновала как школьная, так и студенческая любовь. По сути, он даже не знал, что это за зверь такой. Но тогда его вселенная содрогнулась под натиском чего-то необратимого — того, что не подавалось никакому контролю.

...В тот день шел дождь. Вернее, ливень. Бушевала гроза. В такую погоду хотелось просто остаться дома и позволить себе выспаться. Кореша говорили, что он энерджайзер, который может обходиться без сна. Конечно, тогда он был моложе и выносливее. Его деятельность была напрямую связана с применением физической силы. Чтобы не растерять форму, он никогда не позволял себе спать меньше шести часов. Увы, беспредел не выбирает время и подходящие погодные условия. Залетные орлы напали на инкассаторский конвой Спикера, двоих уложили на месте. Их успели взять, теперь необходимо было допросить с пристрастием. Узнать, на кого работают и от кого получили информацию. Девять лет назад подобные поручения были для Влада, которого в группе называли Славэном, в порядке вещей. Собрать группу, по пути подобрать Викинга и ехать за город выполнять работу дознавателей.

У Викинга дверь не закрывалась. Как Влада бесила эта безалаберность того, кого Антон Сергеевич под давлением заставил назначить своим помощником! Но все же им пришлось работать вместе. «Когда-нибудь я точно разряжу обойму в потолок его квартиры, — решил

Влад — может, после этого станет относиться к происходящему серьезнее!»

Первое, что он услышал, зайдя в квартиру, — это женский плач. Недовольно поджал губы. Хрен знает за сколько времени предупредил Викинга, что едет, уже можно было выставить своих шалав из квартиры и быть наготове! Звуки рыданий перебивались воплями Шахновского. Испытывая острое желание съездить этому “напарнику мечты” по физиономии, Лидер пошел прямо на звуки разыгравшегося скандала. Викинг на него даже не взглянул, занятый своим делом. Влад едва успел заметить сжавшуюся на кухонном уголке перепуганную девчонку — кулак этого урода замер перед ее лицом, готовый нанести удар. Вот тогда вся сущность мужчины со своим кодексом чести, который не мог позволить себе не то что ударить, даже оскорбить женщину, шарахнула в затылок горячей волной по дрогнувшему сознанию, требуя одного: уничтожить на месте того, кто посмел применить силу к беззащитной малышке. Кажется, тогда он ослеп от ярости. В два шага перехватил занесенную для удара руку Викинга и наконец-то осуществил свою давнюю мечту. Послышался хруст, и несколько капель крови из разбитого носа этого долбодятла брызнули на сатин рубашки. Буквально резанул по сердцу испуганный вопль девчонки, которая в ужасе вжалась в спинку дивана.

«Еще раз ты поднимешь руку на женщину, я в**бу тебя, как телку!» — кажется, он сказал мягче. Все-таки в комнате находилась девушка. Что лепетал Шахновский в свое оправдание, не слышал: в ушах стоял звон от почти натурального бешенства. Перевел взгляд на эту девчонку, ощутив, как яростную агрессию накрывает иная волна — какой-то щемящей нежности и желания укрыть собой, согреть и стереть слезы. Она прятала свое лицо, стесняясь его, нечаянного свидетеля сцены, как будто именно он сейчас представлял для нее угрозу! Сам тогда не понял, как сумел успокоить ее парой теплых слов, подвел к раковине и поддерживал, пока она не смыла следы слез и потекшей туши. Викинг ныл, как баба, заливая пол кровью из носа. “Тампоны вставь”, - издевательски посоветовал тому. Вот тогда она улыбнулась. Сквозь слезы, которые все еще стояли в больших светлых глазах, робко, словно спрашивая у него позволения на проявление подобной эмоции. “Совсем девчонка”, - подумал про себя Влад. Без косметики она выглядела практически подростком, и Лидер мысленно попросил всевышнего дать ему сил для того, чтобы не пустить пулю в череп Викинга. Малышка, которая так отчаянно хотела казаться взрослой. Ей не было места в этой квартире, с этим бахнутым на голову тираном, такой человек, как Викинг, вообще не должен был прикасаться к подобной даже взглядом. Желание увести ее как можно дальше отсюда, чтобы обезопасить на будущее, сделать так, чтобы никогда не коснулись ее подобные измывательства, на тот момент стало непреодолимым. Да и видеть то, что не полагается, ей тоже не стоило.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Он так и остался стоять под дождем, отдав ей зонт. Она сказала ему свое имя. Настя. Влад сам не понял, отчего ему в тот момент стало как-то легко и тепло, несмотря на то, что под дождем он промок до нитки за считанные секунды. Может, грело осознание того, что сегодня он неожиданно для самого себя выступил борцом за справедливость? Не позволил Викингу избить эту девочку до бессознательного состояния — судя по тому, что успел увидеть, тот наверняка собирался? Садистские замашки Шахновского были налицо. Сел в машину, продолжая смотреть на эту беззащитную фигурку с его зонтом в руках до тех пор, пока не выперся Шах. Кровь у него долго не хотела останавливаться. С сожалением бросил последний взгляд на застывшую у подъезда Настю, жалея, что не может проводить домой и

убедиться, что та в безопасности. Поймал в зеркале заднего вида понимающую улыбку своих парней и рванул с места, подняв веер дождевых брызг.

В тот вечер их вылазка увенчалась успехом. Напавшие на черных инкассаторов сознались практически сразу. Тогда и пошли первые чистки в рядах Синдиката. Спикер боролся за власть и избавлялся от слабых звеньев цепи в своей системе...

Она не была красавицей. Она была неприметная и перепуганная, когда он увидел ее впервые. Не было привычного мощного эротического желания, ускорений сердечного ритма и пресловутой влюбленности с первого взгляда. Было лишь желание защитить ее от жестоких реалий окружающего мира. Настолько сильное и поглощающее, что, зародившись в момент первой встречи, оно ни на миг не сбавило свои обороты в последующие дни. Влад ловил себя на мысли, что каждую минуту пытается представить, что с ней сейчас происходит, чем она занята и не добрались ли до нее опять грязные лапы Викинга. Несколько раз ему показалось, что он узнал эту девчонку в случайных прохожих. И каждый раз перед этим его сердечный ритм почему-то сбивался, озноб и жар в солнечном сплетении чередовались с острым желанием остановить и почему-то непременно обнять. Может, чтобы удостовериться через тактильное ощущение, что ей больше не причинили вреда? Никогда и ни с кем он не испытывал подобного желания. Как будто, спасая ее от замаха кулака Шаха, приковал себя к ней крепкими цепями последующей ответственности и обязательства охранять от других непредвиденных ситуаций.

Когда он встретил ее во второй раз, небеса рухнули. Вернее не небеса, а бетонные перекрытия торгового центра. Вернее, не рухнули, а пошатнулись. А еще точнее, все это ему показалось. Заехал за презентом на день рождения, кажется, Сереги, выбрал позолоченную зажигалку, решил выпить кофе перед сбором в офисе Спикера и чисто случайно задержался взглядом на огромной витрине магазина. Типично девчачьего, судя по обилию розовых цветов в дизайне интерьера. Сперва не понял, что произошло. Эта девчонка замерла в одной позе, отчего казалась манекеном в витрине. Отошел на расстояние, все еще не веря, что видит ее снова. Узнать ее было сложно — глаза были так густо подведены черным карандашом, что она выглядела на несколько лет старше. И на ней было платье. Платье, которое демонстрировало отнюдь не детские изгибы фигуры.

Она почувствовала его взгляд, вздрогнула... и тут он понял, что нет никакой ошибки. Влад не помнил, во что она была одета в их первую встречу, какого цвета у нее волосы, но этот взгляд, казалось, отпечатался клеймом на его сетчатке. Он бы узнал его из тысячи до мельчайшего штриха на светло-серой радужке. Именно его он подсознательно искал в толпе, до конца этого не осознавая. Стоял и пялился на нее, как озабоченный подросток, а на его губах расплывалась счастливая улыбка кладоискателя... который отыскивал свое сокровище в каменных джунглях мегаполиса. Даже не задумался о том, хочет ли она его видеть, да ему сейчас было на это наплевать, буквально выпорхнул в заполненное покупателями помещение, не замечая никого и ничего вокруг. Ее щеки залил румянец, когда он подошел к ней ближе. Очень некстати выпорхнула подруга. Та самая, первая из серии “красавица и дурнушка”, привыкшая за счет менее привлекательной спутницы тянуть все внимание на себя. В других обстоятельствах он снял бы подобную девчонку для себя на пару вечеров ничего не обязывающего секса, но сейчас эта выхолощенная красота не задела ни единой струны внутри его сознания. Коктейль тестостерона и эндорфина ударил в голову лишь от одного взгляда на Настю, устремившись затем целенаправленным потоком вниз. И это было

уму непостижимо: при наличии глубокого декольте, приоткрывающего ее тяжелую грудь, каблуков, из-за которых ее ноги казались невообразимо длинными, он испытал сексуальное возбуждение от иного: от румянца на ее скулах и этого детского, смущенного, даже слегка испуганного девичьего взгляда. Она не отвела глаза, хотя мало кто мог удерживать его взгляд бесконечно долго.

Он чудом он не пошел за ней в примерочную, растерянно кивая на щебетание ее смазливой подруги, кажется, Светланы, желая лишь одного: чтобы мир вокруг замер, перестал вращаться на столь бешеной скорости. Чтобы не осталось в этот миг и в этом месте никого, кроме него и Насти, чтобы не краснела от смущения и не убегала под серый полог шторки. Чтобы просто обнять ее и передать через свое тепло немой посыл о том, что никогда он не даст ее в обиду. Чтобы вновь поразиться, на этот раз ее самообладанию, когда она вышла из кабинки совсем иная: улыбающаяся и уверенная в себе. Глаза, правда, выдавали, бегали от растерянности, да и плечи она усилием воли держала расправленными, балансируя на высоких каблуках. Ее голос слегка дрожал, когда она резко ответила подруге и отправила ее на кассу.

Он проклинал про себя свой сегодняшний распорядок дня. Откосить от планерки у Спикера не представлялось возможным, а больше всего ему хотелось буквально взвалить эту малышку на свое плечо и унести подальше от растревоженного улья торгового центра — туда, где ему никто не помешает... всего-навсего смотреть в эти доверчиво распахнутые глаза цвета северного моря и слушать дрожащий от волнения голосок, наблюдать, как мимолетно зарождается и гаснет на ее губах робкая улыбка. В тот момент он понял, что сделает для этого все.

— Как насчет того, чтобы вернуть мне то, что ты одолжила? Завтра вечером в... суши любишь?

Казалось, покраснеть сильнее невозможно, но ей и тут это удалось. Кивнула, словно испугавшись последствий своей смелости, и отвела глаза. Влада буквально выжгло сладкой судорогой по позвоночнику при виде этой бесхитростной улыбки. Вряд ли ее обладательница осознавала, что с ним сотворила ее детская непосредственность.

— Продиктуй мне свой номер, — он старался, чтобы его голос звучал тепло и мягко.

Записал, вслушиваясь в мелодичный перезвон этого дрожащего голосочка.

— Я позвоню завтра. Очень хочу увидеть тебя снова.

Очень некстати вернулась подруга. А ему так хотелось поцеловать Настю на прощание в эти разругавшиеся щеки, что пришлось сделать над собой усилие и лишь слегка пожать ее пальчики, чтобы не напугать сильнее. Когда Настя вместе с этой белокурой охотницей на мужчин скрылась за ширмой примерочной, подошел к стойке консультанта.

— Я оплачиваю покупку, которую вам только что сказали. Платье и босоножки. Вы можете подобрать к ним сумку и аксессуары? — девушка кивнула, показала ему несколько сумок. Влад выбрал ту, что, на его взгляд, подошла бы к платью, и еще несколько ожерелий. Расплатился, подмигнув понимающе улыбнувшейся консультантке. Вот теперь ему хотелось ускорить время. Ускорить, чтобы скорее наступил завтрашний вечер и он наконец увидел бы ее снова.

...Он только вышел из душа, растирая плечи полотенцем, когда телефонный звонок прервал полет по долинам воспоминаний. Влад собирался ехать на конспиративную квартиру, чтобы передать Михаилу билеты и сопроводить в аэропорт. Он еще не знал, что

услышит на том конце провода.

— Лидер, у нас ЧП. Полчаса назад расстреляли машину Анвера. Он сам и хакер мертвы. Пацан сразу, Анвер скончался в реанимационной машине...

Пол задрожал под его ногами. Сцепив зубы так, что десны полыхнули острой болью, он с размаху впечатал кулак в лакированную поверхность стола.

— Кто?! Как?

— Их ждали. Они едва успели отъехать со стоянки у дома хакера...

“Я опоздал”, - ярость вместе с отчаянием прорвала плотину ледяного спокойствия. Шакур еще что-то говорил, кажется, о том, что Михаила убили сразу, Анвер отстреливался, пока не получил пулю в сердце. Судя по всему, была попытка захватить его живым для допроса. Влад кивал, чувствуя, как остатки самообладания осыпаются осколками у его ног. Анвер. Он был с ним с самого начала. Первый, кого нашел Лидер, вернувшись в город спустя несколько лет, первый, кто так обрадовался его чудесному воскрешению и намерению стереть Синдикат с лица земли. Тот, кто собрал бригаду самых верных и преданных Лидеру. И сейчас он погиб, потому что Влад недооценил опасность, уже во второй раз не осознал всей серьезности положения.

— Сбор в Семипутовке через сорок минут. Обзвони всех.

Время замирает, но Влад сам не понимает, как сумел взять себя в руки, как не разбил автомобиль на скользкой дороге... Хотелось рухнуть на колени в рыхлый снег, чтобы кричать, выплеснуть в мрачные зимние сумерки боль от потери своего друга. У него больше не было никакого права на слабость.

— Минута молчания. Помянем Анвера и Михаила.

Когда минута истекла, он заговорил:

— Вы знаете, что делать. Просмотрите запись и найдите мне эту шибко умную б*ядь в кратчайший срок. Живую. Эта тварь не заслужила легкой смерти...

Его слушали внимательно, не перебивая и не задавая излишних вопросов. Спустя полчаса Лидер незаметно сунул таблетку под язык, запил водой и устало опустился в кресло...

Глава 9

Настю трясло. Буквально выкручивало все мышцы тела, включая сердечную. Да что с ней такое?!

Она — Ангел Смерти высшего уровня. Предмет профессионального вождения спецслужб и криминалитета, идеальная машина для аналитического выслеживания и уничтожения. Одна из десятки лучших. Вторую женщину, которой удалось достичь подобных высот — Ингу, снайпершу от бога, год назад выследили и жестоко с ней расправились. Таким образом, осталась только Настя. Учитывая тот ад, через который пришлось пройти, буквально выгрызая свое право быть лучшей, можно было смело утверждать, что она куда выносливее, умнее и сильнее оставшейся восьмерки мужчин. Тогда как за ними изначально признавалось право на победу, ей, девчонке, приходилось это доказывать изо дня в день.

На ее счету много убитых. Кто-то — лично ею, кому-то она всего лишь подписала смертный приговор. Это стало практически рутиной, которая забывалась сразу, не позволяя совести и морали возмутиться положением вещей. Чем ее сегодняшнее открытие отличалось

от тех, что приходилось делать ранее?

Может, ей не стоило говорить с этим парнишкой. Черт, да она даже подсознательно оттягивала время, вскрывая кодами Гейтса его защитные пароли, словно давала ему возможность опомниться и уйти. Якобы случайно поймала его в коридоре, чтобы напугать и заставить таким образом осознать серьезность произошедшего! Увы, при всем своем интеллекте и способности быть незаметным этот смысленный Мишка в душе оставался обычным тщеславным подростком. Все равно Настя поняла по его растерянности, что он обо всем догадался, отследил вскрытие и успел удалить некоторые данные. Пытался казаться храбрым и стойким или же надеялся собрать последние крохи информации? Никогда она еще так не колебалась, как в этот раз. Увы, у парня инстинкт выживания был начисто атрофирован. Если б не эти никому не нужные понты супермена, уже бежал бы сломя голову. Гордость не позволила обратиться в бегство или же вера в покровительство того, на кого он работал?

Тянуть дальше было опасно. Гейтс общался со Спикером, и Настино промедление можно было толковать двояко. Хакер Миша еще был в здании офиса, когда Настя решительно толкнула дверь в кабинет Шахновского. В тот момент ей хотелось, чтобы Лекс в своей обычной манере достал из бара бутылку вина, попытался ее погладить и начал говорить о том, как скучал по ней все эти дни. Хотя бы минутная отсрочка, крохотный шанс на то, что пацан сумеет удрать и выжить! Но после вчерашних событий Шах был на взводе, вздрагивал от каждого шороха и находился в состоянии полной боевой готовности.

Настя подошла к бару, взяла первую попавшуюся бутылку коньяка и плеснула себе в бокал.

— У нас очередная крыса. — Внешне она оставалась спокойной и расслабленной, даже это своеволие сейчас выглядело вполне естественно: устала от долгой работы за монитором и просто позволила себе согревающий релакс. — Лекс, твою мать, полгода! Полгода моего отсутствия, а у тебя столько кротовых тоннелей. Ты хотя бы пытаешься проверять каждого, кто к тебе приходит? Или ждешь, что у них на лбу будет стоять клеймо “шпион”?

— Кто? Б**дь, Аня, не тяни кота за яйца! — Шах сжал кулаки.

Девушка насмешливо сдвинула брови, и мужчина сразу сжался, его глаза растерянно забегали, в них даже появилась заискивающая полуулыбка.

— Я уже на пределе. Спикер грозитя спустить с меня шкуру, если я ему к концу года не наведу тут порядок и не притащу этого Лидера за шкуру. Я вообще не спал этой ночью, сколько мне еще удастся продержаться в подобном состоянии...

— Мне вот интересно другое. Этот Лидер за год выкосил подчистую все ключевые фигуры в торговле живым товаром, сорвал семь сделок; жертвы дали показания, и Спикер едва замаял это дело. Авторынок буквально отжат этим мифическим красавцем. Органайзеры временно притихли, потому как их система безопасности попросту рухнула, а они не могут найти концы в поиске тех, кто их сливает. Ты у нас такой незаменимый герой, что Спикер поручил охоту на Лидера тебе? Это первый момент. Второй — почему вас до этого устраивало текущее положение дел? А впрочем, не обращай внимания. Ты слишком мелкая пешка, чтобы задаваться столь философскими проблемами. Так, мысли вслух.

— Анька, прости за мат, но я з**бался вкрай. Спикер сам не справляется со своими обязанностями, не раскрывает своих карт, зато требует невозможного — в этом он первый! Наверняка ему уже не все неподвластно, пытается спасти то, что осталось. Синдикат скоро рухнет. Начнется новый виток войны! И за каким бортом я окажусь и будет

меня терпеть новый босс, очень большой вопрос...

— Не бойся раньше времени, Лекс. Судя по всему, у Синдиката сейчас настолько тяжелые времена, что желания бороться за власть ни у кого не возникает. Если сейчас начнутся междоусобные войны, Лидеру даже шпионов внедрять не придется. Возьмет вас голыми руками, — Настя злорадно улыбнулась.

При всей своей показательной крутости Лешка оставался банальным винтом в системе. К тому же резьба этого винтика уже порядком поистерлась. Оставалось только предполагать, насколько сильно он презирает своего босса, если непроизвольно разоткровенничался с ней. Ведь она даже не начинала расставлять психологические ловушки.

«Как же ты выжил на этой руководящей должности с такими нервами?» — подумала Настя. Алексей даже не скрывал свое психическое состояние, пальцы вертели карандаш, а лихорадочный румянец не сходил с его лица.

— Кто, Аня? — глухо повторил Алексей. Его усталость отпечаталась на лице. Губы сжались в плотную линию, он даже не замечал облегающего платья сидящей рядом девушки, которую действительно желал с самой первой встречи. Сейчас это желание временно угасло на подкорке сознания. Иначе быть не могло: только вчера безжалостно расправились с первым выявленным шпионом, сегодня вычислили второго, и это были только первые фигуры в последующем списке разоблачений. Опасения за собственную жизнь отодвинули инстинкт продолжения рода на задний план.

Он не узнал ее спустя восемь с половиной лет. Угрозами ее заставили помогать тому человеку, который сломал ее жизнь за считанные месяцы. При всем желании слить его вражеской группировке здесь и сейчас Настя была вынуждена тянуть его за уши из этого болота и пачкать руки в крови тех, кто, по сути, являлся ее единомышленником в стремлении уничтожить Шаха. «Ничего, — сказала себе Настя. — Иногда, чтобы выиграть войну, нужно проиграть бой». Когда-то ей сказал эти слова человек, который за несколько недель стал ей безумно дорог и который так и не смог ее спасти. Шах свое получит. И в этот раз она не будет действовать сгоряча, дождетя подходящего момента. Скорее всего, уберет его чужими руками, несмотря на желание самолично запихать ему в глотку ствол револьвера и разрядить обойму.

Молчать дальше становилось опасно. Девушка отставила пустой бокал.

— Михаил Колесниченко. Лекс, я понимаю, что ты с трудом можешь отличить жесткий диск от жесткого секса, но, принимая на работу IT-специалиста, ты просто обязан был прошерстить его по всем базам, и не единожды!

— Этот ботаник? Аня, да он пистолет видел только в комиксах...

— Вот в этом твоя основная ошибка! Ты понятия не имеешь, что можно оставить без штанов даже Пентагон при определенном складе ума и гениальности. И для этого не обязательно иметь в распоряжении арсенал оружия и уметь им пользоваться. Я тебе поясню. Каждый документ, запись, разговор детально фиксировались и передавались твоим недоброжелателям. И весь твой информотдел даже при желании не мог это увидеть, потому что это юное дарование сделало себе засекреченный канал, который смог взломать лишь другой хакер. Лучший в Европе. Данные сливались у вас под носом. Ты поспешил грохнуть Элину, тогда как от нее было вреда куда меньше.

— Б**дь! — Шахновский вскочил, едва не опрокидывая кресло. — Я собственноручно ему глаз на ж*пу натяну! — Весь показательный лоск мужчины с обложки слетел с него в

этот момент, остался лишь обычный гопник-браток с замашками мелкого барыги. — Я ж его сам отправил за какими-то блокираторами каких-то кей-логеров... Ушел, мудак хренов...

— Успокойся! — повысила голос Настя. — И хватит материться при мне. Можно подумать, ты возглавляешь банду тупой шушеры, а не ветвь игорного бизнеса.

— Прости! — Алексей поспешно дернул на себя створки бара. — Этот сопляк ушел! И я не знаю, что ему удалось слить!

— Я тоже не могу тебе с точностью сказать, что именно он узнал. И не надо смотреть на меня таким взглядом. Сломать его защитные коды незаметно никому не под силу. Понятное дело, что он это рано или поздно заметил бы. Моя тебе настоятельная рекомендация: хватит суесться. Быстро вноси коррективы в маршруты инкассации, меняй ответственных за логистику хотя бы на ближайшие часы и усиль охрану. Ну, и этот гений кибернетики не должен уйти. Разыскивайте. Я бы допросила с пристрастием, но не факт, что он видел лицо того, на кого работает. У хакеров своя система общения с руководством. Обычно дистанционная.

Ей хотелось верить, что парнишке удастся сбежать. Она сама не могла себе пояснить, чем этот парень отличался от большинства тех, кого она в свое время сама рассекретила и обрекла на зачастую мучительную смерть. Если бы у нее было больше времени! Хотя бы неделя, чтобы взять Мишу Колесниченко в оборот, не посвящая Алексея в свои планы, и попытаться узнать больше о том, на кого же он работает. Никто не знал, кто же был этот таинственный Лидер и что из себя представлял. Но когда против твоего врага играет другой сильный противник, который пока что не знает о том, что у вас общие цели, его, во-первых, нельзя недооценивать, а во-вторых, стоит обдумать, каким выгодным для нее может быть теоретически возможное сотрудничество.

Но с этим пойманным шпионом это было трудновыполнимо. У Насти не оставалось сомнений, что именно он сливал большую часть информации, нападение на машину инкассации было совершено с его подачи. Время на теоретически возможную вербовку играло против нее. Если в течение недели — а в этом у нее не оставалось сомнений — произойдет очередная диверсия, под ударом окажется вопрос ее профессионализма и лояльности Синдикату.

Настя согласно кивала, слушая, как Алексей раздает по телефону распоряжения, и пыталась справиться с приступом странной дрожи. Ей все же пришлось включиться в процесс и подсказать Лексу оптимальный вариант изменения планов транзита денежных средств. Это была еще одна ловушка для тех, кто мог сливать эту информацию вне офиса Лекса.

— Как я устал от всего этого, — простодушно пожаловался Шах, впервые за сегодняшний день скользнув по фигуре Насти пылким раздевающим взглядом. — На нас вешают те проблемы, которые им на своем Олимпе решать не с руки. При этом не дать вообще никакой информации, против кого мы боремся...

— Ты вчера повел себя точно так же, так что хватит скулить. Тебе нужно радоваться, что мы латаем дыры в твоей безопасности и делаем это оперативно.

— Может, пошло оно сегодня все к черту, и мы можем отпраздновать это в более... интимной обстановке? — Алексей менялся буквально на глазах. Адреналин от очередной победы на этом фронте, заслугу в которой он не моргнув глазом припишет себе, ударил в мозг, напомнив о том, что в кабинете сейчас находится привлекательная молодая женщина. Прежде всего — это, а не тот факт, что она только что обезопасила его дальнейшие шаги.

Настя с трудом сдержалась, чтобы не сказать что-то язвительное по поводу этой ухмылки мартовского кота. Лекс был предсказуем до невозможности. Она уже заранее знала, как скоро мужчина поднимется с кресла, каким именно шагом подойдет к ней и на какое плечо положит свою ладонь. Когда-то она вспыхивала, подобно спичке, от одного прикосновения, кровь закипала моментально, сотрясая сладкой судорогой предвкушения; ему не надо было долго разогревать ее перед сексом. Да он никогда этого и не делал. Брал свое, словно варвар-завоеватель, быстро, резко... ничтожно быстро. Но тогда Настя Краснова уносилась в такие запредельные дали, из которых возвращалась не сразу. Даже после, уже наедине с собой, смеялась счастливым смехом и прокручивала эти моменты в памяти, прогоняя сон. Теперь же скользящий нажим его пальцев не вызвал ничего, кроме раздражения и усталости.

— Что тебе надо? — процедила сквозь зубы. Ее мысли то и дело возвращались к тому мальчишке. Успел ли? Догадался замести следы? Сообразил, что его рассекретили и к себе домой сейчас лучше не соваться?

Нет, Насте не было его жаль. Это было иное чувство. Едва ли не уважение к тому, кто столь долгое время балансировал на грани и недооценил опасности до тех пор, пока не стало поздно. Он не был ее врагом. Но волей чокнутой судьбы она вынуждена была подставить его под удар практически недрогнувшей рукой.

— Аня, оставь риторические вопросы и прекрати быть сукой. Ты же хочешь меня, я знаю.

Ладонь Шаха сдвинула вниз воротник-стойку ее трикотажного платья. Наверняка этот нервный соблазнитель пытался эффектно проникнуть дальше, но стрейчевая ткань стала преградой на пути его пальцев. Настя его не остановила, лишь слегка повернула голову, вглядываясь в потемневшие от желания зеленые глаза. Сейчас они лихорадочно сверкали, и дыхание мужчины сбилось. Теперь много времени не надо было уже ему: похоже на то, что он уже находился в полной боевой готовности.

— Что, позволь спросить, натолкнуло тебя на подобные мысли?

— Анька, это в твоих глазах... в каждом движении...

Его губы скользнули к мочке ее уха, прошлись невесомым касанием. Хоть тело и отреагировало на дразнящую ласку на физиологическом уровне, в душе Насти стыла ледяная пустыня. Этих жалких искр было недостаточно, чтобы вызвать ответный отклик.

— Я хочу усадить тебя на этот стол... стащить с тебя платье... драть тебя до крика... пытаться каждым проникновением своего члена до тех пор, пока ты не...

— А ведь мне почти хотелось, пока ты не открыл рот, — ласково протянула Настя, сбрасывая его ладони с шеи. — Это в пятнадцать лет я наверняка бы кончила от одного твоего писка. Может, тебе попытаться счастья с аудиторией помоложе?

«Наверное, отчасти ради этого я играю роль, от которой сводит зубы — роль телохранителя того, кого однажды убью», — с удовлетворением подумала Настя. Лекс не сумел скрыть своих эмоций. То, что она достигла своей цели этими словами, читалось в его потемневших глазах. Он практически отшатнулся от нее, и на его лице появилась тень ненависти и ярости.

— Ты знаешь, что делать. Надеюсь, справишься без моей помощи. А мне не мешает перекусить и отдохнуть от вашего дурдома, — припечатала Настя.

— Распорядиться заказать тебе столик? — процедил сквозь сжатые зубы Шах. Наверняка ему стоило невероятных усилий не сорваться и не высказать ей все, что он о ней

думает.

Настя не собиралась его шадить:

— Я и сама в состоянии это сделать. И маленькая просьба: я, конечно, на связи, но не смей меня в ближайшие несколько часов дергать по пустякам!

Шах открыл было рот, но зуммер селектора уберег его от опрометчивых слов.

— Константин Никеев... — испуганно пролепетала исполняющая обязанности референта.

— Пусть заходит! — гаркнул Шахновский.

Настя столкнулась в дверях с начальником охраны — высоким мужчиной с военной выправкой и пронизательным взглядом. Приветливо кивнула и направилась к выходу, чувствуя, что он смотрит ей вслед.

...В ее городе царил зима. Падая снег, белый и мягкий, укрывающий собой улицы, дома и деревья. Он, словно чистильщик в белых перчатках, стремился скрыть следы городской слякоти и любой тревоги белым покрывалом городской зимы. Снежинки переливались холодным серебристым отливом в ее волосах, таяли на пылающих щеках девушки, их холодное касание ощущалось как ласковые, невесомые поцелуи. Холод минусовой температуры сковал ладони, но Настя не спешила укрыться в теплом убежище салона автомобиля. На противоположной стороне улицы располагался небольшой парк. Заснеженные ели были покрыты белыми шапками снега. Холод разогнал народ по теплым помещениям, и на белоснежном ковре не было ни единой цепочки следов. «Я буду первой», — решила Настя и, проигнорировав зебру пешеходного перехода, перебежала через проезжую часть, рискуя поскользнуться на высоких каблуках. Густая сень засыпанных снегом елей, казалось, отрезала ее от шума суетливого города, приглушила громкие звуки автомагистралей, словно заключив в объятия. Снег скрипел под подошвами модельных сапожек, заметал цепочку следов искрящимися снежинками. Она не замечала холода, легкой боли в пальцах и покалывания в разругавшихся на морозе щеках. Необъяснимое никакой логикой тепло разливалось внутри нее, но такое знакомое, что казалось почти родным.

Она никогда не знала, почему его чувствует. Это было даже не столько ее ощущение, сколько послевкусие от азарта, словно она ловила кого-то, и всякий раз, когда она пыталась понять, кого именно и почему, оно приглушалось, гасло, исчезало, оставляя после себя пустоту. От этого было почему-то больно, и вскоре она перестала пытаться найти истину. Как часто это тепло спасало ее, когда, падая от усталости и боли во время изнурительных тренировок в «обители ангелов», она хотела все бросить! Акура, мастер боевых единоборств, помешанный на духовных практиках, единственный знал, что с ней происходит. Она не откровенничала, да ей это и не надо было: японец умел читать по лицам. «Предназначение. Если твое, оно даст тебе силы» — это все, что он тогда сказал, но Настя кожей ощутила недосказанность.

Первые несколько лет это состояние практически не покидало ее. Потом стало приходить все реже и реже. Иногда она просто от него отмахивалась, но чаще погружалась в это необъяснимое тепло. Ей было хорошо. В такие моменты казалось, что она нашла во тьме свет яркого маяка, за который ухватилась с отчаянием заблудившегося в море скитальца. Кто зажег его для нее и продолжал это делать? Она не верила ни в бога, ни в дьявола. Она была Ангелом куда более реальных, приземленных и жестоких сил.

Девушка опустилась на скамейку, смахнув снег ладошками, которые тотчас же неприятно укололо холодом. Скорее по инерции, чем от необходимости, натянула на

покрасневшие пальцы теплые кожаные перчатки. Мороз хлестал наотмашь по ее щекам, теплое дыхание оседало инеем на ресницах и волосах, а внутри расцветала весна. Она всегда была с ней, вне зависимости от времени года. В удушающую жару — глотком прохлады, в лютый мороз — теплом ласкового огня. Может, это действительно был дар свыше, не позволявший ей утратить себя прежнюю — ту самую девчонку, которая умела не только проклинать несправедливую жизнь, но и радоваться ее светлым моментам? Теплая волна достигла щек, сменив морозное покалывание легкими, словно касания ладони, поглаживаниями. Как и раньше, это прикосновение показалось ей знакомым и практически родным, убаюкивающим нежностью, про которую она забыла на долгие годы. Почему-то захотелось горячего крепкого кофе, как будто это тепло и желание были связаны в единую неразрывную цепь. Набирающий силу, но пока еще ласковый вихрь подхватил осколки памяти, разгоняя горячую волну, — казалось, от ее мощной силы сейчас растает снег, не успев прикоснуться к пылающей коже...

Она была теплая. Сильная. И вместе с тем — до невозможности ласковая. Словно боялась этим неосознанным поглаживанием опалить скулы, которые еще помнили совсем иные прикосновения — пусть не сильные, но хлесткие и унижительные удары другого мужчины. Тогда ей показалось, что эта слегка шероховатая ладонь пытается унять фантомную боль воспоминаний, вобрать ее в себя через рецепторы, растворить в крови, откуда они уже никогда не вырвутся обратно. На губах горчил привкус изумительного кофе, у которого был цвет глаз спасителя из прошлого. Но когда он ее гладил, радужка меняла свой оттенок до манящей глубины балтийского янтаря. Казалось невероятным, невозможным связать воедино бесконтрольную нежность в этих глазах с обликом их обладателя. Когда смотришь в такие глаза, тебе кажется, что они гипнотизируют, вбирают в себя до последней капли, держат крепче цепей. Разрыв зрительного контакта подобен падению с высоты. И несмотря на это, пугливая, стеснительная и забитая Настя Краснова никогда не боялась в них смотреть, наоборот, боялась потерять их пылающую глубину топленого шоколада и янтарного виски — просто поразительно, как они меняли свой цвет!

В нем была сила. Бесстрашие. Уверенность. Даже опасность. Ей бы следовало бояться, но она не умела. Не смогла и с этим. Словно две сущности уживались в нем — завораживающая сила и целеустремленность волка-одиночки и согревающая нежность, которая, ей всегда казалось, готова была выйти из берегов, сметая любые преграды на своем пути. Она и остерегалась, и хотела утонуть в ее бескрайних водах, мало задумываясь о том, сможет ли дышать на этой глубине. Влад и сам был осторожен, словно боялся напугать и тем самым оттолкнуть ее от себя.

Она никогда не задумывалась, любил ли он ее — этот потрясающий мужчина (парнем его язык не поворачивался называть), некоронованный король преступной группировки. Ее никогда не пугало то, чем он занимался, если о чем-то и приходилось переживать — только о том, что он каждый день рискует жизнью. Когда Влад произносил ее имя, часто это было волнующе, с придыханием — не фальшивым и наигранным, как у Шаха, а естественным, — ее сердце начинало биться чаще. Он словно выписывал руны какого-то тайного заклинания на ее сознании этим прочувствованным “Настя”. В такие моменты исчезало все: подростковые комплексы, ядовитое послевкусие предательства, боязнь впустить в свою жизнь нечто новое. Столкновение двух галактик, таких непохожих друг на друга, соединяло их воедино незыблемым законом притягивающихся противоположностей. Просто поразительно, как одну слепую влюбленность со скоростью света вытесняла иная, более

зрелая, цельная и сильная. Наверное, у нее не было выбора, кроме как принять на себя эту волну чужой восхищенной нежности, у него не было возможности избежать этого внезапного влечения, которое вломилось в его жизнь, не спрашивая позволения.

Кроме них, в этом городе больше никого и ничего не существовало тем жарким летом. Волна от взрыва самых волшебных и непередаваемых эмоций снесла все на своем пути, похоронив в лучах мощнейшего светового излучения. Этот свет вместе с теплом подобрал свои ключи к сущности Насти Красновой, проник в кровь, заполнил собой каждую клеточку — чтобы остаться там навсегда, чтобы греть ее своим огнем даже через время. Даже тогда, когда сам его источник прекратил гореть.

Она узнала не сразу. Не верила. Отрицала. Это было невозможно, но Влада уже девять лет как нет в живых.

Почему сейчас? Почему она продолжала чувствовать это тепло? Оно осталось с ней, чтобы не дать ей сойти с ума? Чтобы помочь выстоять? Чтобы рано или поздно узнать, кто приложил руку к смерти Влада и разобраться с ними раз и навсегда? Сейчас она остерегалась забегать так далеко. “Сначала я”, - решила в тот самый день, когда получила предложение от Синдиката. От таких предложений не отказываются. А она и не хотела. Это была прекрасная возможность подобраться вплотную к тому, кто был изначально приговорен ею. Ради кого она вытерпела годы персональной преисподней, чтобы однажды вернуться и сделать то, что подогревало в ней жизнь все это время. Цель. Путь к ее осуществлению. И пусть весь мир подождет.

Снег кружился и падал, заматывая цепочку ее следов, выравнивая белоснежный ковер на земле. Тепло огня постепенно затухало, возвращая неприятные ощущения покалывания в пальцах. Дорогие модельные сапожки не спасали ее заледеневшие ноги от холода промерзшей земли. Усталость давала о себе знать, и Настя поднялась с лавочки, чтобы двинуться обратно, к парковке. Она бы прекрасно обошлась без обеда, но желание вырваться из обители зла в образе штаба-офиса Шаха было непреодолимым. Даже несмотря на то, что она сама являлась частью этой системы.

Вновь появились мысли об этом башковитом, но до глупости беспечном мальчишке. Они не покинули ее и тогда, когда девушка пригубила сухое светлое вино в полумраке ресторана. Нет, они не помешали ей наслаждаться стейком из мраморной говядины, коктейлем из морепродуктов и изумительным тирамису, но в мозгу буквально пульсировала одна-единственная мантра: “Выживи, включи мозги, убирайся прочь из города”. И ей хотелось верить в то, что рассекреченный агент Лидера ее услышит и не преминет воспользоваться советом.

“Все оказалось не так просто и совсем нелегко, верно, дорогая?” — горячая вода омывала ее тонкие ладони, а зеркало выдало совсем уж непривычное отражение: хладнокровная убийца высшего класса в нем выглядела подавленной и обеспокоенной. Такое уже бывало. Когда интуиция о чем-то настойчиво сигнализировала, маска не желала держаться на ее лице, слетала, выдавая истинные эмоции. Вряд ли бы кто-то, кроме нее самой, это заметил. Очаг холодного пламени разгорался в районе солнечного сплетения, сигнал о скрытой опасности. Слишком часто это предвещало неприятности, чтобы просто так проигнорировать. Что ж, это не в первый и не в последний раз, и нет ситуаций, с которыми бы она не справилась.

В ресторане ей вряд ли что-то угрожало. На город упали тяжелые сумерки, когда девушка вышла на крыльцо и боковым зрением изучила периметр. Ее рука якобы случайно

нырнула в сумку, но на самом деле курок “беретты” был взведен. Ничего подозрительного она не заметила, не ощутила чужого взгляда или сгустившейся тишины, которая всегда предвещает собой опасность. Только испытала острое нежелание возвращаться. Словно знала наперед, что ее надежды относительно Михаила уже провалились.

Девушка в приемной что-то пролепетала насчет того, что босс занят. Настю это не остановило. Вновь по лицу Шахновского, занятого диалогом с начальником охраны, пробежала тень восхищения, которая тут же растаяла. Наверняка он вспомнил о ее резкой отповеди несколько часов назад.

Цепкий взгляд Никеева задержался на ее фигуре. Настя ослепительно улыбнулась этому профессиональному изучению без малейшего намека на плоский интерес. Этот человек тоже числился в ее списке вероятных подозреваемых.

— Как наши дела?

Шахновский откинулся на спинку кресла, его губы скривила довольная ухмылка:

— Не успел уйти. Да, Костя, ты свободен.

Настя не успела рассмотреть бумаги, которые Никеев быстро сгреб в охапку, да и вряд ли там было что-то интересное. Девушка испытала легкий укол досады оттого, что Михаил так и не смог их перехитрить.

— Допросили? Что сказал?

— Он ничего уже никому не скажет. Успели в самый последний момент, хотя на удачу и не надеялись. Но этим тупым хакерам компьютерные железки важнее жизни, уложили на месте. Вместе с водилой. Нет, я прекрасно знаю, что не надо было их убивать, но тот урод открыл огонь на поражение! Одного из моих зацепило. Я им сказал действовать по ситуации!

— Я не буду комментировать твою тупость, Лекс. — Шах, похоже, сам был рад вырыть себе могилу. Следует сегодня же донести Спикеру, что его ставленник не может решить даже самые простые задачи.

— У нас было мало времени. Аня, черт, он бы уложил их всех! — довольная улыбка погасла на губах Шахновского. — Ты думаешь, он бы стал с нами разговаривать? Их чуть не упустили при попытке взять живьем...

Настя ничего не ответила. Просто встала и вышла из кабинета, не слушая оправданий Шаха. Спикер хорош. Мало было заставить ее работать на врага, надо было заставить работать на дебила, который не понимал элементарных вещей! “Моя работа на сегодня закончена. Хотя есть еще кое-что”, - подумала девушка, возвращаясь в кабинет и скидывая файл еще одного сотрудника из списка подозреваемых на флешку. Она изучит его дома. Остаться в офисе больше не было ни сил, ни желания.

Она почти не удивилась, когда, закрыв свой кабинет, заметила напротив двери Никеева. Шеф вневедомственной охраны Шаха стоял у кофейного автомата, размешивая пластиковой палочкой сахар в бумажном стаканчике с кофе. «Профи палятся в мелочах», — подумала Настя. После того кофе, которое готовит секретарь Шаха, пить растворимую бурду из автомата? Пальцы мужчины сжались, едва не расплющив хрупкую тару в ладони, когда его взгляд встретился с ее.

— Приятного вечера, — улыбнулась девушка в это хмурое лицо бывшего военного. Он не счел нужным отвечать и ограничился сухим кивком. «А мы ведь проведем вместе сегодняшний вечер, — подумала Настя, произвольно улыбнувшись этой метафоре. — Может, даже в прямом смысле слова, зависит от того, какое решение я приму спустя

несколько часов».

Стены офиса давили на нее. Вынужденная идти наперекор себе, Настя не позволяла своим эмоциям брать верх, но сказывалась усталость и довлеющее осознание того, что она разрушает саму себя, оказывая помощь врагу, которого уже девять лет как хочет уничтожить. Дорого ей обходилась эта игра против себя самой. Система поглотила двух жертв, которые были с ней в одной упряжке, движимые одной целью.

Есть ли возможность развязаться с Синдикатом? Увы, она прекрасно понимала, что нет. Связавшись со Спикером однажды, она связалась с ним на всю оставшуюся жизнь. Месть ослепила ее тогда настолько, что она не стала думать о последствиях. “Что же дальше?” — устало подумала Настя, когда автомобиль уносил ее на окраину столицы. Снег не прекратился, город гудел подобно огромному трансформатору, ослепляя сиянием ярких огней и витрин, но она не замечала этого предпраздничного настроения, которое повисло в воздухе. Оно вообще ее не касалось.

Была глубокая полночь, когда Настя устало откинулась в кресле и захлопнула крышку ноутбука. Пять часов непрерывного анализа, изучения, детального обдумывания. Ее пошатывало, когда она допила остывший фруктовый чай. Дилемма “быть или не быть” стала достаточно остро на повестке ночи.

“Если не можешь справиться в одиночку, возможно, имеет смысл заручиться поддержкой сильного союзника?” — мысль вызвала улыбку. Настя уже знала, что ей предстоит бессонная ночь. Ничего! К утру она будет иметь точный план действий, продуманный до мельчайшей детали, чтобы начать воплощать его в жизнь.

Глава 10

9 лет назад

Девочка в зеркале была другой. Незнакомой и чужой. Уязвимой и открытой. Сорвавшей многолетнюю маску и растоптавшей ее навсегда. Уже черт знает сколько лет она не видела себя такой. Разве что рано поутру, перед тем как нанести боевую раскраску, полагая, что большее количество черной подводки и тональной основы в состоянии превратить вчерашнюю школьницу в уверенную в себе и загадочную женщину-вамп. Этот агрессивный макияж, так вульгарно уродующий девчонку неполных семнадцати лет, прятал от жестокого мира ее настоящую, ту, которая каждый удар судьбы переживала как самую большую трагедию. Что она тогда могла о них знать?

— Я бы на твоём месте осталась дома.

Светка отшвырнула в сторону журнал и с раздражением забарабанила пальцами по журнальному столику.

Настя сжала кулаки, заставив себя мысленно досчитать хотя бы до пяти.

— Ты не на моем месте, Светлячок. — Укол напоминания о том, как чары подруги потерпели неудачу, подействовал.

Света прекратила свое бессмысленное занятие, открыв рот от удивления, а Настя испытала почти запредельное удовлетворение оттого, что осмелилась сказать такое и выбить эту надменную красавицу из равновесия. Но чтобы Красовская сдалась? Эта белокурая валькирия, уверенная в том, что родилась с одной-единственной целью — захватить мир, полагаясь исключительно на выигрышную внешность и поставить всех и вся на колени одним взмахом своих наращенных ресниц? Несмотря на свою неискушенность, Настя

прекрасно понимала, что творится с ее подругой. Ее практически прямым текстом отверг красавец в стильном костюме и с манерами Джеймса Бонда, пригласив на свидание ее страшненькую подругу. Кроме того, еще оплатил этой самой подруге покупки. Прошедшие мимо Светлашки парни за несколько секунд деградировали в глазах той от принцев на белом коне до кощеев или лузеров. О каких мозгах этих индивидуумов может идти речь, если они не рухнули на колени в придорожную пыль подле ее ног? Скорее всего, у них дефекты зрения. А то и мозга. Одного такого, по имени Леша, она уже знала, сейчас список пополнил импозантный Влад.

— Дура! Ты решила, он Мандельштама тебе читать будет на свидании?

— Может, даже Маяковского. Это что-то меняет?

— Ты меня, конечно, извини, но я тебя разочарую. Он тебя в**бет вдоль и поперек и не факт, что в одиночку! Но, если тебя это успокоит, с романтикой: “Я достаю из широких штанин...”

— Я с рэперами в широких штанах, в отличие от тебя, дел не имею.

Настя никак не могла привыкнуть к своей новой прическе. Все время хотелось собрать ныне состриженные жидкие пряди в высокий узел, руки непроизвольно тянулись это сделать и хватали пустоту, а затылок непривычно обдавало прохладой. Но куда приятнее сожаления по состриженным волосам было ощущение воздушной легкости и объема.

...Утро началось с раздражения при попытке придать волосам более-менее ухоженный вид. Через час бесплодных попыток Настя уже в который раз с горечью осознала, что второй Лиз из нее не выйдет даже после наращивания прядей. Желание отменить свидание, чтобы не осквернять своим неэстетическим видом глаза Влада, стало непреодолимым и вызвало слезы вместе с отчаянием. Слава богу, Светка прискакала по первому звонку и буквально насильно заставила Настю позвонить матери. Уже спустя полчаса бывшая мама парикмахерша нашла окно в своем плотном графике. У Насти едва не случилась истерика, когда она поняла, что придется расстаться со своими волосами, которые уже отросли до лопаток, но мастер была непреклонна: развернула кресло прочь от зеркала и принялась колдовать над ее волосами. Светка не знала, чем вызвана жажда к перемене имиджа у ее подруги, поэтому шутила и щелкала своим модным телефоном с камерой, когда парикмахер зачем-то заворачивала пряди Красновой в фольгу, покрыв перед этим красящим составом.

Отражение ошеломило Настю. Ну не вязалась она, прежняя, с этой обновленной девчонкой с воздушным боб-каре, в котором словно плясали лучики солнца. Густо подведенные глаза и эта прическа никак не желали существовать вместе. Еще час над ней колдовала визажист, умудрившись нанести гораздо больше косметики, чем обычно использовала сама Настя, но при этом сделать так, что на ее лице этого не было заметно. Девушка в отражении была незнакомой: юной, трогательной и буквально пышущей свежестью. Ей даже отказались делать яркий маникюр, ограничившись лаком пастельных тонов. Не сказать, что Настя была в восторге, — ей показалось, что она в один миг растеряла свою яркость. Но желание стащить балахон-тунику и несурзные кеды стало буквально навязчивым...

— Марианна была бы в восторге, — хохотнула Светка, когда они выпили по коктейлю, который смешала Настя в шейкере, щедро плеснув туда рома. — Знать бы, по какому случаю такие перемены...

— У меня свидание! — Настя высунула язык, подумывая о том, что следует вытащить пирсинг из языка, но эта штанга с чёрным камушком придавала ей дерзкий и шkodный вид.

“Заменяю на другую, с голубым, под цвет глаз”, - решила она.

У Светлячка отвисла челюсть:

— Ты когда успела? Леха опомнился?

Упоминание о Шахновском, который после того вечера в квартире вычеркнул ее из своей жизни, все еще вызывало ощущение режущей боли в глубине души. Он не звонил и вообще не делал попытки узнать, как она себя чувствует и какое решение приняла. Видимо, полагал, что Настя сама должна к нему прийти с белым флагом и согласиться играть роль послушной дырки в те дни, когда у Лиз болит голова или одолели критические дни. Настя пошла бы. Но он не звал.

Светка сразу замкнулась в себе. Она вообще умела мастерски вызывать у других чувство вины, и Настя мысленно прикусила себе язык. Ей со вчерашнего вечера не терпелось похвастаться, поделиться новостью о предстоящем свидании с единственной подругой. Она молчала до последнего, хотя по ее телу уже разливалась сладкая истома ожидания и предвкушения. “Не такая, как все, и все, что меня окружает, тоже не попадает под категорию нормальности. Даже подруженция...” Знала, что Светка взбесится. Но сейчас чувство вины кольнуло и прошло. В комнате билась едва слышная мелодия Oh boy les Merks, за окном бушевало жаркое столичное лето, а сама Настя произвольно возглавила все рейтинги чудесно запутавшихся в своих чувствах девчонок. Это не рука стилиста вплела в ее густую челку золотые пряди солнечных поцелуев, это лучи его восхищенного внимания наполнили ее светом, к которому она уже подсознательно потянулась из глубины своего мрака. “Должно случиться что-то хорошее”, - интуиция не спала, щедро раздавала свои бонусы и в упор игнорировала не просто раздраженный, а уже и злой взгляд второй девчонки, которая находилась в этой комнате.

Поразительно, как сознание вместило в себе настолько разные эмоциональные спектры. Часть все еще жалела об утраченном, тянулась в пустоту бесперспективных отношений с намерением не покидать ее, ту самую зону, которая казалась зоной комфорта. Вторая же часть решила двигаться вперед и не позволять черным щупальцам болезненной зависимости тянуть назад и отнимать этот свет. Все еще грустить о Шахновском, третируя себя мыслями из серии “что же я сделала не так”, вздрагивать от каждого телефонного звонка и рисовать в фантазиях картину вашего воссоединения, и вместе с тем не иметь никаких сил и желания стереть из памяти улыбку Влада, пытаться представить, на что похоже прикосновение его ладони и губ, с каким пылким сдерживаемым желанием он будет ее целовать и как разольется по телу сладкая и горячая волна, когда он ее обнимет (первое объятие не в счет, она вряд ли понимала, что происходит). Сердце при этих мыслях срывалось в запредельную аритмию, а на губах сама по себе расцветала счастливая улыбка. Вот с ней Настя нравилась себе, как никогда прежде.

— Чего загрустила, Светулек?

— Да потому, что моя подруга — дура набитая! Я понимаю, это не парень, а конфетка! Но вот попробуй честно ответить себе, что у тебя общего может быть с таким, как он? Я про Лелика тебе давно говорила, у него девчонок помимо тебя вагон. А ты опять на те же грабли! Посмотри правде в глаза, ты рядом с ним... — Светка замолкла на полуслове и махнула рукой.

Настя прикусила губу и повернулась — хоть подруга и старалась держать лицо, злорадство не успело погаснуть в ее глазах в ту же секунду.

— Что? Договаривай, раз уж начала.

— Настюх, ну эта твоя бьюти-трансформация не имеет для него никакого значения. Взрослый мужчина захотел пустоголовую школьницу, которая будет рада с ним за один только взгляд. Поверь, как только вы переспите, ты его никогда больше не увидишь. Будешь бегать, как за Лешкой, и подсматривать, на кого он переключится?

— Кажется, я просила тебя помочь мне с выбором платья. Но сегодня от тебя никакого толку. — Настя и сама не поняла, почему ее не ужалили эти циничные слова.

Ритмичная мелодия Avaneessense уже текла по ее венам вместе с кровью, а с глаз словно слетела плотная повязка. Она любила подругу, но эта любовь давалась ей с трудом. В критической ситуации Светка была готова порвать на груди последнюю рубашу, чтобы оказать помощь и поддержку, но когда дело касалось мужчин, особенно если они выбрали не ее...

— Ты изменилась. Ты стала той еще сукой. Но я бы не спешила так себя вести, пока не будешь уверена в том, что тебе с ним светит что-то большее, чем банальный перепих... — Светка нервно срывала с плечиков платья и швыряла их на кровать. — Слушай, ну какое платье? Ты носить их не умеешь. Надень джинсы...

— Дай мне красное, что я из Германии привезла.

— Красное! Настя, ты обалдела? Лучше вообще иди в одном белье. Красное — это приглашение к...

— Да, чуть не забыла. Белье мне тоже выбери. И клянусь, если ты мне сейчас дашь хлопковые трусы с Микки Маусом, я тебе их на голову натяну!

— Да что с тобой сегодня? Тебя этот Влад укусил, что ли? У него даже имя, как у Дракулы.

Насте надоела пустая болтовня подруги, и она буквально выпрыгнула из свободной черной туники. Светка бросила завистливый взгляд на ее грудь и поспешно отвернулась, нырнув в ящик с бельем. Как раз рассматривала на свету черное кружево на прозрачной сетке, когда Настя вырвала у нее из рук кружевную прелесть, быстро продев руки в лямки бюстгалтера. Соблазнительное белье обтянуло полушария груди, которую она так часто скрывала за бесформенными свитерами. Несмотря на дискомфорт, ощущение было непривычным. Волнующим. Так и залипла на своем отражении в зеркале, когда Светка протянула ей трусики.

— Зачем тебе такое дорогое белье? Ты не знаешь, что с ним делать! — тараторила Света, пока Настя, наплевав на стеснение, стянула с себя обычные хлопковые шорты и поспешно натянула прозрачные стринги. — Могла бы мне хоть один комплект подарить.

— Тебе нечего туда вкладывать. — Поразительно, как невесомое и прозрачное орудие соблазна перенастраивало ее на новую, непривычную стержозную волну — Красное! Давай, у нас меньше часа.

— Так ты решила? Это что, месть Лешке? Я не хочу тебя расстраивать, но ему все равно, с кем ты будешь кувыраться.

— Вот как раз на это ему глубоко не все равно!

Если раньше слова Шахновского о том, что он не будет терпеть других парней подле Насти, воспринимались с гордостью за свою персону, то сейчас, всплыв в памяти, вызвали глухое неприятное чувство протеста. А могло ли быть иначе, если расклад звучал как “мне можно, а ты не смей”...

Светка протянула ей платье, все больше и больше мрачняя на глазах:

— Возьми меня с собой. Я же часто тебя с нами приглашала.

Последняя Светкина попытка перетянуть внимание перспективного поклонника подружки на себя потерпела жесткий провал и вывела Настю из себя.

— Хватит! У меня свидание! Это означает — третьему там не место! — процедила она сквозь зубы, застегивая боковую молнию. — И мне надоело слышать о том, что я для такого охрентельного чувака недостаточно хороша. Такой для него почему-то в этот раз оказалась ты. И рассказывать страшилки о том, что он выпьет мою кровь или прирежет прямо в ресторане... будешь своей дочери через двадцать лет!

Потом ей станет стыдно за свои слова. Не потому, что Светкины предупреждения попали в цель. Только потому, что никто из них еще не знал, что у них осталась меньше месяца вместе. И у Светы действительно могла бы быть дочь... если бы все сложилось иначе! Сейчас Настя не могла даже предположить, что подружку безжалостно убьют прямо на ее глазах. В их замкнутом девичьем мире такой исход казался не то что невозможным... просто нереальным!

После этого разговора из последнего отпущенного им вместе времени выпадет два дня, когда Света наотрез откажется разговаривать. Потом, конечно, оттает. Но почему-то Настя всегда будет вспоминать именно этот разговор и их потерянное время, спрашивать себя, почему не остановила в дверях, когда Светлячок выскочила из квартиры, обозвав ее на прощание “сукой”. Хотя все это можно было понять.

Томление в сладком предвкушении чего-то нового и захватывающего насыщало кровь солнечными искорками. Это оно расправило ее ссутуленные плечи, зажгло на губах улыбку, которая и тронула сердце Влада, позволило уверенно стать на высокие каблуки — земля под ногам не ощущалась, а за спиной выросли два больших крыла. Именно поэтому так легко было буквально выпорхнуть из подъезда, встретить его взгляд, внутренне обомлеть от немого восхищения в глубине чистейшего янтаря, даже испугаться вспыхнувшего в них безумия и потрясения, распробовать на вкус эту незнакомую эмоцию, которая оказалась запредельно сладкой.

Какая сладость может быть в испуге? Может, если она приправлена ожиданием чего-то невероятного и чудесного. Может, если ты на интуитивном уровне осознала, что никогда тень едва промелькнувшей тьмы тебя не коснется, даже вскользь, — как раз от подобного тебя готовы оберегать любой ценой!

Новое чувство вытесняло прежнюю влюбленность за считанные минуты. Это было нечто необъяснимое и запредельное — буквально вбирать в себя всеми фибрами души чужое восхищение и доверчиво, не побоявшись обжечься, тянуться навстречу неизведанному. Отчего-то зная наперед, что ничего плохого с тобой не может случиться, ведь черная полоса любовного фронта остается за спиной. И ты в состоянии превратить эту отвоеванную территорию с выжженной землей в цветущий сад, чтобы никогда больше не напоминала о себе в твоём настоящем и будущем. «Настоящее», — Настя повторила это слово одними губами, пробуя на вкус. Искреннее. Не фальшивое. Истинное.

Она все еще парила над землей, когда подошла вплотную к Владу, даже внезапное смущение не смогло вернуть ее на грешную землю. Только опустила глаза и инстинктивно обхватила свои плечи, на миг почувствовав себя маленькой девчонкой. По сути, она никогда не переставала ею быть. А в душе поднималось когда-то закатившееся маленькое теплое солнышко, и губы непроизвольно вздрагивали в улыбке при созерцании этого нового рассвета. Когда теплые пальцы Влада легли скользящим поглаживающим движением на ее подбородок, поднимая ее голову, чтобы встретиться взглядами, Настя ощутила себя

бестелесной оболочкой, потоком чистого сознания, слитым воедино с другим таким же. И только ласкающий омут горячего каленого сахара в его глазах как-то удерживал ее в сознании.

— Здравствуй, — взгляд Насти, разорвав цепкие нити единения с его взглядом, произвольно скользнул к губам Влада.

Им не нужно было никаких слов: уже один быстрый взмах крылышек колибри грозил поднять цунами, а Настя ощутила тысячи таких взмахов, превративших ее здравый смысл в неизведанный никем ландшафт. Осторожный, словно испытывающий, поцелуй смял ее подрагивающие губы повелительным и вместе с тем ласковым нажимом, и впервые Насте захотелось бездумно подчиниться всему происходящему. Нет, он ее не целовал. Он просто пил из ее губ осколки прошлого, которое рушилось на глазах, забирая в себя волю и отдачу, с тем чтобы впоследствии вернуть, усилив эмоциями, которые залечат любые раны в ее еще не остывшем после последнего предательства сознании. Кажется, Настя настолько опешила, получив дозу этого тепла сквозь прикосновение теплых губ, что даже не смогла ответить на поцелуй. Сердце сбилось со своего ритма, кайму губ все еще щекотало фантомными поглаживаниями, колени предательски дрогнули. Вот только тогда она осознала все коварство высоких каблуков.

В темных глазах Влада соперничали обеспокоенность и самодовольство. Новая теплая волна пробежала по ее телу, отозвавшись сладким покалыванием в пальцах, когда он понимающе склонил голову набок, придержав ее за талию.

О каком, черт возьми, сексе со школьницей-малолеткой талдычила Светка? В одном этом касании к пояснице, поцелуе без языка и обмену взглядами без слов было куда больше секса, чем в соитии на самых мягких шелковых покрывалах при свете свечей. Эротизм с привкусом чего-то более глубокого, духовного и пока еще неопознанного пытливым умом семнадцатилетней девчонки повис ласковой кисеей в салоне автомобиля, раскрасив ее щеки румянцем смущения и ожидания. Никому из них не надо было спешить и форсировать события. Только наслаждаться этим застывшим мгновением, осязанием того, как невидимые взгляду золотые нити плели свой узор, завязывая узелки. И это было сильнее всяких слов. Самые обычные фразы в его устах звучали иначе, приобретали глубокий смысл и опадали невесомыми золотыми лепестками.

— Ты потрясающе выглядишь!

— Не узнал?

— Не узнать тебя невозможно. Просто так и запомни на будущее. Измениться может все, но не твой внутренний мир.

— А я забыла твой зонт дома...

— Разве будет дождь? Или в твои планы не входила еще одна встреча?

Приятные банальности, украшенные взвешенной игрой слов, — вроде как все это было знакомо Насте... и все равно воспринималось по-иному. В его словах не было фальши. Не было притянутых за уши литературных штампов с одной только целью: приболтать, усыпить бдительность, обмануть своим наигранным обволакивающим теплом.

Говорят, каждая женщина поймет по глазам мужчины, уловит тот самый момент, когда в них пробежит яркой бегущей строкой хотя бы намек на его истинные чувства. Поймет, какой бы низкой ни была ее самооценка, каким бы неуместным ни казался такой исход и как бы сильно, вплоть до обреченного отрицания, ее это ни напугало. Можно даже не смотреть в глаза, если совсем боишься утонуть в чужом зарождающемся чувстве, но игнорировать

очевидные признаки, заложенные внутри на уровне памяти предков, невозможно. Нельзя не заметить это трепетное отношение — любой влюбленный мужчина будет относиться к тебе как к малышке и тем самым будить внутри тебя ту маленькую девчонку, которой ты так и не перестала быть. И если он сам подсознательно понял, что твои чувства к нему имеют все шансы цвести и усиливаться, тебя будут оберегать от агрессии мужского начала. У него пропадает необходимость идти по трупам и ломать вокруг тебя стены привычного правильного мира. Только укрепить, оправдать зарождающееся доверие и превратить твою реальность в уникальную, безопасную, согретую исключительно его теплом.

Понимала ли Настя тогда, что происходит? Понимала. Но это было слишком восхитительно, чтобы сразу, одной целенаправленной атакой снести частокол сомнений. Позволять согреть себя этими нежными лучами и бояться забегать вперед, чтобы если падать — то не с запредельной высоты. Ей просто было хорошо и впервые за последние годы спокойно. Расслабиться, откинувшись на спинку пассажирского сиденья, вобрать ладонями тепло его руки, непроизвольно зажмуриться и улыбнуться шире, просто для того, чтобы сделать ему приятное этой демонстрацией одобрения. Вытянуть руку в раскрытое окно и ловить поцелуи жаркого ветра, пока автомобиль несется на приличной скорости, — она в тот момент уже не помнила, куда же ее все-таки пригласили. Вспомнить об этом только на крыльце ресторана и непроизвольно изумиться не наигранным, таким естественным галантным манерам. Не успеть удивиться тому, как быстро, мимолетно, словно не совладав с собой, Влад умудрился коснуться губами ее чувствительного, выстриженного под машинку затылка, и позволить всколыхнувшейся реальности в очередной раз потерять свои очертания.

Естественный ход вещей от сближения до единения. Атака пылающих астероидов, которые не причинили поверхности ее планеты ни малейшего вреда, рассыпались в верхних слоях атмосферы яркими вспышками фейерверков. Именно они побежали по ее телу искрами пламени, заставив протянуть навстречу руку синхронно с ним, соприкоснуться кончиками пальцев и внутренне вздрогнуть от необычного ощущения. Это не было банальной реакцией тела после воздержания длиной в месяц. Ничего подобного она еще не испытывала. Словно невидимый поток электронов нес их на своей волне — земля под ногами по-прежнему не ощущалась.

Куда делась ее неловкость, упавшая самооценка и вероятные мысли о том, что такой мужчина, как Влад, никогда не сможет к ней что-то испытывать, кроме жалости или банального поверхностного интереса с намерением затащить в постель? Всего несколько минут, как они присели за столик, показались ей бесконечно долгими. Они воровали у нее его тепло. Достаточно было одного смущенного взгляда из-под ресниц, чтобы понять друг друга без слов, чтобы Влад решительно пересел поближе — расстояние в метр было кощунственно далеким. Насте непроизвольно захотелось прижаться к его плечу и просто молчать, не надевать на себя маску из несвойственных ей прежде манер. Не было ни малейшей неловкости. По телу разливалась умиротворенность, такая естественная и желанная. В тот момент ей просто хотелось оказаться у него на руках и остановить время.

Окружающая реальность отошла на второй план. Кажется, они заметили принесшего заказ официанта лишь тогда, когда он вежливо пожелал им приятного аппетита. Взгляд Насти зацепился за длинные хасы, и реальность в который раз пошла зыбью от ее искреннего звонкого смеха.

— Что так развеселило мою малышку? — Такой резкий переход в зону интимных поглаживаний воспринялся уместным и ненавязчивым, разлив жар удовольствия от этого

утвердительного «моя».

Настя покачала головой, указывая на столовые приборы:

— Я просто не умею ими пользоваться.

Решительность в глазах Влада погасла под захлестом контроля. Видимо, тогда он для себя решил, что кормление из рук будет преждевременным.

— Это не сложно, я тебя научу. Расслабь пальчики. Теперь перехвати подушечкой большого. Сожми, не бойся, — эротический подтекст этого спонтанного обучения вызвал синхронные улыбки, и хаши, соприкоснувшись, выпали из ее пальцев. Но никакой неловкости это не вызвало.

— Я безнадежна.

— Тогда мне придется кормить тебя, как маленькую девочку!

— Не-е-е-т! Я не ребенок!

— Тогда попытка номер два! — Даже прикосновение шероховатой деревянной фактуры хаши ласкает, подобно подушечкам его пальцев, когда он, не наслаждаясь этим процессом обучения, который на самом деле всего лишь позволяет прикоснуться на вполне легальных основаниях, накрывает ее ладонь. — Расслабь и сожми... Настенка, ты их пытаешься сжать, как рукоятку пистолета! Нежнее...

— Я умею стрелять! Мне понравилось...

— Разве оружие — подходящий аксессуар для девочки?

Чувство протеста грозит пошатнуть солнечную идиллию, но быстро затухает, не успев оформиться в слова. Ей не хочется ничего говорить в ответ на этот риторический вопрос, просто смущенно улыбнуться и перевести стрелки.

— Влад, смотри! У меня получилось! — Наплевать, что ролл распадается на составляющие от чрезмерно сильного сжатия.

Пальцы дрожат от солнечного шторма, который смешал воедино эйфорию и смятение в ее крови и сознании. Что с того, что у нее не получается сделать это манерно, хотя бы так, как та рыжая красивая девица через столик от них... главное, что взгляд Влада сейчас прикован к ней одной, его не перехватит даже улыбка Анжелины Джоли, если данная особа тут появится. Соевый соус насыщает белые зернышки риса, а в сознании пляшет ощущение дежавю. Почему-то окружающие декорации приобретают цвет его глаз.

“Да здравствует хэппи кризис. Easy. Время собирать гильзы”, - всплывают в сознании строки ее любимого поэта. И тут же гаснет на задворках рассудка случайно залетевшая в голову мысль о Шахновском с почти радостным автографом апофеоза: “Хули ю нид. Хули ю лав”... Так беспечно хорошо, что она даже не задумывается, что именно подхватила с блюда, когда ядерная горечь васаби буквально бьет в мозг.

— Запивай! — Влад и сам проморгал этот момент, наблюдая за движениями ее пальцев. — Ты точно искушаешь меня. Мне все время хочется кормить тебя с рук.

И вновь жаркая волна накрывает Настю с головой от произвольной визуализации сказанного. Почему-то в этом тизере это происходит утром, после того как... в общем, после того, как смущение выбьет из нее отчаянную смелость со взглядом в его глаза.

“Никогда не спи с парнем на первом свидании!” — мамины слова всегда были чуть ли не аксиомой для Насти Красновой. Не было никогда такого желания. Этот совет звучал в контексте “не иди у них на поводу”. Сейчас же почему-то захотелось буквально позвонить матери и спросить, что делать, если сама дочь этого хочет без какого-либо давления! Но вряд ли мама готова к такому заявлению от своей вечно маленькой дочери.

Его пальцы ласково гладят внутреннюю сторону Настиной ладони. Мир замирает снова, тонет в омуте янтарного виски глаз Влада. Подсознание вместе с шестым чувством правят бал, в этом эмоциональном объединении нет места недосказанности. “Тебе всегда не хватало тепла. Именно поэтому ты пьешь его сейчас всеми доступными органами чувств. Именно свет этого внутреннего солнца, а не банальная химия. И даже не долгое воздержание, и уж никак не желание отомстить тому, кто в грош тебя не ставил, — такая мысль вообще не возникла, внутренний голос разговорчив и ласков. Пальцы Влада скользят по ее запястью.

— Мне нет восемнадцати, — зачем-то информирует Настя и тут же прикусывает язык, жалея о своем глупом порыве. Но когда с человеком настолько легко, будто вы знаете друг друга несколько лет, а не дней, с ним хочется просто говорить обо всем. Произносить фразы, которые могут нести серьезный подтекст, но не ощущать их таковыми, счастливо улыбаться и так естественно опускать глаза, в которых одновременно сплелись в агрессивном танце смущение и стадо чертей.

Влад не напрягается в ответ на эту информацию, спирали солнечного торнадо в его взгляде не останавливают свое хаотичное вращение. Только улыбка становится такой теплой и искренней, что желание обнять его за шею и прижаться щекой к щеке становится непреодолимым. Очередная попытка захватить сашими палочками терпит неудачу, а сидящий рядом мужчина успешно ловит этот момент, чтобы перехватить ее ладонь и поставить печать своего поцелуя прямо поверх линий жизни и судьбы.

— Ты сама напросилась! — И Насте так легко капризно надуть губы и бросить на него взгляд игривого котенка, как и ему — остаться непреклонным. — Я не могу пригласить девушку в ресторан и оставить ее голодной!

Прежде чем сознание успевает осмыслить происходящее, рот сам по себе открывается навстречу зажатой в тиски хаши “Филадельфии”. И в этом куда больше секса, чем в том, что произойдет спустя час.

Час? Два? Может, больше? Удлиненные летние дни. Непонятно, день или вечер, да Насте и некогда смотреть на солнце. Ее не просто согревает, ее буквально окутало со всех сторон ее собственное светило. Жар в тысячи градусов воспринимается кожей как ласковое тепло, пока руки Влада скользят по ее спине, предплечьям и пояснице, осторожно, словно он боится травмировать ее ранимую девичью психику. В то же время подавляющая уверенность и бескомпромиссность мужской воли текут в ее венах, смешавшись в пьянящий коктейль с эйфорией и непроходящим чувством левитации.

Именно это вдавливают ее в спинку кресла автомобильного сиденья, задает ритм языку, который углубляет остроту уже далеко не подросткового поцелуя. Все так неправильно и так восхитительно волнующе... большинство девчонок на ее месте сетовали б на то, что столь потрясающий поцелуй далеко не первый, но втайне она рада тому, что не ударила лицом в грязь неопытности, целуя человека, в чьих глазах хочется тонуть и выныривать на поверхность, чтобы снова уйти ко дну. Именно так. *Some Undone*. Одноименный трек плавно льется из динамика магнитолы, заполняя пустоту.

Свет близкого солнца расколот поверхность Настиной планеты, до извержения лавы цвета страсти несколько мгновений. Но он словно чувствует этот переход грани, которую пока для себя назвал условно недопустимой. Вкус страстного поцелуя все еще пульсирует на ее губах. Ей бесконечно мало. Колени предательски дрожат, возникшая неловкость обжигает холодом. Не сейчас, она не готова так быстро терять источник своего тепла! Едва не стонет в

голос, когда Влад решительно отстраняется и выходит из машины. Она все понимает... но почему от этого не становится легче?

Ласковое касание лучей возвращается, когда он вновь сжимает ее пальцы, помогая выбраться из машины. А затем всплеск солнечной энергии устремляется к эпицентру ее парящего в облаках сознания — достаточно ощутить тепло его рук, которые сжались вокруг ее талии в неподконтрольном разуму порыве. Снова поцелуй, противостоять которому никто из них не может и, наверное, больше не хочет.

«Я хочу этого мужчину. Просто хочу. Или даже не его. Хочу этого тепла, чтобы оно осталось со мной навечно. Я устала замерзать посреди жаркого лета...»

Их прерывистое дыхание сливаются в единую симфонию.

Сегодня родилась любовь. Не влюбленность, не боязнь одиночества и не сексуальное желание. Что-то запредельное и невероятное. Ладони Насти скользят по его спине, до безумия желая прикоснуться к коже, а не к гладкой ткани костюма. Ей не хватает кислорода, и она с отчаянием прерывает поцелуй, чтобы отдышаться, склонив голову ему на плечо. Перед глазами пляшут яркие блики, а огненные буквы слова “выбор” зависли над их головами дамокловым мечом. Она недостаточно смелая... а в его крови бурлит нежность и восхищение, которые он не хочет разрушить грубым предложением. Сердце грозит вырваться из груди, оно не хочет, чтобы все завершилось.

...Яркое белое пятно попадает в поле ее зрения, на миг обдав холодом. Это белая “тойота”, которая неспешно едет по узкой асфальтированной дорожке. Сердце пропускает глухой удар и замирает.

У машины тонированные стекла. Настя понятия не имеет, видит ли ее водитель и сам ли он находится в салоне. И ей вдруг до безумия хочется, чтобы там была эта Лиз. Чтобы увидела ее и уронила челюсть вслед за Шахновским. Влад не видит машину, он стоит к ней спиной, ласково поглаживая Настю по голове.

— Тебя проводить до дверей? Ты дрожишь, — нежность подкреплена счастливым осознанием того, что именно он сам стал причиной ее дрожи.

Настя кивает, вложив свою руку в его ладонь. По-прежнему не чувствуется земля под каблуками, знакомый подъезд и лестничные пролеты теряют очертания. И она мало что уже понимает, когда примерно через четверть часа они оказываются у дверей ее квартиры. Почему столько времени? О, выведите среднее арифметическое между всеми поцелуями на пролетах каждого этажа и ступеньках до окрепшего желания сорвать друг с друга одежду и раствориться в чем-то запредельно грандиозном. Ключи теряются в недрах новой сумки. Временная петля — провал в горячий поцелуй... спина ощущает рельеф двери. Огненные буквы «Выбор» гаснут. Он сделан.

— Моя мама варит кофе, — цитирует Настя строки известного хита. — Подождем мою маму?

И открывает дверь трясущимися руками — вместе с приглашающим жестом...

Глава 11

Настя отставила пустую чашку с кофе в сторону. Возможно, она бы давно уже уснула, если бы не это ненормальное азартное возбуждение и ощущение того, что она подобралась вплотную к тому, что не только поможет ей в реализации своих целей, упростит это до невозможности, но и позволит получить максимум удовольствия от вендетты.

Гость нервничал, но тщательно это скрывал. Девушка изучала его из-под опущенных ресниц. Военный. Майор в отставке Константин Никеев. Столько таких вот рыцарей чести и доблести, которые оказались по сути не нужны родному государству, махнули на все рукой и выбрали полигон криминальной среды? И кто виноват, что здесь их знания и умения плюс не отжившие свое связи оказались куда более востребованными? К тому же так неприлично высоко оплачивались. Синдикат знал цену подобным кадрам и слишком дорожил ими, чтобы пустить на пушечное мясо. Если ты не знал войны и всех тех нюансов, которые обычно тщательно замалчиваются, тебе не сумеешь учесть все. Каменные джунгли мегаполиса — передовая. Чтобы выжить и сохранить власть, ты должен мыслить как солдат удачи высокого класса.

— Наливайте себе еще кофе. Это Колумбия.

— Кофе неблагоприятно влияет на сердечно-сосудистую систему, — Никеев упорно, выражаясь сленгом внутренних органов, шел в несознанку. — И я искренне не понимаю, почему наш с вами разговор не мог подождать до утра, Анна... не знаю вашего отчества.

— Просто Аня. У нас неофициальная беседа. А по поводу вашего первого вопроса — я думаю, вы сами знаете на него ответ. У стен очень много ушей.

— Такого не было до вашего появления.

— Вы утрируете. Это было всегда, как и утечки информации. Но вы слишком умны, чтобы вызвать подозрение, не так ли? Костя, вы летаете слишком высоко, чтобы кто-то мог предположить вашу нелояльность. Под ударом обычно те, кто не имеет опыта выживания в экстремальных условиях. Михаил Колесниченко. Элина Валлиулина. И ряд других пешек, которые выполняют для вас роль живого щита.

Никеев иронично улыбнулся, а затем вновь затянул свою набившую оскомину за последний час арию:

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Вы напрасно принижаете свои умственные способности. Завтра будет новый день. Я всего лишь выполняю свою работу, за которую мне тоже очень хорошо платят. Настолько, что нормы морали и человечность обесцениваются с потрясающей легкостью. Вы же понимаете, что, если будете упорствовать, мы выпьем кофе, распрощаемся, а завтра мой отчет о ваших играх на два фронта будет лежать на столе у Шахновского. Я даже проявлю к вам уважение и оставлю Алексею копию, а оригинал уйдет к Антону Сергеевичу.

— У вас ничего нет на меня, кроме предположений, мой Ангел, — прозвучало без явного намека, но Настя удивленно приподняла брови, невольно испытав подобие уважения к сидящему напротив собеседнику. — Вы зря стали у меня на пути. Я не хакер-самоучка и тем более не бестолковая дамочка, которая умела варить кофе лучше вас, и этим ее достоинства ограничивались.

До этого момента вы играли против слабаков. В Камбодже у меня была миссия не допустить подрыва моста. Угадайте, кто этим занимался? Дети. Сопливые подростки, вооруженные, помимо детонаторов, алюминиевыми столовыми приборами и верой в то, что они стоят у истоков революции. Как вы понимаете, справиться с ними нам не составило труда.

Когда над головой свистят пули, нормы морали и человечность, как вы верно заметили, обесцениваются. Но это лирическое отступление. Словить звезду от победы над бестолковыми детишками настолько, чтобы пойти с голыми руками на их командиров, благоразумно оставшихся в укрытии? Я всегда прекрасно понимал, что подобные

стремления надо разделять. Не совершайте ошибку, которую не совершил я.

— Видите, у нас прогресс. — Почему-то вдруг захотелось закурить, и Настя машинально поднесла к губам мундштук электронной сигареты. — Между нами практически доверие. И заметьте, я не делаю квадратные глаза и не повторяю ваше избитое “не понимаю, о чем вы”. Не спрашиваю, откуда вам известно об “Обители ангелов”. Смею предположить, вам предлагали там вакансию. Возможно вы, как военный профессионал, оказывали консультационные услуги, и вероятно, самому Спикеру при выборе очередного бойца невидимого фронта. Даже не прижимаю вас к стене с воплем “а что вам еще известно”. И при всем при этом я девушка. Но от ваших отпирательств уже сомневаюсь, что у меня нет орешков.

Константин иронично ухмыльнулся на ее последнюю реплику. Рассекреченный и практически загнанный в угол, он все равно чувствовал себя хозяином положения.

— Ну отчего же, раз у нас доверие. И я могу рассказать, что мне известно. Мне известно, что вы в начале лета пытались убить Алексея. Но Антон Сергеевич легко спустил вам это с рук. Знаю о вашей роли в непризнанной республике.

— Знаете, но какая жалость, что эти знания не играют вам на руку, верно? Спикеру вы меня не сдадите, потому как он все знал. Алексей? Ну да, будет удивлен. Со всеми его театральными примочками а-ля “И ты, Брут?”, а что дальше? Я работаю с ним, но не на него. Его обида и тот факт, что он перестанет поить меня коллекционным вином, меня как-то мало волнует. Максимум, что может мне доставить неприятности, — его обиженный уход в отказ от сотрудничества, но он не настолько глуп, чтобы тем самым рыть себе яму. Константин, нам с вами мериться размерами полового достоинства бессмысленно. И совсем не потому, что я женщина. При всей вашей осведомленности я в выигрыше, как ни крути.

— И вы предлагаете мне сделать чистосердечное признание. Я похож на того, кто сдается?

— Нет, вы похожи на очень умного человека, который бы так и не попался, если бы Спикер не привел меня. Вы даже не спросите, где прокололись? Вам не интересно?

— Я догадываюсь. Попытка рейдерского захвата самого крупного казино ветвью наркоторговли. Пожалуй, это единственный раз, когда мои расчеты сбились...

— И еще когда “Палас Рояль” — здание напротив — решил провести тест систем видеонаблюдения HD-режима. Вы не могли об этом знать. Как и о том, что записи сохранятся как демонстрационный экспонат возможностей техники. У меня есть эта запись. Ваши переговоры с нашими врагами и отданные бойцам приказы находиться в момент захвата не там, где им положено было быть.

От химического дыма запершило в горле, и Настя отложила сигарету в сторону, спокойно выдерживая прожигающий взгляд Никеева. В момент своего первого визита в “Обитель ангелов” от подобных взглядов инструкторов и руководящего состава ей хотелось исчезнуть, стать невидимой, скончаться на месте, но только не позволять им сканировать ее внутренний мир гамма-излучением с температурой напалма. Так было раньше. За девять лет у нее выработался иммунитет на подобные взгляды.

— Плюс запись нашего разговора — именно это ваша, осмелюсь предположить, доказательная база?

— Костя, мне это ни к чему, писать наш разговор. Он сугубо конфиденциален. Все просто. Вы мне рассказываете, как доброй подруге за чашкой кофе, на кого вы работаете и как мне с ними связаться. Взамен я просто отправляю свой отчет в корзину и не мешаю вам

заниматься тем, чем вы успешно занимаетесь, работая на Шаха, уже два с половиной года. Работаете на вашего неуловимого Джо, и я вам в этом не препятствую.

— Предлагаете сдать.

— Вовсе нет. Чтобы вы не нажили себе неприятностей, организовывая нам встречу, я просто-напросто делаю это сама. У меня свои интересы к вашим боссам. Если это предельно важно, я не стану называть вашего имени.

— Свои интересы... — Никеев бросил украдкой взгляд на командирские часы. — Я так понимаю, что должен рассчитывать исключительно на ваше слово чести?

— Несколько неосмотрительно давать подписку о неразглашении, вы это и сами понимаете. Мы в устной форме заключим негласный договор. Я не сдаю вас Спикеру и даже не препятствую дальнейшему корпоративному шпионажу.

— Потому что после того, как вы получите необходимую информацию, я по факту лишаюсь одного из своих работодателей?

От долгого сидения в одной позе заныла поясница. Настя поднялась и подошла к окну. Хлопья снега бились в темное стекло и тут же таяли, оставляя капельный след. Здесь она чувствовала себя гораздо спокойнее и увереннее, чем на вилле Спикера, ведь это была ее территория. Квартира, которую обставляла сама, согласно своему вкусу, с обилием приятных мелочей и большим простором. Здесь она могла ориентироваться с закрытыми глазами и дать отпор в случае опасности. Достаточно протянуть руку к секции шкафа, за большой вазон с цветами, под днище стола — везде было то, что поможет ей защитить себя. Оружие. Ножи. Пистолеты. Скорости реакции хватит.

Никеев пришел без оружия. Нет, ей не понадобилось его обыскивать, хватило внимательного взгляда. И все равно чувство, что она ходит по лезвию бритвы, не только не исчезло, а наоборот, усилилось. Майор запаса оказался достаточно сильным противником, которого не следовало недооценивать.

— Вы даже готовы сломать ради меня свою систему, Анна?

Настя провела ладонью по стеклу, оставив тающий след. Что-то в голосе Никеева ей не понравилось. Превосходство? Самоуверенность? Ощущение того, что она не просчитала все его ходы, резануло яркой вспышкой.

— Что вы имеете в виду?

— В день по жертве на алтаре Синдиката. Я стал тем самым камнем преткновения, который сломал ее в зародыше?

— У меня нет никакой системы.

Ладонь сама потянулась за большим вазон в египетском стиле, но Настя поспешно сжала пальцы в кулак. “Это усталость. Недосып. Обратная сторона азарта, от которой не выдерживают нервы. А этот Рэмбо просто потрясюще владеет собой. Настолько, что я начала теряться в его присутствии”.

— Как насчет вас? Есть своя система или она заключается в разведении пустых разговоров?

— Какие у меня гарантии, Ангел? Гарантии того, что это будет ваш разговор, а не план-захват с участием эскадрона смерти Спикера?

— В этом пока что нет никакого смысла. Вы достаточно умны, чтобы дать мне прямые координаты... дайте-ка вспомнить, он называет себя Лидер? И вы мне можете дать исчерпывающую информацию и избавить от необходимости загонять пешкам иголки под ногти, если я решу иначе.

— Пешки имеют свойство замолкать. Вам ли не знать. — Никееву не надо было конкретизировать свои философские рассуждения. Все, что необходимо, отчетливо читалось в его глазах.

— Стало быть, мальчишка...

— Вы и сами понимаете, Анна, что он раскололся бы моментально. Это вообще люди из другой галактики, которые видели кровь только в своем “Контр Страйке”. Неужели вы решили, что я позволю ему заговорить и потянуть себя следом? Да, и девчонка ничего не сказала именно поэтому. Я не люблю долгих допросов.

Двойственность ситуации частично напрягала. В глубине души Настя получала удовольствие от словесного фехтования с сильным противником, но его бесстрашие и уверенность в том, что именно он контролирует ситуацию на ее территории, не давала погаснуть до того дремавшей тревоге, которая все больше ощущалась. К тому же у девушки начала болеть голова. Но смириться с тем, что она потерпит поражение в этой игре, было выше ее сил.

— Константин, мы не договоримся?

— Аня, я талдычу вам это с самого начала, а вы только сейчас меня слышали. Ваши угрозы не имеют силы. Всего лишь слово против моего, и будьте уверены, меня не спишут без внутреннего расследования. А вот что за это время может произойти с вами...

— Да все, что угодно. Даже новый штамм гриппа или сосулька на голову.

Нет, она все еще не собиралась сдаваться. Да, понадеялась на быстрый результат, но этот Никеев — тертый калач, поспешных решений, даже застигнутый врасплох, принимать не станет. Наверняка пытается выгадать время, чтобы сыграть против нее в игру по своим правилам. Что ж, это не окончательный провал. Вероятность успеха все равно хорошая, только в этот раз будет больше препятствий. Но ей ли привыкать к ним?

— Спасибо, майор. Спасибо, что все равно согласились со мной встретиться, — Настя ласково улыбнулась, затянув пояс домашнего кимоно. — Вы и сами понимаете, попробовать стоило. Не ради того, чтобы дать вам шанс, эгоизм и собственные интересы — это не порок, — она бросила якобы случайный взгляд в сторону ноутбука, продолжая дружелюбно улыбаться ночному гостю. — Пора нам попрощаться. Еще кофе на дорожку? Погода нынче вызывает сонливость.

Что-то дрогнуло в волевом лице Никеева. Мимолетная тень, смазавшая остроту в чертах лица с каким-то проблеском растерянности в холодных глазах. Доля секунды, но Настя заметила. Волна удовлетворения прокатилась по сознанию, подкрепив тем самым разумность доводов. Никеев испугался открывающейся перспективы, понимая, что его не спасет даже время так называемого расследования.

Она не собиралась класть отчет на стол Шаха с самого утра, но Константин, похоже, поверил каждому ее слову. “Дожать. Продавить. Прямо сейчас!” — голос интуиции или воспаленного эго? На волне легкой эйфории оттого, что удар попал в цель, Настя не стала заниматься самоанализом. Подошла почти вплотную к так суетливо ерзавшему в кресле Никееву, протянула руку обманчивым выпадом, взяла кофейник и наполнила его чашку горячим эспрессо. Ей хотелось верить, что ее улыбка, вопреки ее действиям и повторно озвученной угрозе, остается ласковой и приветливой. Это не имело значения, но очень не хотелось, чтобы она напоминала хищный оскал.

— Я бы на вашем месте... наверное, уехала бы из города. У вас есть время до утра. Хотя, если Спикера или Лекса мучает бессонница, времени может совсем не остаться.

— Аня... — прохрипел Никеев, внезапно хватаясь за сердце.

Это не произвело на девушку ровным счетом никакого впечатления. Она пригубила кофе и осторожно поставила его обратно на столик. Прядь ее светлых волос задела висок Константина. Она не растерялась, когда он схватил ее за руку чуть ниже локтя ощутимой хваткой, просто выпрямилась, пытаясь сбросить его ладонь.

— Руки. Не заставляйте меня прибегать к силе.

Симуляция сердечной боли не прокатила: несмотря на натуральный испуг, у начальника охраны Шаха был нормальный цвет лица и размер зрачков. Пальцы сжались на ее руке еще сильнее, и Настя непроизвольно поморщилась от странной боли, похожей на хлопок в выемке сгиба локтя.

— Анна, остановитесь. Не надо никому ничего отправлять. Вы не понимаете, никто говорить с вами не будет... — голос Никеева дрогнул. — Они убьют и вас, и меня... это беспредельщики, Синдикат рядом с ними — палата лордов...

По позвоночнику прошла неприятная жаркая волна. Настя рванула руку из захвата. Пальцы Константина разжались, а в глазах появился лихорадочный блеск.

— Я прошу вас... давайте поговорим сначала. Не проходило ни дня, чтобы я не проклинал себя за то, что ввязался в это дело... Между двух огней... Я офицер, человек чести. Поймите... Лидер сказал, что убьет мою дочь. А перед этим пустит ее по кругу и заставит меня смотреть... я не боюсь смерти, Аня, но моя девочка ни в чем не виновата, Аня...

В голове зашумело. Настя почувствовала неладное слишком поздно. Голос Никеева отдалялся, а очертания комнаты дрогнули, размылись перед ее глазами до состояния серой пелены. “Кофе?” — мелькнула мысль, перед тем как ее рука, которую только что так отчаянно хватал мужчина, онемела. Не кофе, она держала стол и руки собеседника в поле зрения. Что-то другое...

Стало трудно дышать. Понимая, что начала отказывать нервная система, Настя вслепую кинулась на пол — пока еще слушались колени и левая рука, протянула ладонь под стол, чтобы вырвать нож-сюрикен из пут скотча... нарушение координации и потеря ориентации в пространстве дали о себе знать ту же минуту. “У него нет дочери! Я же читала досье!” — глухой стук и выстрел боли по черепу, рука схватила пустоту вместо деревянной поверхности. Шаткая опора исчезла, когда Никеев поднялся во весь рост. Настя попыталась вдохнуть полной грудью, задохнувшись от спазма, сковавшего гортань. Онемение распространялось по телу, колело иглами острого инея затылок и позвоночник. С трудом удалось пошевелить пальцами, которые тоже стремительно холодели, словно в кровь впрыснули дозу жидкого азота.

Теплые пальцы Никеева сжались на ее подбородке, и она ощутила его дыхание — смесь ментола, табака и кофе.

— В “Обители ангелов” такому не учат, верно, крошка? — В ушах по-прежнему стоял гул, но она расслышала его слова с потрясающей ясностью. — Это стиль вуду. Камбоджа не прошла для меня даром. Достаточно одного целенаправленного нажима на определенную точку, чтобы вырубить человека меньше чем за минуту. Если в течение десяти минут не снять блок, “ужаленный иглой” останется парализованным до конца своих дней. Через двадцать минут начинают разрушаться клетки крови. Закипаешь как чайник. После начинается распад клеток гипоталамуса, но к тому времени обычно уже ничего не чувствуют...

Холод перекрыло ощущение жжения в сердце и нарастающий гул в ушах, серая пелена перед глазами озарилась яркими красными вспышками. Настя успела осознать, что упала на пол, и любая попытка пошевелиться обречена на провал. Никеев еще что-то говорил, до нее долетали только обрывки слов, из которых невозможно было разобрать суть: “Готова, пакуйте... 45, я открою...”.

“Попалась как дура”, - успела подумать Настя, уплывая за грань собственного сознания. Рывка за плечо она уже не почувствовала, как и нового нажима в ту же самую точку. Легкие наполнила струя кислорода, но это не вернуло ее из обморока — непроглядная темнота упала, придавила, сковала собой, отсекая любые связные мысли и перевернувшуюся реальность...

...Первое, что она ощутила — это холод. Холод окутывал и пробирал до костей, иголками колот в затекшие ладони и голени, возвращая им чувствительность. От него зубы выбили дробь, а малейшая попытка пошевелиться резанула острой болью. Сильнее всего она ощущалась в запястьях и коленях, которые упирались в холодную и твердую поверхность. Стиб локтя пульсировал противной ноющей болью, которая отдавалась в затылке. В горло, казалось, насыпали стеклянной крошки. Першение становилось невыносимым.

— Лярва очухалась, кажется, — взрезал монотонный гул в ушах сиплый, словно простуженный, мужской голос.

Девушка не успела проанализировать происходящее. Зрение все еще к ней не вернулось, но, осознав, что за ее возвращением в этот мир наблюдают, позволила себе откашляться. Дышать стало легче. Виски еще давило, но с каждым ударом пульса кроваво-серая пелена перед глазами постепенно прояснялась.

— Я бы все равно вылил на нее ведро воды, — в голосе второго из присутствующих послышалась почти ненормальная жажда причинить боль и наблюдать за чужими страданиями. Такая интонация была знакома ей очень хорошо.

Настя попробовала опустить руку, чтобы откинуть с глаз волосы, но затея оказалась обреченной на провал. Острые, предположительно, металлические грани резанули запястье с глухим звоном. Все постепенно становилось на свои места. Она уже достаточно пришла в себя, чтобы осознать: ее кисти скованы грубыми наручниками, а ноги обжигает холодом бетонный пол с острой крошкой, которая причиняет дополнительную боль.

Глухие шаги замерли в опасной близости. Все еще пытаюсь сморгнуть пелену, Настя глубоко вдохнула. Выдох прорвался вместе с глухим стоном боли, когда нешуточная затрещина обожгла ее скулу. Удар задел по касательной губы, брызнув на язык соленой каплей крови.

— Будешь говорить, соска?

Сиплый голос неприятно резанул по нервам. Зрение постепенно прояснялось, и Настя увидела кожаные, начищенные до блеска мужские ботинки на шнуровке. Желание сплюнуть кровь прямо на них было непреодолимым, но она погасила этот порыв по крайней мере до тех пор, пока не придет в себя окончательно и не поймет, где находится и как освободиться от оков. После приема, которым ее вырубил Никеев, тело казалось безвольным и непослушным, по мышцам разливалась противная ломота, как при простуде. Даже если она каким-то чудом сумеет разомкнуть замок наручников, сбежать в таком состоянии не удастся. Только ползком, а далеко она не уйдет таким образом.

Настя не заметила приближения второго из находящихся в помещении и не успела подготовиться к тому, что произойдет в следующий момент. Когда ледяная вода с силой

выплеснулась ей в лицо, заливая с головы до ног, непроизвольно закашлялась, успев сделать несколько судорожных глотков. Было чертовски холодно, но пелена слетела с глаз моментально, сердце замерло и разогнало кровь по организму с запредельной скоростью, согревая окоченевшие мышцы.

Взгляд выхватил из грязного полумрака грубо оштукатуренные стены то ли большого гаража, то ли лодочного ангара со свисавшими с балок цепями. К одной из них, скорее всего, она и была прикована за руки. Грязные лампы в ржавых железных каркасах под потолком рассеивали тусклый свет, который давил на психику. Вряд ли этот ангар специально переоборудовали в камеру пыток, но весь антураж непостижимым образом создавал атмосферу обреченности и безвыходности. Об отоплении тут речь вообще не шла. Настя прикинула, что при температуре минус двенадцать градусов ее организму хватит сил продержаться меньше суток, даже при условии, что ее оставят одну и она сможет размять окоченевшие мышцы, чтобы согреться. Ледяной душ уже приблизил вероятное переохлаждение на несколько часов.

— Может, того... по-быстрому? — звон покотившегося по бетонному полу ведра перекрыл почти вкрадчивый голос второго незнакомца. Настя сморгнула капли воды с ресниц и подняла глаза, чтобы рассмотреть его как следует. На его губах играла похабная улыбка, а блеск в выцветших зенках разгорался с каждой секундой все сильнее, по мере того как вздымалась ее грудь, облепленная мокрой тканью шелкового кимоно.

— Старший тебе яйца оторвет. Он сказал ее допросить. — Сиплый запустил лапу в ее волосы, с которых стекала вода, резко натянул, практически вырывая пряди с корнем, заставляя Настю поднять голову и посмотреть себе в глаза. — Привет, чебурашка. Сотрудничать будем?

Настя криво улыбнулась — той самой улыбкой, которая имеет свойство посыпать глубоко в лес без употребления матерных слов и демонстрации средних пальцев. Новый удар не заставил себя ждать. Теперь привкус крови во рту стал насыщеннее, губы на миг потеряли чувствительность, а потом резкая боль сошла на нет по сравнению с новым ударом ногой в живот. От холода этот пинок почувствовался в десять раз больше. Пришлось прикусить язык, чтобы не застонать, но из глаз в буквальном смысле посыпались искры.

“Шах или Лидер?” — попыталась сообразить Настя, разжав зубы и судорожно хватая ртом воздух. Кому ее сдал Никеев? Недооценка противника сыграла с ней злую шутку. Увы, тщеславие затуманило ей разум.

— Я... буду говорить... только с твоим главным, пес. — Новый удар. При такой интенсивности она закричит уже очень скоро. Необходимо было получить информацию, перед тем как воспользоваться методом, которому всех ангелов с самого начала обучали владеть в совершенстве.

— Отрежь ей ухо и отправь Шаху, — заржал второй, которого Настя мысленно обозвала “Водяной”. — Скажи, что получит свою подстилку по частям.

— Завали хохотальник! — прохрипел Сиплый. Настя слизнула с губ кровь, которая не желала останавливаться. Значит, не Шах. Лидер, если Никеев не замутил свою игру с кем-то еще. Что нужно, она узнала.

— Ты че, не в состоянии заставить эту курицу запеть соловьем? — Водяной стоял к ней спиной, что-то перебирая на грубо сколоченном столе. До ее слуха долетело позвякивание металла, а вслед за ним щелчок, характерный для разряда электрошокера. — Смотри и учись, дебил.

Настя набрала полные легкие воздуха. В том, что эти двое пойдут на все, чтобы заставить ее вопить от боли, у девушки не осталось никаких сомнений. Все, что ей оставалось, — выиграть время, до тех пор пока ее не прикончит переохлаждение или болевой шок. Босс этих маньяков вряд ли снизойдет до того, чтобы явиться ее допрашивать сам. Если она заговорит, ее прикончат сразу, как только получат нужную информацию. Все, что ей нужно, — это сделать так, чтобы главный, хорошо, если это тот самый неуловимый Лидер, все-таки появился здесь. Время и стойкость. Что ж, она знала, что именно нужно делать.

— Какая вкусная девочка, — Водяной присел на корточки, насмешливо разглядывая лицо Насти. — И такая неразговорчивая. Смотри, что у меня есть. — Тонкий конус мощного электрошокера погладил ее саднящую от удара скулу. — Как думаешь, шлюшка, куда я тебе сейчас это засуну?

Свободная рука потянулась к ее шее. Настя закрыла глаза, сконцентрировавшись на оголенных кончиках собственных нейронов. Пассивно статичные, они пришли в легкое колебание, раскаляясь до красного свечения, зародившаяся от этого легкого бриза мощная волна за доли секунды разлилась по всему телу. Когда пальцы мучителя ласково, даже без нажима коснулись ее кожи, нежные щупальца каждого оголенного нерва пришли в движение, превратив теплый нажим пальцев в касание добела раскаленного металла.

— Ай! — заорала Настя, встречая спасительную пелену фальшивого болевого шока. Реальность пошатнулась, придавив ее прессом глубокого обморока.

— ...Ты вырубил ее! Если она очухнется, Лидер засунет тебе это в жопу! — сознание возвращалось. Обычно такое состояние не длится более двадцати минут. Сиплый орал на повышенных тонах, звуки его голоса напоминали скрип плохо смазанных дверных петель.

— Да я ее не тронул, она сразу вырубилась...

Правую сторону ее тела кажется, ненадолго парализовало. Наверняка этот псих лупил ее электрошокером, пока она висела без сознания. Настя непроизвольно содрогнулась, представив, какой сильной была бы эта боль. Мощный разряд тока, мокрая кожа плюс действие холода. Хорошо, что в мутном забвении искусственно вызванного обморока она этого не почувствовала.

— Я звоню боссу. Докажи потом, что мы хотели как лучше...

— А получилось как всегда... — хрипый смех Насти замер в горле.

Оба баклана застыли на месте, открыв рот от удивления и недоуменно переглядываясь. Сиплый зарычал, схватил со стола нож и рванул к ней, по привычке хватая за волосы. Нейроны зашились от фантомной боли еще до того, как он успел накрутить ее мокрые пряди на свой кулак. Звон в ушах, яркая вспышка перед глазами, перевернувшая ангар с ног на голову и спасительное небытие, в котором не существовало никакой боли.

...В этот раз возвращение в реальность далось сложнее. Сказывалось действие холода без возможности разогреть мышцы. Голоса долетали до ее сознания как сквозь вату.

— Да я ничего не успел с ней сделать! Уже второй раз вырубилась, и все... — по ее лицу текла вода, смачивая разбитые губы и размывая кровь. От холода она схватилась тонким слоем льда на кончиках ее волос. Видимо, оба урода испугались до икотки и пытались привести свою пленницу в чувство любыми доступными методами — судя по пылающим щекам, испробовали все киношные средства, от пощечин до контрастного душа. И конечно же, никто из них наверняка не вспомнил об обычном нашатыре.

— Или ты сейчас пытаешься меня на** ать, или вы оба ни на что не годитесь, —

прозвучал спокойный голос, показавшийся смутно знакомым. Стараясь не шевелиться и ничем не выдать себя, Настя замерла, хватая воздух медленными глотками, пытаюсь понять, где же она его могла слышать.

— Я отвечаю, без базара, так и было... я даже подойти к ней не успел. Выключилась в момент...

— Вы час здесь страдаете фигней, и все, что можете мне сказать, это то, что не справились с элементарной задачей?

Настя застыла, внезапно ощутив, как в солнечном сплетении медленно дрогнул холод зимнего мороза, словно взрезанный по окружностям лучами пока еще теплого солнца, которые постепенно разогревались, набирая свою силу. Стальные захваты самоконтроля над нервными окончаниями разжались, ускользая от сознания, пока звук шагов, показавшийся таким же знакомым, медленно приближался к ней. Холод бетонного пола, сковавший потерявшие чувствительность колени, внезапно отступил, в онемевших пальцах аукнулось теплое покалывание, и на миг показалось, что оковы наручников разомкнулись, ослабли... или же ее собственные кисти уменьшились в размере настолько, что можно было легко выскользнуть и ощутить ладонями холод бетонного пола. Наверное, сознание уже поняло все, отреагировало на этот голос, запустив цепь воспоминаний и приняв появление этого человека как гарантию вероятной безопасности, но еще не успело оформить в окончательный результат. Даже веки почему-то отказывались подниматься — то ли из опасения ошибиться, то ли от неверия в то, что не могло быть правдой ни в коем случае.

Прикосновение. Оно практически все расставило по своим местам. Сущность Насти дрогнула, по инерции пытаюсь запустить защитный блок... но тепло знакомого солнышка погасило возмущение нейронов, буквально деактивировав их разрядом согревающего спокойствия.

— Искусственное завышение болевого порога, — сухо констатировал знакомый голос.

Настя подняла глаза, уже зная, что именно увидит, но мужчина повернулся к ней спиной, потеряв интерес. Когда он заговорил снова, его голос прозвучал в отдалении. Сетчатку резало жаром такого родного тепла, пока Настя, не в силах преодолеть изумление, растерянность и неподконтрольную разуму радость, смотрела ему в спину.

— В любом случае это ваши проблемы. Меняйте тактику, но заставьте ее говорить! Полчаса, и если не справитесь, я зарюю вас прямо здесь!

“Нет... черт... вернись...” — растерянность убила ее самоконтроль. Все еще не веря, что потеряла уникальный шанс, офигев от неожиданности, Настя судорожно хватала ртом воздух, гипнотизируя стальные двери ангара, в которых исчезла фигура того, кто однажды перевернул ее мир вверх ногами. Она отказывалась в это верить. Даже тогда, когда Водяной, воровато оглядываясь по сторонам, вновь перекрыл своей фигурой обзор двери, Настя все еще мысленно призывала вернуться его, обладателя родного голоса и источник тепла. Теперь она прекрасно понимала, почему продолжала его так сильно чувствовать.

Ее мучитель выглядел нервным и таким же растерянным, как она. Настя с трудом погасила смятение, лихорадочно соображая, как теперь выиграть время.

Подняла глаза, облизав кровоточащие губы:

— Меня убьют?

— А ты чего ожидала, сука? Что тебе скормят шоколадку и выебут напоследок?

Сиплый отошел в угол ангара и уселся на стул, подобно гопнику из неблагоприятного района. Выговор главного, похоже, подкосил его, как сопливого первоклассника. Водяной

же сам не знал, что именно с ней делать и каким образом менять эту самую “тактику” допроса, пытался сообразить на ходу. Но, похоже, любые мысли на этот счет крутились только вокруг пыток, от которых Настя с такой легкостью убегала.

— Я бы предпочла подохнуть с музыкой. Тебе кайф, и я на адреналине буду меньше мучиться. — В глазах мужчины появилось осмысленное выражение и тот самый блеск, который Настя уже видела прежде.

Сиплый поднял голову, вслушиваясь в их разговор.

— Ствол, ты совсем ипанулся? У нее же, бля, клыки в п**де. Ты не понял до сих пор, кто это? Хочешь сдохнуть на ней в процессе?

— Рот закрой! А еще лучше, с**бись покурить и не мешай людям разговаривать!

Водяной протянул к ней руку. Настя не пошевелилась, позволяя гладить свое лицо и пристально глядя в его светлые глаза, которые казались обесцвеченными хлоркой.

— Ты! Решила меня на*бать? Сейчас попросишь отцепить тебя и выдрать в комфортных апартаментах?

— Нет. Хочу сдохнуть с улыбкой. Можешь не отцеплять.

— Идиот... — покачал головой Сиплый, спрыгивая со стула.

— Ты один. Твой приятель не в моем вкусе. Потом я тебе все расскажу, если пообещаешь выстрелить в лоб и не оставишь корчиться тут от холода.

Настя отвернулась, в то же время давая своему мучителю возможность истрактовать по-своему ее рефлекторные слезы и дрожащие губы.

— Если почувствую зубы, сука...

Рука Водяного потянулась к ремню брюк. Нет, вот как раз это совсем не входило в Настины планы.

— Ты меня не понял. Я тоже хочу кончить перед смертью. От отсоса кончают только в дешевой порнухе. И мне приятно, и ты не переживаешь, что откушу ненароком...

— Некрофил гребаный, — прокомментировал Сиплый, наблюдая, как его приятель возится с ширинкой.

— С**бись отсюда! — заорал Водяной.

Настя едва сдержала вздох облегчения, когда за Сиплым со скрежетом захлопнулись двери, обдав напоследок морозным холодом. «Полчаса? Нет уж. Ни у кого не будет этого времени. Все закончится гораздо раньше...»

Глава 12

Осколки теплого солнца вместе с хаотичными мыслями погасли, стоило лапам этого уродяка рвануть в стороны отвороты промокнутого кимоно и сжать со всей дури полушария ее груди.

— Будь нежным, — прохрипела Настя, не забыв спровоцировать новый приступ рефлекторных слез. Сейчас все выглядело именно так, как должно было выглядеть в узколобом понимании этого уродяка: сломленная перспективой неминуемой смерти жертва, растерявшая свой боевой задор, то ли одержимая шаткой надеждой соблазнить своего мучителя, то ли пытающаяся переключить свой ужас на условную похоть на пороге гибели. И при этом напуганная до слез ожиданием неизбежного. Будь этот мужчина умнее, наверняка бы сразу почувствовал подвох. Но похоже, что он истек слюной еще до того, как Настя пришла в себя, и с легкостью позволил члену все решать за него.

Холод беспощадно сковывал тело Насти. Но она даже в некотором смысле была этому рада — концентрация на дискомфорте от переохлаждения не позволяла взять верх панике от осознания того, что с ней собираются сделать снова. В сознании всплыли обрывки воспоминаний о прошлой жизни: грубое насилие день ото дня, беспощадная ломка личности, грань между реальностью и безумием, такая условно шаткая и ненадежная... Тогда она закрывала глаза, позволяя лишенным человечности и чести инструкторам и ангелам обители рвать свое тело, и выживала день ото дня, одержимая лишь одной идеей — расправиться с ними, когда наберется достаточно сил. Она должна была выжить ради того, чтобы убить своего главного врага и отправить в комплекте с ним на тот свет всех, кто счел ее тогда легкой добычей и пользовался ее слабостью и беспомощностью. Мало кто из насильовавших ее тело остался в живых. Сейчас ей пришлось прилагать усилия, мобилизуя все силы, чтобы не позволить панике разрушить бастионы самообладания и не рассыпаться, шагнув в омут своей фобии. Иначе она ничего не выигрывает.

— Е**нутая шлюшка, — прохрипел Водяной, впиваясь в ее губы жадным мокрым поцелуем.

Преодолев боль в затекших руках, Настя переместила вес тела на бок, машинально сплетая свой язык с его. Этого оказалось достаточно, чтобы инстинкт самосохранения внезапного любовника приказал долго жить. Боль прострелила колени, когда Настя начала медленно выпрямлять затекшие ноги. Пальцы пронзило раскаленными клинками при попытке размять их, и она, не сдержавшись, застонала в чужие губы. Конечно же, этот похотливый кобель истолковал ее нечленораздельные стенания по-своему. Да, похоже, его понятия о нежности ограничивались исключительно формулой “не избить и не порвать ненароком”. Все, что могла сделать Настя, — это абстрагироваться от отвращения, грозящего захлестнуть рассудок, якобы безвольно уронить свою голову на его плечо и мазнуть по шее разбитыми губами, оставляя кровавую метку поверх кадыка, в самой уязвимой точке аорты.

— Пожалуй, обойдемся без слез? — довольно констатировал Водяной. — Горячая штучка... со всеми бы так приятно развлекаться... — его пальцы грубо проникли между ее бедер, рывком срывая трусики.

— Не... останавливайся.

Пульсирующая жилка на его шее забилась сильнее, и Настя едва удержалась, чтобы не закончить этот фарс преждевременно. Пальцы беспрепятственно проникли между складок ее плоти, и девушка только чудом не задохнулась от отвращения.

— Не убивай... оставь меня себе. Я же красивая и прекрасно знаю, как заставить тебя визжать от восторга каждый раз...

От ее слов мужчина буквально озверел. Резкая боль от сжатия его пальцев пронзила тело Насти.

— Б**дь... сучка е**нутая... я не могу... Лидер с меня кожу живьем стащит... Ты... как тебя...

— Если не дашь мне умереть, можешь звать как захочешь. — Настя сцепила зубы и, сдерживая тошноту, толкнулась навстречу его пальцам. — Я буду каждый раз выкладываться для тебя на полную и встречать с улыбкой. — Напрягла внутренние мышцы вагины, зажимая пальцы в прочные тиски. — Понимаешь теперь, как тебе со мной будет охренительно? О черт... что ты делаешь? Как у тебя так получается?

— Это только мои пальцы, сука... е**ть, какая ты сладкая!

Водяной зарычал, когда Настя, имитируя несдерживаемую страсть, прошлась по его шее дразнящими поцелуями. Его дыхание сбилось, а из горла вырвался хриплый стон. Девушка поймала его затуманенный взгляд, который казался почти белым, таймер запустился, отбивая секунды до финального броска. Семь. Шесть. Пять... Захватить в вакуум рта бугорок кадыка, скользнуть языком до боли соблазнительной лаской. Четыре. Три. Два. Переместиться этими сводящими с ума поцелуями выше, обвести полукругом языка место последующего удара. Один!

Зубы свело тупой болью от усилия, когда они, прокусив тонкую кожу, впились в стенки артерии, показавшиеся грубой резиной. Последнее усилие, все силы, которые оставались, чтобы сомкнуть зубы, — и вот неподатливая плоть разорвана. Тошнотворно-соленая алая кровь с привкусом железа хлынула ей в рот, выстрелив предсмертной фрикцией по горлу, зубы вновь сомкнулись практически до крошева зубной эмали. Желудок Насти скрутило в узел, когда она отпрянула от Водяного, отплевывая его кровь.

Он ничего не успел сделать. Неправдоподобно яркая даже в унылом полумраке ангара кровь хлестала из его шеи, пока он сам, словно в замедленной съемке, заваливался на пол. Предсмертный вопль перерос в хрип, и Настя, привыкшая к виду крови и смерти, все равно отвернулась, чтобы не видеть его конвульсий. Сдерживать тошноту становилось все труднее, как и отплевывать кровь, которая брызнула прямо в горло.

На вопль кореша прибежал Сиплый. Несколько секунд ему хватило, чтобы понять произошедшее. Настя наблюдала, как первичный шок на его лице сменяется безумной яростью.

— Тварь! — заорал он, выхватывая пистолет.

Звук выстрела отозвался громким эхом в большом ангаре, запястья Насти прошило болью, когда пуля задела толстую цепь, высекая сноп искр. Это было безумие в чистом виде — именно поэтому он не попал ей в голову. Девушка, закусив губы, дернула руками. Увы, пуля не разорвала звенья цепи, лишь прошла по касательной. Боковым зрением она видела, как Сиплый трясущимися руками снимает предохранитель. Скрежет железной двери показался ей почти райской музыкой.

— Какого черта здесь происходит? — Настю все еще мутило от привкуса крови, и знакомый голос не успел восприняться сознанием в полном объеме. — Совсем с ума посходили?

— Лидер, эта сука загрызла Ствола!

Второй мудака держал ее на прицеле. Настя пережила несколько растянувшихся во времени секунд между жизнью и смертью, прежде чем Лидер, сделав резкий выпад, выкрутил локоть Сиплого. Пистолет с глухим стуком шмякнулся на бетонный пол.

— Что ты несешь?

— Посмотри сам! У нее весь рот в крови...

Настя ощутила на себе взгляд.

— Возьми себя в руки. Как это произошло?

— Да Ствол ее о***бать собирался, я покурить вышел...

Настя закашлялась, сплюнув на пол слюну с чужой кровью. Липкая субстанция застывала на ее лице, словно косметическая маска графини Батори. Почему-то реальность уже в который раз встала вверх тормашками, и единственное, что ее сейчас заботило, — это приступ тошноты. Она из последних усилий концентрировалась на светлой полосе бетона, единственной не окрашенной алой кровью, исходящей паром на холодном бетоне, но взгляд

помимо воли остановился на начищенных кожаных туфлях Лидера, на фактуре ткани его костюмных брюк, когда он остановился перед все еще дергающимся в конвульсиях телом Водяного. Нагнулся, ощутив его пульс и не боясь того, что испачкается в крови, и с усталым вздохом выпрямился.

— Я, кажется, велел ее допросить, а не в**бать.

— Да она раскололась почти, откуда я...

Лидер остановился перед Настей, не обращая внимания на оправдания Сиплого. Сжал пальцами ее подбородок, резко дернув вверх. И снова предательское касание тепла побежало по ее венам, лишая возможности зажмуриться или вырваться из захвата.

Клинки, высеченные то ли из балтийского янтаря, то ли из осветленного обсидиана, буквально с шипением вошли в холодные озера ее собственных глаз, не позволяя не то что отвести его... не позволяя даже думать. Все в этот момент утратило свое значение: адский холод декабря, окоченевшие мышцы, фантомный след грубого проникновения пальцев ныне покойного уroda, тошнотворный привкус крови на языке, саднящие от ударов скулы... А о смерти она вообще не думала, как и о том, чтобы вырваться.

Ее губы только чудом не дрогнули в улыбке. Она не мешала ему, такому родному и реальному, сжимать ее подбородок, передавая своим прикосновением спасительное тепло, скользить лишенным эмоций, словно затянутым льдом безразличия, взглядом по своему лицу. Она даже не задумывалась о том, что никогда еще за прошедшие девять лет не была столь уязвима и незащищена.

“Влад...” — ее губы приоткрылись, чтобы произнести это вслух буквально за секунду до того, как она увидела его кулак с большим серебряным перстнем в виде волчьей пасти, который стремительно опускался на ее запрокинутое лицо. Вот к этому она не успела подготовиться. Голова взорвалась оглушающей болью, и попытка удержать сознание в этой реальности потерпела фиаско. Темная пелена обрушилась с оглушительным звоном, ломая все на своем пути и лишая ее последних сил.

...Голова раскалывалась. Первое, что она ощутила, когда оковы то ли забытья, то ли сна начали медленно размыкаться, — это распирающую изнутри головную боль и хаотичное вращение бессвязных мыслей. Их было недопустимо много, казалось, предохранители сознания искрились и трещали по швам от этого изобилия. Обрывочные, полустертые из памяти, колющие, словно осколки. Попытка поймать хотя бы одну из них вызывала накат ошеломительной боли с острым желанием проговорить воспоминание, вырвать из головы, выпустить из себя в сбивчивой скороговорке. Искусанные губы непроизвольно шевелились, пытаясь привести в движение то ли сорванные, то ли простуженные связки.

Она не расслышала саму себя, но, кажется, прерывисто выпалила в пустоту судорожным шепотом первую мысль, которая раздувалась в голове подобно воздушному шару:

— Никогда не давай себе времени более секунды перед поражением цели, действуй на уровне инстинктов и не позволяй логике и эмоциям одержать верх, иначе ничего не выйдет...

Обветренное лицо инструктора по снайперской подготовке и его командирский голос размылись до абстрактной картинке и шипящего белого шума, виски пропустили быстрый удар пульса, и боль отступила. Совсем ненадолго.

Бритый затылок Шахновского, его вкрадчивый голос, ее ладонь с зажатым между пальцами мини-инъектором... внутреннее ликование “наконец-то ты сдохнешь, урод!”. Очередной фрагмент черно-белого воспоминания с разрядом болезненного тока по всем

извилинам.

— Я же была близко, никто бы не понял, что произошло, — остановка сердца, и все... несчастный случай... е**ный Спикер! — простонала Настя, вырвав у адской боли новые секунды спасительного забвения. Следующая мысль в сопровождении боли была просто мечтой садомазохиста. Как еще назвать это убойное сочетание?

...Лаковая столешница. «Называется “вишня ламборгини”, самый красивый оттенок», — хвасталась Марианна, когда выбирала материалы для кухни. Если бы в тот момент ее мать увидела, как можно использовать предмет ее гордости, наверняка бы получила разрыв сердца. И непонятно, отчего больше: то ли оттого, что вытворяют на ней с ее несовершеннолетней дочерью, то ли потому, что столешница для этого мало предназначена. Черта с два!

Голые ягодицы Насти скользят по лаковой фактуре, пальцы рефлекторно сжимаются в кулаки, только чудом не оставляя на поверхности царапины от острых ногтей. Как быстро ошеломляющий шок, смущение, попытка сжать ноги сменились сладким, лишаящим воли ураганом! С ним вообще иначе не бывает. Румянец смущения тает на ее щеках, слабый протест гаснет, прорываясь сдавленными стонами, а ласковые солнечные лучи превращаются в торнадо, который выжигает внутри все предохранители с каждым нажимом мужского языка поверх складок ее пульсирующей вульвы. Иногда он дразнящим росчерком касается клитора, и очертания кухни взрываются ярким фейерверком.

Он всегда молчит. Не потому, что его рот занят, наверное, щадит ее взбунтовавшуюся чувственность — если слова в этот момент прожгут ее кровь, Настя кончит даже от сухого изложения квантовой механики. Вакуумный засос ее сверхчувствительных половых губок буквально подбрасывает на лаковой поверхности, ноги непроизвольно сжимаются, зажав его голову в тиски. Но это его не останавливает. Язык продолжает свой маршрут взрывного соблазна по ее киске, словно выписывает пентаграмму самого восхитительного заклятия. В крови бушуют сладкие вихри солнечного ветра, умопомрачительная пульсация перевозбужденного естества бьет в виски ласковыми выстрелами на поражение.

Давно убито наповал смущение, растерянность сменило осознание такой приятной развратности настоящего действия. Чуть шероховатые ладони скользят по ее икрам, разливая такое родное и знакомое тепло. Он один в состоянии согреть и возродить ее через прикосновения — рук, губ, взгляда, горячего языка. Настя протестующе стонет, потеряв на миг лижущие поглаживания, но уже через секунду задыхается в непроизвольном крике, когда его язык проникает в пульсирующее кольцо вагины на максимально доступную глубину. Она понятия не имеет, что именно и как он делает, — просто каждый раз, стоит его пальцам, члену или языку, как в данный момент, ворваться в ее тесные глубины, разум уходит в долину забвения, уступая место острому моментальному удовольствию. Для него ее тело — дорогая скрипка Страдивари, на которой может играть только маэстро-виртуоз, не оскверняя непрофессиональным подходом. Бедрa сжимаются, удерживая в захвате его голову, пока язык резкими выпадами имеет ее истекающую страстью вагину, она практически чувствует, как с каждым его касанием струйки греховного сока брызгают на язык... и уже не понимает, показалось ли ей утробное рычание изголодавшегося хищника или же нет. Эта бессвязная песня страсти у них тоже похожа до самой незначительной ноты. Язык с каждой секундой все больше раззадоривает, удержать это безумие в узле невозможно. Мир замирает, перед тем как...

«Твою мать!» — голову буквально прижало стальным прессом с параллельными

ударами в затылок, голосовые связки резануло циркулярной пилой, но это уже не имело никакого значения. Настины глаза широко раскрылись, сетчатку резануло ослепительной белизной глянцевого потолка, зубы непроизвольно зажали и без того искусанную и разбитую нижнюю губу. Она лежала под теплым одеялом в постели и буквально корчилась от мощного оргазма без единой тактильной стимуляции. В тот момент ей показалось, что череп в прямом смысле слова сжался и снова вернулся в прежнее состояние, выбросив из головы залп нечеловеческой боли прочь.

Горло невыносимо саднило, на груди и на лбу выступила испарина. Но вместе с тем ломота в суставах и мышцах стала менее ощутимой. Так часто бывает, когда сбиваешь повышенную температуру, но вряд ли кто-то б еще додумался заменить чай с малиной и парацетамол оргазмом. Тем более в состоянии полной разбитости и неопределенности.

Комната была незнакомой. Кровать — чужой. Чужой, но невообразимо комфортной, белье пахло свежестью, в меру жесткая подушка расслабляла мышцы шеи. Сквозь большие панорамные окна с видом на зимний сад лился солнечный свет. За окном все было укрыто белым снегом, он искрился и слепил глаза. Солнечные блики скользили по светло-кофейным стенам с горизонтальными вставками синих обоев, разбивались яркой радугой в хрустальных кристаллах люстры по центру натяжного глянца.

Здесь было уютно и обманчиво спокойно. Сама Настя никогда не создавала уют в своих квартирах, потому как сам образ ее жизни предполагал кочевые перемещения с места на место, а то и готовность все бросить по первому зову. Она не хотела слишком привязываться к своему жилищу. Иногда минута промедления и желание забрать что-то из дорогих вещей могли стоить жизни. Сентиментальности, как и излишним эмоциям, не место в душе таких, как она. Выбрав путь Ангела смерти, она тем самым отказалась и от подобного права на комфортный быт и какую-либо стабильность.

Когда она устанет и отойдет от дел, спокойно осядет в Мюнхене. Или еще где подальше, чтобы не подвести мать с Дитрихом и Ирину под удар. Специалисту ее класса нет цены, но замести следы при большом желании и исчезнуть она сумеет.

Головная боль, подарив ей несколько минут релакса, начала возвращаться. Зарождалась в висках, постепенно разливаясь ядовитыми ручейками по лбу и затылку. Настя уцепилась за первую мысль, не успевшую оформиться в образ.

— Этот урод убил мою подругу, едва не продал меня в бордель, и я с ним разобралась! — болезненный щелчок в сознании, превративший боль в мелкую пыль. Состояние было таким странным и незнакомым, что его трудно было списать на температуру или стресс.

Девушка, почувствовав тянущую боль, провела рукой по животу и ощутила мягкость фланелевой ткани. Пижама? Она отродясь их не носила. Светло-коралловый брючный костюм для сна, теплые пушистые носки на ногах. В ее гардеробе никогда ничего подобного не было.

Преодолев головокружение, Настя села на постели, успев проговорить ответ на навязчивую мысль, почему в школьные годы терпела издевательства одноклассников и не предпринимала никакой попытки постоять за себя. Оглянулась. В этой комнате чувствовалась женская рука. Все на своих местах, нигде ни пылинки. Это приемник-распределитель преисподней? Для рая явно не подходит. У Ангелов так не болит голова и не саднит горло.

— Холодно, — непроизвольно прошептала она, фиксируя отрывок воспоминания: ее

обнаженные колени на ледяном бетонном полу и затекшие руки.

Сдвинула рукав пижамы и недоуменно моргнула. Запястья обвивали повязки из эластичного бинта, при попытке пошевелить кистью возникла глухая боль, словно от пореза. Но было что-то еще. На сгибе обоих локтей и чуть выше края повязки. Настя осторожно погладила небольшие припухшие ранки с корочкой засохшей крови. Капельница? С какого перепуга? Нет, вполне логично, что она заболела после...

— Какой-то лодочный ангар. Холодно. Я не буду говорить, прием фантомной боли, и никто ничего не услышит. Сперва это сложно, а потом проще пареной репы... — прикусила язык, не понимая, почему опять проговаривает это вслух, преодолевая режущий блок воспаленного горла. Слова как будто опережали мысли. — Я красивая, и буду встречать тебя с улыбкой... Угу, верь мне, урод. Я тебе плотку вырву, если попробуешь меня трахнуть. Твою мать, что ж ты так боишься своего Лидера...

Что-то ускользало из памяти. Силы возвращались, и атака обрывочных мыслей сходила на нет вместе с головной болью. Боль теперь пульсировала в ее скуле. Глухая и выматывающая. Эта была знакома. Так болит после ударов кулаком в лицо. Попытка вспомнить — абсолютное безумие. Мужской кулак с перстнем в виде оскалившейся морды волка, но вместе с этим — практически эйфория, радость и...

Настя свесила ноги с кровати. На прикроватной тумбочке стоял графин с водой... и еще блюдце с таблетками. Неопознанные драже и капсулы без каких-либо опознавательных знаков. Жажда была сильной, и она потянулась к стакану, наполнив его водой. Руки дрожали, часть жидкости пролилась на стол, но Настя не обратила на это внимания. Жадно выпила до дна, наполнив снова. Головная боль могла быть следствием обезвоживания.

Вода была теплой, словно специально подогретой, вроде без постороннего привкуса, но кто знает, где она вообще находится и что туда подмешали. Хотели бы убить — не заморачивались бы с отравой. От двух стаканов в голове прояснилось, но вместе с тем дико захотелось в туалет. Мысль о том, что ей придется встать и попытаться найти санузел, вызвала глухой стон бессилия. Пальцы ног в теплом объятии нежной шерсти коснулись пола. Он тоже был теплым. Подогрев.

Непонятно, каким шестым чувством Настя уловила чье-то приближение. Из-за закрытых дверей в арочных проемах не долетало ни единого звука, как, впрочем, и с улицы. То ли вибрация пола из керамогранита, то ли просыпающиеся после странного сна инстинкты. Сжав гладкое стекло стакана, она вложила в бросок всю силу, на которую была способна в подобном состоянии. Как и следовало ожидать, он сразу рассыпался на острые осколки, скрежет ключа в замке совпал со звоном бьющейся посуды. Ахнув от нового витка головной боли, Настя поспешно ухватила руками самый большой осколок, уложив его на одеяло рядом с собой. Из-за спешки она все же порезала пальцы. Незначительно, но кровь брызнула на пижаму мелкими каплями.

В проеме двери появилась девушка. Невысокая, с гладко зачесанными в узел волосами, в сером платье с белым воротничком. Она явно не ожидала, что Настя проснулась, но быстро взяла себя в руки и приветливо улыбнулась, толкнув перед собой тележку с накрытыми стальными крышками блюдами. На надзирательницу или дознавателя эта крошка походила меньше всего, но Настя все равно задержалась взглядом на ее шее, прикидывая, куда ударить в случае нападения и не станет ли накрахмаленная ткань воротника препятствием ее самодельному стеклянному кинжалу.

— Добрый день, вы проснулись, — девушка улыбалась, но старалась не смотреть в лицо

застывшей на кровати гостью. — Будем обедать? Меня зовут Анастасия...

Разряд глухой боли прошил виски.

— Меня тоже, — Настя выпалила это на автомате. Боль не была столь сильной, чтобы проговорить это и затихнуть.

Смутное подозрение по поводу того, чем вызвана подобная красноречивость, промелькнуло на задворках сознания яркой вспышкой вместе со знакомым настойчивым голосом: “Будет только хуже. Просто говори и избавься от этой боли!”. Кажется, в тот момент ее кровь горела, но самый яростный пожар бушевал в голове. И она говорила, захлебываясь в этом бессвязном словесном потоке, чтобы погасить сводящее с ума жжение.

Более того, она не столько хотела в тот момент избавиться от боли, сколько не потерять ласковое поглаживание этого знакомого голоса. Он давал ей свет, который частично снимал эту боль. Он был самым родным и близким человеком, и ее плавило в лучах гипертрофированного доверия. Она понимала, что не успеет ему рассказать все, не хватит времени, и от этого по щекам бежали слезы. Речь была настолько сбивчивой, что напоминала бессвязный набор звуков, но он ее не переспрашивал. Гладил по рукам, когда она рвалась вырвать из вен стержни капельниц, ласковым голосом задавал вопросы, а в какой-то момент ее подбрасывало на волне рыданий оттого, что она не в состоянии в полной мере ответить на его доброту, не хватает скорости и кислорода, чтобы все это рассказать. Что она делает больно и ему, и себе, обрекая себя на боль, а его на недовольство.

“Влад?” — кошмарный сон обрел своего главного актера. Это был не сон вовсе. Что угодно: сумасшествие, бред, потеря связи с реальностью... но сон не оставляет отметин на коже и не переносится в реальность!

— С вами все хорошо? Не вставайте... — обеспокоенно произнесла девушка в сером, делая шаг вперед.

Настя непроизвольно накрыла ладонью осколок стекла, оставляя на белом одеяле красные разводы крови.

— Вам надо лежать. Сильная простуда, но пневмония не развилась. Я заварила чай... Вы не выпили таблетки?

— От простуды? — прохрипела Настя, пряча осколок в складках одеяла. Девушка заметила разбитый стакан и покачала головой.

— Да. Эти — во время еды, после будут другие. Пожалуйста, ложитесь, вы поранитесь.

— Я в туалет хочу... — хрипы в горле прорвались кашлем, который вызвал головокружение.

— Конечно, я вам помогу...

— Я сама! — прошипела Настя.

Головная боль утихла, но теперь остро чувствовалась иная, в горле, скуле, которая, казалось, потеряла чувствительность, в ребрах, коленях и запястьях. Эту можно было терпеть. Она иллюстрировала собой аксиому «я чувствую боль — я живу» и сводила на нет любую вероятность того, что пытки в ангаре, смерть несостоявшегося насильника, удар кулаком по лицу и мутные обрывки ускользающих воспоминаний ей приснились.

Горничная (или кем тут была эта девчонка) растерянно кивнула в сторону одной из дверей.

Как Настя преодолела эти несчастные семь метров до двери, она и сама не помнила. Ее шатало из стороны в сторону, словно пьяную, и она едва не потеряла сознание, когда наконец закрыла дверь с обратной стороны. Если стянуть с себя пижамные брюки оказалось

просто, то натянуть их обратно удалось с трудом. Она отметила отсутствие нижнего белья. Но сама мысль о том, что кто-то видел ее голой, сейчас была не самой большой из ее проблем. Девушка сделала несколько глубоких вдохов, оперлась руками о выступающий край черной мраморной раковины и непроизвольно отшатнулась от отражения в огромном зеркале.

“Краше в гроб кладут”, - мелькнула в сознании типично женская мысль. Правую половину лица заливало темное пятно обширной гематомы, наливаясь фиолетовым оттенком в области глаза. Искусанные губы распухли настолько, что все эти жеманные улыбки девчонок из инстаграма меркли на их фоне. Роскошные светлые волосы сваялись и запутались, а глаза казались тусклыми от красноватой сосудистой сеточки.

— Ты же не бьешь женщин, родной! — прохрипела Настя, то ли прогоняя подступившую головную боль, то ли возмущаясь этим фактом, который почему-то вызвал жгучее чувство обиды и растерянности. Провела кончиками пальцев по щеке, словно снимая это неуместное ощущение забытой уязвимости. — Впрочем, и я не убиваю людей... когда-то так и было.

Она осторожно подняла край пижамы. На ребре синела гематома, еще одна красовалась также на животе. Колени саднило, она их явно стерла о бетон в том холодном ангаре, но сил стянуть брюки и проверить попросту не было.

Стеклянные полочки были заставлены косметикой. Исключительно мужской, возможно, унисекс. Флаконы с туалетной водой, пенки и бальзамы до и после бритья, кремы и сыворотки с логотипами брендов. Дрожащими руками Настя потянулась к шкафчику, обвела изучающим взглядом весь ассортимент косметики и пластиковых баночек с неизвестными ей названиями препаратов. Задела детскую присыпку, непонятно как оказавшуюся здесь, и она с гулким стуком упала в мраморный резервуар умывальника, оставив на черном глянце белый порошковый след. Девушка еще минуту прощупала полочки, надеясь найти тюбик ВВ-крема или тональной основы. Нашла только массажную щетку и бутылочку масла-спрея для жестких волос. Хотя что-то.

Волосы спутались в узелки. Их кончики казались неживыми и пересушенными. Настю бросило в пот, пока она терпеливо распутывала это безобразие дрожащими руками, борясь с головокружением и брызгая увлажняющим спреем куда угодно, иногда даже на волосы. Неизвестно, сколько времени ушло, прежде чем она привела их в относительный порядок. С лицом же дело обстояло гораздо сложнее. Высыпав на ладонь белесый тальк, Настя попыталась осторожно припудрить фингал под глазом. Все, что могла эта органическая пудра, — это немного сгладить кричащий фиолетовый оттенок гематомы. Сколько же дней она тут находится? Два? Или три? Если попытаться определить по расцветке синяка...

— Кокаиновый шик, вашу мать. Кейт Мосс нервно курит.

Смахнула со щеки уже заметный слой талька, подумав о том, что как раз “дорожка” ей бы сейчас не помешала. Она могла позволить себе расслабиться подобным образом не чаще двух-трех раз в год. Хотя непонятно, как бы кокс проявился в совокупности с тем, что ей, судя по всему, вводили через капельницу. Этот препарат все еще гудел в ее крови, по инерции вызывая головную боль и атаку мыслей. Что ж, надо резко разогнать метаболизм и поскорее от этого избавиться. Вот только есть ли в этом смысл?

Стук в дверь, обеспокоенный голос девчонки:

— С вами все в порядке?

Настя сплюнула в раковину ментоловую жидкость “Листерина” и шагнула к двери, едва

не сбив девчонку с ног.

— Все хорошо. У тебя есть гепариновая мазь? Тоналка?

Ее тетка избегала смотреть ей в лицо.

— Конечно. Я все вам принесу. Но вам надо поесть...

Настя не была голодна, но еда означала силу, которая сейчас была нужна. За время ее отсутствия осколки стакана исчезли. Ее импровизированное оружие — тоже. «А девчонка не так уж и проста, либо ей дали четкие указания на мой счет», — подумала Настя. Из-за простуды овсянка с орехами и цукатами показалась ей лишенной вкуса, отвар трав — горьким и неприятным, а при виде десерта со взбитыми сливками и вовсе замутило. Организм настойчиво требовал кофе, и Настя почти залпом проглотила две чашки горького напитка. Девушка пыталась что-то возразить, но Настя ее не слушала.

— Я хочу кока-колу. И не обессудь, кофе классный, но я больше люблю растворимый. Принеси, пожалуйста.

— Но доктор сказал, что с вашим давлением...

— Доктор ошибся. Принеси. Если я сама пойду на поиски вашей кухни, думаю, тебя по головке не погладят. Стой! Принеси его в порошке, я сама залью необходимую мне дозу. И про тональный крем не забудь...

Девушка укоризненно посмотрела на Настю, которой, по ее мнению, было плевать на собственное здоровье, но спорить не стала. Вытолкала тележку с наполовину пустыми тарелками за двери, не забыв повернуть ключ в замке. «Прекрасно», — подумала Настя, потеряв виски. Хорошо, что цепями к кровати не приковали. Может, за дверями вооруженная охрана? Или вся комната утыкана камерами? Проверять не хотелось, на это попросту не было сил. Становилось непонятно, где же исполнитель главной роли в этом триллере “закрытая в спальне” и насколько хватит ее самообладания, когда он появится.

Горничная с тележкой пришла минут через десять. На передвижном столике действительно стоял графин с жидкостью, по цвету напоминающим колу, керамический чайник на пластине подогрева, пиала с гранулами кофе и еще ряд каких-то вазочек, то ли с вареньем, то ли с конфетами. А еще девочка принесла обширную косметичку. Все средства декоративной косметики были новыми, запакрованными и брендовыми. Настя распечатала баночку крема “Версаче”, думая, под каким предлогом избавиться от девчонки на несколько секунд. Решение пришло быстро.

— Я там видела тальк в ванной... принеси, будь добра, чтобы закрепить макияж...

Когда девушка исчезла в ванной, Настя поспешно налила в стакан пенящейся колы. Нельзя было терять ни секунды. Зачерпнула из пиалы с кофейными гранулами ложку с горкой и быстро всыпала в стакан, размешивая. Колочая газированная бурда полоснула пылающее от простуды горло, но Настя выпила эту термоядерную смесь в два глотка. Оставалось только ждать, когда самый доступный и сильный энергетик, который ангелы смерти использовали при долгих засадах в целях восстановления сил и борьбы со сном и слабостью, подействует. Чем больше, тем лучше. Настя, подумав, всыпала еще одну ложку кофе, когда входная дверь резко раскрылась. Девушка так и застыла с пиалой кофе в одной руке и графином колы в другой, застигнутая врасплох.

Влад склонил голову набок, наблюдая за ее замешательством. Помимо воли щеки Насти залил румянец, а сердце сорвалось в бешеный галоп. Кофе с колой или что-то иное? Пронизывающий, слегка насмешливый взгляд цвета этих самых кофейных гранул скользнул по фигуре Насти, которая вдруг остро захотела стать невидимой. Не от ужаса или ожидания

чего-то плохого. Только оттого, что так и не успела нанести крем на свой уродливый синяк и предстать перед чудесно воскресшим властителем ее снов в подобающем виде.

— Здравствуй, Настя.

Нет, она подозревала, что он ее узнал, хотя и полагала, что достаточно изменилась. Шахновский же не то что не опознал, даже ни разу не допустил мысль, что они были ранее знакомы. Щупальца уязвимой растерянности сжались на ее сердце. Узнал. Но все равно ударил. Или узнал, когда допросил?

— У тебя повышенное давление. Куда ты пьешь столько кофе? Или ты собралась драться?

— Тебе же это не помешало там, в ангаре... — виски сдавило под его внимательным, словно проникающим в сознание взглядом. — Почему бы не дать сдачи...

— Свободна, — холодно кивнул Влад девчонке, которая нерешительно замерла у дверей с баночкой талька в руках.

Она нервно повела плечами и поспешно толкнула тележку к выходу. Таблетки “после еды” так и остались нетронутыми.

Настя непроизвольно закинула ноги на кровать, притянув их к груди, наблюдая, как он усаживается в кресло напротив нее... такой родной и далекий одновременно. Тепло солнечных лучей погасло, не успев зародиться, и по крови, сбивая температуру, побежал чужой и неприятный холод.

— Странно от человека, который заставил меня выть от головной боли, слышать заботу о моей сердечно-сосудистой системе... — прохрипела Настя.

Влад криво усмехнулся, но ничего не ответил.

— Пришел допрашивать? Или подождешь, пока вернется голос? Я как-то умудрилась простудиться в твоём Майами...

— Ты уже все рассказала, крошка. Я едва не прослезился от твоих откровений. — Он насмешливо скользнул взглядом по раскрытой косметичке. — Пентотал натрия разговорит кого хочешь.

— Так это правда... ты вколол мне сыворотку правды... твою мать! — щеки Насти запылали при мысли о том, что она могла наговорить под этим препаратом.

— Сообразительная девочка. И не забудь сказать мне спасибо, что я дал тебе два дня отойти перед новой дозой. Введи я чуть больше, и ты бы осталась дебилкой до конца своих дней...

Глава 13

9 лет назад.

Насте не хотелось шевелиться. Казалось, сделай она один неосторожный жест — и ее новая реальность превратится в шаткую иллюзию, рассыплется в пыль вместе с непрекращающейся эйфорией, и останется печаль, боль одиночества, ее неперемногого спутника. Так часто бывает, когда снится прекрасный сон. Во сне ты говоришь себе: наконец-то моя черная полоса осталась позади, теперь все будет иначе. Счастье накрывает неистовой жаркой волной, и, открыв глаза навстречу новому дню, ты при всем своем скептицизме готова благодарить высшие силы. А потом обрушивается реальность. И ты понимаешь, что волна, которая издали казалась тебе ласковой, на деле — цунами с

обломками сметенных городов, которые разорвут твою плоть в клочья за считанные секунды.

Это не было сном. Не было иллюзией. Его теплые ладони не были плодом фантазии, призванной остаться исключительно в твоём воображении. Он был реален. И он был влюблен так же, как и ты. И не в кого-то, именно в тебя. Если сомнения оставались, они исчезали под его ладонями и губами. Ты слышала ровный стук его сердца, твоё собственное отвечало ему ритмом самой волшебной и неистовой мелодии. Она бы возглавила все чарты хит-парадов и взорвала мир платиновым диском по имени Любовь.

Настя потеряла счет дням уже давно. Ей казалось, что время остановилось, их первый вечер, когда он кормил ее суши, как маленькую девочку, жарко целовал на лестничных пролетах и вознес к небесам, стоило им переступить порог квартиры и доползти до кровати, продолжается.

Не было его скоропалительных отъездов по первому звонку. То есть они были, и не раз, но время без него имело свойство ускоряться и пролетать со сверхзвуковой скоростью. Тогда как, наоборот, время с ним замирало и останавливалось.

Его руки продолжали гладить ее, жар обнаженного тела зажигал новые звезды в их уникальном микрокосмосе, одном на двоих. А сердца бились о крепкие прутья ребер, стремясь слиться воедино, прикоснуться друг к другу, прорасти, объединяясь каждой клеточкой с искрами солнечного света вместо крови. Именно этот свет их сердца качали по организму уже не пойми сколько времени. Насте вообще казалось, что понятие “время” больше было над ними не властно.

Каждый раз их встречи непостижимым образом становились всё слаще и увлекательнее. Вот и сейчас пространство сделало очередной кульбит, оттолкнувшись, как на трамплине, от застывшего времени. Сильные руки Влада ревностно-нежным и одновременно властным захватом сжали ее запястья, впечатывая в упругий матрас. Иногда он был похож на варвара-завоевателя, который при всём своём грозном облике был потрясающе нежен. От этого контраста в неискушенной душе и сознании Насти рождались новые галактики, вспыхивали неведомые ей чувства, обжигая сладкими поцелуями абсолютного счастья.

Его губы смяли подрагивающие уста, язык скользнул по сжатым зубам, настойчиво призывая раскрыться навстречу. Судорога возбуждения прокатилась по телу Насти от этого молчаливого призыва. Необыкновенное ощущение между доверчиво раскрытых навстречу бедер задало новый бит сердцу. Только эта эйфория заставляла его биться сильнее. Пульсирующая головка напряженного фаллоса дразнящим движением скользнула по ее увлажненным створкам. Отчаянный рывок навстречу остался без внимания.

Влад никогда не спешил, у него была восхитительная привычка ласково мучить Настю ожиданием удовольствия, доводя до пика возбуждения. Иногда даже до слез и сбивчивой мольбы наконец-то войти в нее, не останавливаясь и не жалея. Пылающая кожа прочувствовала рельеф его напряженного скульптурного торса, нервные окончания жадно вбирали солнечный свет и его жизнетворящее тепло. Целая вселенная пульсировала в ее теле, закручивая спираль между бедер, сжимаясь и взрываясь с каждым скольжением твердого фаллоса по припухшим лепесткам вульвы. Она ускорялась, углубляя черную дыру с мириадами искрящейся пыли горячих звезд, которая жадно требовала свой ценный дар. Его язык скользил маневрами захватчика в полости ее рта, вовлекая в первобытный танец страсти, втягивая ее язычок в сладчайший вакуум своих губ.

Девушка уже не чувствовала ни упругости матраца, ни мягкости сбитых покрывал. Она словно летела сквозь пространство, падая в эту манящую пропасть, и каждое движение языка навстречу его невероятному натиску, казалось, подбрасывало ее вверх в потоках ласкового солнечного ветра. Твердые пики налитых сосков терлись о его разгоряченную кожу, сладкий ток бежал нежно-голубыми разрядами по коронарным артериям к лихорадочно бьющемуся сердцу. Сама жизнь вливалась в нее с каждым касанием губ, языка и возбужденного члена. Круговорот первозданной энергии жизни, который никогда не закончится, пока два сердца бьются в одном ритме ради друг друга.

Тело уже неподвластно никаким физическим законам гравитации, руки беспрепятственно размыкают оковы его пальцев, чтобы обнять, прижать еще ближе, зарыться чувствительными подушечками в шелк его волос на затылке, вобрать в себя пульс каждой клетки, рассыпать тысячи искорок своего тепла по корням волос, сжимая пальцы до сладкой боли в фалангах. Ее женская сущность сбрасывает оковы условностей, не стесняясь больше силы своей страсти.

— Настенька... моя сладкая девочка... — его хриплый шепот разрывает реальность вместе с неистовым толчком внутрь ее непроизвольно сжавшейся вагины.

Головокружительное вращение галактики замирает, не в силах справиться со сладостью вторжения, чтобы уже спустя несколько секунд содрогнуться в пароксизме рождения нового абсолюта.

С ним она не боится кричать. Протяжно, искренне, не задумываясь о том, как звучит ее голос, что подумают соседи, да и сам Влад. Откуда ей на пороге семнадцати лет знать, как выглядит чувственность и каким законам она подчиняется. Сейчас Настя понимает с потрясающей ясностью: никаким. Нет тех навязанных социумом рамок, когда они вместе. Нет и быть не может. Ее крик бьется о камеры стеклопакетов, которые не пустят его дальше пределов комнаты — наверное, чтобы ненароком не накрыть случайных прохожих энергией чистого вожделения. К такому точно мало кто готов.

Еще не стихли последние волны оргазма от стимуляции точки «джи», как губы Влада уже касаются ее пылающих скул успокаивающими поцелуями. Теплое дыхание ласкает ее разгоряченную кожу, оседает невесомой искрящейся пылью на дрожащих ресницах.

— Моя ненасытная девчонка! — его охрипший голос, его слова накрывают Настю теплым солнечным покрывалом.

С учатившимися толчками фаллос вбирает в себя затихающую пульсацию сошедшего на нет оргазма, перед тем как лихорадочный шепот Влада переходит в протяжный стон. Насте кажется, что он каждый раз сдерживает себя, чтобы не кричать. Ей хочется попросить его отпустить этот контроль, но каждый раз она стесняется. Инстинктивно тянется вперед, потеряв восхитительное ощущение наполненности, непроизвольно вздрагивая, когда тугие струйки спермы бьют по ее коже, оседая на животе жемчужными каплями.

— Хнык! — непроизвольно жмурится, когда Влад вновь подхватывает ее на руки, открывает ногой дверь ванной, затем — душевой кабинки.

Хорошо, что он ее удерживает, потому что ступни не ощущают под ногами слегка ребристое дно. Рядом с ним левитация кажется вполне реальным законом физики. Теплая вода струится по ее все еще горячей коже, смывая следы его семени, а ладони так плавно и легко скользят по ее телу, распределяя гель для душа. Никогда его руки и губы не устанут дарить ей свое тепло.

— Ну ты куда?! — протестующий писк? О нет, это с трудом сдерживаемый рык

пантеры, не желающей выпускать своего самца из когтистых объятий.

Теперь ноги ощущают твердую опору, а она с такой легкостью отвыкла чувствовать почву под ногами в его руках!

— Ты с утра ничего не ела. Я собираюсь это исправить, и не спорь, Настя!

Вода прекращает бежать, и на слегка остуженную кожу ложится приятно мягкое махровое полотенце.

— Позвони в доставку пиццы...

— Никакого фастфуда. Отправляйся смотреть телевизор и не мешай мне удивлять мою малышку бездарной кулинарией!

Влад оборачивает полотенце вокруг своих бедер. Настя так и не привыкла к его наготe, всякий раз заливается краской смущения и теряет дар речи. Он это понял еще в первый раз и старается без повода не шокировать девичью психику.

— Сама?! Но я...

— Я ведь говорил тебе, что так ты скоро с трудом сможешь ходить... но тебе все время мало!

— Мне никогда не будет тебя много.

— Настенка, будь осторожна. Ты не представляешь, какого зверя будишь во мне своими словами...

— Буду! — она прикрывается створкой кабинки и показывает ему язык.

Выражение лица Влада меняется, от восхищения вместе со счастливым умилением ноги вновь перестают чувствовать опору.

— Отшлепаю!

Перекрещенные по центру бедер полы полотенца приподнимаются. Наверное, мужчине сейчас стоит нечеловеческих усилий взять себя в руки и ретироваться до того, как будет уже слишком поздно.

Настя вытирается, повязывает полотенце поверх груди. За окном пылает жаркое закатное солнце столичного лета. За дверями кухни слышен шум электрочайника и гул блендера. Незнакомое чувство уюта и счастья вызывает непроизвольный смех, хочется танцевать, что она, кажется, и делает, разбрызгивая на обои капли воды, стекающие с коротко подстриженных волос. Подпрыгивает, приземлившись на диван, и не может отказать себе в ребяческом желании покататься по смятой постели, которая еще хранит терпкий сандаловый аромат его кожи.

А время катится к вечеру. Настя закусывает губы, непонятно кому молясь о том, чтобы сегодня телефон Влада промолчал и его загадочный босс, которого она мысленно называла “Аль Капоне”, не выдернул бойфренда на очередное задание. Хоть время таких вот отлучек пролетает быстро, сердце Насти колотится от тревоги. Той самой, которая никогда ее не одолевала во время романа с Лешкой. Даже когда того полоснули ножом, отнеслась к этому с циничным спокойствием. А при одной мысли, что кто-то такое сделает с Владом, сжимала кулаки, сердце сбивалось с ритма, а в горле пересыхало. Понимала, что он ходит по краю. Возможно, и она с ним за компанию. Но разве это способно омрачить свет абсолютного счастья?

На дисплее мобильного телефона отражаются три пропущенных звонка. Светлячок. Настя вновь улыбается. Двое суток молчала подруга, дуясь на Настины слова, которые так сильно укололи своей правдивостью, и только на третий позвонила, рыдая в трубку. Настя ей не призналась, что сорвалась по первому требованию пить с ней вино за непрекращающуюся

женскую дружбу только потому, что Влад уехал в пригород столицы решать какие-то дела и собирался там заночевать. В ином случае черта с два она бы променяла жаркую ночь в его объятиях на сомнительные нюни подруги.

...Тогда они посидели на славу. Даже решили шикануть и заказали доставку суши из того самого ресторана. Светка выглядела немного нервной и сомневающейся.

— Если опять Влад, я отказываюсь это слушать, — заранее предупредила Настя.

В сети она вычитала, что женщинам этикет позволяет есть суши руками, чем без зазрения совести сейчас пользовалась, отбросив сломанные от сильного нажима хаси в сторону.

— Что? А, Влад... да совет вам и любовь, Краснова. — Светка не теряла энтузиазма и попытке освоить японский столовый прибор. — Ты никогда не думала отомстить Леше?

— Думала. Но что-то жаль времени... и даже неохота напрягать извилины, — Настя вспоминает его автомобиль. Хоть бы видел их поцелуй! Интересно, узнал ли он Влада?

— Ты знаешь, что на районе две банды, верно? И я думаю, догадываешься, что он состоит в одной из них.

— Кто, мой Влад?..

— Влад в том числе. В той, что и Леша. И вроде как она самая крупная на сегодняшний день.

— Ну, я как-то переживу любовь к бандиту, Свет. В чем месть? В том, что я ушла от рядового типчика к лидеру этой банды?

— Не совсем, и ты не ушла, а...

— Ближе к делу.

— Помнишь тот автомобиль, что вспыхнул на автозаправке? А того парня в кепке из соседнего дома, которого менты разыскивали? Идет война между двумя бандами. Ту, вторую, называют Койотами. Я сама ржала, кто-то боевиков пересмотрел... В общем, не веришь, спроси у своего парня. Вроде как они играют в негласное перемирие... но когда узнают инфу, прессанут наших не по-детски.

— А нам-то что?

— Ты просто не смотришь фильмы Тарантино! — Светка уже слегка захмелела, и энергия из нее хлестала через уши. — А я знаю, кто сливает Койотам информацию... кажется.

— Откуда?

— Смотри!

Светка метнулась к шкафу и сунула под нос Насти пару черных туфель, отличительным знаком которых была алая подошва.

— Это лабутешки!

- “Лабу” что?

— Вот деревня... Самые гламурные шузы из всех, что только существуют... да не трогай грязными руками, знаешь, сколько стоят? Мне Койот подарил. Мы типа как тоже теперь это... вместе. Почти сестры по статусным ухажерам.

— Круто. Только мне Влад если дарит туфли, то сразу с сумочкой и платьем. Так что твой Койот малость жлоб.

Светка проглотила язвительную подколку.

Настя выпила вино и вновь наполнила бокалы со словами:

— Интересно у нас получается. Две банды в состоянии войны, а любовницы их главных

хвастаются шмотками и обсуждают, у кого из их любимых братков длиннее половой член.

— Я еще не измеряла... короче, мы не о том... и вообще, не моя вина, что Влад один в своей банде. Что мне, огрызки подбирать в виде шестерок? Нам дружить никто не запретит, и я вот что хочу сказать... Койот, конечно, аховый дядька, но вот смотри... Я его с Шахновским видела.

— Не ревнуй! Ну, вставит Лелику пару раз и вернется к тебе. Носи туфли и не парься.

— Дура! Или тебе мозг вытрахали уже? — Светка расплющила сашими палочками и раздраженно отбросила их в сторону. — Лелик работает на Влада, и поддерживает какие-то отношения с Койотом. Может, конечно, это ничего и не значит, но скажи мне, ты бы стала угощать вискарем своего прямого конкурента? Заметь, никто не знает, что я их видела. Но это странно, не находишь?

— Я передам Владу при встрече...

— Да погоди ты! Есть одна мысль. Пока замерли. Ты мне скажи, ты хочешь отомстить Шахновскому за то, что бросил тебя ради той шлюхи? А за побои? За то, что относился к тебе как к половой тряпке? Настя, не надо им спускать с рук! Ты в школе вдоволь натерпелась уже, сколько можно быть жертвой?

— А почему бы и нет, — наконец-то Светкины слова достигли эго семнадцатилетней девчонки, которая все еще жила в мире своих придуманных образов. Как и ее подруга. — Мне самой мерзко, что я считала все это нормой... ну так как? Что ты придумала?!

— Дай мне еще немного времени, и все расскажу. Этот еще прощения у тебя просить будет... или нет. Стриптиз! И снимаем на камеру.

— Пусть лучше пошлет Лиз в жопу и вытолкает голую из квартиры. — Настина душа уже не вздрагивала от мыслей о Лехе, но тот факт, что она была унижена на глазах девушки гораздо красивее и успешнее, чем Настя, все еще кромсал ее сердце острыми лезвиями.

— Главное — спрятаться на лестничной клетке и заснуть, чтобы эта силиконовая лошадь забыла дорогу в наш район.

Тогда они со Светкой выпили две бутылки вина и заснули, чувствуя себя коварными хищницами, способными своими подростковыми стратегиями поставить весь мир на колени. Что еще нужно, по сути, двум подросткам? Формула до смешного примитивна. Козырный бойфренд рядом (козырность рассчитывается путем близости к: криминальной группировке; золотой кредитке; славе). Уверенность в собственной уникальности (выбрал бы лидер банды рядовых идиоток?), крупица информации, которая может ничего не значить, но в воображении раздувается до запредельных параметров. Все это возвести в квадратный корень эго и вывести интеграл того, насколько сильна жажда мести. Кто готов признать, что все это звучит смешно в столь нежном возрасте, когда так хочется быть взрослой?..

...- Тебе не дозвониться! Надо встретиться!

Настя зажала мобильный между щекой и плечом, пытаясь попасть рукой в рукав халатика.

— Исключено. Я с Владиком.

— То есть мы больше не мстим Леше?

— Мстим, и мстя наша будет страшна. Но только позже.

— То есть ты даешь добро? — Светка заторопилась. — Я тут такое узнала! Осталось проверить...

— Проверяй, я в деле! А сейчас извини, мой тигр хочет обнимашек! — Настя сбросила вызов, когда хлопнула кухонная дверь.

Влад уже был полностью одет, но одна деталь в его гардеробе была явно лишней, а именно фартук с изображением женского тела в бикини. Он ловко справился с завязками и осторожно повесил его на спинку стула.

— Прошу к столу, миледи.

Насте до боли хотелось кинуться ему на шею и расцеловать, сжать в объятиях, не отпуская ни на секунду, не терять этого солнечного света ни на миг. Кажется, она разучилась дышать самостоятельно. Оторви их друг от друга, разрыв будет катастрофическим.

...Сначала погаснет мое солнце. Но галактика в первые часы своего увядания не заметит, как стало холодно без одинокой погасшей звезды. Лишь пойдет легкой зыбью по краю туманности, не заметив, как начнут гаснуть остроконечные звезды ее системы. Свет будет меркнуть и гаснуть до тех пор, пока паника и хаос не разорвут ее изнутри своими черными тисками...

Но сейчас эта уникальная вселенная живет. Вращается на бешеной скорости и держит их в объятиях друг друга, и не видит своего скорого заката, потому что до него еще очень долго. И Насте вдруг хочется записать свои мысли. Эти безумно красивые метафоры. Чтобы однажды прочитать их своим детям под понимающую улыбку Влада... их детям. Так будет правильнее.

— Да нет у меня таких продуктов в холодильнике! И никогда не было! Признавайся, ты их успел принести из магазина, пока я была в душе...

— Моя малышка даже не знает, что хранится на ее полках? Неосмотрительно... Ты кушай!

— А как называется этот салат?

- “Цезарь”. Давай, я никуда не уеду, пока ты не съешь все! Ложку за маму... за папу!

Настя некстати вспоминает, что вчера звонил ее отец. Крайне сухо сказал, что надо поговорить, что до него дошли слухи о ее новом парне, и он, мягко говоря, не в восторге...

— Уедешь? Куда? Ну, блин...ну только не снова!

— Настя, ты знаешь, что у меня в некотором смысле ненормированный рабочий день. Но я вернусь. Ты хотела в “Огни столицы”? Сегодня сходим!

Настя хотела в этот модный ночной клуб. Но еще больше она хотела остаться с Владом наедине и не вылезать из постели.

— Ну ладно... только звони мне... хорошо?

— Там плохая связь. Постарайся поспать пару часиков, чтобы не засыпать на танцполе. Я тебе говорил, что в детстве был чемпионом своего района по брейк-дансу? Сегодня ты это увидишь!..

Знала ли тогда безумно счастливая на пике своей влюбленности Настя Краснова, что это — последняя неделя их совместного восторга? Нет, интуиция спала. Молчала. Она была счастлива. Позволяла кормить себя с ложечки, гладить по волосам, жарко целовать на прощание в прихожей... и строила восхитительные планы их дальнейшего будущего. И здесь не было места фантазии или того, что называют “выдавать желаемое за действительное”. Она была любима. И любила в ответ. Знала, что ее не предадут и не бросят.

На днях она встретится с отцом. Их встречи всегда были похожи. Папа вывозил ее в торговый центр, покупал все, на что указывал пальчик дочери, кормил мороженым, как маленькую, хмурился, когда Настя манерно оттопыривала пальцы и говорила “я хочу мартини”, иногда сдавался, заказывая ей не более пятидесяти граммов вермута с оливкой.

“Только имей в виду, что я этого не одобряю”. Но всегда смягчался, когда Настя начинала выпрашивать свозить ее на полигон пострелять. Полигон “Обители ангелов”. Но тогда она об этом еще не знала.

Сегодня встреча отца с дочерью началась непривычно. Папа ее не узнал. Даже скользнул оценивающим взглядом любимца женщин по ее фигуре в туго облегающих джинсах и яркой футболке с принтом (спасибо Владу за подарок, “Версаче”), а затем густо покраснел. Бывший майор МВД покраснел. Откуда Насте было знать, что он нарисовал в своем воображении, пока неузнанная дочь шла ему навстречу по летней террасе кафетерия? Да она и подумать о папе в таком ключе никогда бы не смогла! Даже когда он смотрел на ее Светку далеко не отеческим взглядом.

— Настюшка, ну ты потрясающе выглядишь! Так изменилась! Я же говорил, общение с Алиной пойдет тебе на пользу.

Настя едва смачно не выругалась. Полезная Алина — мертвая Алина! Она терпеть не могла новую папину сожительницу, бизнес-леди и владелицу сети строительных магазинов. Эта надменная сучка напоминала ей завуча их школы, а еще ворону. Ее противный каркающий голос, щедро раздающий Насте нотации, вечное занудство и разговоры о том, что девочке стоило бы не с мальчиками встречаться летом и слоняться по городу без цели, а поработать продавцом в ее магазине. Бесплатно, конечно, но это практика! Отец не вмешивался и за дочь не заступался. Настя закатила истерику, когда эта самая Алина в категоричной форме заявила, что девочке не место на полигоне. “Ты мне не мать, дура!” — с пренебрежительным взглядом выпалила в лицо этой стальной леди и покинула зал ресторана. С тех пор отец не брал свою гражданскую жену на встречи с дочерью. Насте захотелось беззлобно поддеть отца.

— Так я теперь буду выглядеть всегда, пап.

— Настя, я очень этому рад.

— Я влюбилась!

— А вот об этом я бы хотел поговорить с тобой более подробно. — Он дождался, пока официантка принесет мороженое и кофе-гляссе. — В нашем районе новости распространяются очень быстро.

“Или ты потянул за свои ментовские ниточки и все разнюхал”, - подумала Настя, продолжая улыбаться, как примерная девочка. Попыталась перевести разговор в иное русло, рассказывая о распродаже в “Ливайс”, но отец не купился на эту уловку своей повзрослевшей малышки.

— Настя, Владислав Корнеев — лидер преступной группировки. К тому же старше тебя на десять лет. Я продвинутый родитель и никогда не мешал тебе гулять с теми, с кем ты хочешь, прокалывать дырки в носу и языке и ярко краситься. Так было до тех пор, пока не встал вопрос о твоей безопасности...

Вот в этом ее отец был верен себе. Он мог не появляться в ее жизни неделями после развода с матерью, но стоило в городе случиться чему-то опасному, вспоминал о них с Ирккой и вел долгие беседы. Хотя не только это. Когда в соседнем районе орудовал маньяк-насильник, за Настей и ее сестрой ходил телохранитель, который уж никак не оправдывал звание “незримый”. По поводу Лешки тоже успел выесть мозг. И это не зная даже части того, что между Шахновским и Настей происходило.

— Я знаю, папа. И что с того? Поверь, он меня никогда не обидит.

— Настя, ты еще слишком молода и невинна... — девушка хмыкнула, вспомнив утро,

которое для них с Владом началось с позиции “69”. — Не надо сейчас глупо смеяться и ерничать. Я знаю, что вы спите вместе.

— И ты собираешься привлечь его за растление малолеток? — холодно выдала Настя, не сводя глаз с папиного лица. — Сделай это, и ты никогда больше меня не увидишь. И что тебе так не нравится? Что он связан с криминалом или тот факт, что твоя девочка выросла и больше не играет в куклы?

— Настя, ты же знаешь, что я довольно толерантный отец. Надеюсь, что вам рассказали в школе о безопасном сексе. Но мне не нравится, что ты выбираешь таких мальчиков. Я все еще верю, что ты пойдешь учиться и круг твоих интересов изменится... Я не против твоего счастья. Это молодость, кровь кипит. Но с бандитом?

— Резонанс? Дочь мента и браток?

— Ты не понимаешь, с кем связываешься. Он давно под наблюдением органов. На его руках кровь.

— Что ж, тогда я буду носить ему передачи. Что помешало арестовать? А? Взятка? Недостаток улик? Или все дело в том, что он положил глаз не на ту девочку?

— Настя, ты прекрасно знаешь, что я работаю в городе Т. и приезжаю не так часто, а поэтому не могу тебя обезопасить в полной мере...

Бла-бла-бла. Настя устала с ним спорить. Кивала, якобы соглашаясь на просьбы быть осторожнее, и все-таки заставила купить себе трое джинсов и яркие кроссовки. Даже ярче, чем у сучки Лиз. После развода родителей она долгими слезами в течение месяца выкинула жаркие чувства к отцу из сердца, их отношения свелись к негласному противостоянию и потребительству со стороны Насти.

Даже если бы он привел ей веские доказательства того, что Влад на досуге пьет кровь невинных младенцев, рассмеялась бы ему в лицо. “Займись делами своей гримзы Алины”, — думала Настя, мило улыбаясь папе и рассказывая о том, какой же Дитрих “зачетный герр”. Она ждала вечера и Влада. В последние дни ее планета крутилась исключительно вокруг его солнца. Засыпать и просыпаться в его объятиях было ни с чем не сравнимым удовольствием. Хотелось верить, что отец не станет вмешиваться в их отношения, иначе она за себя не ручается.

— Когда я буду стрелять из СВД? — надула губки примерная дочь. — И прошу, не говори мне о том, что Алина против...

— Мама тоже этого не одобряет...

— Пап, ну ты всегда говорил, что я должна уметь постоять за себя. Но на дзюдо вы меня не пустили в восьмом классе. Ну пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!

— Я вернусь в конце августа, и мы проведем на полигоне выходные. Но пообещай мне быть послушной и осторожной.

— Обещаю!

— Я все равно буду звонить, и поверь, если что-то пойдет не так, вмешаюсь незамедлительно...

Говорят, отцовский инстинкт крепок и неистребим. Что почувствовал ее отец, работник МВД еще тогда, когда угрозы как бы не было и в помине? Настя потом не раз задавала себе этот вопрос. А пока же отмахнулась от родительского поцелуя в лоб и выпорхнула из машины, прихватив пакеты с обновками.

У подъезда ожидал сюрприз. Белая “тойота” и ее несравненный обладатель. Стоял, облокотившись на капот, и нервно курил. Он всегда дымил, когда нервничал. Сердце Насти

сжалось на короткий миг, и тут же пружина резко распрямилась, распуская в сознании цветы ничем не прикрытого злорадства и самодовольства. Вместо острого желания рвануть к Светке и дожидаться, когда же призрак из прошлого удалится восвояси, Настя распрямилась плечи и гордо продефилировала мимо, словно не замечая того парня, которого еще совсем недавно считала едва ли не смыслом своей жизни. Наивная. Как можно было спутать влюбленность с боязнью остаться “не такой как все”, без парня?

— Эй!

Она не обернулась. Только погасила тревогу, испугавшись, что Лешка догонит ее и ударит. Ударит? Да она, новая, двинет ему по яйцам каблуком босоножка, если он к ней приблизится.

— Эй, Настя, подожди!

Девушка набрала код, открывающий двери, переложив пакеты в левую ладонь и, ведома куражом, отвела назад руку, продемонстрировав ему средний палец. Может, Шахновский что-то и сказал в ответ, она не слышала. Дверь закрылась за ее спиной, словно отрезая прошлое от светлого будущего.

Влад приехал ближе к закату. Настя повисла на его шее прямо в прихожей, спрятав лицо в бархатных острых лепестках бордовых гвоздик. До него ей никто и никогда не дарил цветов. Однажды она проговорила об этом в порыве восторга от своих первых красных роз, и теперь ее мужчина (ей нравилось называть его именно так. Не “парень”, не “бойфренд”, а именно «мужчина») баловал ее букетами при каждой встрече. Насте безумно хотелось казаться взрослой в его глазах.

Они бросали вызов окружающей реальности и вели себя так, словно никого, кроме них, не существовало. Влад, подозревала Настя, смотрел на вещи куда реалистичнее. Работа обязывала. Но когда за ними закрывались двери квартиры, все условности летели к черту.

— Мне придется уехать завтра утром.

Настя как раз доставала из духовки свое творение — тертый пирог с черничным вареньем — и шипела на пальцы, которые умудрилась обжечь о противень. Едва не выронила его из рук от острого разочарования.

— Как? Куда?

Пирог был забыт. Мысль о разлуке резала сердце невыносимой болью.

— В город М. Это три дня, если все пойдет как надо. — Влад покачал головой, с нежностью глядя на сникшую, погрузневшую Настю.

Отбросил с колен хлопковую салфетку и пересел ближе, заключая девушку в теплый кокон своих объятий.

— Настенка, всего три дня! Не заметишь, как пролетят... Это что, слезы? Ну что ж ты у меня такая глупенькая...

Настя действительно едва не плакала. За все время их стремительно набирающего обороты романа она никогда не расставалась с ним больше чем на полдня. Да, время имело свойство ускоряться, когда они были оторваны друг от друга, но... три дня!

Она все-таки всхлипнула, прижимаясь щекой к плечу Влада. Он продолжал гладить ее по затылку с колючим ежиком модельной стрижки, что-то успокаивающе шептать и прижимать еще крепче, словно пытался влить ей под кожу всю свою нежность к ней, его любимой девочке.

— Настя, мой дикий печальный котенок! — он мог назвать ее даже “чучундриком”, суть бы от этого не изменилась. Главное — те чувства, что он вкладывал в свои слова. Именно

эти искренние эмоции бурлили в ее крови, рассыпаясь золотыми искрами. — Я же оборву тебе телефон... как бы далеко я ни был, ты всегда будешь чувствовать нас рядом. Меня и мое тепло...

Наверное, тогда она это почувствовала. То, что никогда больше его не увидит. Вжималась до боли в его грудь, вдыхала запах его кожи, сплетенный воедино с горьким ароматом сандала, вбирала в себя это тепло ласкового солнца, способного поддерживать в ней жизнь, а плечи тряслись от сухих рыданий. Чувствовал ли он то же самое? Ощущал затылком холодное дыхание неумолимого фатума, который уже подписал свой безжалостный приговор их дальнейшему существованию, подарив последнюю милость — эти уникальные часы вместе, перед тем как небеса обрушатся и незнакомое чужое светило превратит их планету в выжженные радиацией руины? Она никогда этого не узнает.

— Малышка моя... девочка моя любимая... если бы ты только знала, насколько мне дорога, ты бы не плакала! — горячий шепот обжигал ее ушную раковину. — Я всегда буду рядом и никогда тебя не оставлю! Просто знай это, и все!

Той ночью он был максимально нежен. Покрывал ее тело поцелуями обожания, качал на руках, как малышку, закутывая в тепло своих объятий.

— Всегда рядом, Настенка! Что бы ни случилось...

Наверное, сам фатум усомнился в своем решении, спокойно наблюдая свысока за ними. Но ничего менять не стал. У судьбы никогда не было совести. Только чувство черного юмора...

Глава 14

— Холодно... — прохрипела Настя, натягивая одеяло до самого подбородка. Ее действительно колотило от озноба.

Солнце за окном клонилось к закату, удлиняя косые лучи. Чувство нереальности происходящего накатывало интервальными волнами то ли от последствий введения сыворотки правды, то ли от его непосредственной близости.

— У тебя жар. Ты сильно простудилась.

— На что ты рассчитывал, когда подвешивал меня в своем сарае? Кстати... сам или кто помог? Психопат с пистолетом или “однажды укушенный”?

Влад задумчиво следил за тенью колеблющейся ветки в пятне солнечного света на обоях.

— Настя, твои претензии вообще не в дугу. Я еще мягко обошелся с той, кто убила уже трех моих людей.

— Твои понятия о мягкости меня умиляют.

— Ты лукавишь. Заметь, ты в теплой постели, в моем доме, а не в сыром холодном подвале на цепи. Тебя пичкают лекарствами, чтобы по иронии судьбы не прикончила пневмония. Я не загоняю тебе иголки под ногти и не насилую в полубессознательном состоянии.

— Иголки под ногти — вчерашний день, Лидер. Долго и нудно. Как и то, что ты решил, будто меня можно напугать членом.

Влад оторвался от созерцания обоев и слегка подался вперед, сцепив пальцы в замок под подбородком. Блики застывшего янтаря в его глазах больше не казались Насте прежними. Если раньше они согревали солнечным теплом, то сейчас она не ощутила ни

капли ментального поглаживания. Холодный цитрин с вкраплениями замерзшего обсидиана прошелся по ее лицу царапающим равнодушным взглядом, и девушку даже под теплым одеялом сковало очередным приступом усилившегося озноба.

— Ты бы предпочла иголки изнасилowaniu. Верно, Черный Ангел? Сколько их было? Ты так и не смогла дать вразумительного ответа на этот вопрос. Думаю, ты пыталась дать отпор, и не раз, но у тебя не хватало сил. Их было больше. И они были гораздо сильнее. Несовершеннолетняя девчонка с телом женщины в лагере, где готовили хладнокровных убийц и не признавали сантиментов. И каждый ждал, когда ты сломаешься. И однажды это почти случилось. Еще бы чуть-чуть, и твой рассудок съехал бы с колес окончательно. Но вас учили выживать любой ценой. Ты считала, что пошла простым путем, когда предложила себя главному координатору, чтобы тебя оставили в покое. И это оказалось правильной тактикой. Ты с легкостью переняла ее и продолжаешь использовать. А теперь попробуй снова сказать мне, что не боишься повторения того самого насилия.

Волна озноба стремительно пронеслась по ее оцепеневшему телу, сменившись противным жаром. Желание натянуть одеяло на голову, спрятаться, подобно маленькой девочке, в его спасительной темноте становилось непреодолимым, саднящие голосовые связки сковало оковами слабого спазма. Мир сдвинулся со своей орбиты. Настя с трудом удержала глаза раскрытыми, борясь с желанием зажмуриться, сделала судорожный вздох, понимая, что ей стало трудно дышать.

Влад внимательно наблюдал за ней. На миг ей показалось, что сейчас самая утонченная из всех моральных пыток закончится, он сядет рядом на кровать и уничтожит зачатки панического ужаса одним касанием руки... так, как это было раньше. Долгих девять лет назад. Но нет, новая оглушающая реальность была равнодушной и безжалостной. Он продолжал задумчиво наблюдать за ней. Без злорадства, но и без излишнего сопереживания, с любопытством психолога-экспериментатора, снимающего показания с датчиков, в которых бился его подопытный экспонат. “Не осмелится. Просто пугает”, - сказала себе Настя, каким-то чудом удерживая его взгляд. Внутренний голос сегодня был недостаточно красноречив: “А удар в лицо?” — охотно напомнил перед тем, как утихнуть, давая знать, что диалога не будет. Девушка поняла, что ее сбивчивое учащенное дыхание не укрылось от Лидера.

Время все расставило по своим местам, оторвав их друг от друга, разметав по окраинам их персональной необъятной галактики без права вернуть то, что было раньше. Этому спиральному скоплению ярких горячих звезд было абсолютно все равно: она давно погасла, остановилась, замерла на пороге большого взрыва, обреченно наблюдая за неистовством космических вихрей, которые не знали жалости, сокрушая, отдаляя друг от друга ярчайшую звезду и цветущую планету. Миллиарды парсек. Триллионы световых лет. Никакой возможности найти друг друга в колыбели гаснущих и вновь зарождающихся звезд — не потому, что не различить в таком скоплении холодных искр. Канут в Лету целые эпохи, прежде чем призрачный свет долетит из одной точки галактики в другую. Возможно, их уже не будет к тому времени в живых. Солнце взорвется, застынет столпом космической пыли в холодном вакууме, а одинокая планета под иным светилом расколется, слетев с орбиты, принимая смерть как избавление от лучей звезды, уничтожающей все живое мощью своего излучения.

Смотрите, эти осколки погибшей планеты некогда принадлежали к... да пусть будет Альфа Кровавого Синдиката. А эта далекая звезда когда-то называлась Солнцем. Но для

своих родных планет она была известна также под именем, сопоставимым с транслитом слова “власть”. До сих пор неизвестно, какая именно космическая катастрофа снесла пространственно-временной континуум, разорвав связь планеты и ее светила, разбросав их в разные концы галактики. Сейчас осколки планеты Черный Ангел мало напоминают ее прежнюю: яркую, цветущую, с голубым ореолом атмосферы. Чужая звезда, Альфа Синдиката, сожгла ее и разрушила, раздавила своей гравитацией...

Что? Студент, вы тянете руку? Говорите. Вы в упор не видите черные обломки? Вы видите пики горных хребтов, зеленые и песчаные территории суши и голубую гладь океанов с шапками льдов на полюсах, границы материков и завихрения облаков в верхних слоях ее атмосферы? Что? Не вы один ее видите? И звезду тоже? Вы заблуждаетесь. Вы видите прошлое.

Видите ли, какое дело: свету необходимы миллионы, а то и миллиарды лет, чтобы преодолеть это пространство. То, что вы видите — архив. Видеозапись многовековой давности. И пройдут снова миллиарды лет, прежде чем вы увидите истинную картину — взорвавшееся солнце и разрушенную планету. Может, им сейчас даже не больно. Они живы. Но, встретившись, могут друг друга и не узнать, а если узнают... в них уже ни капли от них прежних. И мы даже не знаем, цела ли эта галактика, которая была их пристанищем. Возможно, на ее месте уже тысячи веков черная дыра...

— Тебе даже нечего мне ответить, — Влад по-прежнему не злорадствовал и не упивался собственной победой.

Смотрел на нее, ничем не выдавая своих истинных эмоций, а Насте не хотелось погружаться в манящую бездну самообмана и искать в его взгляде отголоски прежнего тепла, придумывать несуществующую печаль... или же радость оттого, что они снова встретились. Стоит на миг предположить, что с ней заговорила ее интуиция, увидевшая нечто ей не предназначенное.

Она не боялась смерти. Она не боялась пыток. Она боялась, что ее заставят умирать в смертельных муках от равнодушия того, кто был когда-то для нее смыслом существования. Она боялась собственной уязвимости сейчас, рядом с ним. Так близки друг к другу — и так недопустимо далеки.

Миллиарды парсек. Даже если одна эллипсоидная галактика может легко уместиться в дрожащей женской ладони.

— А ты вколи мне свое чудотворное зелье.

Виски сдавило тупой болью от одного обрывочного воспоминания: ее сбивчивые рыдания и согревающий свет забытого солнца. Снова семь кругов ада ее прошлого, сбивчиво выпаленные прямо в глаза родного и нежного дознавателя.

— Хотя откуда тебе знать, что нас не учили ставить блок на действие пентотала.

— С детекторами лжи все понятно. Именно в силу их ненадежности я и не держу у себя в доме подобную рухлядь. А с сывороткой? Почти получилось, Настя. Но надо было в качестве блока придумать что-то пооригинальнее, чем история страшного возмездия. За меня в том числе. И мне прекрасно известно, что обмануть сыворотку невозможно.

— Лидер, ты нереальный упрямец... — горло невыносимо болело. — Ты сам сейчас не веришь в то, в чем пытался себя убедить.

— Но ведь мы никуда и не спешим, верно, девочка? У нас впереди достаточно времени, и я с удовольствием тебя послушаю.

Время не пощадило никого из них. Этого следовало ожидать. То ли в силу своей

простудной слабости, то ли от последствий действия сыворотки правды, Насте сейчас было больно это осознать. Она знала его другим. Тот Влад, который любил носить ее на руках и сдувать с нее пылинки, и тот, кто сидел сейчас в кресле, мастерски скрывая свою ненависть к ней за маской напускного ироничного хладнокровия, были двумя разными людьми.

Настя не умела строить воздушных замков и напрасных иллюзий. Она прекрасно знала, как такие люди расправляются со своими врагами. Не имело значения, что же связывало вас в прошлом, весь спектр такого прекрасного чувства, как любовь, давно рухнул осколками калейдоскопа в пыль у их ног, под широкие подошвы, которые раздавили цветные осколки стекла с легкой совестью.

Она чудом осталась жива после допроса в ангаре, но ведь еще не вечер...

Когда Лидеру надоест играть с ней в эти психологические игры с подтекстом “кто кого круче сделал”, он с легкостью спишет ее со счетов, не раздумывая, как она, перед тем как решила судьбу Валлиулиной и Колесниченко.

— Если намерение порвать мои простуженные связки — часть твоих тонких пыток...

Неожиданный приступ кашля согнул Настю пополам. Казалось, от саднящей боли разрываются легкие, горло обдало огнем, а на глазах выступили рефлекторные слезы. Комната буквально поплыла перед глазами, и она не сразу поняла, что Влад оказался рядом со стаканом воды.

И вновь ей показалось, что сейчас все закончится. Что его ладонь зароется в ее волосы на затылке, губы прижмутся к пылающему лбу, передавая ей силы и забирая лихорадочный жар. “Отшлепаю за то, что ходила без шапки”, - беззлобно пожурит он, укачивая ее на своих руках, как маленькую...

Девять лет назад все бы так и было.

— Не напрягай свое горло и не пытайся запудрить мне мозги красивыми легендами. Завтра ты у меня запоешь без фонограммы. — Стекло стакана неприятно стукнулось о зубы. — Ты сама прекрасно понимаешь, что я заставлю тебя говорить. Поэтому все попытки вызвать у меня жалость или обмануть сейчас оставь при себе.

Настя буквально вырвала стакан с водой из его рук, расплескав часть на пижаму, сделала несколько судорожных глотков.

— А что потом, любимый? — ей не было страшно. По сути, ей даже не было что от него скрывать. Куда сильнее давило то, что он говорил с ней таким циничным тоном.

— А ты как думаешь?

— В расход?

— Ты всегда была довольно сообразительной девочкой. Или ты думала, смерть троих моих людей будет для тебя смягчающим обстоятельством?

Настя передала ему пустой стакан и стряхнула капли воды с искусанных губ. Голова все еще кружилась, и она откинулась на подушки, закрыв глаза. Что ж, ожидать другого не приходилось. Влад уже принял решение. Если ее не прикончит убойная доза пентоталового коктейля, он сам, не задумываясь, пустит пулю ей в лоб. Прямо сюда... туда, куда сейчас легла его ладонь, показавшаяся прохладной из-за повышенной температуры.

— Ты кормишь меня. Даешь мне лекарства. Даже делаешь перерывы между допросами. Пришел поговорить. Если бы хотел меня прикончить, я бы просто не очнулась, — от царапающей боли в горле Настя могла только шептать. — Я думаю, ты узнал, что хотел. Сколько времени ты держал меня на этих капельницах?

— Достаточно, чтобы у тебя не пошатнулся рассудок.

Влад поспешно убрал ладонь, словно слова Насти обожгли его кожу. Быстро встал с постели, как будто только сейчас вспомнил, кто перед ним и на что она способна даже в таком убитом состоянии.

Насте хотелось проводить его взглядом, но она боялась, что встретится с его глазами и увидит в них равнодушие.

— Почему ты меня ударил? Там, в ангаре?

Вода не помогла. Связки немилосердно болели, голос перешел в свистящий шепот, словно мужчина ее прошлого только что своим прикосновением выпил все ее силы.

— Неужели это единственное, что тебя заботит?

Она так и не открыла глаза, но почувствовала кожей изумление Влада.

— Ты никогда не бьешь женщин... не говори, будто что-то поменялось.

— Настя, поменялось многое... но, если тебе от этого сейчас станет легче, я отвечу. Это была единственная возможность не дать тебе погибнуть на месте.

— Ребята бы не поняли твоей мягкости...

— Никакой мягкости нет и больше быть не может в отношении тебя. Я должен был отдать тебя им на растерзание прямо там, после того как ты убила одного из них на месте. Считай это обычной отсрочкой приговора.

— Тебе ничего не мешало всадить мне лошадиную дозу сыворотки и не заморачиваться играми в доктора. Но что-то же тебя остановило.

Озноб усилился, и Настя плотнее закуталась в одеяло. Яркий солнечный свет резал глаза даже сквозь крепко зажмуренные веки.

— И в какой же момент ты меня узнал? До того как дал команду своим безмозглым садистам меня допросить или после этого?

— Ты изменилась. Но есть что-то, что не меняется.

— Дай скажу за тебя... Внутренний свет! — истерический смешок резанул голосовые связки.

Но куда сильнее была иная боль. Боль о тех потерянных днях, когда действительно все обстояло именно так. Когда он любил ее без меры и осторожности. Когда сука-жизнь еще не ставила им в колеса не просто палки, а целые стволы. Черный Ангел была готова ко всему, кроме одного: к тому, что однажды жизнь безжалостно столкнет ее с тем, ради которого она жила, с тем, кто заставил ее улыбаться и радоваться каждому новому дню.

— Нет. Разрез глаз.

Сперва она не поняла, к чему прозвучала эта сухая фраза. Повернула к нему голову, сморгнув произвольные слезы, — может, от яркого света, а может, оттого, что в его голосе не было отголосков прежнего тепла.

— Разрез глаз не под силу изменить ни одному пластическому хирургу.

Конечно, он не мог ответить по-иному. Откуда ему знать про чудеса китайской пластической хирургии. Да и свет, который был раньше, в ней уже давно погас. Ушел из-под ресниц с последними слезами, погас без притока кислорода от накрывшей его ладони злого рока. То же самое случилось и с Владом. То тепло, что она чувствовала все это время, было исключительно фантомным дежавю. Приветом из далекого прошлого. Насте захотелось что-то сказать, все, что угодно, что сможет хоть на миг вернуть ей прежнее ощущение тепла и безопасности, но она просто молчала. Отвернула голову, чтобы не показывать смятения.

— Постарайся заснуть. Чем больше сил ты сегодня восстановишь, тем легче переживешь завтрашнюю капельницу, — Лидер не сделал попытки подойти к ней. Он

больше не смотрел в Настину сторону. — Сильная боль — от сопротивления. Если не пытаться закрыться в себе, ощущения будут иными. Ты даже испытываешь чувство легкости и очищения. Не причиняй себе излишней боли и не заставляй меня экспериментировать с большими дозами на тебе.

Неподдельная забота в голосе Влада и циничное изложение сухих фактов диссонировали так, что Млечный путь сознания содрогнулся вместе с двумястами миллиардами своих звезд, превращая в осколки то, что еще вчера считалось целым.

— У тебя удивительные познания.

— Не сопротивляйся. Уж поверь мне на слово, будет еще больнее. Но в этот раз ты все будешь помнить...

Настя только сильнее вцепилась в одеяло дрожащими пальцами. Озноб сменился волнами жара, которые накрывали ее с головой, выжигая изнутри волю. Ее гордость и самоконтроль умирали, затихая, как и удаляющиеся шаги. Они впали в анабиоз вместе с хлопком двери, погружая ее в полубессознательное состояние. Возможно, просто подействовали таблетки, сводя на нет энергетический эффект кофе и колы, а может, контраст между прошлым и настоящим оказался тем самым спусковым механизмом, который лишил ее самоконтроля.

Ее тезка, кажется, снова приходила с закатом солнца. Настя не притронулась к еде. Выпила горячий настой из трав, проглотила таблетки — даже это у нее получилось с трудом — и провалилась в глубокий тревожный сон. Влад больше не появился в этот день, а может, и заходил. Она спала, полностью подчинившись его приказу набраться сил перед завтрашней экзекуцией.

Нельзя сказать, что утром она почувствовала себя лучше. Жар спал, ее пижама промокла насквозь, но слабость была такая, что Настя с трудом встала с постели и тут же грохнулась на пол, чудом успев сгруппироваться. Трезвый рассудок вернулся к ней, но он же напрочь отклонил все ее мысли о возможном побеге. В таком состоянии она с трудом доковыляла до ванной, опираясь рукой о стену. Частично силы вернулись после теплого душа — но даже здесь она не могла стоять прямо, сжалась клубочком на пластиковом поддоне, размазывая дрожащими руками гель для душа по телу. В такой позе ее и нашла девочка-горничная. У Насти не было никаких сил, чтобы ей помешать, когда девушка вытирала ее махровым полотенцем и помогала укутаться в теплый халат. Настя просто стояла, опираясь на стену и стараясь не замечать дискомфорта от прикосновения чужих рук. Она была ослаблена настолько, что хотела одного: чтобы все поскорее закончилось.

Овсянка едва не попросилась обратно, и Настя решительно отставила тарелку в сторону. Влад сказал не сопротивляться? Она бы не смогла этого сейчас при всем своем желании. Даже не отреагировала на его появление и просто закрыла глаза, оставив вопросы о самочувствии без ответа.

Показалась ли ей его обеспокоенность, тщательно скрываемая нежность в прикосновениях к ее лбу и щекам? Ей хотелось спать и не видеть никого. Еще лучше — не слышать. Когда горничная, пряча глаза, в которых плескался испуг, вкатила в комнату тележку со штативом капельницы, Настя даже не вздрогнула. Проводила ее затуманенным взглядом, словно не было в комнате Влада, который тщетно пытался добиться сейчас какого-либо ответа.

— Закатай ей рукава, — холодно распорядился Лидер. На короткий миг Насте до боли захотелось ощутить его губы на своих руках, как раз там, где кожу в прошлый раз проткнули

иглы. Ей бы хватило даже банальных теплых слов «держись» или “скоро все закончится”... все равно каких, но только сказанных в прежней ласковой манере, так, чтобы унеслись прочь все тревоги.

Нет, она не заслуживала его тепла. Только холодного презрения. И перед этим фактом гасло даже чувство протеста, а сердце колотилось о грудную клетку совсем не от тревоги — скорее от бессилия. Оно так хотело нарастить собственный ледяной панцирь, чтобы не позволить сознанию сорваться в чувство потери, которое делало ее настолько слабой и уязвимой!

Он один мог делать ее такой: испуганной и подавленной его железной волей. Почему изо всех теоретически возможных вариантов судьба определила ей во враги того, кого она любила больше жизни, и почему это чувство не смогли убить девять долбанных лет?

Белое пятно потолка. Сегодня солнце зашло за тучи, словно вступая в сговор с тем, кто сейчас обманчиво заботливо взбивал подушки, перед тем как уложить безвольную Настю на кровать. Проблеск золотистых лучей ей наверняка показался. Может, это был вовсе не просвет в пелене облаков, а внезапный блик живого огня в двух застывших бусинах глубокого янтаря. Чужие поспешные шаги стихли. Остался только он и параллельная реальность, которая грозила обрушиться на нее уже совсем скоро.

Она все же вздрогнула, когда игла вошла в ее вену, проткнув пылающую кожу. Вздрогнула не от боли, а от ощущения тепла его пальцев на своей руке, и оно показалось ей... наконец-то нежным, почти родным. Как и его шепот, призванный успокоить, пусть в нем была лишь одна сухая просьба “не дергаться”.

Второй укол она выдержала более стойко. Ядовитая жидкость хлынула в ее кровь практически мгновенно, Настя представила, как разбавлялся алый насыщенный оттенок ее крови колорантом выдержанного виски. А может, это были глаза Влада, которые сейчас неотрывно держали ее взгляд, не позволяя отвернуться. Теплые пальцы отпустили ее кисти, погладив напоследок тыльной стороной ладони, и переместились на подбородок.

— Не закрывайся и не прячься... все хорошо... — сердце зашлось хаотичным ритмом в первобытной пляске, когда сыворотка разлилась по кровеносной системе, виски сжались, резанув по черепной коробке первым приступом глухой боли.

— Начнем с простого. — Глаза Влада прошивали ее сознание насквозь без всякого пентотала натрия, не позволяя выстроить защитные бастионы. — Скажи мне свое имя.

— Настёнка... — прошептала девушка, отпуская боль прочь вместе со свистящим шепотом, с ответным взглядом, который отрикошетил эту боль прямо в эпицентр сознания мужчины, держащего ее волю в своих сильных и таких непривычно теплых пальцах...

...Минутная стрелка сошлась в одну сплошную с часовой на риске, соответствующей цифре три, когда он излишне резким рывком перекрыл клапан, подающий раствор в ее вены. Она дернулась на постели, словно почувствовав эту манипуляцию, которая не должна была никак отразиться на ней. Наполовину полная перевернутая бутылка с бесцветным препаратом дрогнула от резкого движения, несколько пузырьков воздуха поднялись вверх, отчего жидкость пошла утихающими резонансными волнами по поверхности. И с этим действием тишина в комнате стала особенно гнетущей и тяжелой, прерываемая судорожным дыханием, которое вылетало сквозь ее стиснутые зубы с шипящим свистом.

Спешить в этом деле не полагалось, но он ничего не мог с собой поделать. Как и в первый раз, слишком поспешно сжал ее руку, которая казалась аномально холодной,

опрокинул пузырек со спиртовым раствором при попытке смочить ватный диск; выругавшись про себя, замер на долю секунды, перед тем как извлечь наконечник иглы из ее вены и нажать на место прокола.

Настя судорожно дернулась и всхлипнула, и Владу пришлось ощутимо придавить ее плечо, удерживая на постели. Она что-то сбивчиво выпалила в пустоту — набор звуков, которые разобрать было невозможно, и снова затихла, позволяя второй капельнице со снотворным и дальше удерживать ее на шаткой грани сна и яви. Вряд ли это состояние можно было назвать полноценным сном. Грудь девушки вздымалась, голова металась по подушке, тени от ресниц на скулах удлинились и сами черты лица стали более резкими. Бледность сменила лихорадочный румянец с первой каплей введенного препарата, даже след от обширной гематомы стал светлее из-за этой ненормальной бледности.

Ей не должно было сейчас быть больно. Не так, как в первый раз, когда она отчаянно сопротивлялась, пытаясь вырвать трубки капельниц, и напугала Влада своей истерикой до такой степени, что ему приходилось делать перерывы на часы, отпаивая ее успокаивающим чаем и качая на руках, остерегаясь за ее состояние.

Похоже, в этот раз она к нему прислушалась и не сопротивлялась. Говорила не так сбивчиво и не кричала от боли, которая становилась нестерпимой с каждой попыткой взять свои чувства под контроль. Устала? Испугалась? Скорее всего, подсознательно хотела донести до него то, что он сегодня услышал.

Эта информация перевернула его прежний мир еще в первый раз. Он и сам не мог вспомнить, сколько дней прошло. Он был взбешен так, как никогда прежде до этого, только чудом не сорвался там, на заброшенных лодочных складах у пристани реки Z, когда хладнокровно наблюдал, как Никеев и пара его ребят вытаскивают из багажника тело девушки с запрокинутой головой и волочащимися по земле волосами. Отобрал у кого-то мощный фонарь, чтобы осветить ей в лицо... и едва не выронил его из рук.

“Не может быть... просто не может быть”, - билась в мозгу одна-единственная мысль. Шок был настолько сильным, что ему потребовалось выпить коньяка и привести свои чувства в более менее стабильное состояние. Он и не пошел ее допрашивать только потому, что опасался: или убьет на месте, получив подтверждение того, что эта солнечная девочка, которую он однажды потерял и безуспешно искал несколько лет после своего возвращения, и правда работает на Шахновского... или на хрен уронит свой незыблемый авторитет, когда пошлет всех своих подчиненных к чертям и увезет ее отсюда все равно куда, движимый одной целью, — отогреть, расспросить, прижать к себе и никогда больше не отпускать.

Жал руку Никееву в знак благодарности и с трудом сдерживался, чтобы не сломать эту самую руку, которая осмелилась коснуться его девчонки для демонстрации этого варварского “стиля вуду”. “Осторожно, она из Ангелов”, - счел нужным предупредить Никеев.

Из Ангелов. Они прошли одну и ту же школу выживания. Он — за несколько лет до того, как ее встретил. Она — после того, как он вернулся в столицу с намерением собрать достаточно ресурсов, чтобы разрушить Синдикат. Увы, он сбился с ног в попытке ее отыскать, и даже семья Насти словно в воду канула.

Ни разу не подумал, что его девочка могла оказаться в “Обители ангелов”, а ведь эту полусекретную структуру каким-то образом частично курировал ее отец, бывший тогда подполковником МВД. Не подумал и о том, что Настина подготовка растянулась на долгие годы, и теперь она была вооружена куда более обширным набором смертельных знаний, чем

он сам.

И их обоих едва не погубило тщеславие и уверенность в том, что круче них никого больше быть не может...

Смотрел на нее, подвешенную к потолку за цепь, окоченевшую от холода, но такую нестигаемую и сильную, смеющуюся в лицо своим мучителям, — а сердце обливалось кровью от жестокой шутки суки-судьбы, так цинично раскидавшей их по разные стороны баррикад. Бежал как дезертир с поля боя, нарезал круги вокруг ангара, не замечая зимнего холода, раздираемый противоречиями без шанса найти верное решение.

На войне все средства хороши. И иногда эмоции ставят крест на всем. Воистину, война — страстное порождение стратегии и воли...

Непонятно, как сумел совладать с собой, ворвался в ангар, стараясь оставаться невозмутимым. Это промедление, которое он сам, не привыкший врать себе, назвал малодушием, и стоило жизни Стволу. Что он чувствовал тогда, когда услышал выстрел, и увидел такое родное лицо, залитое неестественно алой кровью? Наверное, он прожил несколько жизней в этот самый момент, пока не понял, что кровь на ней чужая...

Шкет словно обезумел. Не могло быть и речи, чтобы оставить Настю наедине с этим психом или с другими ребятами, которые немедленно потребуют кровь за кровь.

Словно в полусне, приблизился к ней, не решив, что именно сделает и как... и тут увидел в ее глазах узнавание. Увидел раньше, еще когда просек фишку с искусственным превышением болевого порога, но все это было слишком невероятно, чтобы поверить сразу.

А когда ее искусанные и разбитые губы шевельнулись, выдохнув его имя вместе с облачком пара, принял единственно верное решение. Удар в лицо, чтобы тут же потеряла сознание и никто не догадался, что окровавленная и избитая девчонка, подвешенная за цепь, всегда была и осталась ахиллесовой пятой несокрушимого Лидера, наводящего страх на самый крупный криминальный Синдикат страны...

Она не сразу пришла в себя. Долгие сутки провалялась в забытьи, а когда очнулась, понял, что заболела, и сильно. Еще и доктор с сомнением покачал головой, известив, что с такой пневмонией вряд ли выкарабкается.

Влад приставил дуло пистолета к его лбу:

— Не выживет, закопаю тебя живьем рядом с ней...

А потом эйфория первого потрясения схлынула, и на ее место пришла глухая ненависть. Его Настя, его девочка, без которой его жизнь была пуста и лишена смысла, работала на Синдикат. На Шахновского! Вашу мать, на того самого Лекса Шахновского, который, как сам Влад думал после своего воскрешения, и сжил ее со свету вместе со Светой Красовской. Но у Настиной подруги была могила. А сама Настя просто растворилась без следа.

Сотни вопросов оставались без ответа, порождали версии одна фантастичнее другой — Лидер не оставлял свои поиски и каждый раз попадал в тупики, когда казалось, что вот, вроде нащупал тающий след своей малышки, как он тут же обрывался.

Шах? Бывший Викинг, сменивший погоняло вместе с повышением... старая любовь не ржавеет? Настя. Настя и Синдикат. Его Настя и Шах. Его не состоявшаяся любовь в тандеме с его несостоявшейся смертью. Это не укладывалось в голове. И вот уже к вечеру, наблюдая сквозь объективы камеры за Настей, которую выгибало на постели от лихорадки, Влад позвонил тому самому доктору.

— Дай гарантию, что она не окочурится от сыворотки правды и антибиотиков...

...Настя глухо всхлипнула и неосознанно выставила вперед ладонь, словно от чего-то

защищаясь.

— Б**дь... прости... — неконтролируемый порыв обнять ее наконец, не скрывая своих чувств, согреть теплом своего тела накрыл его сознание тепловой волной атомного взрыва.

Это было слишком... слишком хорошо, чтобы быть правдой, — то, что она сказала. И в то же время это не могло быть ничем другим. Он выпотрошил ее до основания. До подробностей, от которых у него то вставали волосы дыбом, то появлялся мгновенный порыв разнести все вокруг, и в эйфории абсолютного счастья с трудом удерживался от того, чтобы не сжать ее в объятиях, закружив по комнате...

Вибрация смартфона заставила его вздрогнуть. Откинув прядь волос с лица Насти, Влад укрыл ее одеялом, проверив уровень снотворного во второй капельнице, и поспешно отошел подальше от постели, чтобы ненароком не потревожить свою девочку.

— Ты забыл обо мне! — наплевав на элементарные правила приветствия, обвинительно выпалила Вика. — Это правда? После того как убили Элину, я тебе больше не интересна?

“В яблочко. Ты все прекрасно понимаешь, родная”, - подумал Влад, не в состоянии оторвать взгляда от Насти, которая затихла, согретая теплом одеяла, и начала дышать ровнее.

Перешел на шепот, чтобы не разбудить:

— Вика, прекрати истерить. Я просто очень занят...

— Когда она там шпионила, ты находил для меня время! Что изменилось?

— Ничего. Успокойся и...

— Я в Reiven, и я очень хочу напиться. И я это сделаю, если ты не приедешь и мы не поговорим...

Бросив последний взгляд на Настю, Влад вышел из комнаты, стараясь бесшумно прикрыть двери. Больше всего ему хотелось послать экс-мадам Шахновскую на три веселых буквы с ее истериками и ультиматумами. Но сейчас он понимал также и другое: его психика не выдержит напряжения в ожидании, когда же очнется Настя и что он дальше будет с ней делать.

— Виктория, душа моя, а я вот думал закончить свои дела и пообедать с тобой. Но раз у тебя острое желание напиться...

Пустая болтовня Вики была сейчас лучшей альтернативой перспективе остаться рядом с Настей и съесть себя же самого за собственную ошибку и недоверие.

— Ой... да? Правда? — удивилась Вика.

Влад кивнул, хотя она не могла его видеть:

— Я буду через полчаса. Закажи себе чаю. Выпьем потом, вместе...

Перед тем как уехать, он сделал кое-что еще. Позвонил доку и велел остаться с Настей до его возвращения. Поручать заботу о своей пленнице кому-либо еще не стал, это требовало ответственного подхода.

— Сделай все, чтобы выспалась и восстановила силы. Желательно до утра. Я в долгу не останусь...

Глава 15

9 лет назад

Август пылал. Сухое лето вышло на финишную прямую, что явно не добавляло ему

оптимизма: не желая сдаваться наступающей на пятки осени, оно обрушило все свои резервы на шумную столицу. Слишком яркое солнце выжигало пыльный асфальт, раскаляло крыши зданий, превращало и без того чахлую растительность в выгоревший гербарий. Даже системы кондиционирования не справлялись с удушающим зноем. Пляжный сезон не желал заканчиваться, люди спасались от жара раскаленного мегаполиса за пределами города, отчего он казался вымершим и безжизненным. Особенно в выходные.

Настя не связывала эту непривычную тишину, отсутствие пробок и толп людей с аномальной жарой уходящего лета. Для нее город опустел именно с отъездом Влада. Вымер, застыл, выгорел вместе с лучами чужого агрессивного солнца, которое лично для нее не предвещало ничего хорошего. Она сама не понимала, откуда у нее это ощущение надвигающейся катастрофы, которая вскоре разделит жизнь на “до” и “после”. Оно ужалило ее иглами ледяного холода посреди жаркого лета именно в то утро, когда она, не скрывая своих чувств, разрыдалась прямо в коридоре, повиснув на его шее. Если бы только могла уговорить, не отпустить, вырвать у безжалостной реальности хотя бы еще один день!

Влад гладил ее волосы дрожащими от избытка чувств пальцами, сжимал до хруста суставов, осыпал заплаканное личико судорожными поцелуями, словно пытаясь вобрать в себя ее боль, выпить без остатка, до последней капли. “Три дня, Настёнка... всего лишь три... они пролетят быстро, сама не заметишь!” — его голос срывался, переходил в сдавленное утробное рычание, объятия становились еще крепче. В тот момент ей казалось, что он стремится слиться с ней воедино каждой клеточкой, забрать с собой сознание, чтобы расстояние утратило смысл. Он не обращал внимания на разрывающийся телефон, продолжая сжимать до боли свою девочку. Насте не было больно. Любые сомнения в том, что он ее любит, растаяли именно в этот момент под его сильными руками и жаркими поцелуями.

А потом за ним захлопнулась дверь.

Насте хотелось побежать следом, но она от отчаяния сползла по стене, не в силах устоять на дрожащих ногах, и дала волю слезам.

За окном город испепеляло солнце, агрессивное и жаркое, несмотря на утро. А Насте в тот момент вдруг показалось, что нет у них этих трех дней. Только что она рассталась с ним навсегда...

День был безрадостным. А потом тишину взрезали звонки телефона, и слезы высыхали на глазах. Девушка жадно ловила его слова, его глухую тоску ожидания встречи, вслушивалась в любимый голос, и дрожащий в знойном мареве раскаленный воздух за окном казался теплым и дружелюбным.

Связь за городом постоянно прерывалась, приходилось прекращать этот разговор, с замиранием сердца ждать следующего звонка... и в такие моменты Настя приказывала тревоге и безысходности заткнуться.

Набирала в сложенные лодочкой ладони холодную воду, чтобы плеснуть себе в лицо, и от этой нехитрой манипуляции действительно становилось легко и спокойно. Пусть на довольно короткий временной отрезок, но Настя буквально втягивала в свое сознание эту эйфорию, стремясь удержать ее там на максимально долгое время.

Она любила и, теперь знала это наверняка, была так же любима самым достойным мужчиной на земле. Разглядывала себя в зеркале, с удивлением отмечая, что похорошела, расцвела уникальной красотой счастливой и влюбленной девчонки, порхала на невесомых крыльях по комнате, пила холодный чай, хрустела изумительно вкусными яблоками, даже

звонила Ирине, с которой никогда не была особенно близка. Делиться подробностями своего головокружительного романа все же не торопилась, их разговоры чаще всего вертелись вокруг невинных тем, но лед между сестрами тронулся. Ирка даже приехала к вечеру с вкусным тортом и бутылкой вина, они проболтали несколько часов, вспоминая свои детские годы, веселые истории, общих знакомых и учителей.

Казалось, жизнь налаживалась... К утру второго дня Настины мысли, помимо мыслей о Владе, крутились вокруг начала новой, студенческой жизни. С некоторыми своими будущими сокурсниками она успела пообщаться во время вступительных экзаменов. Тогда она во всем видела подвох, приветливое отношение девчонок настораживало, нейтральные шутки ребят казались двусмысленными. Она не привыкла общаться со сверстниками в подобном ключе. Сейчас же понимала, что никто из тех, с кем ей вскоре придется вместе грызть гранит высшего образования, и близко не имел в мыслях ее как-то унижить и посмеяться. Никого из них не смутила ее экстравагантная внешность.

Очень часто студенческая жизнь в корне отличается от школьной. Каждый из вчерашних выпускников начинает жить заново, отбросив ненавистные роли. Через две недели начнутся веселые (ей хотелось в это верить) студенческие будни. Не будет ежедневных домашних заданий, и она сможет проводить свободное время с Владом. А до сессии еще очень далеко...

Светка тоже горела предвкушением. Она поступила на политехнический факультет и пришла в восторг от того, что ее группа будет преимущественно мужская. “Ну и что, что я ноль в математике? Поверь, один взмах моих ресниц, и я буду отличницей”, - хвасталась она. Но больше всего ее занимала жажда возмездия Шахновскому. Настя так и не смогла понять, почему ее подруга настолько сильно воспылала этой идеей. Может, отчасти потому, что тогда на пляже Шах не обратил на нее никакого внимания? Хотя не стоит исключать фактор женской солидарности. Какая нормальная девчонка смирится с тем, что ее близкую подругу избивают и не ставят ни в грош? Настя бы тоже порвала любого, кто бы посмел так обидеть Свету или Ирку. Не замечаешь этого только тогда, когда оно касается непосредственно тебя...

Отчего-то с Настей деталями своих любовных отношений Светлячок делилась неохотно. Однажды только прервала восторженную речь подруги о том, как ей классно с Владом, поспешным замечанием:

— Предупредить бы его надо насчет Шаха. Могу ошибаться, но тот под него роет... Койот сказал, что Славэн вообще неуязвим, у него едва ли не спецназовская подготовка, но если в банде завелась крыса...

— Что у тебя с Койотом? — перевела тему Настя, пообещав себе предупредить Владу о сегодняшнем телефонном разговоре.

Светка неохотно жаловалась на то, что не чувствует тепла со стороны лидера вражеской банды, ощущает себя скорее красивой игрушкой этого бандюка, который решил, что она будет терпеть такое отношение, пока получает дорогие подарки.

— Значит, не твое это. Не надо тебе ради статуса насиловать саму себя.

Настя отчасти понимала подругу, которая завидовала ее счастью и пыталась попасть в свою собственную сказку с тем, кто не собирался ей этого давать. Она не понимала, почему Светка так одержима идеей наказать Шахновского. Вообще считала, что ее подруга заигралась в мисс Марпл и инспектора Коломбо.

Вечером второго дня Настиного одиночества Светка потащила ее в пиццерию. Это была

неплохая возможность убить время, и Настя охотно согласилась. Сегодня она опять поговорила с Владом и осторожно намекнула на то, что Шах тесно общается с Койотом. Но Влад лишь беспечно рассмеялся.

— Настёнка, скажи подружке, чтобы не забивала свою голову ерундой. Ты не представляешь, с какими людьми мне приходится играть в друзей до гроба и пить фальшивые мировые, зная, что этот самый человек может с легкостью пустить мне пулю в спину и потом рыдать на поминках, называя лучшим другом. Даже с Койотом пил, когда мы пытались по-хорошему прогнуть их под себя, разве что на крови не братались. Это в некотором смысле политика и дипломатия. Но мне так приятно твое беспокойство! И да, думаю, ты сама поняла, что с твоей Светой о некоторых подробностях наших отношений лучше не откровенничать? И ее за ваши совсем не женские секреты по головке не погладят, если прознают...

После этого она прямо сказала Светке, что мстить Шахновскому не стоит. Не потому, что она его сказочным образом простила, а лишь потому, что это не представляет для нее никакого интереса. Влад сам открутит ему башку, если Настя убедительно его об этом попросит. Светка надула губы, пробубнила “для тебя же стараюсь”, но в конечном итоге согласилась.

До той самой роковой встречи в этой самой пиццерии.

Они умяли вкуснейшую “маргариту” под три освежающих “мохито”. Коктейли ударили в голову, и девчонки излишне громко смеялись и шутили, привлекая к себе внимание. Ловили на себе заинтересованные мужские взгляды, и Настя впервые наслаждалась тем, что смотрят не только на эффектную Светку. Сегодня она была обласкана вниманием точно так же.

Все случилось, когда она отошла в туалет. Собственно, еще ничего не произошло, но потом, анализируя ситуацию, именно появление в пиццерии Шахновского называла точкой невозврата.

Оторопела, когда вышла и увидела его высокую фигуру возле их столика. Светка поднялась с кресла, опершись ладонями о столик, и что-то говорила ему, стараясь не повышать голос, хотя ее лицо было перекошено от злости. Поразительно, но первое, что Настя сделала, — это оглядела помещение ресторана в поисках Лиз. Этой курицы здесь не было, но легче от этого не стало.

Тревога вновь захлестнула слегка затуманенный алкоголем рассудок, и ей вдруг остро захотелось исчезнуть, чтобы не попасться на глаза призраку своего прошлого. Почему, чувствуя защиту Влада, она так испугалась Шаха? Непонятно. Может, уловила нешуточную угрозу в его позе, в жестикуляции, в леденящих кровь ментальных волнах?

Светка поймала ее взгляд, но не притихла, наоборот, злорадно улыбнулась Лешке, продолжая что-то выговаривать с видом абсолютной победительницы.

— Рассчитайте нас, — попросила Настя пробегающую мимо официантку и неохотно подошла к столику. Желание увести подругу в эту же секунду стало непреодолимым.

Алексей ее еще не заметил, говорил, перебивая Светку, и его голос дрожал от злости:

— Я тебя в землю зарюю, овца. Никакой Шакал не спасет, поняла?

Настя внутренне содрогнулась, услышав Лешкины слова. Почему-то ей показалось, что он не шутит. Пальцы произвольно задрожали, и она осторожно попятилась прочь от источника угрозы, положив ладонь на Светкино плечо в качестве опоры.

— У б**дей выходной? — Шах побагровел, завидев Настю.

Девушка поспешно отвела взгляд, выискивая официантку, которая не торопилась нести счет.

— Или Славэн приказал долго жить?

— Да может, Славэн уже роет тебе ямку, Лешенька? — Если Светка была напугана, то ничем этого не показала. — Все его передвижения слил Койоту, или тебя, шестерку, не посвящают в подобные детали?

Кажется, он вздрогнул. перевел взгляд на Настю, и девушка готова была поклясться, что уловила в нем растерянность... которая тут же сменилась решительностью, от которой ей вновь стало холодно на открытой летней террасе под палящим солнцем.

— Ты что городишь, коза?

Светка засмеялась. Настя посильнее сжала ее плечо, цепенея от ощущения надвигающейся беды. Но подруга никак не отреагировала на этот призыв к молчанию. Наоборот, вся ее поза излучала уверенность... а Настя вдруг явственно увидела подругу в образе яркой экзотической бабочки, полетевшей прямо в горнило пылающей печи.

— Думал, самый умный? Думаешь, Койот будет тебя защищать? Да твой Славэн уже в курсе. Скажи, это правда, что предателей в вашей бандитской шайке-лейке живьем закатывают в бетон?

Маленькая кожаная папка легла на стол возле побелевших от напряжения пальцев Светланы. Казалось, поблек даже яркий маникюр с элементами китайской росписи. Официантка поспешила ретироваться прочь от проблемного столика.

— Свет, нас ждут.

Ей пришлось отпустить плечо подруги, потому как она выронила кошелек. Нагнулась, чтобы подобрать, только сейчас осознав, насколько ей страшно. Решительность Лешки вызвала самый натуральный панический ужас.

— Готовься, шалава, — совершенно спокойно пообещал Шахновский, переведя взгляд на Светку. — Ты только что самолично заказала себе гроб.

Настя с трудом отсчитала купюры, на негнущихся ногах обошла подругу, которая даже не вздрогнула от этих слов. А Настя уже тогда поняла, что никто с ними не шутит. Мысленно умоляла Светку закрыть рот, но ту было уже не остановить.

— Краснова, точно все передала Владу? Я считаю, крыс, которые фигачат на два фронта, нужно отстреливать сразу. Особенно таких. Голова болит от его тупых угроз...

— Так я тебе всажу свинцовую пилюлю, сука, мигом мигрень пройдет. Считай, тебя уже нет.

— Да знаешь, что с тобой сделают?! — Светлячок продолжала хохотать, вглядываясь в лицо Лешки, которое больше не пылало от гнева. Нет, оно было спокойным. И от этого еще более страшным. — Славэн тебе устроит... и Койот вместе с ним...

— Пойдем, Света! — Настя сорвалась на крик и, не придумав ничего лучше, дернула подругу за волосы.

Ее Светка никогда не была дурой, но сейчас словно отключила все возможные тормоза. Она практически насильно вытащила ее из-за стола и потянула к выходу. Дыхание перехватило от самого натурального испуга.

Света же не желала униматься даже на улице:

— Не забудь рассказать об этом Владу! Я тебе говорю, Шах ссучился. Койот передавал ему бабки и трубу, думал, я не вижу... это не просто так!

— Зачем ты Шаху об этом сказала?

На улице было нереально жарко, но Настю колотило от озноба.

Света же развела руками:

— А что? Пусть начинает видеть края! И еще я знаю, кто сдал ваших ребят тогда, когда на трассе за городом была перестрелка... Влад не там ищет виноватых, крыса у него под носом!

— Ты слышала Шаха? Свет, он не шутил. Ты что, не понимаешь, на кого нарываешься?!

— Он мне ничего не сделает! И хватит трястись. Койот его сам уложит, а нет, Влад вернется и разберется... Он же ради тебя голову в петлю готов сунуть. Аж завидно.

— Влад только послезавтра возвращается! Свет, тебе лучше поехать на дачу к родакам...

— Прятаться? Я в своем городе! Мы в нашем городе, Краснова, и начинай привыкать к тому, что мы теперь за реальными мужиками, а не сами по себе! И угрожать кралям лидеров крупных группировок — значит, нарываться на неприятности!

— Что ты городишь? На хрена ты столько пила?

— А кто мне запретит? — Светка махнула рукой и защелкала кнопками телефона, отворачиваясь от Насти. — Але, Котик, это я! И я безумно соскучилась... правда!.. очень хочу увидеть... нет, подожди, а что ты там делаешь? Что? Как неделю?.. Не, ну что значит “сам позвонишь”, твоя киса скучает по тебе... а... я тебя палю звонками?.. ну да...

Настя почувствовала себя неудобно, подслушивая чужой разговор, отошла в сторону, бросив взгляд на террасу кафе. Лекс сидел за барной стойкой, потягивая пиво из высокого бокала, и с кем-то говорил по телефону. При этом не сводил с них глаз. Насте стало совсем плохо, аритмия перекрыла кислород.

— Капец... Койота менты пасут, свалил отсидеться... — прежняя беспечность оставила Светку, она выглядела встревоженной. — Я даже про этого укурка ему сказать не успела...

— Я же говорю, уезжай на дачу! — прошептала Настя, потянув ее за руку прочь. — Давай вместе! Ну вот, прямо сейчас — переоденемся, возьмем в супермаркете мяса и рванем к твоим... все равно наши парни в разъездах...

— Не хочу! — грубо отрезала Светка, вырывая свою руку. — Я лучше сериалы дома посмотрю...

— Давай ко мне, и продолжим...

— Говорю тебе, оставь меня в покое... твой послезавтра уже будет в городе, а мне неделю куковать одной! Ты же хрен от него отлепишься, когда придет, обо мне вообще забудешь!

Но по пути домой настроение Светки улучшилось. Она все же отклонила Настинское предложение заночевать у нее, сославшись на то, что ей и вправду лучше пережить незапланированную разлуку одной. Правда, насчет поездки на дачу практически передумала.

— Давай завтра с утра, через рынок. Электрички мотаются часто, и утром нет такой жары. Я как раз своих попрошу встретить нас с поезда, чтобы мы не телепали три километра по бездорожью...

Настя обняла ее на прощание. Солнце клонилось к закату, обычно по вечерам на нее накатывала тоска, но через час должен был выйти на связь Влад. И все равно, оказавшись дома, она долго мерила шагами комнату, не зная, куда деться от усилившейся тревоги. Набрала ванну с морской солью и попыталась расслабиться. Хотя и получилось, но не до конца. Именно здесь ее застал звонок Влада. И только сейчас, услышав его голос, Настя окончательно сбросила оковы паники.

— Прощу тебя, возвращайся! — захныкала она, зажав мокрым плечом телефон. — Я не

представляю, как переживу следующий день! Еще один без тебя! Ты точно вернешься?

— Конечно, глупенькая моя. Послезавтра в обед уже буду в городе.

— В обед! Полдня еще, я не хочу ждать так долго!

— Ну, что за слезы, Настёнка? Как раз проснешься, приготовишь мне тот изумительный пирог с ежевикой, и время пройдет очень быстро! А что я за подарок привезу своей девочке... ох, ты даже не представляешь, что именно я для тебя купил...

— Миллион алых роз?

— Я думал об этом... но они не поместятся в твоей квартире! Гораздо лучше...

— Ну скажи-и-и-и!

— Настёнка, имей терпение. Обязательно обо всем узнаешь. Осталось совсем немного.

Моя любимая девочка умеет быть терпеливой?

— Любимая?.. — Настины слова перешли в ошеломленный шепот. Она едва не выронила телефон прямо в ванну. Все тревоги сегодняшнего дня отступили прочь, панический озноб разорвали в клочья лучи теплого солнышка от его голоса. И от его слов.

— Я долго не мог понять, что со мной происходит с того самого момента, как я впервые встретил тебя. Ничего похожего со мной еще не было, — голос Влада, того самого Славэна, которого боялись, перед которым преклонялись и который мог играючи сдвинуть планету с ее орбиты, слегка сбивался от волнения. — Я даже какое-то время боялся допустить мысль о том, что именно случилось с нами. Возможно, мне нужно было уехать, оказаться на некоторое время вдали от тебя, чтобы это понять... чтобы не осталось никаких сомнений... в общем, Настя, я не умею красиво говорить... я не буду и сейчас изобретать велосипед и подбирать слова. Я тебя люблю.

Это не являлось поставленной срежессированной речью.

Сердце Насти сорвалось в ускоренный ритм. Ванная комната поплыла перед глазами, а в голове билась одна-единственная мысль: “любит... боже, этот потрясающий мужчина меня любит!”...

Слезы бежали по ее щекам, а ощущение абсолютного счастья накрывало с головой, взращивая невесомые белые крылья.

— Я... я...

— Не говори ничего сейчас, моя девочка.

— Я тоже тебя люблю!

— Я понимаю, это неожиданно... хотя, будь ты постарше, поняла бы это без слов...

— Люблю!..

Ей больше не надо было его подарков. Только что она получила самый ценный из всех возможных. Слезы счастья бежали по ее щекам, капая в воду, заливая кнопки телефона, смывая тяжесть прошлых обид... смывая само прошлое. Учатившееся дыхание Влада на том конце телефона сливалось воедино с ее судорожным и прерывистым в одну симфонию настоящего чувства. Кажется, она не могла даже произнести эту фразу, только губы шевелились в безмолвном крике “люблю”...

— Я считаю минуты до нашей встречи, моя девочка дорогая!

Она больше не сомневалась в искренности его слов. Прошлое осталось позади. Недолгая разлука еще сильнее укрепила их чувства друг к другу. Раньше Настя сомневалась, попросту отрицая тот факт, что ее могут так любить — не ради какой-либо выгоды, а просто за то, что она есть. Сегодня сомнения рухнули. Она даже не отдавала себе отчета в том, что лихорадочно целует экран мобильного в этом забытии, когда разговор закончился, а вода в

ванной остыла. Кружилась по комнате, сжав в охапку букет роз, и счастливо смеялась, терлась щекой о бархатные лепестки, которые хранили тепло его пальцев. Внутри зарождалась, складываясь в аккорды, чудесная мелодия. Если проиграть эти ноты, она взорвет реальность.

Люблю... только ради тебя... безумно люблю!

Она уснула почти в полночь, убаюканная теплым голосом Влада. На ее губах так и не погасла улыбка. Приближались последние минуты ее счастливого полета сквозь иные измерения, а она перестала это чувствовать — сладко спала и, кажется, летала в своем безмятежном и восхитительном сне...

Резкий телефонный звонок разрушил чары Морфея. Так по-варварски, что Настя со слабым криком села на постели, недоуменно моргая, упираясь взглядом в темноту. Мобильный разрывался, и девушка, ничего не сообразив спросонья, приняла вызов.

— Доигралась, Мышь? — она не сразу узнала голос Шахновского. — Поднимай жопу с постели. Разговор есть.

Ей сначала показалось, что сон продолжается. Но этому пережитку прошлого в нем не было места.

— Иди ты на...

— Але, идиотка! Просыпайся наконец. Кир за тобой заедет!

Сон не хотел уходить совсем, и Настя потеряла глаза, пытаясь понять, что же происходит и что ее бывший бойфренд от нее хочет. Щелкнула кнопкой ночника, зажмурившись от яркого света. Реальность возвращалась по крупицам. Не будь Настя так растеряна и дезориентирована звонком, положила бы трубку сразу. Вместо этого она начала что-то говорить о позднем времени.

Шах на том конце провода, похоже, вышел из себя:

— Ты меня заипала, тварь. Я прямо сейчас мочкану твою подругу. Можешь попрощаться...

В трубке послышался шорох, перебиваемый резким треском и слабым женским стоном. Только сейчас остатки сна слетели прочь. Настя ощутила, как ледяная волна натурального ужаса накрывает ее с головой, застывая в районе солнечного сплетения. У нее пропал дар речи. Все, что она могла, — только слушать сдавленные стоны и судорожное дыхание Светки. Она бы узнала его из тысячи.

— Светлячок... — прошептала одними губами, не в состоянии закричать или сделать еще что-то.

Шах не шутил. Сольное выступление Красовской в пиццерии закончилось именно так, как он обещал. А она, Настя, забыла об этой угрозе с первыми словами Влада о его любви...

Обычно в критической ситуации мозг взрывается в поиске вариантов выхода. Со временем она этому научится, так и будет: при малейшей угрозе у нее будет моментально срабатывать, раскладываясь на детальные составляющие, не только план "А" и "Б", но и планы, названные всеми остальными буквами латинского алфавита. Но сейчас девушка еще не знала, как реагировать на опасность. Сейчас она оцепенела, не в состоянии закричать или попытаться что-то спросить у подруги. Послышался резкий хлопок, словно от удара, и вслед за ним — сдавленный вопль.

Настю прошило приступом крупной дрожи. Ужас плескался в крови, сковывая напрочь возможность соображать. Когда в трубке вновь раздался голос Лекса, она зажала собственный рот ладонью, чтобы погасить рвущийся крик.

— Позвонишь Славэну, прострелю ей колени на хрен. Быстро оделась. Будешь тупить, пушу ее дважды по кругу...

Эти слова едва достигли ее скованного шоком сознания. Трель дверного звонка оглушила, заставив сжаться в постели, подобно перепуганному котенку. Лешка наверняка услышал этот настойчивый звонок, который повторился.

— Открывай Киру. Быстро, идиотка, у меня терпение на исходе.

Не понимая, что происходит, Настя осторожно свесила ноги и, пошатываясь, двинулась к двери. Бездумно открыла замки, не глядя в глазок, желая лишь одного — чтобы этот вскрывающий нервы звон наконец прекратился. Буквально отлетела к стене, когда дверь резко открылась, пропустив ее бывшего одноклассника Кирилла Аксенова, и с грохотом захлопнулась за ним. Леха что-то вещал в трубку телефона, вся его речь сводилась к краткому резюме “Гагарин долетался, а вы доп* зделись, суки”.

У Насти закружилась голова, когда ее глаза встретились со слегка растерянным, но в то же время каким-то стеклянным взглядом Кирилла. Он отрывисто скользнул по ее фигуре в ночной рубашке из искусственного шелка. Не будь Настя так напугана, распознала бы в этом взгляде смущение.

— Я за тобой... Ты это, того... Одевайся, что ли... — кашлянул Аксенов, сделав шаг прямо на нее.

Настя отшатнулась в сторону.

— Давай, сука, шевели нитками. Жить хочешь? Будешь тормозить, оставлю твою подружку без пальцев... — в трубке раздались гудки отбоя.

Настя перевела ошеломленный взгляд на телефон в своей руке, качая головой, отказываясь верить в то, что только что услышала.

— Краснова, — Кирилл отвел глаза. — Викинг ждать не будет. Он под коксом, хрен знает, что со Светкой сделает, если не поспешим...

— Кир, ты... ты с ним? Как ты это допустил? — непонятно, что она ожидала от семнадцатилетнего пацана, к тому же наглухо отбитого боксера, который был счастлив попасть в банду к Шаху.

С надеждой вглядывалась в его хмурое лицо, словно ища помощи и желая услышать то, что ее успокоит...

— Краснова, одевайся. Поговорите, и все... домой поедете... ты это, отдай мне телефон... хорошо?

Настя в ответ лишь крепче сжала его в ладони. Повернулась спиной, выискивая взглядом свои вещи, которые имела привычку раскидывать по креслам, нерешительно шагнула в комнату, щелкнув выключателем. Свет залил спальню, а Аксенов, остановившийся в дверях, присвистнул.

— У тебя тут прям розарий... ты реально спишь с этим, главным?

Настя машинально разгладила рукой джинсы, пытаясь поймать обрывки ускользающих мыслей. Увы, мозг напрочь отказывался работать в этой критической ситуации.

— Кира, ты понимаешь, что Леха пошел по головам? Влад же этого так не оставит...

— Отдай телефон, Настя.

— Нет, я сейчас ему позвоню, и ты мне...

Кисть прострелило вспышкой боли. Красная “раскладушка” выскользнула из ее дрожащих пальцев, глухо шмякнувшись на ковер. Не отпуская ее запястье, Кирилл нагнулся, поднял телефон и спрятал в карман ветровки.

— Блядь, Краснова, это не шутки, и мы теряем время! Викинг обдолбался, и ребята, по ходу, тоже. Они там сейчас на хер порвут Красовскую, пока ты тупишь и пытаешься меня разжалобить!..

— Козел ты, Аксенов.

Рука ощутимо болела. Настя скинула его пальцы и на автомате натянула джинсы, повернувшись к нему спиной, сняла рубашку, поспешно надев футболку. Возиться с поиском бюстгальтера не стала, опасаясь, что у Кирилла сейчас снесет башню при виде ее голой спины.

— Если с ней что-то случится...

— Будешь тупить и тянуть время, точно случится! Черт, Настя, вы же мутили с ним. Поговори, он тебя услышит. Только не тормози, потому что влетит нам обоим!

Настя повернулась к нему. Она не понимала, что происходит и почему она добровольно готова идти в западню, осознавая, что вряд ли разговор состоится.

— Один звонок... Аксенов, я ничего Владу не скажу про тебя... если с нами там что-то случится, он зароет тебя в бетон! Леха сдаст тебя с потрохами первым...

— На выход, Краснова! Хватит пи*деть, теряем время!

Девушка сразу поняла провальность своих попыток его уговорить, как только услышала эти слова, так сильно копирующие интонации Шахновского. Этот боксер с отбитой кукушкой пойдет на все ради своего жоака, на которого готов молиться, и не задумается о последствиях. Она не помнила, как второпях обувалась под взглядом Кирилла, который по-прежнему казался ей отмороженным. Не понимала, почему поплелась в ванную чистить зубы и не догадалась незаметно сорвать со стены трубку радиотелефона. Даже не подумала о том, что следует позвонить отцу, — пусть его и нет в городе, достаточно одного звонка, чтобы прилетела бригада быстрого реагирования и всех тут повязала. Покорно спустилась во двор, к машине, следуя за бывшим одноклассником, словно сомнамбула. Даже ужас куда-то отошел, осталась не то что апатия, просто глубокий шок... а еще отчаянная смелость камикадзе, лишенная какой-либо логики.

Машина тронулась с места, и Настя, повинувшись безотчетному порыву, набросилась на Кирилла, вцепившись ногтями в его плечи в попытке извлечь свой телефон из его кармана. Как и следовало ожидать, ничем хорошим эта глупость не закончилась. Недолго думая, он саданул ее кулаком в живот. Оглушительная боль вспыхнула в эпицентре удара, и Настя, глотая воздух, упала обратно на пассажирское сиденье, зажав живот руками.

— Дура!

Кирилл достал красную «раскладушку», на миг отпустив руль, и одним легким движением разломал ее надвое под шокированным взглядом Насти. Повертел в руках экран и клавиатуру, перед тем как выбросить их в окно и выжать сцепление до упора. Настю вдавило в сиденье от резкой скорости. Место удара невыносимо болело, и она закусила губу, чтобы не разрыдаться в голос. Аксенов молчал. Они выехали за пределы города, за окном мелькал черный массив лесополосы, дорога убегала под светом ксеноновых фар, а Настя только и могла, что корчиться от боли... и не придумать ничего лучше, чем пассивное ожидание своей участи.

Не было сил думать даже о Светке. Как и о том, чем закончится разговор с Лешкой и состоится ли он вообще. Тот факт, что она не сможет позвонить Владу, разрывал ее сознание на части. Если бы только она выучила наизусть его номер! А если и так, во что ей теперь звонить? В подлокотник?

Она даже не знала, который сейчас час, не удосужилась посмотреть на часы после того, как ее разбудили. Непроглядная ночь. Неестественная тишина. Редкие встречные автомобили. Настя произвольно жалась к стеклу, провожая их взглядом. Бежать? Просить о помощи? Слова Лешки о том, что он в случае промедления прострелит Светке колени и отрежет пальцы, выжигали ее сознание каленым железом. Наверное, остановись сейчас кто и предложи ей помощь, ничего бы не сказала, переживая лишь о том, как это скажется на подруге...

Кажется, Кирилл наблюдал за ней в зеркало заднего вида. После его удара и того, с какой легкостью этот парень, который несколько раз защищал ее в школе, сломал телефон, Настя уже не питала никаких иллюзий относительно его человечности. Просто подтянула колени к груди, чтобы как-то унять боль, и апатично наблюдала за темным ландшафтом, который пролетал мимо. Машину подбрасывало на ухабах, отчего она несколько раз крепко ударилась лбом о стекло.

Время зависло.

Девушка не могла сообразить, сколько прошло с тех пор, как ее разбудили, как она спустилась вниз, и сколько они едут.

Когда автомобиль свернул с трассы на неровную проселочную дорогу, лишь сильнее вжалась в сиденье, даже не сообразив, что машина остановилась возле непонятного серого сооружения. Он напоминало бетонный блок-каркас для будущего здания, почти затерянный вдали от окружной дороги посреди пролеска с редким кустарником и поваленными деревьями. Внутри этой конструкции мерцал свет, похоже, горел костер. И царила неестественная тишина, которая обрушилась, стоило только затихнуть урчанию двигателя.

— Где Света? — в тот момент Насте не было страшно.

Кирилл отвел глаза, кивнув в сторону бетонного остова. Поморщившись от боли, Настя открыла дверцу и едва не упала, зацепившись об обломок ветки. Выпрямилась и направилась туда, где мерцал огонь, и откуда, как ей теперь показалось, доносились обрывки разговора. Перешагнула бетонный порожек, едва не споткнувшись снова. Она даже не знала, следует за ней Аксенов или же остался в машине. Поморщившись от резкого запаха кошачьей мочи и пива, замерла на пороге, уставившись на представшую ее взору картину.

Этих двоих она знала. Отморозок по кличке Бензопила, от которого у нее все время шли мурашки по коже, и Пожарник, недавно откинувшийся с зоны, где отбывал срок за разбой. И, как и следовало ожидать, Леша. Бессменный царек этого сброда, с идеальной укладкой и в более цивилизованном по сравнению с корешами прикиде. Невысокий и сухощавый Бензопила в спортивном костюме заметил застывшую Настю первым.

— О, шалава твоя пожаловала, Викинг. Ты дашь мне ее сегодня отодрать?

Пожарник криво усмехнулся и запрокинул голову, зажимая одну ноздрю пальцем. А Шахновский не поднял головы, словно ничего необычного не случилось. Склонился над колченогим столом, и занимался каким-то непонятным дебилизмом, чиркая пластиковыми банковскими картами по поверхности. Настя с изумлением наблюдала, как он наклонился, зажал нос пальцами, а затем с шумом вдохнул. Только после этого она заметила ровную дорожку белого порошка, которая почти сразу исчезла в его носовом проходе.

— Квинтэссенция кайфа, — прогундосил он, ни к кому конкретно не обращаясь, и, вскинув голову, уставился на Настю каким-то стеклянным, почти безумным взглядом. — О, малая, сама, без Славэна?

— Вилы твоему Славэну скоро, сучка, — подхватил Бензопила, выпрямившись во весь

рост. — Не сцы, сегодня найдем тебе другого хахаля...

Настя не сводила глаз с Лехи. Смотрела и не понимала, как еще совсем недавно позволяла ему прикасаться к себе и целовать. Волна отвращения и ненависти вытеснила из сознания даже страх.

— Где Светка?

— В соседних апартаментах. Иди, можете пообщаться, — Шах рассмеялся безумным смехом, который тут же подхватил Бензопила.

Настя едва ли обратила на это внимание, рванула в темный проем, куда частично проникали слабые отсветы костра. От едкого дыма, смешанного с другими запахами, запершило в горле. Когда ее глаза привыкли к полумраку, она увидела силуэт подруги. Красовская неподвижно лежала на сплюснутых картонных коробках.

— Светлячок, я здесь!

Настя подскочила к ней и опустилась на колени, мало заботясь о том, что кругом грязь и абсолютная антисанитария.

— Вставай, будем выбираться... Черт, ну какого ты на дачу не свалила, а?

Она сжимала теплое запястье подруги, отметив, что Света после пиццерии так и не успела переодеться, осталась в платье, которое сейчас было измято и запачкано. Откинула спутанные пряди волос с ее лица, слегка потрепав по щеке, чтобы привести в чувство. Что-то, объяснения чему она пока не нашла, прошло сознание ощущением какой-то неправильности и нелогичности.

Светка не приходила в себя. Настя посильнее сжала ее кисть... и только сейчас поняла, что же именно было не так.

Пульс не бился. Все еще отказываясь верить в то, что именно это может значить, Настя нажала пальцами на венку. Ни малейшего толчка крови в пережатых сосудах.

— Свет?..

Она вздрогнула от сотни ледяных игл, которые впились в затылок. Уже сильнее ударила подругу по щеке, отчего голова той безвольно повернулась набок. Просунула ладонь под ее затылок с намерением поднять и усадить.

Пальцы зачерпнули теплую жидкость. Настя недоуменно поднесла руку к глазам, а Светкина голова вновь безвольно запрокинулась. В полумраке ей показалось, что пальцы окрашены черным. А потом в нос ударил запах крови. Настя высунула язык и слизнула каплю с указательного пальца, до конца не понимая, что именно делает.

И истерически закричала...

Глава 16

Оглушающее тиканье часов. Это было первое, что неприятно поразило слух после пробуждения. Монотонный звук вызвал неконтролируемый прилив раздражения, захотелось зажать уши, чтобы этого не слышать, но Настя продолжала лежать, окутанная тишиной, которая казалась абсолютной.

Жар спал. На коже выступила испарина, а слабость, которая донимала ее утром, окончательно прошла. Виски пульсировали глухой болью, не такой резкой, как вчера, но от этого более противной и мерзкой. Но самым удивительным было то, что она почувствовала себя сильной. Это было странно, но мышцы каким-то образом обрели тонус, и в крови бурлила энергия. Горло по-прежнему саднило, но не так сильно, как прежде. Настя

задержала дыхание, еще раз прислушавшись к состоянию своего организма. Осторожно пошевелила пальцами ног, словно проверяя состояние энергичности и выносливости. На сгибе локтя ощущалась легкая саднящая боль вместе с ощущением чужеродного предмета. Снова капельница?..

Настя смутно помнила, что рассказала все, о чем ее спрашивали. Тогда у нее не было сил сопротивляться. Попыталась, а когда поняла, что в столь подавленном состоянии не переживет эту боль, приняла решение не закрываться. Даже помнила некоторые вопросы. И свои ответы на них. Отключилась, когда концентрация сыворотки в ее крови достигла допустимого предела. Такое чаще всего случается — защитная реакция нервной системы. Когда-то в “Обители ангелов” им об этом читали лекцию, но Настя сейчас не могла вспомнить, что же именно там говорилось о побочных эффектах, помимо головной боли. Нет, прилив энергии, кажется, точно не входил в их число.

Настя старалась не шевелиться. Вслушивалась в тишину до тех пор, пока движение стрелок не перестало раздражать, а она не различила чужое размеренное дыхание. В комнате еще кто-то был. Настя подняла веки.

Была ночь. Может, вечер или раннее утро, зимой не разобрать — темнеет рано, рассветает поздно. Свет торшера осветил незнакомую фигуру немолодого мужчины, который сидел в кресле с книгой в руках. Настя усмехнулась про себя, когда поняла, что ее первая мысль была почему-то о том, что же так увлеченно читает незнакомец: очередной штампованный боевик или же нестареющую классику.

Он не был похож на охрану Лидера (хотя откуда ей знать, как выглядит его охрана? Может, все они ходят в гавайских рубашках или латексе). На няньку-сиделку он тоже был мало похож. Одет в белый свитер крупной вязки, на носу очки в тонкой оправе, чеканный римский профиль и зачесанные назад волосы с легкой проседью. Так увлечен своим делом, что вряд ли заметит, что Настя проснулась. Девушка скосила глаза на свою левую руку. Трубка капельницы уходила под одеяло. Судя по самочувствию, это какой-то особый раствор. Главное, что он вернул ей силы.

Различить время на большом циферблате в темноте она так и не смогла. Кажется, часовая стрелка была на пятерке, а может, ей это просто показалось. А если и нет, все равно не разобрать, вечер или раннее утро. Настя вновь закрыла глаза, тихонько сменила позу, чтобы ничем себя не выдать.

В этот раз в голове прояснилось, и воспоминания возвращались стремительно. Она помнила все. Вопросы. Ответы. Свою реакцию на то, что ее Влад на какое-то время перестал быть хладнокровным и жестоким Лидером. И даже тот факт, что ей удалось его удивить. Не надо для этого было смотреть ему в глаза, она просто поняла шестым чувством — может, по особой интонации в его голосе, легкому замешательству или же этой самой эмпатии, которая так никуда и не делась.

Ей хотелось задать ему сотни вопросов: откуда сыворотка правды, почему он ее не убил и каким чудом сам сумел выжить. Но она могла только отвечать на поставленные ей. Иногда теряя нить повествования, но не утаивая ни единой детали. Весь самоконтроль, наработанный годами, оказался бессилён перед особым препаратом спецслужб мира. Если бы только боль, Настя бы с ней, возможно, справилась. Но пентотал натрия выключил иные условные рефлексy, попросту говоря, сорвал все тормоза, включив ложное убеждение в необходимости все рассказать, не упустив ни одной детали того, что она пережила в ту ночь...

Она словно заново сжимала запястье Светки и ее теплая кровь пачкала пальцы. Заново похоронила себя заживо, когда Шахновский в красках расписал, что именно ее ожидает. Тогда она испытала облегчение от того, что ее не убьют. Даже перспектива оказаться в лапах торговцев живым товаром не казалась столь ужасающей. Влад вернется и не оставит этого просто так. Главное — выжить...

Первые месяцы ада в «Обители ангелов». Сколько раз она давила в себе отчаянное искушение броситься под пули? Сколько таких сломалась на ее глазах, тем самым уничтожив даже мысли о подобном?

Она не верила, когда ей сказали про Влада. Спустя год, глядя в потолок и считая минуты под весом тела Хаммера, собрала в кулак свою волю и все-таки решилась попросить предоставить ей доступ ко всем базам данных. Он долго не сопротивлялся. Сутки Настя шерстила сеть в поисках любой информации о том, кто ни на миг не переставал быть смыслом ее жизни. Ни единой зацепки. Пока Хаммер сам не проявил инициативу и не рассказал ей, кто именно и как приложил руку к его смерти. И жажда мести миновала точку невозврата навсегда. Может, она бы за себя не убила. За своего Славэна порвет всех причастных, но не сразу, а со вкусом и особым удовольствием. Плевать, что Спикер поднялся к вершинам политической власти и протянул вместе с собой Шахновского. Сложно, да. Но все равно выполнимо!

Все силы брошены на то, чтобы попасться Спикеру на глаза. Хаммер крепко ей в этом тогда помог. Их связь оставалась тайной для высшего руководящего состава, и факт того, что он буквально пропихнул лучшую курсантку «Обители», ни у кого не вызвал подозрений. К тому времени и Терминатор оценил по достоинству ее аналитический ум и способность выживать в любых условиях. Спикер хотел управляемую крейзи. Совершенно несовместимые понятия, но играть очередную роль больше не было проблемой. Она не сложила руки, когда осознала, что убрать Шаха будет очень непросто. Что ж, она умеет ждать. Ждать, чтобы потом достичь своей цели и попутно прихватить вместе с Лешкой того, кто за всем этим стоит. Ее месть несколько расширила горизонты. Да, ее обидел Шахновский. Но ее Влада, по достоверным данным, списал сам Спикер...

Не удивительно, что бесстрашный Лидер опешил, услышав такое. Ни за что бы не поверил, если бы не сыворотка правды. Стало быть, она в безопасности, следуя логике событий? Нет, Настя так не думала. Влад был воспитан в политике Синдиката. Криминальный мир не признавал сантиментов и не играл по установленным правилам. Никто не упадет обнимать ее колени со слезными мольбами о прощении и отрывистыми фразами о том, как он жестоко ошибался. Погибли доверенные люди Лидера, и она сама приложила руку к их смерти, даже играя во благо. Максимум, чего она добилась, — потешила его самолюбие, может, даже всколыхнула пласт воспоминаний... но не более. Иллюзии растаяли. Влад сам сказал, что не оставит ее в живых.

Она была с этим не согласна. Ее миссия не выполнена. Если Лидер решил ставить ей палки в колеса, пусть катится на все четыре стороны. Она просто шлепнет по-быстрому Шаха и растворится в воздухе. Ее вынужденная сексуальная связь с грубым, варвароподобным Хаммером не прошла даром: заблаговременно он подготовил ей комплект документов, а также список контактов тех, кто поможет исчезнуть без следа и начать новую жизнь. Возможно, он все же любил ее по-своему. А может, любви и не было, все решило уважение. По сути, они негласно использовали друг друга. Она спряталась за спину инструктора, чтобы выстоять в этом кошмаре и заодно получить дополнительные знания и

умения, которые не входили в стандартную программу, — они и помогут совершить прыжок по так называемой карьерной лестнице. Он, помимо доступа к ее молодому сексуальному телу, стремился к своему собственному продвижению, продемонстрировав в итоге слепленный им самим экземпляр великолепного оружия для убийства с особым набором смертельных знаний. Иллюзий ее тогда лишили довольно быстро. Они просто выживали и наращивали собственную силу в этом тандеме.

“Задача упрощается. Лидер сам за себя постоит, а я умываю руки”, - подумала Настя, еще раз прислушавшись к своему телу. Ей показалось, что сил достаточно. Она старалась игнорировать отчаянный крик своего сознания — так не хотелось отпускать того, ради кого выстояла, выжила и была готова бороться. Терять в тот момент, когда могла обрести заново. Насте хотелось верить, что ей не придется, отступая, отправить Влада на тот свет. Даже если он сам уже заранее приговорил ее. Эти мысли сдавливали и без того саднящее горло спазмом отчаянных, почти злых слез. Ей надо было похоронить прошлое раз и навсегда, тогда бы было намного легче. Хоть бы эта неуместная сентиментальность не помешала ее планам...

Решение пришло молниеносно. Ее учили принимать спонтанные решения, продумав последствия в кратчайшие сроки. Настя приподнялась на локтях и закричала. Со стороны должно было показаться, что она только что очнулась от кошмарного сна.

Мужчина в белом свитере отбросил книгу в сторону и поспешно вскочил на ноги. Комнату залил яркий свет, и Настя поспешно моргнула, прогоняя секундную слепоту. Его теплые ладони легли на ее плечи, ненавязчиво принуждая лечь обратно.

— Все в порядке, не кричите! Я доктор.

Если бы он этого не сказал, она бы догадалась по интонации. Придала своему лицу потерянное выражение, вглядываясь в его светлые глаза. Он улыбался. Просто улыбался, потому что наверняка не знал, кто она и чем он рискует, оказавшись в такой близости.

— Не делайте резких движений. Вы идете на поправку. Садитесь, я вам помогу. Надо выпить таблетки, потом я послушаю ваши легкие...

— Что вы мне капаете?

— Не переживайте. Парацетамол и кофеин, чтобы вы поскорее восстановили силы. У вас хороший иммунитет, справился с пневмонией за считанные дни...

— Где хозяин дома?

— Вы увидите его позже. Сейчас вам надо выпить лекарства и плотно поужинать...

Настя сбросила его руки и выдернула иглу капельницы из вены. Мужчина даже не успел понять, что произошло, когда его пациентка заломила ему руку, приставив к мочке уха иглу капельницы.

— Пикнешь, сука, воткну! — прошипела ему в ухо, сжимая локоть на его шее.

Доктор от внезапности произошедшего даже не звука не проронил, лишь дернулся, стараясь выскользнуть из захвата.

— Кто в доме? Сколько их?

В ответ — набор нечленораздельных звуков. Настя лишь сильнее сжала его горло.

— Где мы? Сколько бойцов Лидера? Отвечай, пока не убила к чертовой матери!

— Я... я не знаю... меня... кхх... не посвящают в это... я просто врач...

Молниеносное движение руки, игла проткнула кожу под его подбородком, вызвав сдавленный хрип мужчины.

— Не беси меня, Склифосовский! — продолжая удерживать захват, Настя пихнула его

кулаком в бок и свесила ноги с кровати, защищаясь, словно живым щитом, телом доктора, который, похоже, действительно мало что знал. — У тебя есть тачка? Где достать теплые шмотки?

— Нее... а-аю... — она ослабила хват лишь на миг, чтобы ее заложник мог отдышаться и выразаться более внятно. — Мы в поселке С... отсюда до города... три часа на машине...

Все-таки врач оказался не робкого десятка. Совладал с собой, сделал резкий выпад, почти вырываясь из захвата. Настя поняла, что несколько переоценила свои силы, когда локоть прострелило болью. Но оставаться здесь и ждать своей участи подобно жертвенной овечке она не собиралась. Толкнула его ногой в поясницу, отчего тот не успел сгруппироваться и рухнул на пол, прыгнула следом, не обращая внимания на головокружение. Ей почти удалось заломить ему руку за спину и тем самым слегка обездвижить брыкающегося противника, когда он, видимо решив, что ему не доплачивают за то, чтобы успокаивать буйных пациентов, заорал во всю мощь своих связок.

— Твою мать! — прошипела Настя, саданув его в затылок кулаком. Не сильно, убивать доктора не входило в ее намерения.

Топот ног за дверью она скорее почувствовала спинным мозгом, чем расслышала. Дернула своего заложника за ворот свитера, намереваясь все-таки использовать в роли живого щита, хотя ее и мучили сомнения, что доктор недостаточно важная фигура для Лидера и в случае угрозы он может с легкостью пристрелить его собственноручно.

Дверь буквально сорвали с петель, и Настя подняла глаза, встретившись с двумя пустыми глазницами пистолетов, направленных в ее сторону. Двое из охраны Лидера так и замерли на пороге, ошеломленные представшей их взору картиной. Никто из них попросту не ожидал, что бесчувственная пациентка, по совместительству гостя, так быстро очухается и предпримет какие-либо действия. Эти парни привыкли подчиняться четким приказам. Один из них, не спуская прицела со лба девушки, снял портативную рацию с пояса и что-то отрывисто сказал.

В крови Насти бурлил кофеин, но слабость от болезни все равно сказывалась. На теле выступила холодная испарина, а мышцы грозило свести судорогой. Удерживая тело притихшего доктора в захвате, пыталась понять, хватит ли у нее сил вступить в схватку с двумя подготовленными бойцами. Не будь она столь ослаблена, у нее бы был шанс вырубить хотя бы одного и завладеть оружием... сейчас же быстрота реакции ушла, не могло быть и речи о том, чтобы попытаться. Они справятся с ней и без применения оружия.

Лидер не заставил себя долго ждать. В отличие от своих ребят, он был таким, каким Настя увидела его впервые после долгой разлуки, а именно: сосредоточенным и спокойным. Разве что немного уставшим. Кивнул обоим бойцам, которые синхронно опустили пистолеты, и только криво усмехнулся, выдержав лихорадочный огонь в глазах Насти.

— Отпусти доктора. Если бы не он, черта с два бы выкарабкалась. — Он даже не удивился происходящему. Стоял в дверях, спокойно разглядывая представшую взору картину, не замечая растерянных взглядов своих бойцов.

Настя судорожно вздохнула, усилив хват на шее своего живого щита:

— Ну и какого хрена ты заставил его напрасно стараться?

— Я тебе расскажу. Отпусти его и возвращайся в постель. Ты и сама прекрасно понимаешь, что твои игры лишены всякого смысла.

Настя с неохотой разжала хват. Ее несостоявшаяся жертва уперлась ладонями в пол и

закашлялась, перед тем как буквально отпрыгнуть на безопасное расстояние.

Влад повернулся к застывшим в дверях ребятам и коротко кивнул:

— Свободны.

— Но... — возразил один из них, на что Лидер поднял ладонь вверх:

— Я сказал, свободны. Марш по местам.

Настя устало откинулась на край постели. Влад, вопреки ее ожиданиям, первым протянул руку доктору.

— Прости, брат. Она немножко нервная. Найди Настю, пусть нальет тебе выпить, а мы потом поговорим. И кстати, — быстрый взгляд на кровоточащую ссадину на подбородке, где Настя чиркнула иглой, — первую помощь окажет.

Доктор прохрипел что-то насчет того, что все в порядке, и поспешно покинул комнату, припечатав Настю тяжелым взглядом. Ей было плевать. Может, этот мужчина и спасал ее от пневмонии, но рассчитывать дозы сыворотки правды тоже он.

— Не сиди на холодном полу. Давай, забирайся в постель.

Влад так и не протянул ей руку. Стоял, спрятав руки в карманах брюк, и спокойно смотрел на нее, склонив голову.

Настя пошатнулась, стоило выпрямиться во весь рост. Пояс халата сбился, но сейчас ей было плевать на то, что он видит ее обнаженную грудь. Глаза застила серая пелена, на ощупь присела на постель, несколько раз зажмурившись, чтобы вернуть ясность зрения. Подушка буквально манила к себе. Похоже, концентрация кофеина в крови была гораздо слабее, чем она думала. Слава богу, хватило сил устоять на ногах, а не ползти по полу к постели — она все еще чувствовала, что Влад смотрит на нее.

— Есть хочешь?

Она действительно испытывала голод. Играть в героиню сейчас не имело никакого смысла. Скорее всего, именно от истощения и была эта ненормальная слабость.

— Только прекрати пичкать меня овсянкой. Тошнит.

Комната вновь обрела прежние очертания, хотя от яркого света на глазах выступили слезы.

Влад нажал кнопку на своем телефоне, отдав краткое распоряжение. Настя отчетливо поняла, что любая борьба сейчас будет лишена смысла. Для более-менее полного восстановления ей понадобится как минимум двое суток. Непонятно, сколько в доме вооруженной охраны, но идти на них с голыми руками было сущим безумством. Последние силы ушли на доктора. Если сейчас Лидеру стукнет в голову что-то с ней сделать, у нее попросту не хватит сил, чтобы сопротивляться. Она еще помнила его недавние слова о том, что он определил один из ее самых больших страхов. Этого оказалось достаточно, чтобы руки сами натянули одеяло практически до подбородка в неосознанном стремлении накрыть наполовину обнажившееся тело и не дать ему никакого повода.

Похоже, Влад не собирался ничего такого делать. Неспешно прошелся по комнате, погасил торшер и ловко подхватил кресло одной рукой, без каких-либо видимых усилий, чтобы поставить его рядом с постелью. Но садиться не спешил, оперся вытянутыми руками о спинку. Настя дерзко вскинула голову.

— Ты меня удивила, — в его голосе не было никаких эмоций. — Я в первый момент подумал, что старая любовь не ржавеет. Ангел стал ангелом мести? Довольно забавно.

— Хочешь сказать, что мне следовало подставить левую щеку?

Настя произвольно провела кончиками пальцев по скуле. Боль уже не ощущалась, но у

нее не было зеркала, чтобы понять, сошла гематома или же нет.

— Принцип “око за око” мне нравится больше, — в голосе Лидера сквозили скучающие нотки. — Интересный у тебя способ мстить, уничтожая моих людей.

— Прости нас, Леопольд, мы больше не будем! — съязвила Настя. — Это обычные потери. Расходный материал. И как много ты сам пустил в расход для достижения своих целей?

— Отчасти можем делить ответственность на двоих. Но что толку тереть очевидные вещи? Каждый засланный агент прекрасно понимал, чем рискует.

Он все-таки опустил в кресло. Настолько близко, что Настя ощутила терпкий аромат мужского парфюма. Сердце на миг зашло в бешеной пляске, которую она так хотела списать на кофеин, но не сумела. Ее волновала его близость. Настолько, что слова терялись, а мысли путались.

— Влад, не переигрывай. Это в Голливуде супергерой читает нотации негодяю перед тем, как его прикончить. Ты специально заставил того Айболита меня откачать, чтобы получить ответы на вопросы, которые уже не раз слышал?

— А тебе самой, без сыворотки, нечего мне сказать?

— Нечего. Ты все знаешь.

— Я намерен узнать больше.

— И когда ты пустишь мне пулю в лоб?

— Я еще не решил.

— Ничего, если в число моих последних желаний не будет входить секс с тобой?

Влад улыбнулся и — Настя сперва не поверила своим глазам — поднес обе ладони к щеке, словно защищал себя. Красноречивый жест вместе с почти ребяческой улыбкой — Насте понадобилось несколько секунд, чтобы понять его значение. А затем еще несколько, чтобы сумасшедшее напряжение последних дней отступило, прорвавшись сквозь севшие голосовые связки судорожным хохотом. Это действительно было настолько нелогично и из ряда вон, что она ничего не могла с собой поделать. Сжимала пальцами край одеяла и тряслась от смеха, который только усиливался, стоило ей поймать наигранно-испуганный взгляд Лидера и скосить глаза на закрывшие кадык ладони.

— Ну тебя! Перестань! — непонятно, что именно она просила его прекратить делать: так открыто, по-мальчишески улыбаться или зажимать шею руками.

Лидеру этого жеста показалось недостаточно. Настя села на постели, буквально согнувшись, когда Влад закатил глаза и захрипел, словно смерть братка от ее зубов в том ангаре действительно была поводом для веселья. Но стоило только поймать его взгляд, новый приступ смеха в буквальном смысле опрокидывал обратно на лопатки, рвал легкие и мышцы — еще слаба была после пневмонии.

Наверное, он сам уже устал носить маску отмороженного гангстера. Думать о том, что лед между ними тронулся, было несколько преждевременно, даже если все факты без исключения на это указывали.

Горничная замерла на пороге, с опаской поглядывая на Настю. Наверняка известие о ее ненормальном поведении уже разнеслось среди челяди этого дома, а истерический смех только подтверждал этот факт. И все равно она не могла успокоиться. То ли от перепуганного взгляда девчонки, то ли от моментального выражения глубокой серьезности на лице Лидера. Девушка осторожно подкатила тележку к кровати и едва ли не выскочила из комнаты после короткого кивка Влада.

— Ты жжешь... — Настя смахнула слезы смеха, который не желал утихать.

Влад же только повел плечами. Его губы сжались в плотную линию, но глаза продолжали улыбаться. Возможно, это был один из его психологических приемов, который сработал именно сейчас, или же просто Настя запретила себе любые иллюзии насчет их вероятного примирения. Не имело значения, что фактов для подобного было предостаточно.

Она знала правила. Когда идет самая настоящая война, игры в Гаагский трибунал неуместны — она уже осуждена и приговорена Владом. Когда он дал ей понять, что не выпустит отсюда живой, вовсе не пытался ее запугать. Мог сколько угодно колебаться насчет озвученного решения, но отменить? Как бы ни хотелось Насте в это верить, не получалось. Оттого не стала искать в его потеплевшем взгляде с веселыми озорными искорками моментального прощения. Поверить в это было равносильно полной капитуляции. Неосознанно она сделала выбор — жить настоящим пусть не днем, то хотя бы минутой. И если в ней есть место такому безудержному веселью, это скорее плюс. Серьезность утомляет.

— Все, успокаивайся. Подвигайся ближе, я тебя покормлю.

Влад поднял стальные крышки с блюд, положив их на нижний ярус тележки.

— Покормишь? С рук?

— Тебе опасно давать столовые приборы. Seriously, Настя, хватит смеяться, надо поесть.

— Овсянка? — нет, сегодня явно день смеха. — Я тебе ее сейчас на голову переверну!

Она без труда визуализировала в воображении эту картину — жидкая субстанция стекает по идеально уложенным волосам Лидера прямо на его дорогой костюм.

— Позвать доктора, чтобы вколол тебе успокоительное?

— Боюсь, ему сейчас самому не помешает, — Настя покачала головой, смахивая слезы.

Влад зачерпнул ложкой овсянку и с видимым удовольствием сжевал, облизав губы. Жар чего-то восхитительного и почти забытого закрутил тугие узлы в ее солнечном сплетении, а взгляд помимо воли скользнул к его губам.

— Зря отказываешься. Кедровые орехи, цукаты и курага...

— Стейк хочу.

— Завтра утром будет, если будешь хорошей девочкой. Ну?

Настя откинула одеяло, стянула на груди полы халата и села, свесив ноги. Неизвестно, почему она сейчас потянулась губами к ложке, может, всему виной была острая судорога сладкого тока, прокатившаяся по позвоночнику и затихшая в пальцах ног сладкой, щемящей болью? В этом было что-то интимное, запретное, манящее, понятное только двоим. И дело было вовсе не в том, что он боялся ложки в ее руках. Лидер не испугался бы даже ножа — во-первых, был наготове, несмотря на это ребячество, а во-вторых, Настя бы наверняка промахнулась в своем не до конца нормализовавшемся состоянии. Он просто хотел, чтобы она поела с ложки с его рук. Шаткий мост доверия, который она взорвала еще на стадии проекта, а он готов был начать строить первым.

— Правда, вкусно?

— Нет. Отстрели башку шеф-повару.

— Мы умрем с голоду. Ты готовить не умеешь.

— Ой, да ладно. Ежевика есть в хозяйстве?

— Это был отвратный пирог. Накорми им Шаха при встрече. Ты же хочешь, чтобы он перед смертью мучился?

— Трудновыполнимо. — За этим диалогом, полным ребяческого флирта, Настя и не заметила, как Влад скормил ей половину тарелки. — Или ты решил меня отпустить?

Влад излишне резко отложил ложку в сторону и откинулся на спинку кресла. Очарование момента оказалось в тот же миг разрушено напрочь. Искры солнца в его янтарных глазах погасли, осыпавшись черным пеплом, отчего их оттенок стал глубоким, словно насыщенным темнотой.

— Я не могу отпустить тебя.

— Приколы становятся все интереснее.

Настя только устало махнула рукой, когда он напрягся в ответ на ее движение к столу. Конечно, следуя законам жанра, после такого заявления следовало всадить ему эту ложку со следами овсянки в глаз, но желание выпить крепкого чая на травах, который ей безумно понравился, пересилило. Ее руки дрожали от слабости, когда она наполняла чашку почти до самых краев, но умудрилась не расплескать ни капли.

— Это не шутки, Настя. И что касается доктора. Еще раз на кого-то из персонала накинешься, разговор у нас будет иным. Попытаешься убежать — придется ползти.

— О, когда это ты стал любителем пет-плея?

— Я не шучу. Кто-то стреляет в воздух, я пальну по твоим ногам. Думай, стоит того твоя попытка, заранее обреченная на провал, или же нет.

Все-таки ее рука дрогнула. Настя зашипела сквозь зубы, когда горячий чай пролился, обжигая ее бедро через шелк халата. Это спасло ее от взгляда глаз, в которых, она знала, увидит только решимость и непреклонность.

— А не проще сразу в голову? Когда это ты успел изменить свои планы?

— Мои планы не изменились. Считай, что они немного сдвинулись во времени, а у тебя появилась возможность повлиять на мое окончательное решение.

— Ты будешь и дальше держать меня здесь?

— А тебе разве плохо? Относись к этому, как к заслуженному отпуску. Или больничному, который тебе вряд ли позволял Спикер.

Веселье как-то поспешно сошло на нет. Это и не было весельем в его классическом понимании — это была банальная реакция организма, который устал бороться с высоким уровнем кортизола в крови и включил защитные генераторы психики. Но положительный эффект не стоило отрицать, кровь насытилась эндорфином под завязку. Может, именно поэтому Настя не накинулась на Влада с кулаками и не испытала ни капли страха.

— Круто. Принцесса в башне у дракона.

— Я рад, что у тебя хорошее настроение.

— Не много ли поблажек для девушки, которую в итоге ждет пуля в лоб и теплое цементное одеяло?

— Настя, об этом пока не думай. Вернемся к этому разговору, когда окончательно поправишься. Я не воюю со слабыми противниками.

— Ну, вкатать мне лошадиную дозу сыворотки правды тебе мое состояние не помешало. Что бы было, если бы ты услышал то, что тебе не понравилось?

Влад пожал плечами:

— Пришлось бы создать тебе менее комфортные условия. Возможно, даже сэкономить пулю. В сыром подвале тебя бы пневмония прикончила гораздо быстрее. Или сыворотка.

— Спасибо за честность. Поскольку у меня особые условия, уверена, ты крайне доволен всем услышанным.

Настя сделала несколько глотков липового чая с послевкусием солодки. Она отдавала себе отчет, что выболтала гораздо больше, чем свои истинные чувства к этому мужчине. Вопросы о внутренней структуре игровой отрасли Синдиката тоже присутствовали, скорее всего, еще при первом допросе. Тогда она не смогла справиться с болью и подавленной волей. А во второй раз просто решила, что от этой информации не будет большого вреда.

Странная ситуация. Общая цель... и такая гигантская пропасть. От этих мыслей сердце болезненно сжалось, и Настя поспешила сменить тему.

— Как ты выжил? Если не интересно, можешь не отвечать.

Влад переплел пальцы в замок до легкого хруста, на скулах заиграли желваки. Несмотря на это, он изо всех сил старался выглядеть невозмутимым.

— Просто был в корне не согласен с тем, что придется умирать в безымянной могиле. У нас с Шахновским всегда были диаметрально противоположные взгляды на подобные ситуации.

— И Лексу все сошло с рук. Как и в случае со мной.

— Спикер выбрал того, кто будет послушно выполнять команды на отлично и не задумываться о том, чем они продиктованы. Того, кто слабее и никогда не сможет достичь определенных вершин. Беспроигрышная тактика, если хочешь и дальше оставаться у власти, и при этом не получить удара в спину.

— Я предполагала нечто подобное. Ты стал задавать много вопросов?

— Скажем так, у нас вышли некоторые разногласия. По молодости я протупил, решив, что у меня достаточно времени снять сливки и устранился, тогда как Спикер изначально видел угрозу в каждом, кто был умнее всех его пешек. Ты видела ключевых фигур всех отраслей Синдиката. Остался ли там кто-нибудь, кто пойдет против пахана всея столицы?

Если бы там имелись такие люди, Настя бы играючи загребала жар чужими руками. Работоторговля, органы, валютные махинации, наркотрафик, оружие, земельные ресурсы — во главе каждой ветви Синдиката стояли преданные Антону Сергеевичу люди с особым складом ума, которые были отучены задавать вопросы и прыгать выше головы. Наглядным примером стала смерть Раисы Ларчиковой по прозвищу “Мамба”, которая недолгое время управляла ветвью торговли людьми. Жесткая и непримиримая дама не выдержала, когда указом Спикера был сделан особый упор на торговлю детьми. Спикер лично закрыл ее в клетке с питбультерьерами, собрав зрительскую аудиторию из своей паствы. Говорят, от этой интеллигентной леди с сердобольным сердцем осталась груда окровавленной плоти, после чего никто не смел возражать или пытаться достучаться до человечности Пахана.

Перетянуть кого-либо из смотрящих на свою сторону было равносильно провалу. Проще истребить всех поодиночке, потому как слишком преданы Антону. И уже не помнят, что преданность продиктована страхом. Спикер не следовал шаблонным канонам криминального мира, в котором обзавестись семьей — значит сделать себя уязвимым. Именно страх за своих близких заставил этих пешек послушно выполнять приказы и не рыпаться. Со временем это стало практически второй кожей, с иллюзией неуязвимости и преданности идее.

— Только истребить. Никто не будет с тобой сотрудничать.

— Я умею быть убедительным. Некоторые уже довольно благополучно работают на меня. А ты так решительно отказалась от этой возможности. Боишься трудностей?

Настя допила чай и отставила чашку в сторону. Вроде бы недавно Влад спокойно озвучивал свои угрозы, а сейчас их разговор свелся в русло почти дружеской беседы.

— Первым делом я шлепну Шаха. Дальше... наверное, это не моя война. Я не собираюсь оставаться в столице. Система власти прогнила насквозь, а пытаться ее искоренить хрупкой девушке совсем не под силу.

— Ну, твой бывший тоже на первой позиции в моем списке скорых покойников. Меня удивляет, что у тебя нет планов на Спикера.

— Шах убил мою подругу, а меня едва ли не продал в рабство. Извини, моя цель — именно он. И мне не интересно его просто убить. Я хочу, чтобы он мучился. Я хочу это сделать чужими руками. Руками той системы, на которую он преданно пашет. И пусть перед смертью осознает, кто именно его слил...

— Умная ты, Настя, — покачал головой Влад, — Умная, а временами не видишь дальше собственного носа. И даже сейчас. А Шах, моя девочка, ничего сам не делает. Просто мозгов для подобного самоуправства не хватит. За каждым его чихом стоял Спикер. Ты или этого не понимаешь... или просто отказываешься признавать!.. Подумай, почему отец тебя не спрятал, а буквально подтолкнул к решению пройти обучение в “Обители ангелов”? Он что, хотел для дочери подобной жизни? Весь город плясал под дудку Антона. Из тебя просто-напросто выковали еще одну пешку, настолько важную, что не мешают пока упиваться мыслями о мести. Но такие, как мы, там не выживают. Мы задаем много вопросов и признаем только свою точку зрения. Достаточный повод для того, чтобы ценные умения и знания оказались тем, за что нас рано или поздно и истребят в угоду своему эго.

Настя все это понимала. Просто пока еще не признавала до конца. От теплого чая захотелось укрыться одеялом и проспать еще несколько часов. Может, именно эта сонливость сейчас развязала ей язык. Мысли путались, и она закрыла глаза, качая головой.

— Ты уже не наступишь на эти грабли дважды, а я, так и быть, сделаю выводы из твоей ошибки...

Глава 17

9 лет назад.

Она так и не поняла, откуда пришла эта сумасшедшая боль: сначала в позвоночнике, затем в коленях и вытянутых руках. В ладони врезались осколки стекла и мелкие камушки, девушка интуитивно подняла голову, иначе бы разбила лоб о грязный цементный пол.

— Заткни ей глотку, — послышался голос Шаха.

Настя заскулила, когда ее грубо схватили за волосы, словно намереваясь сорвать скальп. Отсветы костра на миг стали ярче, осветив искаженное похотью лицо Бензопилы с нездоровым блеском в выпученных глазах. От увиденного стон Насти перешел в нечленораздельный хрип. Этот отморозок всегда задевал ее и оскорблял, даже когда она считалась девушкой Шахновского. Сейчас же он выглядел словно обезьяна, которую запустили в склад с бананами после длительного голодания. Только его лакомством на сей раз была она, как он выражался, “шлюха с буферами”, которая больше не находилась под защитой Алексея.

От осознания этого факта мысли о Свете напрочь вылетели из Настиной головы. Она оцепенела. Застыла, стоя на коленях на грязном бетонном полу, не замечая боли в натянутых волосяных луковицах, понимая, что испытывает самый настоящий шок без возможности пошевелиться и что-то сказать. Кажется, она забыла в тот момент о том, как вообще говорить и дышать. Сильная затрепина отозвалась глухим набатом в висках, ее голова

непроизвольно мотнулась в сторону, полоснув новой вспышкой боли, но рвущийся крик прозвучал болезненным хрипом. Привкус ее собственной крови на прокушенном языке стер послевкусие Светкиной крови.

— Наконец-то мы вместе, соска.

Бензопила дернул шнуровку спортивных брюк под остекленевшим от потери реальности взглядом Насти, одной рукой продолжая удерживать ее за волосы, а другой скатывая штаны вместе с плавками вниз. Хотя было достаточно темно и Настя мало что видела, ее замутило от отвращения. Инстинктивно отшатнулась, несмотря на то, что клочок волос остался в руке насильника. Только это ее не спасло. Головка члена ткнулась в ее пухлые губы, вызвав рвотный спазм от запаха пота и мочи.

— Эй, ты там некрофилией занимаешься, что ли? — раздался насмешливый голос Пожарника.

Бензопила замер, оглянулся по сторонам и выругался матом, будто только сейчас увидел тело Светлячка. У Насти из глаз посыпались искры, когда он, зарывав, натянул штаны обратно и рывком дернул ее волосы, потащив за собой в соседнюю комнату. Ноги словно обожгло, осколки стекла рвали джинсы на коленях, а она по-прежнему не могла заорать, как ни силилась.

Костер на втором входе почти догорел, и сейчас этот гадюшник освещали мощные фонари, которые валялись на колченогом столике посреди одноразовых стаканов, окурков и рассыпанного белого порошка. Алексей развалился на пластиковом кресле, расставив ноги, указательным пальцем зачем-то растирая свои десны. Пожарник облокотился о стену и играл ножом-бабочкой, ловко орудуя кистью и пальцами.

— Харе очковать, Бенз. Мы тоже посмотреть хотим, — хохотнул Пожарник. Он единственный выглядел среди них более-менее адекватным, в отличие от Лехи с Бензопилой, которые окончательно обдолбались кокаином. Но ждать от него помощи все равно не приходилось, этому не надо было нюхать белый порошок, чтобы стать отморозком. Он и так им был.

Настя перевела взгляд на Шахновского, ужаснувшись своей догадке.

— А в натуре, Стас, устрой нам шоу. Хочу посмотреть, как ты с ней справишься. Сосать она всегда хорошо умела.

— Ты же...

— Да, глотку ей только не порви. Мне потом с ней потолковать надо будет.

Почему Настя покорно стояла на коленях перед лицом своих мучителей и не делала попытки заорать, вырваться, броситься бежать? Она и сама этого не понимала. Не верила? Надеялась, что тот Лешка, с которым она была хоть недолго, но относительно счастлива, все-таки придет ей на помощь, слегка напугав перед этим? Нет, скорее подсознательно уже поняла, что такой вариант исключен.

Реальность обрушилась на нее каким-то апатичным забытьем. Как будто видит сон и терпеливо ждет, что он все же закончится. Недоуменно моргнула, вновь увидев Бензопилу со спущенными брюками, инстинктивно отшатнулась и вздрогнула от боли, когда он свободной рукой сжал ее нос, перекрывая дыхание. Настя сделала судорожный вдох, открыв рот, и тогда насильник сделал первый выпад, ткнувшись ей в горло.

Настя захрипела. Рвотный спазм прошел ее тело, аукнувшись в пустом желудке. Улюлюканье Шаха и Пожарника перешло в похабное издевательство.

— За щеку ей садани...

— Пусть тебе яйца вылизет...

— Потискай ее сиськи, соловьем запоет....

Настя не разбирала, кому именно принадлежали эти слова, сопровождаемые смехом. Она даже не знала, сколько прошло времени, прежде чем хохот мучителей, реакция организма и пошатнувшаяся блокада шока сделали свое дело — зубы сами по себе сомкнулись на коротком отростке насильника, словно их кто-то дополнительно сжимал.

Вопль Бензопилы резанул по барабанным перепонкам, и мир Насти взорвался болью. Она упала на пол, в этот раз все-таки ударившись лбом, и тут же на нее посыпался град ударов. Руками, ногами, откуда-то перекочевавшей в руки Стаса милицейской дубинкой, вновь ногами в тяжелых кроссовках. Она и сейчас не могла кричать, закрывала голову руками, когда лапы Бензопилы вновь тянули ее за волосы и били головой о пол. Она не знала, что боль может быть настолько сильной, вытесняя собой абсолютно все. Настя с трудом понимала, где находится и что с ней делают. Открыла глаза, уставившись в обезумевшие расширенные зрачки мучителя.

Его звали Стас, и жить ему оставалось не более двух суток...

Тогда с ней впервые заговорила интуиция. Заговорила сбивчиво, то и дело заикаясь, словно вымаливая прощение за свое молчание накануне. Один из ударов пришелся в челюсть, Настя закашлялась, отплеывая кровь. Сознание уплывало, не в состоянии вынести этой боли.

Другие руки впились в ее плечи, вынуждая сесть, не отпуская в желанное забытье.

— Ты что выболтала Славэну, тварь?

Этот голос она знала очень хорошо. Как и насмешливо-брезгливую интонацию, намеренно грубое касание... и тот самый цинизм, который она раньше принимала за эмоциональную застегнутость бойфренда.

Настя хотела ему ответить. По крайней мере, он ее не бил. Но вместо ответа вновь закашлялась кровью, которая попала Лешке в лицо.

Где-то сзади фоном звенел злобный гогот Пожарника:

— Давай в реанимацию, а то вдруг откусила... Съел, лошара? Раскатал губу — отсосет...

— Я ее, суку, сейчас рядом с той б**дью уложу...

Шахновский покачал головой, размазывая кровь по лицу:

— Мышь, ты крепко до***бывалась. Я тебя спросил, что твой хахаль знает о моих делах с Койотом!

Настя судорожно дернулась. Лешка не стал долго ждать ответа, выпрямился, грубо толкнув ее в грудь.

— Пора сваливать, парни. Кто-то ее хочет перед тем как?

Ответа Настя не расслышала. Ее снова начали избивать. Бензопила слетел с катушек, а сама Настя не представляла, что может быть такая боль. Хрипела, захлебываясь слезами и кровью, стараясь не слушать маты и угрозы своего мучителя. Когда ей показалось, что она услышала телефонный звонок, находилась на грани между реальностью и забытием.

— Хорош! Стопэ, Бенз! — Голос Лехи показался далеким и одновременно звонким.

— Я ее шас...

— Я сказал, хорош, а то прибьем суку!

— Ты же сам собирался...

— Планы меняются. У Мамбы недобор шалав на Тайвань, одна в петлю полезла. Придется выручать тетку.

Боль заполнила все тело Насти, и она, наконец обрета голос, сдавленно застонала. Во рту плескалась кровь, низ живота скрутило острым спазмом, а перед глазами плясали рваные клочья багрового тумана.

— Не ори!

От размеренного голоса Шаха внутренности сжались. Но Настя все равно заскулила, почувствовав, как сухие рыдания сжали горло, когда он обхватил ее подбородок пальцами.

— Бензопила, урод, ты какого бил ее по * балу?

— Так ты же сам разрешил... Стоп, а вставить ей напоследок?

— Пр**бал ты свой шанс. Ларчикова ждет. Быстро Кира сюда.

Пальцы Шахновского оттянули ее нижние веки, затем переместились на ключицу и ребра. Настя заорала от боли, унижения и осознания того, что именно происходит.

— Тише, дура. В теплые края полетишь.

— Ничего ей не отбили? — равнодушно осведомился Пожарник.

— Да только помяли немного. Мамба подмарафетит, родная мать не узнает...

Кажется, Настя все-таки провалилась в забытье, когда Шахновский начал в деталях расписывать ее скорое будущее. Она не разобрала и половины слов, кроме, пожалуй, единственной фразы, которая была произнесена с особым садизмом: “Славэн не достанет”...

Она пришла в себя, оказавшись на свежем воздухе. Ее волокли к машине Аксенова, поддерживая с двух сторон. С одной стороны Пожарник, с другой Кирилл. В горле надсадно першило от дыма и металлического привкуса крови, перед глазами все еще плясали темные пятна, а тело буквально вопило от оглушающей боли, которая усиливалась с каждым движением.

— В багажник ее. Кир, сейчас пулей в особняк к Ларчиковой, Мамба которая. И чтоб никому ни слова. Лично ей сдашь из рук в руки, чтобы меньше видели.

— Викинг, на хрен в багажник? Что, так не довезу?

— Кровью тебе обивку заляпает. Дай чем-то заткнуть ей глотку.

— Да у меня нет ничего...

— Носки снимай. Не хватало нам еще ментов, на крики сбегутся.

— А Красовская?

— Вилы второй кукле. До**зделась. Пулей к Мамбе и обратно, надо следы замести... И чтобы не смел об этом трепаться, ты меня понял?

Настя все-таки закричала, когда ее подняли на руки и бросили на жесткое днище багажника. В тот же момент что-то зажало ей рот, и она ощутила противный вкус скомканной ткани.

— Адъес, амиго, — издевательски хохотнул Шахновский. — Приятно было с тобой, душа моя, познакомиться и время провести...

Последнее, что она увидела, — потерянный взгляд Кирилла, который дрожащими руками опустил крышку багажника. На нее обрушилась темнота. Настя судорожно дернулась, оказавшись в замкнутом пространстве, замолотила ногами по обшивке, но никто не обратил на это внимания. Ребра пронзило болью, когда автомобиль рывком тронулся с места. Дышать было не просто трудно, а невозможно, и Настя, преодолевая боль, протянула руки ко рту, пытаясь достать скомканную тряпку. Машину трясло на бездорожье, от недостатка кислорода сознание вновь начало уплывать. Так она и отключилась, не успев освободить свой рот.

...Сознание возвращалось постепенно. Первое, что она ощутила, — это ласковое,

показавшееся неуместным, дуновение прохладного ветерка. Наполненный запахом сосновых иголок воздух с шумом врывается в ее пылающие легкие. Тело нещадно ломило, челюсть как будто свело, и вместе с тем кто-то активно ее тормозил, похлопывая по щеке.

— Больно... — закашлялась Настя, сплюнув кровь.

Зрение возвращалось постепенно, и она несколько раз моргнула, уставившись на ночное небо над головой. Верхушки высоких сосен едва уловимо колыхались, неправдоподобно яркие звезды слегка мерцали. Млечный Путь был таким четким и ярким, словно она сейчас находилась вдалеке от цивилизации и световой завесы.

— Краснова! Просыпайся, мать тебя так!

Нервные нотки в голосе Кирилла показались Насте странными. Они выбивались из общей картины. Что-то твердое ткнулось ей в губы, и девушка едва успела сглотнуть прохладную воду, которая полилась в горло. Несколько судорожных глотков, и она поднялась, чудом увернувшись от того, чтобы не стукнуться о крышку багажника.

Кирилл придержал ее за плечи, чтобы рывком вытащить из временной камеры заточения и поставить на ноги. Настя едва понимала, что именно происходит. Больше всего ей хотелось, чтобы ее не трогали, потому что прикосновения причиняли боль, и смотреть на звезды, чтобы не впустить ужасающую реальность в сознание.

— Попала ты, блин... вы обе попали...

Брови Насти подскочили от удивления, когда ее бывший одноклассник, зажав голову руками, отошел в сторону. Они находились на небольшой полянке, окруженной соснами. Было подозрительно тихо, тишину нарушал скрип стволов, шум ветра в высоких кронах и тяжелое дыхание Аксенова. Настя оперлась ладонями о капот, во всем теле вспыхивали очаги боли. Ни одного живого места — Бензопила бил с особой жестокостью.

Бензопила. Шахновский. Светка. Светка?!

— Кир... — простонала Настя. — Кир, они убили Свету.

Слезы потекли по ее щекам. Пока одиночные, осторожные, грозящие перейти в судорожные рыдания.

— Я в курсе... бл*дь... ты что натворила? Это из-за Славэна?

Настя хотела ответить, что Влад тут практически ни при чем, что это не разборки брошенного кавалера со своей неверной девчонкой, но из-за подступивших слез говорить было трудно, она только повела плечами. Она мало что поняла из того, куда ее приказали отвезти. Точно не в лес. Или Кириллу дали другие указания?

— Мы недалеко от поселка Т. — Кирилл засунул руки в карманы и запрокинул голову. Казалось, он просто любит небо. — Краснова, вали к черту. Прямо сейчас, пока не передумал. Беги, звони папе, только быстро!

— Что? — Настя сглотнула. — Это какой-то подвох? Ты мне выстрелишь в...

— Идиотка! Просто сваливай! У нас мало времени! Ты хоть понимаешь, куда Викинг велел тебя отвезти?!

— Куда?

— Главная мамка страны по торговле живым товаром. В сексуальное рабство, Краснова! И хрен найдут, сегодня же в ящик запакуют и полетите в жаркие страны. Тебя ни родные, ни Славэн никогда не достанут!

Мысли все еще путались, но ужасающий смысл сказанного буквально вспорол Насте мозг. Она видела в фильмах, что такое бывает. Читала в газетах и интернете. Но ей всегда казалось, что такую, как она, подобная участь минует. Даже сейчас, когда осознала свою

привлекательность. Работоторговля? Здесь, в ее городе? Просто поразительно, как она могла допускать существование банд и отрицать торговлю живым товаром. На спине выступил холодный пот, а земля ушла из-под ног, только руки сильнее сжали выступ багажника.

— И ты... ты меня отвезешь?

— Настя... — простонал Кирилл, раздраженный ее несообразительностью. — Я жизни тебе спасаю! Чеши отсюда! Найди отца, Славэна, еще хрен кого, пусть тебя спрячут, только не высывайся хотя бы несколько дней! Я скажу Викингу, что ты сбежала, только перестань тупить!

В его голосе прозвучало какое-то надрывное отчаяние. Настя непроизвольно ухватила за него, словно утопающий за соломинку. Просто поразительно, как быстро все отошло на второй план: смерть дорогой подруги, жестокое избиение и перспектива оказаться сексуальной рабыней в борделе далекой страны. Настя сейчас держалась только за голос Кирилла, словно пыталась найти в нем подвох, и... и не находила. И прекрасно понимала абсолютно все: и почему он это делает, и что не боится, и что так рисковать можно только в одном случае...

— Почему? — на разбитых губах запеклась кровь. Насте хотелось не терять звук его голоса ни на миг. Она знала: стоит только Аксену замолчать, как на нее обрушится ужасающая реальность и осознание того, что ее подруга мертва, она сама все еще в опасности, а жизнь теперь никогда не будет прежней.

— Мобилу не проси, не дам. Секут все звонки. Вот, возьми.

Он разжал пальцы Насти, буквально впихнув в её ладонь свернутые в трубку купюры.

— Не знаю, повезут ли тебя в таком виде, но постарайся. Смотри, ментам на глаза не попадись. В город нельзя, там тебя первым делом искать будут.

— Почему, Кирилл? — глухо повторила Настя.

Подняла глаза и недоуменно моргнула, когда Аксенов смущенно отвел взгляд.

— По кочану... не твое дело... — он запнулся, вдруг вскинув голову. И его светлые глаза словно потемнели от какой-то отчаянной решительности. — Тебе надо пояснять, почему? Ты слепая, Краснова? Еще и тупая, судя по всему... только сдвинутая эмо могла ни хрена дальше своего носа не видеть и не понимать, класса с седьмого...

— Не понимать что?

— Какая ты дура!

Настя не успела скривиться от боли, когда руки Аксенова легли на ее плечи. Только инстинктивно сжалась, ощутив прикосновение его неожиданно мягких губ к своим. Вопреки всему, поцелуй не вызвал отвращения. Впрочем, какого-либо другого отклика он тоже не вызвал. Сознание Насти все еще плавало в спасительном забвении шока. Даже тот факт, что ее Светланки больше нет в живых, а она сама на волосок от смерти, не желал восприниматься нокаутированным рассудком.

Губы Кирилла были теплыми. Прикосновение, несмотря на грубость, каким-то родным. Может, потому, что искренним. Именно поэтому она не ощутила боли в разбитых губах, не отшатнулась, не закричала, не испугалась очередного насилия. Только пальцы до боли в фалангах держались за машину, никакая сила не заставила бы их сейчас разжаться, чтобы оттолкнуть Аксенова к чертовой матери... или же обнять в ответ в порыве пока до конца не осознанной благодарности.

Поцелуй не был нежным. Он даже не был страстным. Каким-то злым, обреченным и отчаянным. Непонятная боль отозвалась в пылающих ребрах, в ноющем от неудобной позы

позвоночнике, в пульсирующих висках. Эта боль была чужой. А Настя — слишком ошарашенной, чтобы осознать, что через поцелуй ощутила боль Кирилла.

Поцелуй прервался так же резко, как и начался. Аксенов отпрянул от нее, словно обжегся, на миг закрыл лицо руками, потерянно качая головой.

— С седьмого класса, как только переступил порог этой сумасшедшей школы... ты ни хрена не видела за своими выдуманнами страданиями! Ненавидела всех, и меня за компанию... конечно, проще было списать все на закон стада! Что бы я ни делал, ты захлопывалась все сильнее!

То, что он сейчас говорил, выглядело сущей ерундой. Но вот вся его поза, лихорадочно блестящие глаза и усиленная жестикуляция говорили совсем об ином. Сердце Насти сжалось, когда в памяти всплыло неподвижное тело Светы, еще теплая ладонь... вена на запястье, в которой больше не бился пульс. Чувствуя, что еще немного, и она сорвется, просто рухнет без сил, захлебываясь рыданиями, Настя сделала над собой усилие, заставив мысли побежать в обратном направлении, унести в школьное прошлое.

Кем был для нее этот широкоплечий и по-своему обаятельный Аксенов Кирилл? Никем. Сразу по умолчанию запретной территорией. На таких, как она, такие парни не обратят никакого внимания, даже если судьба занесет их двоих на необитаемый остров. Максимум — сожрут, когда природные ресурсы иссякнут.

Тогда их посадили за одну парту. Просто не было свободных мест. Красовская присоседилась к отличнику учебы, чтобы иметь возможность у него списывать, а с маловразумительной эмо, одетой в бесформенную хламиду, никто сидеть не хотел. Аксенов пытался завязать с ней диалог под презрительные смешки одноклассников, но к концу урока оставил эти попытки. Настя молчала и отворачивалась. А на перемене новичку детально пояснили, кто она для их класса. Пария. Коза отпущения. Вообще не вариант для такого симпатичного и спортивного, физически развитого парня.

Подростки живут по закону толпы. Ничего удивительного в том, что Аксенов на следующий день пересел поближе к доске, мотивировав свой поступок близорукостью. Открытого участия в травле он вроде бы не принимал, но сильно и не впрягался. Максимум, что Настя слышала, звучало как “Да хватит пинать эту полоумную, пошли лучше армрестлинг забацаем”... Когда первые фифы класса перемывали ей кости, Кирилл вообще молчал, криво усмехался и даже качал головой — подумать только, вы серьезно? Несколько раз, правда, вмешался. Когда кто-то из девчонок на перемене попытался незаметно поджечь волосы Насти зажигалкой, выбил ее из руки экстремистки так, что та заскулила от боли, и нравоучительно заметил, что спички детям не игрушка. Когда первая красавица класса ни с того ни с сего напала на Настю и принялась избивать, всего лишь напомнил, кто у Насти отец и что в колонии для девочек ей никто не позволит так распускать руки, переломают в один момент. Был еще случай с тем самым нападением на Настю, когда он всех раскидал. Вроде, со слов Красовской, зарезал на корню тупой, но не менее жестокий подростковый заговор, Настя поспешила забыть, в чем же именно заключался коварный план класса — то ли раздеть ее и вытолкать в таком виде в спортзал, то ли что посерьезнее.

Классе в девятом у Аксенова случилась недолгая интрижка с Красовской. Сама Света считала ее недостойной внимания, и Настя не задавала излишних вопросов. Она вообще на тот момент мало обращала внимания на Кирилла, полагая, что ее самой для него нет. Замечала лишь тогда, когда он за нее впрягался, но назвать это защитой было сложно.

Они часто встречались и вне школы. Однажды в магазине. К кассе выстроилась большая

очередь, а Кирилл позвал Настю, пропустив впереди себя. На районе несколько раз. Иногда он сухо кивал и проходил мимо, иногда и вовсе делал вид, что знать ее не знает.

...Пальцы свело от боли, и Настя поспешно их разжала. Все, что она сейчас услышала, не укладывалось в ее голове ни в какие рамки. Во рту ощущался привкус крови, и она откашлялась, сплюнув в траву. Кирилл Аксенов ей симпатизировал с седьмого класса? Проще было поверить в существование инопланетян.

Голова кружилась, и Настя обессилено сползла по капоту в траву, прижав колени к груди. Больше всего ей хотелось, как в детстве, спрятаться в воображаемый домик и не шевелиться. Может, уснуть и не позволить оглушающей действительности свести ее с ума?

— И ты молчал? Почему?

— Ты бы послала на хер.

— Ты пытался?

— Я просто это знаю... эй, ты чего? Краснова, твою мать, не время засыпать! Мы с тобой тут точим лясы, а я уже должен подъезжать к хате Ларчиковой! Если эта старая б**дь поднимет хай и позвонит Викингу...

— Я не могу!

— Вставай! Твой отец, кажется, живет сейчас в Т у своей новой... Верно?

— Папы нет в городе...

— Шум трассы слышишь? Иди на звук через лес, не заблудишься. Дальше поля, кажется три. Только все время прямо, никуда не сворачивай. Выйдешь на станцию. Там центральный узел, все электрички идут через Т. Краснова, не вздумай в город! Давай, у тебя чуть больше часа до рассвета.

— Ты меня отпускаешь?

— Настя, перестань тупить! Беги!

Аксенов хлопнул дверцей машины и кинул ей пластиковую бутылку с водой.

— Умойся, вся рожа в крови. Не свалишь сейчас, положат обоих!

— А... что будет с тобой?

— Ничего не будет! Скажу, что багажник не захлопнулся до конца, по дороге где-то потерял тебя. Шах сам не сообразил тебя связать или вырубить, это прокатит.

— Не прокатит!..

— Настя, б**дь, вставай! Время! Я не пропаду. Увидишь Славэна, не забудь обо мне с высоты своего полета. Будем квиты, лады? Викинг на коксе совсем е**улся, его списывать пора...

Слабость накатывала муторными волнами. Настя сделала несколько глотков из бутылки, подавив рвотные позывы. Через лес и поля, потом еще электричка? Да у нее не хватит сил.

— Я не могу идти...

— Закрой рот и встань! Или тебя к Мамбе отвезти? Там точно лежать будешь сутками напролет, пока не порвут к чертям собачим...

— Не могу!

— Б**дь!

Кирилл сжал пальцы в кулак, но остановился, так и не хлопнув по крыше автомобиля.

— Подышать собралась? Сдалась?

— Они... — рыдания сдавили горло Насти. — Они Свету... как собаку...

Захлебнувшись этой болью, Настя так и не поняла, что Кирилл ищет в бардачке, то и

дело матерясь. Вздрогнула, когда он присел рядом и сжал ее подбородок, выставив вперед ладонь.

— Сейчас я тебя вылечу. Уймись, потом реветь будешь! Все, что тебе нужно, — встать на ноги и драпать огородами! Усекла?

Кажется, она кивнула в ответ. В белесом свете неполной луны ей показалось, что широкая ладонь Кира покрыта инеем. Разглядеть подробнее она не успела — его вторая ладонь зажала ей рот, перекрыв кислород.

— Втягивай! Б**дь, как коктейль через соломинку, только ноздрями! Быстро!

Настя едва его слышала. Шмыгнула носом и отпрянула, ощутив, как невесомая пыль достигла носоглотки, резанув виски и лоб острым спазмом. Инстинктивно подняла ладонь, намереваясь чихнуть, но Аксенов, отняв руку от ее губ, зажал ее нос двумя пальцами. В его блестящих глазах полыхала решительность.

Настя еще до конца не поняла, что именно он сделал, но Кирилл одобряюще кивнул, сжатые губы на миг тронула слабая улыбка:

— Умница. Но надо еще.

Сложил ладонь лодочкой, позволяя мучнистому порошку ссыпаться в ложбинку. От рефлекторных слез у Насти все поплыло перед глазами.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Максимально сильно вдохни. Сейчас крылья вырастут.

— К-кок? — она хотела спросить, как давно Аксенов этим балуется, но так и не смогла.

— Это витамин. Давай, ничего от одного раза не будет, не подсядешь. Ну? Или хочешь вырубиться на полпути?

Настя ему поверила. Слотнула, игнорируя щекотку в носоглотке, и подчинилась, зажав одну ноздрю пальцем и максимально глубоко вдохнув кокаиновую пыльцу. Ощущение было похоже на то, что она испытала, когда решила прожевать горошину ядерного васаби. Новый острый спазм, ударивший по мозгам, так же быстро затих, как и предыдущий. В голове прояснилось, а пульс ускорился, отдаваясь оглушающим набатом в висках.

— Прямо, Настя. Все время прямо. Давай, выживи ради меня. Хорошо?

Настя отпихнула его руку, не понимая, что слабость начала отступать, и очень резко вскочила на ноги.

— Кир, ты... ты тоже... Леша тебе не поверит...

— Поверит. Доберись до отца... и до Славэна, чтобы все было не зря.

Он обнял ее за талию, притянув к себе, и надрывно прошептал:

— Ты мне душу порвала, Краснова... за кого другого хрен бы впрягся...

Славэн. Ее Влад. Теплая волна разлилась по телу Насти. Сейчас, отвечая на рваный отчаянный, безысходный поцелуй Кирилла, она вовсе не целовала его. Она благодарила. Уже наперед зная, что никогда больше его не увидит.

Кирилл Аксенов погибнет на рассвете. Обдолбанный Шах придет в ярость, узнав, что Насте удалось уйти. Пожалеет пулю и не захочет сам марать руки. Пожарник всадит нож Аксенову в печень. А она узнает об этом спустя несколько недель... Наверное, тогда интуиция это предчувствовала, поэтому Настя произвольно ответила на поцелуй последним аккордом арии любви, которая имела все шансы на процветание, но погибла, оставшись неозвученной.

А затем, вытерев ладонью нос, просто повернулась и побежала, не обращая внимания на

ветки кустарников, хлеставших ее по ногам, на боль в руках и коленях, когда падала в колючую россыпь сосновых игл и шишек, на сбившееся дыхание... Сама не понимала, откуда у нее силы вставать снова и бежать, ориентируясь на звук редких машин и далекие гудки поездов с ритмичным стуком колес. Забыла обо всем: о боли в теле, о том, что самой близкой подруги больше нет на этом свете, что сама чудом избежала смерти. “Вижу цель — не вижу препятствий” сейчас как нельзя лучше характеризовало ее состояние. Отпустив все мысли, она просто двигалась вперед, отмечая поэтапно пройденный путь.

Лес закончился. Настя быстро пересекла дорогу, споткнувшись и едва не скатившись по отлогому спуску в небольшую посадку. Огромное поле золотистых подсолнухов раскинулось перед ней посеребренным лунным светом покрывалом. Очертания дальней разделительной полосы деревьев едва угадывались, но Настя не сбавила темп и не сбилась с ритма, просто бежала, пробираясь сквозь жесткие стебли, вдыхая запах нагретой за день почвы. Тугие головки колючих соцветий больно хлестали ее. Ноги заплетались.

Добравшись до лесопосадки, она наконец-то отдышалась, обхватив ствол дерева и глотая воду из наполовину пустой баклажки. Следующее поле, с кукурузой, было гораздо длиннее первого. Преодолев его, она рухнула на колени перед очередной плантацией карликового подсолнечника. Допила воду, восстанавливая дыхание. Кокс бурлил в крови, насыщая силами, которых она ранее в себе даже не подозревала. Недолгий отдых, перед тем как она снова вскочила на ноги. Бежать было сложно, и она просто шла, не чувствуя, как её и без того израненные голени царапают колючие стебли подсолнухов.

Запах гудрона и мазута становился все более ощутимым с каждым шагом. Железнодорожный узел был уже близок. Раздался оглушающий гудок, и за ширмой лесопосадки прогрехотал скорый поезд, отбивая монотонный ритм. Новая лесопосадка, которую Настя преодолела почти бегом. Перед ее взором предстала насыпь щебня и сверкающие в лунном свете рельсы. В них еще отдавался эхом стук недавно пролетевшего пассажирского поезда. Оглянувшись по сторонам, девушка увидела огни и светлое здание станции. Казалось, до него подать рукой, но Настя отчего-то со всей ясностью поняла, что расстояние, вероятнее всего, обманчивое. Спустилась вниз, буквально скатилась вместе со щебнем и вновь побежала по шпалам в сторону станции. Один раз растянулась прямо на них, едва не стукнувшись челюстью об рельс, но встала и побежала снова, уже внимательнее поглядывая под ноги.

Она потеряла счет времени. Добрела до навеса пустой безлюдной станции с обрывками расписания и опустилась на разломанную наполовину скамью. Легкие невыносимо горели, колени дрожали, руки были покрыты царапинами. Но энергия все еще бежала по ее крови, а мозг работал четко, подобно компьютеру, в одном направлении — двигаться к поставленной цели напролом. Может, именно поэтому она не думала о Светке и о том ужасном положении, в котором оказалась и из которого до конца не нашла выхода.

Прошло минут двадцать. Небо на востоке начало сереть, а на станции появилась пожилая семейная пара с тележками, загроможденными коробками, из которых слышался цыплячий писк. Они настороженно посмотрели на Настю, когда она осведомилась, в какую сторону следует электричка до поселка Т, но все же ответили, не задавая лишних вопросов. Две станции. Когда прибыл электропоезд, Настя осталась стоять в тамбуре, несмотря на то, что усталость уже давала о себе знать и больше всего ей хотелось лечь на затертую деревянную скамью и отключиться. К счастью, в этот ранний час электричка была практически пустой.

За окном становилось все светлее. Когда из ключев утреннего тумана выступили очертания элитного коттеджного поселка, энергичность Насти поубавилась. Но все равно она собрала все силы, чтобы спрыгнуть на пустой перрон, а затем сойти с асфальтированной дороги, на которой опасалась застать случайных прохожих. Шла по тропинке возле лесополосы.

Охрана сперва не желала ее пускать. Но, услышав имя Алины, перестала угрожать Насте милицией и связалась с хозяйкой дома. Уже через 20 минут Настя стряхнула оковы сна (ее все же напоили сладким чаем и обработали царапины на руках антисептиком, убедившись, что Алина действительно ее знает и скоро будет здесь), когда на ее плечо легла чья-то рука, а в нос ударил аромат дорогих духов.

Алина не задавала вопросов. И даже не отшатнулась брезгливо от испачканной в пыли падчерицы, помогла встать, не опасаясь повредить наверняка дорогой деловой костюм, усадила в “порше” рядом с собой и самолично застегнула ремень безопасности.

— Ты... позвонишь папе? — энергичность, вызванная наркотиком, отступала.

Алина сжала губы.

— Уже. Как ты так умудрилась? Я говорила Дмитрию, нельзя оставлять тебя без присмотра! Вы же меры не знаете в своих развлечениях...

— Меня хотели убить, Алина, — выдохнула Настя, закрывая глаза.

И впервые на лице железной бизнес-леди дрогнула маска холодной стервы, а в светлых, умело накрашенных глазах промелькнула тень ужаса и раскаяния за свои слова...

Глава 18

9 лет назад

Настя спала. Наверное, ее напичкали седативными препаратами. А может, эти события оказались слишком сильным ударом для ее организма и сознания. Она спала уже вторые сутки, просыпаясь, чтобы сходить в туалет, позавтракать (а может, пообедать или поужинать), даже не понимая, чем именно ее кормят. Кажется, раз или два ее осмотрел доктор. Иногда она открывала глаза и видела отца. Он держал ее за руку и улыбался. Называл бойцом и говорил, что гордится ею, что она не сдалась, выстояла, выжила. Что в ней бежит кровь Красновых, которые плюют на опасность и всегда умели выживать. Сознание пыталось подкинуть ей воспоминания, но попросту не успевало — Настя вновь засыпала и не видела никаких снов.

Жаркий день клонился к вечеру. Свернувшаяся в позе эмбриона на большой кровати девушка не чувствовала жары, в особняке Алины стояла система климат-контроля и поддерживалась комфортная температура. Организм восстанавливал силы единственным доступным способом — через сон. Может, он так защищал ее от действительности, которая была губительна в столь ослабленном состоянии. Перед тем как сморил сон, Насте показалось, что рядом Влад. Так она и уснула, ощущая его крепкие объятия и согревающее дыхание в затылок.

А в большом кабинете, в котором любила работать Алина — она старалась управлять по возможности дистанционно своим бизнесом, — витал сладковатый аромат вишневого сигаретного дыма. Коньяк уже давно нагрелся, но оставался нетронутым. Дмитрий Краснов попросту не замечал своего любимого напитка. Его собеседник, лучший друг и ведомственный чиновник Александр Гуляев, по совместительству крестный Насти, вертел

бокал в руках. Губы плотно сжаты, на лбу залегла глубокая складка. Он неотрывно следил за струйкой дыма, поднимающегося от недокуренной коричневой сигареты к потолку, словно пытался что-то в этом разглядеть. На деле он сейчас просто не хотел смотреть в глаза своему другу.

— Ты ничего не сделаешь. Пойми, Антон идет в большую политику. Если кто-то за этим стоит, ты до них просто не доберешься. А он сам слишком много средств и сил в это вбухал, чтобы сейчас позволить случившемуся поставить на этом жирный крест.

— Мне эта тварь, Антон, без надобности. Но почему, черт тебя побери, я не могу шлепнуть сошку Спикера, этого мелкого урода Шахновского?

— Именно поэтому. Потому, что Антон ставит все свои деньги на него. Я не знаю, каким интересам при этом следует, но факт, он не отдаст тебе Шахновского.

— Он же все это время пророчил себе в преемники Корнеева. Каким боком? Что изменилось?

— Об этом не говорят вслух, но, похоже, с Корнеевым покончено.

Краснов резко встал, отошел от стола, положив руки на спинку кожаного кресла. Внешне оставался невозмутимым, но на деле его трясло от злости.

— Ты что-то путаешь. Да Корнеев, по сути, район держит и три ветви. Это же почти мозг столицы! Спикер выжил из ума, если решил слить его!

— Корнеев умен. Но он стал задавать слишком много вопросов... и позволил себе такую роскошь, как собственное мнение. А Шахновский — тот человек, который заточен исключительно под выполнение приказов. Антон скажет ему прирезать родную мать, а этот Викинг спросит только, чем и в какие сроки. Пойми, Спикер окружает себя исполнителями, а не перспективными конкурентами, которые просекут ситуацию и сбросят его с пьедестала при первом удобном случае.

— И ты мне предлагаешь спустить им это с рук! Ты Настю видел? Она едва живая осталась! Я, который хрен знает сколько лет боролся с преступностью в этой гребаной столице, сейчас буду молчать в тряпочку, потому что у Спикера скоро будет мандат неприкосновенности и ему нужен этот отмороженный волчара?

— Ты знал, что мир несовершенен, когда получил свои первые погоны. Ты прекрасно понимал, какая именно власть в нашей стране. Мы отрицали существование Синдиката, а попросту делали вид, будто не понимаем, что именно он стоит у власти. Изначально мы закрывали глаза, потому как сверху поступали команды не трогать, выколачивали признания в самых тяжких преступлениях у тех, кто имел несчастье оказаться не в том месте не в то время. Отжимали бизнес в угоду таким, как Спикер, пропихивали тендеры и подводили это все под такую же несовершенную законодательную базу. Сперва по указке. А потом, когда достигли своих вершин, уже сами понимали, что происходит и как именно нам надо себя вести, чтобы однажды не поймать пулю в лоб. Скрепя сердце плясали под дудку Синдиката и обманывали себя, в один голос утверждая, что боремся за честь и соблюдение законов... и именно поэтому, Дима, мы сейчас на коне со своим заоблачным окладом, а не в братской могиле где-то за городом! Честь и совесть за бортом, и разве это не наш с тобой осознанный выбор?

— Да, мы молчали и следовали установленному порядку, пока это не коснулось моей девочки, Саша! — Краснов отпихнул кресло и отошел к окну, затем так же поспешно вернулся обратно. — Для них нет ничего святого! Красовский с инфарктом в больнице... после смерти дочери совсем сдал... а я с утра тянусь к телефону, чтобы выразить

соболезнования и пообещать, что найду этих тварей и закрою их на пожизненный срок, а сам не могу этого сделать. Потому что знаю, что будут ходить на свободе и жить в шоколаде! И даже если сдам двух этих шестерок, что сидят в подвале...

Гуляев пригубил коньяк. Сигарета в пепельнице истлела, рассыпалась дорожкой сизого пепла. Внутри него все клокотало от ярости, но он ничем этого не выдал.

— Понимаешь, она открыла глаза... моя такая сильная взрослая девочка... я спрашиваю, кто... а она под транквилизаторами, даже без эмоций, говорит мне сразу... Леша Шахновский. И обратно отключается. А я... я думаю, какое счастье, что уснула и не увидела по моему лицу, что я не смогу за неё отомстить, не говоря уже о том, чтобы обезопасить!

— Дим, — Гуляев потер переносицу. — Помнишь нашу молодость и тот самый случай, после которого наша вера в справедливость и прежние идеалы канула в Лету? Мы тогда не знали, что детям Синдиката у нас почет и слава. Мы верили в закон и порядок.

Краснов рассеянно кивнул, возвращаясь в кресло, и залпом опрокинул коньяк. По его лицу было заметно, что он помнит, и это событие тридцатилетней давности никакие годы не стерли из памяти.

— Прекрасно помню... не могу только вспомнить, откуда мы возвращались. Кажется, из общаги педагогического института, у девчат тогда было вкусно. И душевно.

— Я до сих пор помню твою реакцию, когда вышла эта троица волчат. Тех самых ушлепков, которых ждал в соседнем переулке транспорт с личным водилой их родителей. Насытившихся вседозволенностью ублюдков, которые любили устраивать себе сафари в обычных рабочих районах, зная наперед, что им все сойдет с рук. Он даже не успел произнести свою заученную реплику “гони кошелек и часы”... Нос ты ему сломал ювелирно. Военная кафедра тех давно забытых времен ничем не уступала курсу подготовки наших “ангелов”...

— Я помню только, как вопили остальные и как сверкали их пятки, когда они дали деру, плюясь угрозами. Мы сочли их пустыми.

— И не задумались, что нас не просто так стопарнули в переулке. День стипендии, вся наличность с собой, карт тогда не водилось. А потом пили портвейн с твоим отцом, царствие небесное, смеялись над этой историей и гордились собой. Ровно до следующего вечера.

— Когда отец достал свою заначку, которую копил на черный день, и, пряча глаза, сказал, что мы должны снова появиться в том самом месте в условленное время. О, мент во мне тогда выиграл, хотя мы только учились... курс третий, кажется? Я обрадовался, что мы идем ловить ту малолетнюю шпану на живца, что сейчас их схватят с поличным и закроют надолго... и отец так и не решился сказать мне, зачем все это, пока не приехал ты.

— Мой был более прямолинеен. Сразу пояснил, что это развлекаются дети криминальной элиты, у которых схвачена вся система МВД. И если мы не сыграем в игру по их правилам и не позволим, подобно баранам, отнять у нас эти деньги — только ради того, чтобы ублюдки потешили свое эго, — наши родители полетят с насиженных мест...

— И мы это сделали. Никогда не забуду, как отец прятал глаза, не в состоянии признаться, что справедливость в нашей стране — пустой звук. В государстве, где власть бандюков с мандатами и огромными деньгами. Как ты держал меня, чтобы я не превратил их в инвалидов и позволил забрать все подчистую, сносил их слабые удары и сходил с ума от ярости. Потом старался это забыть, но так и не вышло. А вчера... я слушал Настюху, а сердце кровью обливалось от этого гребаного дежавю. Оттого, что сейчас все в десятки раз

серьезнее. И оттого, что Шахновский возле Спикера неприкосновенен. Я не знаю, как я ей теперь это скажу. Я боюсь того момента, когда она проснется, и я буду обязан пояснить ей все это...

— Дим, я не завидую тебе в этой ситуации. Но главное — она выжила. Сосредоточься на этом, будет легче. У тебя сейчас оба приспешника этого урода. Принеси ей, как мы говорили во время наших игр в индейцев, ожерелье из их ушей. Кстати, раскололись?

— Подчистую. Спикер не знает, что они у меня.

— И не узнает. Вытяни из них все, что можно. И потом отдай мне. Терминатор постоянно ищет кукол для отработки приемов боевого дзюдо и пристрелки, пусть курсанты на них тренируются. Потом покажешь ей фото их трупов, когда «ангелы» с ними покончат... Пойми, ты ничего не изменишь. Придется пока довольствоваться малым. И перед Красовским частично очистишь совесть. Это же кто-то из них проломил его дочери висок? Знаю, это ее уже не вернет, но все же...

— Я готов возненавидеть себя. За это заискивание с шавками Спикера. За то, что вынужден был кивать и со всем соглашаться...

— Не накручивай себя, пожалуйста. Знаю, как тяжело обращаться к тому, кто, по сути, убил двух вчерашних школьников и едва ли не погубил твою дочь, развязав руки своему отморозку, но теперь их хоть похоронят как положено, Свету и этого боксера, что с Настей в одном классе учился...

— А моя дочь, Саш? Она поступила в институт. У нее жизнь, по сути, только начиналась! Что дальше? Ждать, пока ее не добьют, если сочтут, что она очень много видела? Мне придется ее увезти прочь из страны! Прятать до тех пор, пока здесь не станет безопасно. А тут так не станет никогда! Снесут Спикера — придут другие. И не знаешь, что лучше в этой ситуации!

— Ты и сам понимаешь, что оставлять ее здесь больше невозможно. Она не проживет и часа, Шахновский не привык оставлять свидетелей. Увози ее. Марианна в курсе?

— Нет, и я не знаю, как ей об этом сказать! Я поклялся, что не спущу с девчонок глаз и с ними ничего не случится. Иначе она бы не уехала в Германию со своим новым мужем. Но придется рано или поздно. Иришку тоже отсюда увезу. Незачем ей и дальше жить в стране, для которой ее граждане — пыль под ногами. Кравченко сейчас в Копенгагене, надумал женить сына. Сам помнишь, как тот сох по Ирке. Незачем ей прозябать тут... да еще с сожителем, который тоже варится в бандитской системе.

— Вот и сосредоточься на этом.

Александр повел плечами, когда телефон Краснова разразился трелью. Словно в насмешку, на рингтоне стоял гимн родного государства. Дмитрий помассировал пальцами виски и принял звонок. Выслушав собеседника, устало кивнул.

— Шестерки Шахновского сдали своего пахана с потрохами. Только все их показания, даже записанные в протокол, не имеют смысла. Можешь забирать этих уродов, иначе я сам их порву голыми руками. Куда их? Тебе в подвал или напрямую в “Обитель”?

— Давай сразу в “Обитель”, сейчас отзвонюсь Терминатору. И перестань есть себя поедом. Ты сам понимаешь, что у тебя не было никаких шансов повлиять на ситуацию.

— Были. Я с готовностью поверил в то, что у меня взрослая дочь, и оставил ее наслаждаться свободной жизнью. Что, не уговорил бы Алину забрать ее сюда, чтобы она была под присмотром? Больше всего переживал, что с ней Корнеев что-то сделает, а про этого ублюдка... Да, по сути, из-за Корнеева все и случилось. Шахновский решил, что она

слишком много знает и может тому проговориться. А сам этот Владислав хрен догадается, что его давно списали со счета.

— Дим, может, стоит предупредить? Ты сам говорил, что он и твоя дочь были близки. Иногда так называемая оппозиция Синдиката становится ведущей силой. При условии, если ей удастся уцелеть. Я был удивлен, что Славэна сливают, но в то же время понимаю почему. Двум альфам не место в стае.

— Нет. Меня эти внутренние разборки не касаются. А я не хочу, чтобы Спикер однажды об этом узнал и объявил награду за головы членов моей семьи.

— Даже если Корнеев устранил Шахновского со своего пути? Я не знаю, что за чувства у него были к моей крестнице, но подобные ему люди не терпят, когда кто-то прикасается к тому, что им дорого. Если заглянуть вперед, я бы даже предположил, что однажды этот Владислав с легкостью уберет Спикера с пути.

— Саша, я не буду играть в подобные игры, не сейчас. Главное — спрятать и обезопасить Настю. Заодно и Ирку. Шах не дурак, он по-любому начнет ее искать, потому как слишком много видела. Сидеть и ждать, пока он с ней расправится, я не стану. У меня сейчас другой приоритет, и плести интриги в совместном танго с Корнеевым в мои планы не входит.

Гуляев развел руками. Позвонил координатору “Обитатели ангелов” и известил, что скоро им доставят двух смертников в качестве тренировочного мяса для курсантов. Едва он завершил разговор, в кабинет вошла Алина. Поморщилась от сигаретного дыма, приоткрыла окно, но ничего по поводу того, что курили, не сказала.

— Дим, Настя проснулась. Плачет и говорит шокирующие вещи, зовет тебя.

Краснов рассеянно посмотрел на друга, но Гуляев лишь ободряюще кивнул.

— Держись. И мой тебе совет, расскажи ей все как есть. Я никуда не уеду, мы еще не договорили. С богом, Дима.

...Настю трясло от рыданий. Реальность устала стучаться в закрытые двери затяжного сна, взяла эту крепость осадой, чтобы наконец выбить тараном ворота защитного поля и ворваться, сметая все на своем пути. Все, что произошло в ту ночь, обрушилось на и без того ослабленную жестоким стрессом вчерашнюю школьницу градом ударов. Каждая эмоция резала по сердцу, грозя свести с ума. Спать она больше не могла — закрывала глаза и видела безучастное лицо подруги, по которому плясали слабые отсветы огня. Сжимала кулаки — кровь пульсировала в ладонях, напоминая о том, что пульс Светы не отозвался даже на усиленное сжатие. Запускала пальцы в волосы, натягивая их у корней, чтобы подавить крик, и практически чувствовала, как ладонь заливают липкая, еще теплая кровь.

Кадры из этого недалекого прошлого сменяли друг друга. Хохот насильника, член, тыкающийся в ее губы, а потом град ударов. Алексей, нанюхавшийся кокса, с абсолютно стеклянными глазами. Пожарник, единственный трезвый из этой троицы, который наблюдал за происходящим с равнодушием и любопытством и отпускал шокирующие своим цинизмом комментарии.

Боже, этого просто не могло произойти с ней. Только не с ней! Пусть Шахновский никогда не отличался галантностью и нежностью, пусть был груб до невозможности, но они, черт возьми, были близки, хоть и недолго! Она ничем его не обидела, чтобы заслужить подобное! Он был у нее первым. Но так легко определил ее в бордель, когда встал вопрос, словно она переспала с половиной района!

Ее прежний мир разрушился уже давно. Она же не желала этого понимать и видеть. То, что произошло, никак не должно было случиться с ней.

Как она не сошла с ума, одному богу известно. Буквально призывала Влада, даже казалось, что он где-то рядом, сейчас откроется дверь, и зайдет, обнимет... и наверняка скажет, что разобрался с Шахновским, что никому и никогда больше не позволит причинить ей боль. Даже эта отмороженная Алина тайком утирала слезы, слушая сбивчивые Настины рыдания, обещала, что восстановит ее сим-карту и они обязательно ему позвонят. А потом пришел отец. Успокоительное, которое ей скормила мачеха, начало действовать. Слез уже не было, только по телу то и дело пробегала крупная дрожь, словно мышцы из последних сил сопротивлялись приближающейся пустоте.

— Света? — отец покачал головой. Настя уткнулась лицом в его плечо, чтобы почувствовать тепло. А он гладил ее по волосам и что-то шептал. Точно так, как это делал Влад. Ее Славэн. Человек, благодаря которому отчасти она выжила и которого любила до беспамятства.

— Найди Влада! — Настя не замечала, что ее ногти впиваются в руки отца.

— Самый лучший парень на земле?

Она была благодарна папе за то, что он не стал говорить о Славэне, как о криминальном лидере. Кивала, потому что именно так все и было. Самый лучший. Единственный и неповторимый.

Если бы не была так убита горем, осознала бы, что отец ей ничего не пообещал. Он даже не сказал про Кирилла. Но Настя сошла бы с ума, если б не уцепилась за шаткую надежду вновь увидеть Влада. Отец проявил понимание. Не стал распекать за неосторожность. Слушал ее сбивчивый рассказ о том, что произошло, гладил по голове... только неосознанно сильнее сжал, когда Настя рассказывала, как ее избивал Бензопила (момент с насильственным минетом намеренно опустила в разговоре), пообещал, что обо всем позаботится, виновные будут жестоко наказаны. Насте удалось после этого успокоиться и снова уснуть. Сон стал ее лекарем.

Утром следующего дня острота событий немного притупилась. Настя знала, что ненадолго. Отец не отходил от нее ни на шаг.

— Что будет с Шахновским? Вы его посадите?

Тогда она впервые поняла, что что-то пошло не так. Отец отвел взгляд в сторону.

— Убьете?

— Настя, — он потер переносицу.

Девушка заметила, как он осунулся за последние дни. На лбу глубокие морщины, в глазах сосудистая сеточка, а под глазами темные круги.

— Его бог накажет. Все образуется.

— То есть как? Он на свободе?!

— Ненадолго... обещаю. — Ей не понравилась растерянность в его голосе. — Тех двоих уже взяли. И поверь, им смерть покажется избавлением...

— Арестовали?..

— Не совсем так. Но для них это еще хуже ареста.

— Когда будут хоронить Свету?

— Уже, дочурка. Сожалею, но тебе нельзя было туда. Так надо.

Настя не понимала, на каком она свете. Иногда крушила все вокруг от безумной ярости, чаще плакала. Алина не торопилась с обещанием восстановить ее сим-карту, а отец —

отыскать Влада. Изредка в доме появлялся ее крестный. Привозил вкусности, плюшевые игрушки и почему-то называл ее “амазонкой”, восхищался отвагой и смелостью. Даже вскользь обмолвился о том, что такой силы воли нет у его бойцов. Он называл их “ангелами”, и тогда Настя впервые узнала о существовании базы подготовки. Она думала, борцов за справедливость, а не наемных убийц. Даже последние события не могли пошатнуть ее веру в победу добра над злом.

Дни летели. Но зря она ожидала от отца известия о том, что Шахновский понес заслуженное наказание. Крестный обещал, что скоро его закроют, и надолго, а отец все чаще прятал глаза и говорил, что все образуется. Однажды, гуляя в саду, она подслушала разговор папы и Алины. Он навещал отца Светланки, который так и не оправился окончательно после гибели дочери. Впервые она видела папу таким — с поникшими плечами и севшим от боли голосом.

— Максимка, братик, тоже не оправится никак. Плачет, ночью открывает двери — говорит, там сестричка, ей холодно и страшно,пусти ее и согрей...

Железная Алина плакала. А Настя убежала в арочную беседку у фонтана, чтобы дать волю своим рыданиям. Боль выплескивалась вместе со слезами, но так и не уходила — тут же возрождалась снова, щемящая и оглушающая, еще сильнее предыдущей. Тогда она начала понимать, что справедливость не более чем иллюзия. Не грянет кара и не пронзит молния того, кто разрушил ее мир и забрал с собой жизнь ее подруги.

Было настолько плохо, что срабатывал своеобразный блокиратор: реальность отступала, а Насте казалось, что она чувствует Свету рядом. В каждом дуновении ветра, игре солнечных бликов в ряби фонтана, в пении птиц и ароматах догорающего лета. Словно невесомая ладонь касалась ее подрагивающих от рыданий плеч, она чувствовала теплую улыбку подруги. Светик всегда забирала ее боль одним касанием руки. Да, они были обычными девчонками, каждая со своим набором тараканов, жалили иногда друг друга язвительными подколками... но стоило только Насте попасть в беду, она видела настоящего Светлячка: готовую прийти на помощь, защитить ее и согреть лучами искренней дружбы. У Насти именно поэтому была одна единственная подруга — только она всегда чувствовала ее искренность, видела ее настоящую за показательной маской стервы. Как одна любовь встречается раз на миллион, так и крепкая дружба.

Тень погибшей подруги закрывала ее от боли. Приходила во сне, шептала “не бойся”, просила не замыкаться в горе: “Мне там некомфортно, когда ты истязаяешь себя. Я обрету покой, когда ты вспомнишь, что тебе есть ради чего жить дальше!”... и с каждым ее появлением душевная боль постепенно утихала. А вместо нее пришло нечто иное. То, чему Настя пока не находила никакого пояснения. Ярость? Ожесточение? Перерождение? Она не принимала себя новую. Она прошла ад средней школы и не стала сукой, а сейчас, похоже, хватило одной роковой ночи.

Настя потеряла счет времени и даже не знала, какое сегодня число.

— Тебе нужно уехать.

Отец был непреклонен, хотя и отводил глаза.

— Поживешь у Марианны, пока я не наведу здесь порядок. Тогда вернешься.

Настя опешила. А потом с несвойственной ей яростью стряхнула со стола почти собранный пазл из восьмисот элементов. Пластиковые составляющие рассыпались по полу, уничтожая картину — девушку-эльфийку с мечом, направленным в лоб орка.

— Что значит уехать, пап? У меня семестр начинается! Тебе понадобятся мои

показания, когда ты схватишь Лешку! Я хочу видеть, как эта тварь получит свое! В конце концов, дай мне положить цветы на могилу Светы!

— Настя, это не обсуждается! Через три дня ты сядешь на поезд с пересадкой в столице страны К. Оттуда до Мюнхена полдня пути. Никаких возражений!

— Так, значит. — Настя пнула ногой осколки пазла и сжала кулаки. — Стало быть, все ох*енно-за*бически? Шахновский наказан? Папочка расправился с обидчиком дочери? Или, напомни, нашел Влада?

— Настя, мне не нравится твой тон! Откуда такие выражения? Ты меня расстраиваешь!

— Да? А ты меня убиваешь! Делаешь то, что не довела до конца эта гнида! Ты хоть что-то сделал? Да готова поспорить, ты даже не начинал рыть под Шахновского! Прошла неделя, а он до сих пор не арестован!

— Настя, я тебе уже говорил. Есть некоторые обстоятельства...

— Да ты кормишь меня этими обещаниями изо дня в день! А я ведь даже не знаю, расправился ли ты с тем уродом, который едва меня не изнасиловал! Может, это одна из твоих сказок, которые ты читал мне в детстве? Хреновая сказочка! Бездарно отыграл!

Отец остолбенел. Он не ожидал такого отпора от дочери, которая неделю только плакала и пряталась в своей комнате, изредка сбегая в сад. Появление крестного погасило зарождающийся конфликт.

— Дядя Саша! — Настя изобразила подобие радости при виде его подарка — нового MP-3 плеера, о котором совсем недавно так сильно мечтала, и отбросила его на кровать. — Это правда? Вы ничего не сделали? Шахновский наслаждается жизнью, и всем плевать на то, что его руки по локоть в крови?!

Гуляев держался куда более уверенно. Твердо пообещал, что скоро они прижмут этого урода. А Бензопила и Пожарник давно мертвы.

— Все понятно! — с отчаянием закричала Настя. — Спелись! Ничего не можете сделать! Думаете, я тут совсем умом тронулась и не понимаю, что вы мне лапшу на уши вешаете! Светочка мертва, я едва выжила, а эти трое так и гуляют на свободе! Да кто вы после этого? Или вам дали ох*енную взятку и вы отпустили этих тварей, несмотря на то, что я едва не погибла?

На Гуляева ее отповедь не произвела сильного впечатления. Крестный тепло улыбнулся и потрепал ее по растрепанным волосам.

— Это правда, Настюша. Дим, ты разве ей не сказал? Два твоих обидчика уже в могиле К сожалению, для того чтобы прижать Шахновского, нам понадобится гораздо больше времени, чем мы предполагали...

— Это только ваши слова. В первый день вы с пеной у рта обещали всех перебить, а на деле разводите пустые разговоры!..

— Тебе бы стало легче, если бы ты увидела их смерть собственными глазами?

— Не сомневайтесь! Но вам же нечего мне показать, потому как вы забили на это дело! Хотите, чтобы я уехала и не мозолила вам тут глаза!

— Дим, покажи ей.

Отец растерялся, а крестный ободряюще сжал плечо Насти.

— Никто не обманывает тебя, крестница. Единственное, что нас обоих от этого удерживает, — тот факт, что это не постановочные съемки, а реальное убийство. Ты еще не пришла в себя, и мы опасаемся за твое моральное состояние. Сомневаемся, готова ли ты это увидеть.

— Отмазки!

— Нет, Настя. Дима, тащи ноутбук. Настя, а ты пообещай нам, что не будешь играть в Жанну д, Арк. Если станет страшно или просто не по себе, ты скажешь и мы остановим запись. Идет?

Они не оставили ее в одиночестве. Отец сидел по ее правое плечо, крестный — по левое. Когда начал проигрываться ролик, Настя инстинктивно подалась поближе к экрану, чтобы не пропустить ни единой детали.

Изображение подрагивало, расплывалось кубиками — видимо, камеру держали на весу. Свист ветра, скрип переговорных устройств и неразборчивые крики шумели отдельным фоном. Большая равнина, огороженная сетчатым забором, контуры которого едва просматривались вдалеке, была пустынна. Миг, и камера выхватила спину мужчины в камуфляже с автоматом наперевес. Он оглянулся по сторонам и, издав торжествующий крик, пустился бежать.

“Сука, он мой!” — послышался за кадром звонкий женский голосок, и еще одна фигурка в камуфляже побежала по равнине. Камера сделала поворот, и Настя разглядела вдалеке еще одного человека. Он был без оружия, затравленно оглядывался по сторонам. Звук автоматной очереди перекрыл свист ветра. Лица нового героя съемки невозможно было разглядеть, но Настя поняла, что двое с автоматами охотятся именно за ним.

Все закончилось довольно быстро. Мужчина бросился бежать, прямо на камеру, что-то выкрикивая, в его голосе сквозили истеричные нотки. Когда он подбежал довольно близко, Настя поняла, почему его движения показались ей знакомыми. Пожарник!

Новая автоматная очередь перекрыла его вопли о помощи. Он остановился, его тело дернулось попеременно в одну, потом в другую сторону, после чего он начал медленно заваливаться на колени. Грязная светлая футболка окрасилась кровью, перед тем как участник недавнего Настиного кошмара рухнул лицом в траву.

— Готов! Ласка — пять бонусных баллов. Бобр — на второй заход... — командирский голос за кадром был лишен эмоций. Оттого еще сильнее резанул контрастом вопль девчонки, которая кружилась по равнине в каком-то едва ли не ритуальном танце, поднимая автомат в воздух.

Настя следила за ней, как замороженная. До нее не сразу дошло, что девчонка только что уложила Пожарника из этого самого автомата. Отец и крестный считали, что ей будет страшно или не по себе? Как бы не так! Пустота внутри расколосась, кровь побежала по венам, словно восторг блондинки в защитном комбезе передался ей.

Две пары глаз уставились на нее, и если бы Настя была не так восхищена увиденным, заметила бы в них изумление на пару с недоумением.

Отец потянул руку, чтобы опустить крышку ноутбука. Но Настя поспешно остановила его. Жажда крови, такая незнакомая и несвойственная ей ранее, грозила сорвать тормоза.

— А Бензопила?!

И отец отбросил колебания, запустив очередной видеоролик. В этот раз камера не дрожала, а большой спортивный зал, чем-то напоминающий школьный, просматривался очень хорошо. Шеренга курсантов в камуфляже выстроилась по стойке смирно. Среди них Настя различила трех женщин и даже узнала девчонку, которая плясала ритуальный танец с оружием. Широкоплечий коренастый мужчина с бугрившимися бицепсами и коротко стриженной головой отдавал приказы, излишне не стесняясь в выражениях.

— Циклоп, на татами. Одиссей страхует. Минута на выключение.

И тогда она увидела Бензопилу. Вернее, то, что от него осталось, потому как опознать шестерку Шаха в этом скулящем, трясущемся избитом существе было довольно трудно. Его выволокли в центр зала два таких же широкоплечих инструктора, как и тот, что отдавал распоряжения. Но стоило им его отпустить, как он рухнул на пол, закрыв голову руками.

— Поднимите этот кусок мяса! — гаркнул широкоплечий. Так Настя впервые увидела Хаммера. Но тогда еще его не знала. — Без долгих реверансов! Отрабатываем “вылет”! Циклоп, приступай.

Кажется, Бензопилу оживили при помощи электрошокера, заставив подняться. Он продолжал скулить и закрываться.

— Я не виноват, я ничего не сделал!

“Ты родился, урод”, - злорадно усмехнулась Настя, еще больше подавшись к экрану. Курсант, молодой парень с азартным блеском в глазах, повел шеей из стороны в сторону, разминая. Затем замер в одной позе, сцепив руки в замок и переплетя пальцы. Что-то похожее ей ранее приходилось видеть в кино. Несколько секунд, и парень сделал молниеносное движение наподобие боевого сальто — так стремительно, что Настя даже не смогла отследить его движение. Нога в тяжелом армейском ботинке ударила Бензопилу в висок, и его стенания прекратились. Он устоял на ногах, но Настя все-таки испуганно охнула, не поверив своим глазам. Его череп в височной части прогнулся, образовав вмятину. Подоспел второй курсант-страховщик, и тот, кого инструктор назвал Циклопом, нанес второй удар. Послышался треск, и Настя отвернулась, не в состоянии наблюдать, как ее недавний обидчик завалился на пол, дернувшись в предсмертной агонии, перед тем как окончательно затих.

Гуляев остановил запись. Отец укоризненно посмотрел на него, а Настя сама не поняла, что вцепилась в отцовскую руку. Ее напугал сам вид смерти. Но оттого, что тот человек, который избивал ее и насиловал в рот, только что отправился на тот свет, в сознании плескалось приятно щемящее удовлетворение. Конечно, она испугалась. Так и происходит, когда такое видишь впервые. Скулеж Бензопилы еще звучал в ее голове, но ни жалости, ни колебания не было и в помине.

Настя с удивлением заметила, что отец с крестным потрясенно смотрят на нее. Сдвинула брови, не понимая, что губы сами по себе сложились в улыбку. Ту самую, от которой впоследствии у расходного материала “Обитатели ангелов” будет холодеть внутри, и сам Хаммер даст ей погоняло “Крейзи”. Она забыла о том, что Света тоже умерла от удара в висок. Тело сотрясала приятная вибрация. Азарт, восторг, удовлетворение. Что-то похожее она испытывала только с Владом.

— А кто эти люди? — ей было любопытно. Да и разрядить обстановку не мешало, отец смотрел на нее, как будто увидел впервые, а крестный — по-новому, словно оценивал.

— Ангелы. Профессионалы в своем деле. Лучшие телохранители и агенты спецслужб, — ответил Гуляев.

— Они нереально крутые! — восторженно прошептала Настя. Больше всего ей хотелось пуститься в пляс, подобно той воительнице в камуфляже.

Ее отец отвел глаза и попросил друга выйти вместе с ним для разговора.

— Не говори ничего. И если хочешь знать мое мнение, ее реакция в пределах нормы. Настя никогда не была кисейной барышней.

Дмитрий Краснов нервно курил. Его можно было понять. Его дочь, аленький цветочек,

оказалась стойкой... и кровожадной.

— Это плохая идея. Какого хрена ты рассказал ей про ангелов? Ты видел ее глаза?

— Я даже увидел ее с автоматом наперевес, скажу тебе больше. Стопроцентный ангелок. Не будь она моей крестницей, уже бы завербовал.

— Иди ты! Я что, не знаю, что там происходит? Там нет воспитателей, это не пионерский лагерь! Еще раз так пошутишь, получишь в лоб, — Краснов покачал головой. — Ладно, вернемся к нашим баранам. Что творится в городе?

— Шахновский как-то быстро успокоился. Но знаю, что за квартирой следят. Славэн, напротив, развил разведдеятельность, ищет твою дочь. Заходил к Аношину, отбашлял ему крупную сумму за то, что тот пообещал найти Настю.

— С подачи Шаха?

— Нет. По ходу, он крепко голову потерял. Дим, найдет ведь. Для влюбленного мужчины нет никаких преград, тебе ли не знать.

— Не найдет. Она уезжает в Германию. Ничем хорошим ее амуры с отморозками не закончились. Нам стоит опасаться Корнеева?

Гуляев устало покачал головой. Когда заговорил, в его голосе сквозило сожаление.

— Не стоит. Спикер на днях подписал ему смертный приговор. В течение недели его не будет среди живых...

Глава 19

Молодой и здоровый организм побеждал болезнь с профессионализмом элитного боевого подразделения. После разговора с Владом Настя проспала 14 часов, в результате почувствовала себя обновленной без каких-либо инъекций кофеина и прочих стимуляторов. В теле ощущалась сила и подзабытая легкость, то же самое можно было сказать про сознание. Создавалось впечатление, что именно сыворотка правды освободила ее, разомкнула оковы самообладания, которые требовали много энергии на свою защиту. Можно было сказать, что у нее не было никакого выбора. Боль бы она выдержала, их хорошо подготовили для подобных случаев, а с психотропным оружием спецслужб у нее не было ни малейших шансов. Может, ее безмятежность и спокойствие отчасти были вызваны именно этим. Иначе бы требовательная к себе Настя, как говорится, себя поедом ела.

До нового года оставались считанные дни. И погода за окном радовала, подарив яркое солнце, мороз и белый снег. Он висел шапками на ветвях деревьев, искрился под солнцем и слепил глаза, уносил воспоминаниями в детство, когда Настя каталась вместе с сестрой и родителями на лыжах и санях, лепила снеговиков и играла в снежки.

Увы, ее тезка напрочь отказалась принести теплую одежду и выпустить на прогулку. Настя и не настаивала. Надо было быть безумцем, чтобы пойти против Лидера, нет ничего странного в том, что девчонка боялась. Пришлось довольствоваться малым и попросить о комфортной одежде — пижама и халат порядком надоели. К вечеру горничная принесла три платья и несколько свитеров с легинсами, поразительно угадав Настин стиль. Сама или кто подсказал? Вопрос остался без ответа. Но и без этого все было понятно.

Настя оглядела себя в зеркале. За время своей болезни она изрядно потеряла в весе. Лицо казалось неестественно бледным, но гематома почти сошла. Двадцать минут, и кожа буквально засветилась под тонким слоем косметики, глаза обрели прежний глубокий серый цвет, волосы после нехитрых манипуляций легли мягкой волной. “Я делаю это

исключительно для себя, чтобы чувствовать себя увереннее... а уж никак не для него!" — ей хотелось повторять это снова и снова. Застегнув на спине молнию лазурно-голубого платья, Настя ухмыльнулась и расстегнула пуговицу, чтобы ткань не скрывала ложбинку груди.

При мысли о том, какие усилия понадобятся Владу для того, чтобы внешне остаться невозмутимым, ее прошиб приступ смеха. Великий и ужасный Лидер больше не был для нее загадкой. Все его маски равнодушия не имели никакого значения. Вколлов ей сыворотку правды, он полагал, что раскрыл ее полностью, вывернул наизнанку, просчитал ее шаги наперед. Но в понимании Насти все было с точностью до наоборот. Пусть новый придуманный образ уже сроднился с этим человеком, пусть никто не мог предположить, что он может быть иным, Настя просто знала, кожей чувствовала, что ее Влад остался прежним. Тем, кто любил ее без меры и осторожности и до сих пор не мог забыть.

Нет, он, скорее всего, говорил искренне, обещая пустить ей пулю в лоб. И его можно было понять. Когда зависимость настолько сильная, а чувства не желают следовать законам логики — это достойный выход. Иногда разбудить их не в том человеке означает подписать себе смертный приговор. Только Настя не была с этим согласна. Не для того она вытерпела столько всего, чтобы бывший возлюбленный разрушил эти наполеоновские планы одним спуском крючка.

Неопределенность. Так можно было охарактеризовать то, что воцарилось между ними. После Настиных откровений напрашивался простой логический вывод — им стоит объединить усилия в борьбе с общим врагом. Лидер же с упертостью барана усложнял положение и не спешил принимать решение, которое казалось Насте единственно верным. Была ли достаточной ценой для этого смерть трех человек? Или все дело в том, что он не желал отказываться от произнесенных слов? Борьба с собой или чувства, с которыми он так и не сумел справиться?

Настя отказалась от ужина. Ей надоело подчиняться чужим навязанным правилам. Влад может сколько угодно бежать сам от себя и от своих чувств, которые ему все сложнее и сложнее скрывать в ее присутствии, но она не собирается в этом идти ему навстречу.

— Вам нужно восстанавливать силы! — Иногда ей хотелось хорошенько стукнуть эту перепуганную горничную. — Понимаете, у меня приказ!

— Слушай мой приказ. Хочешь, чтобы я все съела, — приведи своего хозяина. Мне скучно есть в одиночестве.

Девушка что-то испуганно заблела в ответ, ревностно оглядев декольте Насти. Точно так она несколько часов назад смотрела на кружевное нижнее белье, которое принесла вместе с одеждой.

— Охренеть! — расхохоталась Настя. — Вы что, кувыркаетесь? Я угадала?

Смех — лучшая анестезия. Позволяет сгладить прямой удар по сердцу от одной мысли о том, что ее Влад с кем-то спит. Нет, она догадывалась, что он не соблюдал целибат все эти девять лет, просто гнала эти мысли прочь, что было совсем нетрудно в свете последних событий. Понять, что ее тетка смотрит на нее с ревностью, а не со страхом, было легко, просто Настя не хотела этого замечать. В глазах девчонки мелькнула тень едва ли не отчаяния. В других обстоятельствах Настя б ее пожалела, но не в этот раз, когда главной целью было выжить и довести свою вендетту до конца. Можно пойти самым простым путем. И чего греха таить, самым приятным. И самым желанным из всех существующих.

— И как он? Оно того стоит?

Горничная что-то пролепетала в ответ и буквально выбежала из комнаты под натянутый

смех Насти. Слишком молодая и неопытная, чтобы различить аккорды болезненного срыва в переливах Настиного смеха и понять, — ее задело, что приходится поневоле делить Лидера с ней. Даже если он таким образом спасал сам себя, выплескивая бесконтрольную страсть, которую из последних сил скрывал от Насти.

Это стало тем самым спусковым крючком и точкой невозврата. Пусть она и Влад по-прежнему были врагами даже по одну сторону баррикады и с общей целью, Настя поняла, что делить его с кем-то никогда не будет. Пусть этот человек собирался убить ее и отгораживался каждый раз непроницаемой стеной — желание никуда не исчезло. Как и чувства, которые столь сильно ее ослабили и заставили потерять над собой контроль. Не можешь справиться с врагом — сделай его союзником. Особенно если хочешь этого всем сердцем и нашла смелость признаться в этом себе.

Время шло, а Лидер так и не появлялся. Раздражение Насти нарастало, как снежный ком, грозя сойти горной лавиной. Может, эта перепуганная девчонка не передала ему ее слова? А самому ему не интересно узнать, как она себя чувствует? Или же он специально нагнетает обстановку, наперед просчитав ее планы и вознамерившись таким образом лишить самообладания? Камер в ее комнате не было, если, конечно, заблаговременно не натыкали скрытых. Наверняка утверждать без специального оборудования было сложно. И все же Настя не смогла удержаться от того, чтобы показать два средних пальца с самого выгодного ракурса вероятного обзора. Такой вот игривый хулиганский поступок, практически ей несвойственный, — похоже, Лидер вчера активировал в ней эту подзабытую азартную инфантильность. Его смех сбил ее с толку окончательно, пришлось потом заново расставить акценты.

Она по-прежнему имела над ним власть. Власть делать его настоящим, помочь сорвать маску. Видно было — она по-женски это чувствовала — он устал соблюдать внешнюю холодность и желал открыться. Знала наперед, что именно сделает и скажет, чтобы он позволил себе потерять голову. Даже если этот способ соблазнения можно смело сравнить с дефиле по лезвию остро наточенного ножа.

Когда он наконец-то появился в комнате, Настя сделала вид, что в упор его не замечает. Без цели водила ладонью по стеклу панорамного окна, повторяя очертания ветвей и самшитовых фигур за окном, боковым зрением уловив замешательство визитера. Это было забавно. Несколько секунд натурального ошеломления при взгляде на изгибы ее стройной фигуры в облегающем платье до колена, с опозданием перехваченный взгляд Насти и довольно успешная попытка взять себя в руки и вновь нацепить маску жестокого циника.

— Что это за голодовка? Акция протеста?

Если бы она не увидела проблеск желания в его глазах, легкую разминку проснувшихся демонов перед зажигательным танцем, ее это потерпело бы сокрушительный удар. Но она все видела и прекрасно понимала. Даже готова была сбавить обороты, чтобы понять, насколько его хватит, как долго продержится его показное равнодушие.

— Я же говорила, пристрелили шеф-повара.

Темная сущность Насти проснулась, готовая принять под свое крыло всех чужих демонов без исключения. Внутри разливалась азартная пульсация, девушка кожей ощущала, как держится из последних сил Влад, чтобы не смотреть на нее, заранее понимая, что сорвется, не сможет удержать свои фантазии в узде. Вряд ли бы она в самом развратном из своих нарядов смогла бы что-то в нем затронуть настолько глубоко, будто он к ней равнодушен. Как бы он ни старался отрицать в себе тот огонь, который не смогли погасить

долгие годы разлуки, Настя буквально ощущала его каждой мышцей, клеточкой и порой. Он проходил насквозь, обдавая ее горячим жаром и не причиняя никакого вреда, закручивал в искрящуюся спираль ее сознание — такой явный и неудержимый, что никто и ничто сейчас не было в состоянии его погасить.

Обреченный изначально на провал поединок. И понимали это оба, но все равно тщательно облачались в свои доспехи: кто-то в цвета обволакивающей, опасной сексуальности, кто-то в ледяные пластины показательной холодности; выходили на поле боя и даже сотрясали оружием в безмолвном победном вопле. И не желали понимать, что его исход можно трактовать по-разному — как тотальный разгром без единого выстрела или как безоговорочную победу для каждой из сторон. Мало было назвать это перемирием. Ничтожно мало.

— Настя, если ты решила, что твои акции протеста что-то изменят, глубоко просчиталась. Я буду непреклонен в своем решении.

— Решении, Лидер? — Ей даже не пришлось ничего делать. Желание бежало в ее крови, придавало тембру голоса бархатные нотки. — Ты его принял? Или ты ищешь повод, чтобы от него отказаться, но не желаешь замечать очевидные вещи?

Она и не ожидала, что он ответит. Наверное, сама озвучила его мысли. Отпечаток ее ладони на стекле быстро исчез, как и какие-либо сомнения в дальнейших действиях. Не желая облегчать Владу задачу, она отошла от окна, мягко ступая босыми ступнями по подогретому полу. Кресло, в котором устроился мужчина, стояло на том же месте, где он его в прошлый раз оставил, — возле ее постели. Иногда потаенные желания выдают самые обычные вещи. Такие, как эта перестановка мебели. Как его поза, якобы случайный наклон головы в сторону постели. Как сжатые добела сложенные в замок пальцы и потемневший до черного шоколада янтарь его глаз.

— У тебя была возможность ответить за свой базар. И далеко не одна. Даже очистить совесть, подмешав что-то в раствор. Думаю, достать диоксин или другой экзотический яд для тебя не составляет труда, раз уж раздобыл сыворотку правды.

Настя села на край кровати напротив него, откинувшись на руки. Подняла ногу, легким невесомым поглаживанием прошлась по его колену, выдержав взгляд, который казался непроницаемым.

— Лидер, не ври себе. Ты не хочешь меня убивать. Ты бы этого не хотел даже в том случае, если бы я прикончила кого-то из по-настоящему близких тебе людей. Твой принцип “первое слово дороже второго” оказался тебе не по силам. Ты решил переложить эту ответственность на меня. Но из любой ситуации всегда есть два выхода. И как ты думаешь, какой из них я намерена тебе предложить?

— Настя, то, что ты пытаешься сделать, до оскомины примитивно. Класс игры не высок. И это ничего не изменит.

— Я еще не начинала ничего делать. Тем более играть с тобой. Упростить тебе выбор? Я могу кинуться на тебя и прикончить голыми руками. Или вырубить на некоторое время. Поскольку мои силы окончательно не восстановлены, у меня это может не получиться. Но у тебя будет прекрасное оправдание под названием “самооборона”. Но ты ищешь скорее повод этого не сделать, чем сделать.

Сейчас, при тактильном прикосновении, она явственно чувствовала дрожь его тела. Видела в его глазах, каких титанических усилий ему стоит сохранить самообладание и не броситься на нее сию же секунду. Она не собиралась сдаваться.

Влад мог называть это чем угодно: инстинктом самосохранения, потрясающей живучестью, подвохом или же отчаянием жертвы на пороге смерти. Ничего из этого не было даже отдаленно приближено к истине. Просто Насте надоели эти игры в отрицание очевидного, причем с обеих сторон. И даже если Лидер свято верил в свои собственные слова о том, что не задумываясь пустит ее в расход, самой Насте было нечего терять.

— Я могу дать тебе повод прямо сейчас. — Болезнь и долгое отсутствие физической нагрузки не лишило ее грации опасной хищной пантеры. — Или забрать его совсем. Знаю, что тяжело, но тебе придется делать свой выбор. Убить меня... поддаться своему желанию... или позорно сбежать прямо сейчас и всю ночь ворочаться в своей постели, спрашивая себя, почему ты этого так и не сделал. По-быстрому вставить второй Насте и на несколько часов оглушить своих демонов. Но это путь не Лидера. Это путь аутсайдера...

Ее пальцы прикоснулись к его лицу, заскользили по матовой коже с легкой щетиной нежным поглаживанием. Сердце ускорило бег, чистейшая эротика бурлила в крови, но Настя смотрела в его глаза, которые казались бездонными от потемневшей радужки, буквально вбирая в себя истинный лик страсти, которая не хотела подчиняться никаким правилам. Ее ладони ощущали титаническое напряжение сидящего перед ней мужчины, его внутреннюю борьбу между придуманным долгом и желанием шагнуть в эту бездну глубиной в девять долгих лет. Жар его плоти опалил кожу, стоило Насте обвить руками его шею, чтобы опуститься сверху и прижаться всем телом.

Боже, эта игра становится предельно опасной. У нее самой нет такого железобетонного самоконтроля. Еще немного, и она буквально начнет умолять о близости, разрушив изначально установленные роли соблазнительницы и соблазненного. Его восставший фаллос едва ли не разрывал ткань брюк, прикасаясь к тонкому кружеву ее влажных трусиков. Влад хрипло выдохнул, не сдержавшись, подался бедрами навстречу. Сладчайший ток прошел тело Насти, заставив закусить губы, чтобы не выдать себя сдавленным стоном.

— Это... ничего... для тебя... не изменит!

Его руки прошлись по ее спине, перед тем как поспешно лечь на подлокотники кресла. Но он слишком поздно спохватился. От прикосновения к телу огонь в крови Насти разгорелся до запредельного градуса. Уже не думая о том, что сама спешит, теряет контроль над ситуацией, Настя накрыла его приоткрытые губы своими, впиваясь в рот мужчины жаждающим поцелуем. Небольшая заминка придала ей сил и уверенности, а может, вся ее истомившаяся сущность взяла верх над разумом, позволив телу самому принимать решения. Не было и не могло быть ничего сильнее этой потрясающей уверенности. Ее язык проник сквозь раскрывшиеся навстречу, до того плотно сжатые зубы Влада, скользнув по его языку разжигающей желание спиралью, выписал знак самого восхитительного заклинания поверх влажной плоти, приглашая к страстному белому танцу без права на отказ. Мужчина буквально зарычал в ее губы, которые не собирались давать никакой передышки. Ладони легли на ее лопатки, грубо надавив, прижав ее тело еще теснее к себе, язык выстрелил ошеломительным ударом в ответ, закручивая спираль безумного торнадо.

Настя горела. Просто плыла в реке этого священного пламени, позволяя ему прожигать ее тело насквозь, возрождая давно забытую эйфорию принадлежности тому единственному, кто ни на миг не покидал ее мыслей на протяжении долгих лет разлуки. Потoki солнечного ветра подбрасывали ее на гребне волны, захлестывая рассудок, питая самое сильное желание — быть с ним одним целым, не думать о завтрашнем дне, просто шагнуть на территорию абсолютного счастья, минуя ловушки, запреты и своды условностей. Томительная пульсация

бежала по венам, пробуждая вулканы в солнечном сплетении, в прижатой к подрагивающему члену вагине, прошивала сознание, когда пальцы Влада сжимались в ее волосах у самых корней, натягивая до выброса ошеломительной сладости по всему телу.

Реальность рассыпалась золотыми искрами, искажая, растворяя и навсегда уничтожая отголоски того, что совсем недавно казалось таким неисправимым. Ей до безумия хотелось забыться в его сильных руках, окончательно потерять голову, но часть рассудка все еще стойко держалась, намереваясь не допустить потери бдительности и все вернуть на круги своя.

Ее пальцы зарылись в его волосы на затылке, скользнули на шею мужчины, миг — и сжались на горле с недюжинной силой.

— Не меняет? Это ничего не меняет? — кто бы знал, чего ей стоило сейчас прервать поцелуй и прохрипеть это в его губы сбивчивым от желания шепотом. — Не смей врать себе! Ты недостаточно силен, чтобы потерять то, к чему шел все эти годы, считая безвозвратно потерянным... но не теряя надежды обрести снова!

Влад зарычал от ярости, смешанной со страстью, его пальцы сжались поверх ее рук, он попытался разжать хватку. Настя отдавала себе отчет в том, что еще не окончательно восстановила силы после болезни. Но если бы она вознамерилась его задушить, он бы был мертв в первые секунды. Комната сделала кувырок, боль от удара прошла затылок девушки, когда она оказалась на полу, прижатая его пылающим телом. Пальцы на горле Лидера разжались вовсе не от неожиданности: она не собиралась с ним воевать. Ее цель сейчас была совсем иной.

— Я сейчас удавлю тебя... голыми руками!

Она никогда не видела Влада в ярости. Знала, как перед ним трепетали враги еще на заре его бандитской юности, уходили с дороги, опасаясь его гнева, но никогда самолично этого не наблюдала. Не будь она столь сильно подготовлена, потеряла бы дар речи от страха и способность двигаться. Но нет, Настя не собиралась сдаваться. Вывернулась, подобно гибкой кобре, нанесла удар коленом ему в живот, ознаменовав кратковременный успех хриплым смехом.

— У тебя повод! Давай, Лидер! Одно движение. Сверни мне шею и избавься от меня раз и навсегда!

Она ходила по краю, но была настроена во что бы то ни стало довести игру до конца. Потемневшие глаза Влада вспыхнули, руки вновь потянулись к ее шее, но Настя увернулась, не прекращая звонкого смеха.

— Давай... ты же дал себе слово. Смелее! Ты все знаешь, и тебя ничто не удерживает...

Время остановилось. Пространство тоже дрогнуло в момент принятия окончательного решения, который смело можно было назвать переломным.

— Целуй или ломай мне позвоночник... третьего не дано...

Его губы были так близко, доказательство желания так тесно прижималось к ее лобку, а огонь в крови преодолел пределы самой высокой температуры. Он или сожжет их обоих в своей беспощадной неистовой силе и даст новое рождение тому, о чем тайно мечтал каждый из них... или уничтожит без права возрождения, кто-то просто боялся в этом себе признаться.

Отсчет таймера стартовал. Безжалостный и неумолимый, отсчитывая секунды и с каждым сигналом пройденного временного отрезка ускоряя бег крови в одной на двоих кровеносной системе. Их дыхания слились в одно целое, ритм сердец вступил в синхронный

бит, а время дрогнуло и застыло в пароксизме страсти едва не сомкнувшихся для долгожданного поцелуя губ.

Влад сжал ее запястья и завел за голову, придавив к полу. Таймер отбил последнюю секунду в оглушающей тишине.

— Сука! — прохрипел мужчина, придавив ее весом своего тела. — Бьешь как баба...

— Прощай, за секунду до счастья... — выпалила Настя в его губы. Ей не было страшно. Если бы сейчас он прервал ее жизнь одним движением руки, она бы умерла практически счастливой.

Влад зарычал, и от этого стога и осознания, что принято окончательное решение, все естество Насти взорвалось ярким фейерверком.

— Сука... Жить без тебя не могу!..

Мир рухнул. Просто взорвался, не выдержав стремительного столкновения вещества и антивещества. Рассыпался мириадами осколков, которые тут же разнесло на космическую пыль, выстрелил яркими облаками раскаленного газа на тысячи парсек в разные стороны. Процесс рождения чего-то нового всегда сопровождается болью и хаосом. Эта боль прошла исцарапанные губы Насти, полоснула по незаживающим рубцам сознания вместе с треском рвущейся ткани.

Она утратила связь с реальностью. Сейчас ее любимый мужчина по сути делал с ней то, чего она раньше боялась, но... в его руках она задохнулась от счастья, растворилась в этой грубой реальности, позволяя срывать с себя платье, рвать в клочья изумительное французское кружево белья, терзать ее губы, впиваться пальцами в податливое тело, оставляя отпечатки, которые на следующий день станут голубыми отметинами. Все оборонные сооружения рассудка пали, осталась только обнаженная страсть, которую уже ничто не в силах было остановить.

Настя не замечала уже ничего. Ни кровоточащих ссадин на своих руках, ни вспышек боли, которая тут же трансформировалась в чистый эндорфин, ни жесткости пола. Только его губы, терзающие ее кожу с животной ненасытностью, пальцы, сжимающие до боли, без жалости разрывающие ткань платья, блеск потемневшего янтаря, захватившего ее волю в жесткие тиски. Это было так похоже на насилие, и вместе с тем было чем-то новым. Желанным, восхитительным и ошеломляющим.

Этот мужчина мог убить ее. Если не сейчас, то после того, как доведет начатое до конца. Насте было все равно. Это была не столь большая цена за то, чтобы умереть в его руках. Умереть счастливой.

Перед глазами Насти взрывались яркие звезды. Вселенная содрогалась на пороге своего гипервзрыва. Не было больше ни пространства, ни времени. Только его ладони и губы. Она плавилась, становилась горячим воском в его руках, которые не знали усталости. Тех самых, что с легкостью подняли ее с пола, словно невесомую пушинку, и держали, как самую большую ценность. Губы могли рвать нежную плоть ее уст, прокусывая до крови, забирая дыхание, но руки держали крепко и нежно, закрывая собой от смертельного солнечного ветра. Казалось, он скользил, обтекая его тело, срывая клочья одежды, которые рассыпались пеплом и искрами, но не причиняя ей самой ни малейшего вреда. Для нее одной у него был свой особый спектр этого излучения: теплый, согревающий, оберегающий от холода и тьмы.

Настя ощутила спиной мягкий шелк покрывала, когда руки Влада осторожно опустили ее на жесткий, но комфортный матрас. Огонь неудержимой страсти сжигал его изнутри, но она кожей ощущала, как мужчина сдерживает эту кипящую лаву с одной-единственной целью —

не причинить ей излишней боли, уберечь от собственного безумия, которое зрело так много времени.

Он остался прежним. Тем, кто любил ее больше жизни и готов был положить все на свете к ее ногам. Спирали запредельного вожделения кружили ее в искрящихся потоках высоко над землей, каждое его движение: сорванный с шеи галстук, рывок пряжки ремня, планок рубашки — буквально прошивало все естество пока что бесконтактным проникновением. Когда он вновь прижал ее к себе, Настя задохнулась от прикосновения к обнаженной коже. Пальцы скользили по полушариям ее налившейся сладкой истомой груди, отрывисто, грубо, но в следующий момент их сменяли его губы, зацеловывающие отзвук затихающей боли. Настя потеряла над собой контроль. Толкала бедра навстречу его эрегированному члену, скользящему по створкам малых губ и клитору дразнящей лаской, кусала губы, в тщетной попытке не выпустить из горла крик горячей мольбы. Как она могла строить стратегические планы и рассчитывать на то, что останется в его руках невозмутимой? С ним только гореть и сходить с ума, позволив желанию писать свой свод нерушимых правил, иначе никак.

Финальное столкновение бурлящих горных озер и крепкого коньяка их затуманенных взглядов. Тело Насти выгнуло судорогой навстречу своему мужчине, голосовые связки сжались в сладострастном крике, когда он вошел в нее одним толчком на максимальную глубину. По стеночкам влагалища прошла волна сумасшедшей сладкой дрожи, оно сомкнулось вокруг него обволакивающим пульсирующим жаром. Настя отдалась этой сладкой власти самого дорогого для нее человека с ранее неведомой покорностью. Осторожное, медленное скольжение вперед и обратно сводило ее с ума, и она едва не расплакалась от облегчения, когда толчки ускорились, пронзая ее с каждым ударом, казалось, до самого сердца. Ладони Насти заскользили по его спине, оставляя ногтями отметины единения, скользнули к копчику, к твердым ягодицам, сжали с неистовой силой. Потерять стук его сердца и отрывистые движения бедер для нее сейчас было равносильно смерти.

Побег яркого цветка, согретый этими животворящими лучами, потянулся вверх. Сжатый бутон замер, насыщая свои лепестки сладострастием за гранью возможного. Движения Влада ускорились, бедра напряглись, меняя угол проникновения, задевая точку «джи». Крики Насти уже разносились по всему дому, ногти чертили крестики-нолики на коже любовника, тело превратилось в сплошную эрогенную зону. Светло-розовые лепестки бутона налились алым свечением, перед тем как раскрыться сверхзвуковым хлопком, затопив ее волнами потрясающего оргазма. Торнадо алых лепестков и огненных искр закружило тело девушки в самом сладострастном танце. Волны запредельного экстаза, казалось, накрыли ее всю, ударили россыпью ярких брызг по сердцу и сознанию — неистовые, стремительные, не желающие утихать и стремящиеся продлить эту невыносимую сладость освобождения на максимально долгий срок. Она ничего не слышала и не видела, скорее, почувствовала, как струи спермы выстрелили внутри, подняв финальную волну затихающего оргазма. Она лишилась всех органов чувств, страсть заменила их все...

Возвращение в реальность казалось едва ли не предательством. Больше всего Насте хотелось замереть в этой невесомости и никогда не возвращаться. Но сердце постепенно выравнивало свой ритм, звон в ушах утихал, а вихри золотистых искорок перед глазами рассеивались в мельчайшую пыль. Но осталось тепло его сильного тела, накрывшего ее, подобно щиту, судорожное дыхание, ласка пальцев, снимающих слезы с ее ресниц,

скользивших по контуру лица успокаивающим аккордом. Всхлипнув, Настя спрятала лицо на его плече, сильнее сжав руки, словно опасаясь, что ее сейчас оставят одну. Ей было наплевать на то, как это выглядит. Слабость? Черт возьми, пусть будет так. Ей не стыдно проявить слабость в объятиях того, кто был, и теперь она точно знала, остался смыслом ее вселенной. Ей хотелось сбросить груз ненужной силы и забыться в его надежных руках. Стать женщиной во всех пониманиях этого слова. Настоящей женщиной под защитой этого потрясающего мужчины.

— Я не сделал тебе больно?

Настя счастливо зажмурилась, ощутив прикосновение его губ к своей макушке. Хотела покачать головой, но ничего не сделала, не желая терять его тепло даже на долю секунды.

— Ты... порвал мое платье... — прошептала в пульсирующую венку на его ключице, прижимаясь еще сильнее, вбирая в себя такое родное и давно забытое тепло.

Влад хрипло рассмеялся и зарылся лицом в ее волосы.

— Чудо ты мое смертельно опасное. Что ж ты заставляешь меня жить не по понятиям, а?

Настя пожала плечами, счастливо вздохнула и оставила на его коже нежный поцелуй. Влад ответил ей таким же судорожным, но восторженным вздохом.

— Черт, Настя, не шевелись. Дай ощутить тебя в полном объеме...

Насте хотелось плакать от счастья. От осознания того, что он наконец отбросил свои маски и стал настоящим. Искренним. Не боящимся своих чувств. Открывшимся ей без остатка. Она замерла, остерегаясь потревожить этот чудесный момент неосторожным движением или дыханием. Спустя девять долгих лет она вновь обрела свое счастье. Буквально вырвала его у суки-судьбы. Практически на пороге гибели. Собрала все свои силы для финального броска и победила.

Потерявшие силу полета пули зарылись в холодный песок, револьверы лишились своего смертельного предназначения. На выжженной земле поля боя появились первые побеги цветов и трав. Эта война завершилась в шаге от начала смертельного поединка.

— А вот теперь я покормлю тебя с рук, моя бастующая девчонка!

Настя протестующе застонала. Она лучше умрет с голоду, чем потеряет его тепло. Переплела свои пальцы с его и сжала кулак. Она не отпустит. Применит силу, если понадобится, но ни за что не отпустит. Они потеряли счет времени. Просто лежали, слушая дыхание друг друга и вбирая тепло яркого солнца, которое теперь светило только им двоим в воссозданном уникальном мире.

Часы монотонно тикали, но никто из них не смотрел на циферблат. Воистину, счастливые часов не наблюдают. Настя слушала рассказ Влада о том, как его пытались похоронить заживо, и в душе бушевала ярость. Когда она доберется до Шаха, заставит его самого рыть себе могилу. Никаких лопат, руками в мерзлой земле. И он будет стараться, потому как за каждую минуту промедления она лично будет отстреливать ему пальцы. Может, даже даст ему выбор: погребение заживо или душ из бензина с последующим чирканьем спички... О, даже этого будет мало для того, кто убил ее дорогую подругу и хотел отправить на тот свет любимого человека.

— А я не верила, что ты умер. Но Хаммер предоставил веские доказательства...

— Каюсь, но глупо было кидаться на амбразуру с голыми руками. Надо было об этом молчать и восстанавливать силы. А тебя спрятали очень хорошо... А Хаммер тот еще мудака.

— Я думаю, судьба все равно существует. И если нам суждено было встретиться, никто

и ничто не смогли бы этому помешать...

В полночь они все же добрались до остывшего ужина. Именно добрались. После еще двух раундов их сладостного соития пошевелить рукой или ногой было проблематично.

— Когда я вернусь и наконец покончу с этим уродом? — невинно осведомилась Настя, вонзая зубы в сочную мякоть апельсина.

— Повремени несколько дней. Спикер сбился с ног, пытаясь тебя отыскать. А потом вроде как успокоился.

— Гематома сойдет. А жаль, прокатила бы как часть алиби.

— Настя, я обо всем позабочусь. Я не позволю тебе рисковать. Мы продумаем каждый твой шаг. Именно для этого нужно время.

— А я думаю, не только для этого... правда, Лидер? — девушка рассмеялась, встретив его теплую улыбку.

— Ты меня видишь насквозь. Даже нечестно. Но давай договоримся: как только уберешь Шаха, уходишь оттуда. Война с Синдикатом — не твоя война. Со Спикером я разберусь сам.

— Ты вознамерился сам возглавить Синдикат после его смерти?

— Мне придется. Ты и сама понимаешь, что те, кто может прийти на место Антона, продолжат его политику в столице. Ничего не изменится.

— А что изменишь ты? У тебя свои представления, с которыми многие не согласятся. С ними будет очень тяжело справиться. Ты не думал об этом?

— Можно править согласно кодексу чести криминального мира, а можно как Спикер, не гнушаясь беспредела. Я не буду продолжать его политику. В первую очередь — искореню торговлю живым товаром. Спикер намеренно режет законопроект о легализации проституции. Для него главное прибыль. Транзит в экзотические страны я прикрою довольно быстро. Торговлю органами в том виде, в котором она существует — тоже. Дети в стране гибнут от порока сердца, тогда как Синдикат огребает миллиарды на продаже органов за рубеж. Будет учетная система. Возрождение стабильности в стране. Наркотики я тоже пересмотрю.

— Ты идеалист, Влад. Что же останется?..

— Настя, я далеко не ангел. Но у меня есть свои понятия. Остается оружие. Полезные ископаемые. Драгметаллы. Тут придется идти прежним курсом.

Настя отбросила кожуру апельсина в сторону и подвинула колени к груди, зажмурившись от саднящей боли между ног.

— А тебе известно, что есть претендент на место Спикера?

Чтобы Влад не просчитал эту возможность? Ему и тут удалось ее удивить.

— Знаю. Как и то, что он согласится на мои условия. Никакой войны. Никаких угроз. Этот серый кардинал политики сам предпочтет остаться в тени. Ему нужен исполнитель.

“Крестный, а ты как раз этого и не учел, — подумала Настя. — Но, пожалуй, стоит наконец тебя поздравить. Ты почти сделал идеальный выбор...”

Глава 20

9 лет назад

Нет, она не рассчитывала на то, что попала в детский оздоровительный лагерь, когда впервые переступила порог “Обитатели ангелов”. И отец, и Гуляев достигли запредельного

уровня в мастерстве запугивания, пытаюсь отговорить ее от этой затеи.

Две недели. Прошло ровно две недели, с тех пор как она просмотрела ту самую запись, на которой “ангелы” так легко, словно играючи, расправились с ее обидчиками. Чуть меньше двух недель, с тех пор как она поняла, что никто не призовет к ответу Шахновского, а ее саму решили вывезти из страны и спрятать. Говорили, в целях безопасности, а на деле — чтобы не задавала излишних вопросов о несправедливом устройстве этого мира. Ну да, так и сказали: “этого мира”. А ее собственный мир едва не рухнул, когда она поняла, что мир делится на два типа людей: тех, к кому применимо возмездие, и тех, кто мастерски его избегает.

Очередным ударом стал тот факт, что Влад ее не ищет. Вообще не пытался найти. Может, даже не вернулся в город, не стал выполнять свое обещание. Кто она ему такая? К тому же пыталась перейти дорогу члену его банды. Что толку, что он защитил ее тогда от ударов Шаха?

Настя засыпала в слезах. Если раньше — в слезах боли от потери Светы, то сейчас — в слезах ярости и бессилия. Что она могла сделать? Ничего. Проглотить. Забыть. Надеяться, что когда-то, может быть, когда Шахновский прощрафится, его удастся призвать к ответу... Гребаная каста неприкасаемых. И убийца ее подруги — один из этих избранных.

Но боль отчаяния не длится долго. Сознание рано или поздно включает защитные резервы и находит выход из создавшегося положения.

Гуляев навещал ее практически каждый день. Так уж получилось, что с ним ей было легче, чем с отцом, который так часто нервничал и срывался на крик. В те дни Настя практически его возненавидела. Крестный же всегда находил разумные доводы и аргументы. Настя не знала, что его за глаза прозвали “серым кардиналом”. Как не знала и того, что к нему был вхож глава Синдиката Спикер. При действующей криминальной власти тому иногда нужно было заручиться их легальной поддержкой. Тогда крестный ей этого не рассказывал, да и Настю куда больше интересовали “ангелы” и все, что с ними связано.

После таких бесед у нее буквально выросли крылья. Вот он, ее шанс прижать однажды своего обидчика к стене! Пройти подобную подготовку и через пару лет явиться к нему карающим ангелом. Этаким героиней фильма “Никита”, красота которой убивает наповал... а если не сразу и не наверняка, все решает револьвер 45-го калибра. Или даже не так. Та самая “вертушка”, в результате которой у Бензопилы треснул череп. Если верить крестному, там учили убивать одним взглядом.

С появлением подобных фантазий Настя больше не засыпала в слезах. Наоборот, уносила в сны на волне запредельных образов — один ярче и сказочнее другого. Вот она появляется в спальне Алексея с самурайским мечом в руках. Желтый костюм Умы Турман ей никогда не нравился, лучше латексное боди женщины-кошки. Без маски. Во-первых, примнет прическу (в фантазиях Насти у нее всегда были длинные белые волосы), а во-вторых, надо, чтобы Шахновский ее узнал. Она даст ему несколько минут офигеть от своего появления. А потом одним махом катаны снесет его голову с плеч. Может, даже крикнет: “Смотри, Света, я дарю его тебе! Ты отомщена!” После чего воткнет меч обратно в ножны за спиной и ловко спустится с высокого этажа. Уйдет незамеченной...

Или даже не так. Появится на одном из светских мероприятий, где будет присутствовать Шах, в этот раз в дорогой маске... может, даже из золота. И обязательно в золотом платье, как у Шарлиз Терон в рекламе парфюма. Алексей гарантированно потеряет голову и захочет продолжить вечер в более интимной обстановке. Она к нему не поедет, увезет его в свой

загородный дом (он же у нее появится через два года?), усадит в кресло, нальет вина — и все это не снимая маски. А потом... потом будет смотреть, как он корчится на полу в агонии, выпив отравленный напиток с заблаговременно подсыпанным цианидом. И вот тогда снимет маску и обо всем ему напомнит, глядя прямо в глаза...

Или лучше совсем иначе. Может, он уже женится к тому времени. Может, даже на сучке Лиз. Детей... нет, детей у них не будет. Такие, как эти твари, не достойны иметь детей. Наверняка в “Обители ангелов” у нее появятся надежные друзья, готовые стоять плечом к плечу. Они вломятся в дом четы Шахновских. Проникнут в их спальню. Сперва прирежут на глазах у Шаха его жену, а Настя... она сама ничего делать не будет. Только сидеть в кресле и сладким голосом повествовать о неотвратимости наказания. Собратья все сделают сами...

Наивная девчонка, которую даже недавнее происшествие не смогло окончательно лишить иллюзий и веры в справедливость! Она так свято верила в то, что в том лагере обретет преданных друзей, добрых наставников, а все умения, которые приходят с годами, дадутся ей в кратчайший срок! Что учеба в институте, которой ее так жестоко лишили, не слишком отличается от подготовки бойца секретного назначения. В своих фантазиях она стреляла от бедра, крутила в воздухе сальто, уворачивалась от пуль, как в “Матрице”, а укладка, макияж и одежда всегда были в идеальном порядке. Возможно, однажды на поле боя добра со злом она встретит Влада. В образе Бэтмена. Или Джеймса Бонда. Да хотя Франкенштейна, но главное — в образе героя. И тогда все у них будет зашибись. А пока только подождать и набраться опыта. Года ей хватит? И еще год, чтобы построить тот загородный дом, купить золотое платье и отрастить длинные белые волосы. Да вполне! Она что, боевиков не смотрела? Там все так и происходит. Ну, иногда кусают радиоактивные пауки или летучие мыши, а в целом сюжет один и тот же...

Гуляев поначалу посмеивался над ее желанием попасть на эту базу. Думал, блажь, пройдет со временем. Еще и отец намекал, что у него хватит сил “поступить” дочку в Гарвард или даже Хогвартс. Нет, Настю уже нельзя было заманить туда ни под каким предлогом. Она хочет стать спецагентом. Даже позывной себе придумала. Валькирия. А почему бы и нет? Стрелять она умеет, даром, что ли, на полигоне с отцом так часто прохлаждалась? Драться? Научат. Бежать от врагов уже умеет через поля, держась вдали от населенных пунктов. Да она станет там лучшей в первые же дни. Инструкторы будут охать и восхищаться. Другие курсанты — пить с ней водку, защищать ее спину и звать своим парнем, втайне мечтая о чем-то большем. И обязательно помогут ей расправиться с Шахновским, когда курс подготовки закончится. Новая жизнь представлялась ей настолько яркой и захватывающей, что Настя смеялась в ответ на доводы крестного.

— Настя, я тебе поясню. Меня там не будет. Папы — тоже. Никто из нас не имеет права вмешиваться в процесс подготовки. Ты думаешь, это похоже на школу, в которой шесть уроков, и после этого свобода? Ты не выйдешь за периметр базы как минимум год. Тренировки начинаются в пять утра и прекращаются зачастую за полночь. Иногда вообще не придется спать. Там нет няnek и классного руководителя. Там действует правило естественного отбора. Каждый при случае будет намереваться пустить тебе пулю в спину, ты для них — конкурент, а не “братан”. Там не будут выносить тебя из-под пуль на себе и рвать на груди последнюю рубашку, чтобы перевязать тебе раны. Другие курсанты сделают все, чтобы ты сбежала оттуда в первый же день. Ты все видела сама. Большинству лет под тридцать, это крепкие мужики, некоторые из них прошли войну, некоторые — зону. Девушки тоже пусть тебя не обманывают своим видом. Бабе, прошедшей подготовку, платят

гораздо больше, поэтому каждая из них с легкостью плеснет тебе в лицо кислотой, чтобы нельзя было использовать на публичном задании.

Тебе придется жить в казарме. Никакой косметики, маникюра, новых туфель. Мыло, полотенце, зубная щетка и расческа. Если отберут, никто никому не настучит по рукам. Каждый там сам за себя. Это даже не армия. Инструкторы не вмешиваются в отношения курсантов. Там власть сильнейшего, которого выбирают сами “ангелы”. Власть — не пустой звук. Ты просто не сможешь с этим бороться, съедят в миг. Это не школа. Тебя могут изнасиловать, и никому ничего за это не будет. Никаких жалоб руководству. Проявишь слабость — вылетишь за двери, если не кокнут свои же. Я серьезно тебе говорю. Это не пансион благородных девиц. Всё в “Обители” построено на том, чтобы выявить сильнейшего. Вожака, лидера. Идеального бойца. Такие, как ты, там не выживают.

— Я выжила в школе. У меня есть же некоторая подготовка.

Сказать, что Настя не воспринимала всерьез слова крестного, было бы неверно. Понимала, что в каждой стае есть свой вожак и идет борьба за выживание. Она докажет, что сильная. Пусть хоть кто-то ее тронет. Хватит, надоело быть жертвой. Пора дать отпор всем, кто попытается обидеть. Порвет в клочья, если понадобится, и заставит себя уважать. Выживать ей не впервой.

Крестный был непреклонен. И тогда Настя начала свою войну. Почти сбежала из дома и даже добралась до станции. Отец хватался за сердце, а Настя стояла на своем. Хочу стать сильной. Лучшей. Если нет, прямо сейчас разберусь с Шахновским.

Она понимала, что не сможет разобраться. Отчаянно блефовала. Но ее уверенность в том, что она должна пройти подготовку именно там и отомстить своему обидчику, крепла с каждым днем.

То, что отец сдался, она поняла из разговора с крестным. Гуляев больше не смеялся над ней и не подшучивал. Наоборот, стал предельно серьезным и начал давать ей ценные советы. Резал сухим цинизмом, даже вызвал у Насти некоторые сомнения относительно принятого ею решения, но больше не отговаривал.

— Запоминай. Ты все должна делать, даже через “не могу”. Если не получается, находить время и тренироваться сама. Изучать своих коллег по цеху. Знать их слабые стороны. Если ситуация потребует от тебя прогиба, засунуть гордость и веру в справедливость куда подальше. Иногда можно выжить именно так — притворившись слабой. Пусть недооценивают. Тебе сразу захочется выкинуть свои козыри, чтобы завоевать место под солнцем. Нельзя так делать. Твою силу легко повернут против тебя же самой. Ни я, ни отец не сможем там тебе помочь. Переступишь порог базы, знай: ты сама по себе. Думай, как не позволить себя сломать. Скорее всего, ты там самая младшая будешь.

Настя слушала его, делая пометки в блокноте. Иногда сомнения брали верх, она готова была отказаться от своей цели... но молчала. Гордость не позволяла это показать.

— Получишь оружие — не спускай с него глаз. Козни там не редкость. При работе в паре рассчитывай сама на себя. Никто не станет тебя тянуть, ты конкурент каждому из курсантов. По выживанию в экстремальных условиях сейчас сжатый курс, читай книгу и запоминай. Часто гибнут от жажды и переутомления, а не от пули. Все, что дают, съедай до крошки, даже если покажется несъедобным. Понадобится очень много сил. И запомни: каждый из них тебе враг, друзей у тебя нет. Если ты докажешь свою силу, они у тебя появятся. Но всегда найдется тот, кто будет плести интриги и скинет тебя с пьедестала. Если, конечно, ты на него однажды взберешься.

Уже потом она поймет, почему отец и Гуляев все же пошли ей навстречу. Никто из них не верил, что хрупкая девочка с сильной моральной травмой продержится там больше суток. Как выбить блажь из мыслей, по сути, ребенка? Только так. Окунуть головой в унитаз и показать изнанку красивой сказки. Жестоко, но действительно. А пока Настя, окрыленная жаждой мести своему врагу, изучала по разным энциклопедиям и куче пособий как оружие, так и способы добычи воды и огня в безлюдной местности, нюансы маскировок и прочих хитрых фишек. Многие из них, со слов крестного, были известны юным скаутом, но при подготовке на них не акцентировали внимание, считая, что это базовый набор знаний, которым должен обладать каждый новобранец. Настя стерла ладони при попытке добыть огонь методом трения, но в итоге у нее получилось. Крестный даже заставил ее тренироваться в лазании по деревьям. У девушки кружилась голова, болели мышцы, но она не сдавалась. На пятый день уже с легкостью взбиралась на ветви, не обращая внимания на саднящие ладони. Он научил ее также основным приемам самбо. По его мнению, этого было достаточно, чтобы Настя отбила атаку курсантов. Новеньким любили устраивать “прописку”, которую мало кто выдерживал. Но Настя должна была показать, что она не чокнутая малолетка без каких-либо навыков.

Она без лишних слез попрощалась с отцом и Алиной около часу назад. Потом долго ехали вместе с Гуляевым, удаляясь все дальше и дальше от окрестностей столицы. И вот она на новом этапе своего пути. У входа в таинственную «Обитель ангелов». Везде охрана. Собаки рвали поводки, когда Гуляев остановился перед огромными воротами. Настя не нервничала. Решимость придала ей храбрости. Стояла спокойно, одетая просто: в кроссовки, джинсы и футболку, за спиной рюкзак с туалетными принадлежностями. “Лишнего не бери, отберут”, - предупредил крестный. Но Настя его не послушалась. Положила к смене белья кружевные трусики, бальзам для губ и масло для тела. Да, тогда она плохо понимала, в какую преисподнюю шагает. Вернее, не понимала совсем.

— Это “парадный вход” для отвода глаз, до казарм вас отвезут. Старайся слушать внимательно. Меня там не будет. — На прощание он поцеловал ее в лоб.

Настя зажмурилась, предвкушая свое будущее, которое вовсе не казалось ей мрачным, отбросила стеснительность и вошла в открывшиеся ворота. В “Обители ангелов» не было армейских казарм. Всё, что Настя успела увидеть, — аккуратные домики, стоящие рядами посреди тенистого парка с аккуратно подстриженными самшитовыми аллеями.

Сам Терминатор (крестный предупредил, кто здесь главный) ей скорее понравился, чем напугал. Вежливый и отчасти доброжелательный, хотя она готова была к воплю “упала-отжалась”. Просмотрел ее медицинскую карту, задал несколько вопросов и выразил надежду, что она у них задержится. Во втором здании симпатичная женщина в дорогом костюме провела ряд психологических тестов. На этом дружелюбие “архангелов” закончилось. Насте велели пройти на большую парковку и грубовато затолкали в микроавтобус, где уже сидели трое: мужеподобная деваха, картинно смазливый парень и мужчина лет тридцати. От его взгляда Настя непроизвольно съёжилась.

— О, бэби, давай выбьем отдельную казарму? — оживился красавчик. — Ты мне отсосешь, а я за тебя сдам прыжки через козла. Забились?

Деваха уперла ладони в расставленные колени, презрительно оглядела Настю и сплюнула на пол, гадко хихикнув.

— Ну все, белоснежка, вилы тебе. Что в песочнице не сиделось?

— Тишина, шушваль! — гаркнул водила. — Чтобы мне без происшествий, не то урою!

Да уж, первые шаги выдались не особо приятными. Телка, которая назвалась Любаней, всю дорогу сыпала угрозы и обещала в первую же ночь в казарме устроить Насте “темную”. Красавчик предложил ей и Насте подраться в грязи за его внимание. А молчащий всю дорогу мужчина с неприятным взглядом напоследок шлепнул Настю ниже спины.

— Валила б ты домой к маме с папой, дура. Порвут же тут тебя.

Настя старалась не реагировать на эти провокации. Сидела прямая, словно спица, и невозмутимая, как будто считала ниже своего достоинства опускаться до разговора с попутчиками.

— Мясо прибыло! — гаркнул водила, когда Настя спрыгнула на асфальт и прикрыла ладонью глаза, шурясь от яркого солнца.

Широкоплечий инструктор с глазами убийцы повернулся к новоприбывшим, что-то отрывисто сказав двум мужчинам, оставшимся за его спиной, и обманчиво расслабленным шагом двинулся навстречу. Он был похож на опасного хищника. Не тигра, не волка. Скорее, на медведя или росомаху.

— О, как мы безумно рады нашим гостям, какая честь!

Настя сразу уловила в его голосе издевку. Красавчик захихикал, а Любаня предложила в ту же минуту уединиться в бане для прохождения детального инструктажа. Инструктор забавлялся происходящим с уверенностью охотника, который уже загнал свою дичь. Послал тупорылой девахе улыбку, от которой у Насти все похолодело внутри, посмотрел на красавчика, как на молодого Ди Каприо на ковровой дорожке, якобы приветственно кивнул мужчине и сдвинул брови, намеренно задержав взгляд на груди Насти.

Похоже, она одна поняла все еще до начала инструктажа: тренер забавлялся и намеренно играл в “своего парня”. Выпрямилась по стойке смирно, в отличие от коллег, глядя прямо перед собой и стараясь не показать волнения. Именно правильная оценка ситуации позволила ей подготовиться к тому, что произошло в следующую минуту, и даже не вздрогнуть от громогласного рыка этого орангутана в камуфляже.

— В строй, твари! Глотки захлопнуть!

Кажется, красавчик побледнел, Любаня заткнулась на полуслове. Старший из новобранцев стойко выдержал новый тон инструктора, Настя тоже. Никто ей не обещал, что будет легко. Она намерена была доказать тренерскому составу, что готова к любым трудностям, и не собиралась отступить от намеченного плана.

— И что мы имеем? Каждой твари по паре. — Инструктор заложил руки за спину, разглядывая строй из четырех человек, словно свалку мусора. — Поросенок, мальчик-звезда, переросток, полагающий, что он самый нев**бенный среди этого сброда, и принцесса. И у каждого одинаковый диагноз, раз в здравом уме решили приехать в наш санаторий. Шизики или просто дебилы?

— Я бы попросила... — обиженно прогнусавила Любаня и тут же согнулась в три погибели от резкого удара инструктора кулаком в живот. Настя с трудом подавила испуганный крик и осталась стоять на месте, глядя перед собой.

— Кто еще хочет о чем-то попросить? Ты, Джастин Бибер? Переросток? Ты, сбежавшая из яслей?

Он остановился напротив Насти.

Девушка ощутила головокружение от страха, но какая-то неведомая сила позволила ей устоять на месте и не дрожать под цепким взглядом инструктора.

— Что такое? Просьбы кончились? Тампоны, бритву «Жиллет», лак для волос? Может,

погремушки? Что, никаких пожеланий?

Красавчик закашлялся, получив удар в плечо.

— Я сказал, стоять, и смирно! Мое имя Хаммер. Запомните, потому как оно станет синонимом вашей смерти. Вы здесь никто, тупой сброд, и ни один из вас тут не продержится больше недели. Кто-то хочет домой к маме и папе? Даю последний шанс ответить и свалить, потому как в следующий раз вас отсюда вынесут!

Никто не проронил ни слова. У Насти заныла спина от напряжения, но ее решимость сейчас не позволила запугивающему тону инструктора проникнуть в сознание. Она намеренно пропускала мимо ушей угрозы, стараясь запоминать озвученные между страшилками правила. Когда их погнали к казармам, почувствовала кожей, что Хаммер смотрит ей вслед, и даже воспрянула духом. Инструктор оценил ее стойкость!

В самой казарме с дощатым полом и пыльными окнами было пусто. Пять заправленных кроватей, небольшие тумбочки, умывальник... и все. Любаня, все еще держась рукой живот, с разбегу упала на постель, которая занимала самое выгодное расположение у окна. Похоже, эта дура не видела никаких краев. Даже в том, что на тумбочке лежали какие-то нехитрые туалетные принадлежности, а на спинке кровати была повязана красная лента. Конечно же, им никто не пояснил, какая из коек свободна. Настя вычислила это по более свежей наволочке на подушке и пустой тумбочке, сбросила с плеч рюкзак и присела, разминая шею.

Но отдохнуть им не дали. Двое крепких парней занесли комплект одежды и грубо швырнули прямо в девушек. Один молчал, другой гадко ухмылялся.

— На обследование, потом в душ, красавицы!

Настя подхватила комплект одежды из футболки и штанов, поспешно натянув рюкзак обратно. Пришлось следовать за местными командирами в санчасть.

Медосмотр она выдержала стойко, несмотря на унижительность процедуры. В душе была только холодная вода. Потом окажется, что теплая тоже имелась, но новичкам сразу решили показать, что они не в сказку попали. Любаня притихла, начав наконец осознавать серьезность положения, и даже попыталась выведать у Насти, что она думает об этом “гестапо”, когда в предбаннике послышался шум. Не прошло и минуты, как в душевую походкой уверенных в себе хищниц вошли три девушки.

Две из них были молодыми, может, ненамного старше Насти, а третья, яркая брюнетка с красивым голубым оттенком глаз и пышными формами, наверняка перешагнула рубеж тридцати лет. В полотенцах, повязанных поверх груди, и в резиновых банных тапочках они создавали обманчиво безобидное впечатление, но Настя все равно инстинктивно напряглась и поспешила смыть мыло с волос, чтобы быть готовой к любым неожиданностям.

— Ну что, сучки, похоже, у нас новая кровь, — старшая сощурилась, разглядывая Настю. — Эту можно пихнуть ночью ребятам в обмен на курево. А ты, доярка из Хацапетовки, каким ветром?

Настя ничего не ответила, даже показательно медленно смыла мыльную пену с руки, хотя больше всего на свете ей хотелось моментально вытереться и замотаться в полотенце. Ее же товарка относилась к типу людей, про которых говорят “иногда лучше жевать, чем говорить”.

— Ты бы базар фильтровала, тетка. Полотенце мне подай.

Яркая брюнетка усмехнулась. Ее ухмылка была поразительно похожа на обманчивую улыбку Хаммера. Одна из девушек склонила голову набок.

— Слышь, Гюрза, а деревня не в меру борзая. Дай я ей придатки отобью?

— Ласка, где твои манеры? Не видишь, дитя курятника волнуется. Что мы, звери? Мы ангелы, должны держаться вместе.

Настя вспомнила, что видела ее на записи. Именно эта блондинка расстреляла Пожарника. Желание пожать руку этой девчонке угасло, стоило поймать ее взгляд. В нем было обещание чего-то ужасного. Но ведь Настя ничего плохого ей не сделала!

— Полотенце! — почти ласково процедила Гюрза. — Девочки, поможем новичкам влиться в нашу команду. Доярочка, выходи уже оттуда, теплую воду-то отключили!

“Не ведись, дура!” — мысленно закричала Настя, когда Люба послушно шагнула навстречу королеве улья, которая дружелюбно расправила полотенце, словно и вправду намеревалась вытереть ей спину. Настя быстро осушила влагу на коже и завязала на груди полотенце узлом, отчего-то готовая прийти на помощь той, которая еще совсем недавно ей угрожала. Но не успела, все произошло довольно быстро. Люба сама не успела понять, что произошло, когда оказалась на полу, скорчившись и глухо завыв.

— Стояла б ты на месте, — ласково посоветовала Насте Ласка.

Другая девушка, похожая на киноактрису, гортанно засмеявшись, скинула полотенце и шагнула под душ, словно ничего необычного и не произошло. А Настя оцепенела, наблюдая за жестоким избиением подруги по несчастью. Гюрза не позволила той подняться с пола, методично наносила быстрые удары ногами, пока ее жертва не захрипела и не затихла. Настя сжала кулаки. Если эта сука сейчас тронет ее, она за себя не отвечает. Просто выбьет ей глаза тем самым приемом, который теоретически описал крестный, но продемонстрировать не решился.

— Валила бы ты отсюда обратно в школу, — таким же ласковым тоном посоветовала Ласка, ухмыльнувшись на сжатые кулаки Насти. — Давай так, малолетка, беги к Хаммеру и говори, что перепутала базу с секцией балета. Порвут ведь.

— Готова, — Гюрза поправила узел полотенца на груди.

Люба затихла на полу, закрывая голову руками. Брызги крови атели на грязно-белой плитке пола вокруг нее.

— Одной мечтательницей в хате меньше. А что делать с этим детским садом?

— Я тебя умоляю, не трать силы, Лена.

Самая спокойная из девушек размазывала по телу гель для душа с тонким шоколадным ароматом. Предмет запрещенный, а оттого подчеркивающий статус его обладательницы.

— Да ее после сегодняшнего курса молодого бойца вперед ногами вынесут с поля. Хаммер наверняка в бешенстве от нового поколения лузеров. И лучше бы ей сохранить товарный вид до вечера. Ты же хочешь получить дополнительные бонусы от сержантов? Я лично их ласками сыта по глотку, пусть новенькая отрабатывает.

От Насти не укрылось, что Ласка вся подобралась и напряглась при приближении брюнетки, которую называли Гюрзой. Похоже, эта дама держала девчонок в ежовых рукавицах. Настя потом узнала, что Гюрза здесь уже третий год, достигла небывалого мастерства и даже успешно провернула одно из заданий. Умная, опасная, любимица инструктора Хаммера в прямом понимании этого слова. У нее были привилегии, о которых Настя еще долго не могла мечтать. Надо было быть совсем больной, чтобы допустить мысль о том, что она сможет переиграть элиту базы, но давать себя в обиду тоже не собиралась. Все так же сжимала кулаки, готовая драться при первом нападении. Но у Гюрзы, как оказалось, были на нее иные планы. Именно поэтому она ничего не сделала.

Любу забрали в санчасть двое ребят в камуфляже. Никому из участниц жестокой

расправы не сказали ни слова. Молча, словно жестокие избиения были здесь в порядке вещей. Девушки даже не напряглись при появлении мужчин, ничуть не стесняясь своей наготы, тогда как Настя залилась краской и поспешила одеться.

Вечером Настю и двух новичков заставили сдавать заоблачные нормативы. Бег, отжимания, пресс, подтягивание на турниках и преодоление препятствий. Поразительно, но она справилась. Да, легко не было, мышцы сводило судорогой, кружилась голова, но она просто делала это, отключив эмоции и усталость. И даже ощущала себя лучшей. Красавчик выбыл быстро, попытался показать гимнастический этюд и свалился с брусьев. Мужчина, который подмигнул ей на построении и вновь просканировал своим неприятным взглядом, справился с заданием играючи. Он, казалось, выглядел слегка расстроенным тем, что тренировки были легкими. У Насти горели легкие, дрожали мышцы, пот стекал по лицу, смешиваясь с пылью. Но достаточно было поймать ироничный взгляд инструктора, как чувство протеста вставало на дыбы, питая какой-то неведомой ранее силой.

— Так, Дракон и Принцесса, основной этап отбора прошли. — Хаммер никогда не проявлял излишних эмоций. — Но не советую радоваться. Вы у меня забудете покой и сон, пока я вылеплю из вас более-менее приличных бойцов!

На следующем задании Настя с легкостью пустила три пули из пяти в яблочко. Пистолет стал продолжением ее ладони, одобрение Хаммера — высшей благодатью, а железная решимость крепла с каждым успехом все больше и больше. Она полагала, что вписалась в систему с первого же дня, и в крови бурлил легкий азарт, несмотря на усталость и все те ужасы, что ей уже пришлось здесь увидеть и услышать. Но он ее не похвалил. Наоборот, посоветовал не задирать нос и пообещал все девять кругов ада.

Когда исполненную жаждой мести, не лишённую розовых иллюзий девчонку останавливали подобные слова? Она чувствовала себя валькирией. Даже усталость, которая валила с ног, была приятной.

В казарму девушка заползла (буквально) поздним вечером. Три уже знакомые ей женщины прекратили свои разговоры и игру в карты при ее появлении. У Насти так дрожали руки, что она выронила мыльницу, мышцы ломало не по-детски, и она не заметила, как переглядываются ее товарки. Наконец самая спокойная из них спрыгнула с кровати и направилась к Насте.

— На, возьми. А то от казенного мыла кожа сохнет вмиг.

Маленький брусочек розового мыла, наподобие тех, что можно встретить в люксовых номерах гостиницы, упал на постель. Ласка и Гюрза притихли, отбросив в сторону карты и внимательно наблюдали. Настя сухо поблагодарила, даже не задумавшись, во что ей выльется такой подарок и зачем такой акцент на нежности кожи. А эта девчонка, которую тут называли Графиня, ничего не сказала, вернулась к товаркам и что-то прошептала на ухо Гюрзе, перед тем как схватиться за свои карты и продолжить игру.

Настя слишком сильно устала, чтобы анализировать ситуацию. Направилась в душ, где в этот раз оказалась теплая вода, смыла с себя пыль и пот. Усталость так и не отступила. Когда она вернулась в казарму и завалилась на кровать, ее соседки уже спали. Или делали вид, что спят. От презента Графини кожа казалась неправдоподобно нежной и благоухающей ароматом тонких духов. Даже это не насторожило неискушенную в реалиях коварства девушку. Она уснула, сон сморил моментально после столь выматывающего и насыщенного событиями дня.

А потом ее грубо разбудили. Вернее, она проснулась за секунду до того, как ощутила

чь-то присутствие. Закричать не успела. Кто-то до боли сжал ее руки и развел в стороны, а на приоткрывшийся для крика рот опустилась липкая полоска скотча.

В казарме было темно. Паника вырубилась здравый смысл. Настя только понимала, что ее держат и за руки, и за ноги, лишив возможности пошевелиться, а чьи-то грубые руки шарят по ее телу, сжимая грудь и промежность. Не одна пара рук. Знакомое оцепенение от шока парализовало ее, и она ничего не смогла сделать, когда кто-то навалился сверху и разорвал хлопковые шортики прямо на ней. Крик заглушила полоска скотча, животный ужас сам все решил за нее. Настя билась в цепких оковах держащих ее рук, но в ее метаниях не было никакого смысла. А потом была боль. Они насиловали поочередно, мало заботясь о ее комфорте. Глаза так и не привыкли к темноте. Двое? Трое? Она даже этого не могла понять. Кошмар, от которого она сбежала совсем недавно, все-таки настиг ее здесь...

Сама Настя считала, что ее психика ушла в несознанку. Как объяснить тот факт, что она не сошла с ума в этот момент и даже не разревелась? Слушала свою боль, повторяла себе, что жива, пока ее чувствует... не понимала, откуда холодная апатия и какой-то блок в мозгах, который и не дал ей свихнуться в ту ночь. Даже не закричала, когда кто-то зажег фонарик, полоснув светом по пересохшей от долгого несмыкания век сетчатке. Разве что судорога, больше от психологического холода, прошла по телу, когда кто-то рывком сорвал скотч с ее губ.

— С крещением, малолетка, — она с трудом узнала голос Гюрзы. — Это только начало!

— Это что, мать вашу, за курево? — голос Ласки таял в ритме белого шума в ушах. От открытого окна повеяло. — За эту хрень пусть в следующий раз дрочат в туалете!

— Малявка б пятерых не выдержала. Можешь догнать прихвостней Бешеного и отстрочить им минет за ментоловые.

Гюрза выключила фонарик и шлепнула Настю по щеке.

— Ну, малолетка, ты поняла, что никто тут с тобой не шутит? Или завтра с**бешься домой, или готовься каждую ночь обслуживать ребят.

— Ты ей не забыла пояснить, что могут живой не отпустить? Терминатор помешан на неразглашении, — томно протянула Графиня.

Настя закрыла глаза, сосредоточившись на звоне в ушах, чтобы не слушать злорадные комментарии, мать вашу, своих сестер. В тот момент ей хотелось просто спросить, как они, женщины, могут так легко смотреть на ее мучения и не то что не впрячься, нет, а еще получить с того, что случилось с ней, бонус в виде сигарет. Она молчала. Молчала и не узнавала себя. Нет, бесследно изнасилование не прошло. Но сейчас сознание заточило ее боль в непроницаемые железобетонные стены. Условные и довольно шаткие, но такие необходимые, чтобы не сойти с ума. Они не рухнули даже утром, когда на рассвете прозвучала сирена, поднимая курсантов с постели.

Начался еще один день ада. Ада, который отчасти стал для Насти спасением. Она не чувствовала боли в истертом грубыми вторжениями влагалище, в утомленных мышцах и гематомах на предплечьях и запястьях. Отдалась своему животному началу, задействовав инстинкты, отключив эмоции, именно поэтому видела препятствия и с легкостью преодолевала их. Боль в боку осталась незамеченной. Она только отмечала комментарии Хаммера: километровый кросс с утяжелителями преодолен, колючая проволока — позади... даже не понимала, что все это сделала. Не пыталась вспоминать то, что произошло ночью, и искать в строю курсантов своих насильников, хоть и казалось, что все без исключения парни смотрят на нее как на кусок мяса. Лишь во время спарринга на миг очнулась от боли в

почках и осознала, что это инструктор неслабо припечатал ее дубинкой. Перевела взгляд на красное от удушья лицо противника и поняла, что не слышала требований разжать удушающий захват. Отпустила, потрясенно разглядывая свои руки. В зале воцарилась напряженная тишина.

— Малолетка без царя в голове... — прошептал кто-то.

Она заслужила свое прозвище “Крейзи” в первый же день интенсивных тренировок. Странная ирония судьбы: от непосильных нагрузок ломались даже мужчины, а Настя стремилась набраться сил и смертельных умений, уже наперед зная, что однажды жестоко расправится с теми, кто подверг ее такому унижению в первую ночь на базе.

Следующей ночью все повторилось. И потом снова. Иногда ей позволяли “восстановиться”, а затем насилие продолжалось. То, что здесь нет подруг и боевого единства, Настя поняла сразу.

Она пыталась сопротивляться. В первый раз ее просто избили. Затем снова, для профилактики. К концу адской недели она с ужасом поняла, что теряет силы. Такой кошмар для психики не мог пройти бесследно. На поддержание “щита” организм тратил все ресурсы. Сперва Настя упала в пыль во время кросса, затем не смогла сфокусироваться на мишени, отправив всю обойму в “молоко”.

О да, королева улья ей сделала поблажку. Настю едва не стошнило, когда Гюрза пришла ночью и попыталась ее поцеловать. Сил выбить зубы этой богине базы у Насти не было. Но дальше банальных слюнявых поцелуев и попыток довести Настю до оргазма пальцами дело не пошло. Она просто лежала и смотрела в темноту, а интуиция услужливо нашептывала ей жизнеутверждающие мантры.

Ничего, время твоего царства закончится. Ты не будешь королевой. Раз здесь играют далеко не честолобивыми методами, я приму эти правила.

...Хаммер выглядел раздраженным. Впрочем, это было его обычное состояние. Настя не понимала, почему его не боится. Может, он стал некой иконой, на которую она молилась одним-единственным способом — вылезая прочь из кожи во время тренировок и пытаясь доказать ему, что сможет, справится, изменит в его сознании стереотип слабой малолетки, которой место в песочнице.

— Что с тобой происходит? Объясни мне, ты сдохла? Почему перестала стараться?

Настя только пожалала плечами. Инструктор знал, что происходит. Знал, но, как и все, придерживался принципов невмешательства. Курсанты должны разобраться между собой сами. Точка. Если у тебя нет сил самой за себя постоять, как ты собираешься достичь высот?

— Принцесса, давай ты сама себе признаешься в том, что не тянешь. В этом нет ничего зазорного.

Настя уже знала достаточно про уклад жизни в «Обители ангелов». О том, что Хаммер два года как спит с Гюрзой и называет ее “своим лучшим проектом”. Лучшим, потому что тренирует ее дополнительно. Вооружил эту суку таким набором знаний и умений, что она практически неприкасаема. Что ж, Настя вынесла свой урок еще со школьных лет. Тогда она им не воспользовалась. Сейчас же не намеревалась пассивно ждать, пока ее затрахают до смерти и бессилия и отправят домой, окончательно поломанную и побежденную.

— Хаммер, я тяну. Я стреляю лучше всех в группе. Все, что мне нужно, — лишь немного сил для восстановления. И дополнительный курс.

При всей субординации инструктор не признавал пафосного “сэр”, заставлял называть себя по имени и, в общем-то, не был такой сволочью, каким его здесь считали. Вот и сейчас,

порывшись в ящике стола, кинул ей упаковку M&M's. Настя поймала их на лету.

— На, подкрепись, а то тебя половина по базе бегают. Захочешь пристрелить, промахнешься. Давай начистоту, принцесса. Какой дополнительный курс? Ты на основном сыплешься. Я не трачу время на бесперспективных курсантов.

— Я тебя еще удивлю. Просто научи меня тому, чему учишь тех, кто под твоим крылом. Я не прошу защищать меня от этих уродов или селить в отдельные апартаменты. Я прошу дать мне знания, которые помогут самой себя обезопасить.

— Ты знаешь, сколько таких просьб я выслушиваю каждый день? Какие деньги мне готовы платить и на какие жертвы идти? И что ты готова предложить мне взамен? Обещание, что перестанешь мазать с пяти метров?

Настя подняла глаза. Просто поразительно, как она повзрослела и поумнела за последние дни, как научилась видеть и понимать то, что скрыто от посторонних глаз. Хаммер хотел ее. Хотел исключительно молодое тело с красивыми формами, без всякой романтики. С трудом держал похоть в узде, слишком гордый и уверенный в себе, для того, чтобы просто на правах главного трахать ее при закрытых дверях, не заморачиваясь по поводу согласия. Достаточно было ее взгляда. Нет, она знала, что не будет легко.

Мужчина пожал плечами:

— Я не пользуюсь местами общественного пользования, принцесса.

Это было слишком прямолинейно, и даже больно. Настя не выбирала такую жизнь. Но пуститься в оправдания или же просить его защиты открытым текстом значило расписаться в своей слабости.

— Начни меня обучать, и никто меня не тронет. Кроме тебя. Не надо вмешиваться, просто научи дать отпор.

Тогда он ей ничего не ответил. Но Настя была наполнена ожиданием, которое придавало силы. И в тот вечер съездила по роже Ласке, пытавшейся отобрать у нее пакетик с шоколадными таблетками. Странно, но Гюрза и Графиня не вмешались, даже когда Ласка попросила придержать Настю, чтобы двинуть ей в ответ.

А через три дня Хаммер отправил Настю к психологу. К той женщине, что проводила тесты в первый день в “белом доме” обители. Насте она ничем особо не помогла, но Хаммер после этой проверки наконец-то принял решение. А Настя это почувствовала и вновь ощутила себя полной сил. Опять всадила все пули в центр подвижной мишени и довольно улыбнулась Хаммеру.

— Ну, Принцесса, попробуем. Но если увижу слабость, полетишь обратно, обслуживать парней за сигареты. Уяснила?

В тот вечер Настя удовольствия не почувствовала. Хаммер тоже не счел нужным заботиться об этом. Она просто закусила губы, когда его широкие ладони срывали с нее форму и грубо ставили в колено-локтевую, кусала их до крови, когда он в буквальном смысле слова разорвал ее до слабого кровотечения. Настя готова была закрыть глаза на его сдвиг по фазе касательно анального секса. Просто поняла, что этому варвару нравится чувствовать себя завоевателем и подыграла, балансируя на грани женской покорной уязвимости и сдерживаемой внутренней силы. Сжимала край одеяла до боли в фалангах. Сейчас любая боль была ее спасением. Она хотела стать лучшей. Сильной и непобедимой. К черту честолюбивые методы. Жизнь — сплошная проституция. Ты можешь с этим не согласиться, но тогда эта бесчувственная машина переедет тебя в два счета.

В ту же ночь ее блок слетел. Он просто стал не нужен. Настя проплакала несколько

часов в пустой душевой на холодном полу, повторяя себе, что не зря все это терпит, что это недостаточно высокая цена за право однажды расправиться с Шахновским.

Больше она не проронила ни слезинки, не считая рефлекторных от ветра, пыли, зевоты или исполнения “глубокой глотки” своему инструктору. Прошлое умерло для нее. Единственное, что осталось, — жажда мести и цель, к которой она готова была ползти, сбивая в кровь колени. Она знала, что выстоит. Ни у кого из лучших проектов Хаммера не было такой твердой цели, какая была у нее....

Глава 21

Сейчас Настя вспоминала прошлое без каких-либо душевных страданий. Ни отвращения, ни сожаления, ни царапающих сознание острых игл. В тот момент, прижимаясь к широкой груди Влада, переплетая его пальцы со своими, вбирая каждой клеточкой оголенных нервов тепло его тела, оно только улыбалась. Что значили несколько лет ада по сравнению с тем счастьем, что сейчас затопило их своим неистовым приливом? Никогда больше болезненным воспоминаниям не отравить ее душу и не погасить счастливую улыбку, от которой сводило скулы. Все осталось в прошлой реальности: ее чудесное спасение из лап Шаха, потеря близкой подруги, изматывающие тренировки, насилие, боль и хождение по краю пропасти между жизнью и смертью. Хотя не стоило кривить душой: последнее обстоятельство как раз не исчезло, а осталось при ней.

Она играла в свою игру на чужом поле боя. Живучая как кошка и отчаянная, как стадо чертей. Ангелы неуязвимы, а у кошек девять жизней. Но рано или поздно и этот лимит будет исчерпан.

Ей сейчас не хотелось об этом думать. Воссоединившись со своим любимым мужчиной и разрушив шаткие границы условностей, она ощущала себя практически бессмертной. Всего лишь женщиной, которая, сколько себе это ни повторяй и ни пытайся сломать закон природы, устала быть сильной. Она нуждалась в крепком мужском плече и каменной стене так же, как и остальные. Сколько этого ни отрицай, ничего не изменится. Даже если ты прокачала себя до бессмертного воина и можешь убивать одним взглядом, ты однажды просто замерзнешь без тепла и рассыплешься без поддержки родных рук.

Им было до боли жалко тратить время на разговоры. Минуты счастья и так убегали, словно песок сквозь пальцы, осыпались золотыми искрами страстных, жадных поцелуев, неистовых ласк, крышесносных взрывов их собственной вселенной с рождением новых, незнакомых прежде, ярких и неуязвимых звезд.

Время, такое безжалостно стремительное и непокорное каждому новому сжатию пространства. Насте казалось преступлением тратить драгоценные минуты на сон и прием пищи. Она не желала упускать даже мельчайшей частицы счастья, пила до дна из неиссякаемого источника, но утолить эту жажду не представлялось возможным, да и попросту не хотелось. Когда Влад покидал ее, чтобы уделить внимание основным делам, она мерила шагами комнату и часами вглядывалась в панораму заснеженного сада за окном. В такие минуты ей хотелось бросить все и остаться со своим мужчиной навсегда.

Мсть Шахновскому перестала кипятить кровь так, как это было раньше. Сейчас она казалась лишь очередным заданием, которое надо было выполнять не подключая эмоции и по возможности быстро. Нет, ни о каком щедром прощении речь не шла, но и восторг от свершившегося возмездия не будет таким ошеломительным на фоне тех волшебных,

волнующих ощущений, в которых Настя сейчас купалась, мало задумываясь о том, что будет дальше. Примерный план своих действий она знала и не собиралась от него отказываться.

Три дня пролетели в сладком забвении их соединившихся сущностей. Пазл сошелся. Меньше всего Настя ожидала, что когда-либо сможет выполнить четко поставленное, но бессрочное задание того, кто, по сути, вылепил из нее элитного бойца. Того, кто однажды изменит порядок вещей в этой стране и в этом городе. Того единственного, чье имя она не произнесла даже под воздействием сыворотки правды.

Он был умен и осторожен. Их связывали очень долгие и практически родственные отношения. Никому бы и никогда не пришло в голову задать ей вопрос об этом человеке. Работа на Спикера и ее жажда мести стала своеобразной психологической ширмой, которая охраняла от разглашения ее самую большую тайну. Чтобы выбить из нее эти сведения, любой дознаватель должен был прежде всего знать, о чем именно спрашивать.

Сейчас Настя была почти уверена, что “серый кардинал” прекрасно знает, где она. Знает, но сам никогда не вмешается. Ей нужно было совсем немного: просто вырваться отсюда и встретиться с ним. И это больше не было проблемой.

Кажется, не только она, но и Влад откладывал разговор до последнего. Слишком быстро бежало время, слишком жалко его было тратить на выяснение всех обстоятельств и слишком хорошо им было вместе. На все неозвученные вопросы уже был получен ответ. Без всяких слов, на ментальном уровне. Оставалось лишь расставить акценты.

— Как ты можешь быть уверена в том, что Спикер не организует свое расследование? Твое исчезновение не осталось незамеченным, — Влад крутил на пальцах локон ее волос, его теплое дыхание обжигало шею, рассыпая по телу золотые искры волнующего огня. — Перетрясли всех. Сейчас каждый под подозрением.

— Это хорошо, — дыхание Насти сбивалось от возбуждения.

В полумраке его глаза казались темными бриллиантами с хаотичным танцем пламени в их глубине. Она готова была в них тонуть бесконечно.

— Я готова спутать все карты торговцам людьми. Как ты думаешь, их первыми в расход? Можно с чистой совестью подставить Шахновского, но его я хочу уничтожить лично.

— Ты что-то мне не договариваешь... такая уверенность берет города.

— Именно. И ты хочешь стать у штурвала этой пиратской шхуны. А я готова помочь тебе в этом.

Их разговор растянулся во времени до самого утра. Страсть срывала предохранители, и слова Насти переходили в стоны экстаза под его сильными руками и губами. Он мог прямо сейчас выбить из нее оставшееся секретным самое главное ее задание одной инъекцией пентотала натрия. Он мог закрыть ее в своем загородном имении и никогда больше не отпускать. Просто поразительно, насколько сильны были чувства этого мужчины после долгой разлуки. Он любил ее жадно, неистово, но вместе с тем предельно нежно и бережно, словно боялся расколоть на осколки в своих сильных объятиях. Готов был закрыть ее стеной от жестокого мира, в котором она привыкла жить, и в то же время уважал ее стремления, цели и стратегии.

— Вместе? — спросил, прерывисто дыша.

Их тела были покрыты испариной после неистовой любовной схватки, пальцы рук переплетены, как и взгляды. Они тонули друг в друге и ловили одно на двоих биение сердца в этой звенящей тишине, наполненной искрящимися рядами их запредельных чувств.

Настя счастливо улыбалась:

— Вместе. Пора навести порядок в этом гребаном городе.

— Но я не подвергну тебя опасности.

— Влад, смирись с тем, что я тоже боец. Когда все это закончится, моим полем боя станет наш дом. Я буду печь тебе тот самый отвратный пирог с ежевикой, которым ты мне посоветовал отравить Шахновского, встречать с арены боевых действий в кружевном передничке на голое тело. И может, даже называть “зайчиком”, забыв о том, кто ты такой и как тебя все боятся. Но не жди, что я останусь в стороне от этого события. Если вместе, то во всем.

— Да у меня сердце разрывается при мысли, что я не смогу тебя защитить, что меня не будет рядом, когда тебе понадобится помощь!

— Просто поверь, что я найду такое логическое обоснование своему отсутствию, что Спикер при желании не сможет ни к чему подкопаться. И сделаю так, что скоро тебе не придется вести подпольные битвы. Ты же мне веришь?

В этот момент она действительно чувствовала себя валькирией. Или, что куда приземленнее, верной спутницей викинга-завоевателя, сжимающей его ладонь на корме драккара. Их взгляды были устремлены вдаль, рукояти мечей согревали руки, а воды штормового моря расступались, позволяя шхуне лететь вперед на всех парусах.

В эту ночь он был предельно нежным. Настя срывала голос до хрипа от запредельного удовольствия, стремилась слиться с ним воедино каждой клеточкой своего тела и сознания. Два отчаянных воина, бросивших вызов обстоятельствам. И эти обстоятельства дрогнули под напором высокого чувства, которое приумножило силу в десятки раз...

Он не стал сам ее провожать. Настя его не винила. Просто знала: стоит их губам и рукам соприкоснуться, он ее попросту никуда не отпустит. На въезде в город она поймала такси, на котором и добралась до дома. Кожа еще хранила его поцелуи и прикосновения, согревая теплом летнего солнца, несмотря на усилившийся декабрьский мороз. День клонился к вечеру, в городе зажигались огни и праздничная иллюминация. Скоро Новый год. Настя хотела все успеть за эти дни, чтобы, повинувшись традиции, в которую все свято верят, начать следующий год буквально с чистого листа.

В замке повернулся ключ. Настя не вздрогнула и не схватилась за оружие. Ей не надо было даже поворачивать голову, чтобы увидеть, кто нарушил ее покой. Она так и осталась сидеть на подоконнике, кутаясь в теплый свитер крупной вязки, и медленными глотками попивала вино из высокого бокала, вспоминая, как губы Влада скользили по атласной коже ее бедер, как его язык писал пролог самого красивого романа из всех, который когда-либо будет издан. Опасная, решительная, неукротимая и до безумия влюбленная Настя Краснова. Ныне Ангел Смерти и Мести.

Силуэт визитера слился в оконном отражении с огнями за стеклом. Он казался бесплотной тенью, неуловимым призраком, который имел способность проходить сквозь пространство. Настя так и не повернула головы и поморщилась от громкого стука стекла о деревянную поверхность столика.

— Полусладкое. Как ты и любишь. Кажется, прошлый век, не запомнил точной даты.

— Крестный, это было необязательно.

— Я настаиваю. С Новым годом, Настенька.

Девушка повернула голову, встретив спокойный взгляд “серого кардинала”. Гуляев нахмурился, увидев едва заметный след от гематомы на ее лице, но Настя поспешила

улыбнуться.

— Не поверите. Иду, никого не трогаю, тут асфальт как поднимется и как долбанет!

— Хорошее настроение?

Мужчина огляделся по сторонам. Не заметив штопора или еще чего-нибудь, что помогло бы ему открыть бутылку, поднял ее, удерживая за горлышко. Настя с любопытством наблюдала за его действиями. Когда Гуляев резко хлопнул ладонью по днищу бутылки и пробка вылетела, глухо шмякнувшись на пол, Настя спрыгнула с подоконника.

— Почему я так не умею?

— Должен же я оставить кое-какие приемы, неизвестные моему Ангелу.

Наполнил два пустых бокала, предусмотрительно оставленных Настей на столе.

— Ну, делись. По глазам вижу, что не терпится. Ты нашла нового короля?

— Крестный, от вас можно хоть что-то скрыть?

— От бывшего мента, теперь того, кто держит Синдикат в поле зрения? Настя, от меня ничего не скроешь. Садись, не стой босыми ногами на полу. Заболеешь, Корнеев любить не будет.

Она уже давно перестала чему-либо удивляться. Опустилась в кресло, зажав бокал между пальцами. Да есть ли хоть что-то, чего этот человек не знает? Она не была в этом уверена.

— И как долго вы собирались от меня скрывать, что он жив?

— Ровно до того момента, до которого это необходимо. Не в моих интересах было рассказывать тебе правду и ждать, пока ты поставишь готовящуюся годами операцию под угрозу. К тому же я приятно поражен интеллектом и осторожностью Лидера. До твоего исчезновения у меня оставались некоторые сомнения в том, что Лидер и Корнеев — одно и то же лицо.

— А если бы меня убили? Если бы он вкатал мне сыворотки правды под завязку и я рассказала, кто стоит за мной на самом деле?

— К сожалению, крестница, это бы стало твоим крахом. Но я был уверен, что мой ангел справится. Ты здесь, в сознании и добром здравии. Но есть кое-что, что меня напрягает и заставляет усомниться в твоей объективности.

— И что же это?

— Твои глаза. Как и девять лет назад, когда ты умоляла меня отыскать Корнеева. В них огонь.

— Это не мешает моей объективности.

— Я сам решу по итогам нашего разговора и твоих дальнейших действий, помешало или нет. А теперь я очень внимательно тебя слушаю.

Вино было приятным на вкус и освежающим. А сама Настя никогда не была уверена в своих силах и словах так, как сейчас. Ее речь текла плавно, ее заключения были логичны и обоснованы. Гуляев же ничем не выдавал своих мыслей, пока слушал ее, иногда задавал вопросы и поглаживал подбородок. Возможно, она бы испытала неловкость за то, что оставила Влада в неведении относительно истинного положения дел, но сейчас ее уверенность в правильности своих действий была нерушима. Она гнала прочь тревожные мысли.

— Я тебя услышал, — резюмировал Гуляев. — Пока ничего не предпринимай. Что касается твоей вендетты, планы немного меняются. Сделай это в течение недели. Не надо так на меня смотреть. Я понимаю, что ты испытываешь удовольствие, играя с Лексом, как

кошка с мышью, но ситуация на данный момент такова, что придется действовать быстро. К тому времени, как начнется мясорубка, тебя не должно быть здесь и близко. Я не намерен подставлять тебя под удар. Когда будет свергнута власть Спикера, начнутся исключительно мужские разборки. Возможно, я не смогу тебя прикрыть, а мне этого точно не нужно.

Настя почувствовала обиду. И еще ярость. Отставила бокал в сторону, не без усилий удержав возмущение в узде.

— Почему вы меня сливаете?

— Я не смогу смотреть в глаза Диме, если с тобой что-то случится. Настя, ты мне почти как дочь. Когда трон Спикера займет новый смотрящий, вернешься. Если захочешь, конечно. Я не хочу, чтобы ты случайно оказалась на линии огня. Спикер не отдаст власть без боя.

— Я на линии огня каждый день. Каждую гребаную минуту. У нас нет даже уверенности, что на нас сейчас не смотрят в прицел крупнокалиберной винтовки...

— Уже не смотрят, ты права. Уже минут сорок, как действительно не смотрят...

Настя вскинула голову. Немой вопрос замер на ее губах.

Гуляев кивнул:

— Ты думала, Спикер поверит с ходу в то, что ты отсутствовала, потому что выполняла мое задание? Не поверит. У него есть на это веские причины сейчас. Настя, ты расслабилась. Давай, бери себя в руки и начинай продумывать свои действия еще тщательнее, чем прежде. Дальше я не вмешиваюсь, решай сама этот вопрос.

— Я все просканировала тепловизорами. Я бы заметила...

— Ангел, ты умела становиться невидимой для тепловизоров. Ты думаешь, больше никого этому не научили? Два года Спикер держится за власть и никому не дает к себе приблизиться только потому, что всегда держит ситуацию под контролем. Любое сомнение — убивает без долгих разборок. Если бы я сегодня не появился у тебя, уже завтра тебе бы устроили допрос с пристрастием. Запомни, как бы тепло он к тебе ни относился, свернет твою шейку без долгих раздумий, если возникнут подозрения.

— Что ему мешает заподозрить вас?

— Именно то, что сейчас катастрофически теряешь ты: осторожность, отсутствие резких движений и действия, просчитанные на сто шагов вперед!

Гуляев достал из кармана флешку и положил на стол.

— Вот, выучить, как «Отче наш». И как можно быстрее. Чтобы легенда от зубототскакивала. Свои шрамы на руках сама вплетишь в общую картину. Если все сделаешь правильно, Спикер оставит тебя в покое. Так что постарайся. Он должен снять с тебя все подозрения. Три дня максимум, потому что мою встречу с Лидером придется организовывать тебе. Под колпаком у Мюллера ты этого не сможешь.

— Вы не говорили, что у меня времени в обрез...

— Настя, в нашем деле ситуация меняется довольно быстро. И надо уметь подстраиваться. Мне еще делать выбор между новыми кандидатами на трон. Новый год я намерен встречать с новым вожаком стаи. Ты можешь, конечно, отказаться. Шаха все равно не оставят в живых при новой власти, но я не отнимаю у тебя твою заветную цель, благодаря которой ты стала той, кто ты есть. А сейчас предлагаю быстро выучить свою легенду и сразу же уничтожить эти данные. Боюсь, Спикер не станет ждать до утра, у тебя нет права на ошибку.

У Насти остались вопросы. Но она не могла не согласиться с крестным в том, что терять время — себе дороже. Воткнула флешку в разъем и внимательно прочитала все, что касалось

ее вымышленного задания. Гуляев не мешал. Заставил повторить изученный материал как минимум четырежды, задал провокационные вопросы и, добившись, что Настя отвечает без заминки, сжал ее плечо.

— Помни, ты сейчас на прицеле. Спикер должен после вашего разговора поверить тебе, как святой. Не подведи меня.

В этот раз, провожая долгим взглядом удаляющегося крестного, Настя впервые за все время ощутила усталость и тяжесть, оттого что ее волей-неволей вплели в предстоящую битву за власть. Нет, она все знала и понимала изначально. Гуляев дал ей знания, силы, возможность самой разобраться со своим обидчиком. А также деньги, баснословные гонорары, которые пока что лежали на банковском счете на Каймановых островах.

Она вспомнила те редкие случаи, когда именно вмешательство крестного спасало ее от неминуемой смерти. Именно благодаря Гуляеву никто не знал, кто она такая, как ее зовут и где ее родня. Ситуация изменилась только за последние два года. Каким-то образом Спикеру стали известны эти данные. Хоть Гуляев и заверил ее, что Ирине с семьей ничего не угрожает, сам факт того, что Спикер добрался до ее сестры, сломал шаткую уверенность в безопасности. Возможно, это произошло после ее неудачного покушения на Шахновского, когда Антон перерыл землю и выяснил, кто она и что их связывало с Лексом ранее.

Может, это и стало отправной точкой в операции по свержению Спикера. Наверняка. Крестный прав, недооценивать этого хищника не стоит. Дело времени — он так же может добраться и до Гуляева. Тогда война пойдет лицом к лицу, что совсем не выгодно для ее покровителя. Понимала, что Гуляеву пришлось принимать меры именно поэтому. Он намеревался уничтожить Спикера точно так же, как тот привык устранять тех, кто задавал много вопросов...

Настя играла в эти игры сильнейших. И не без удовольствия. Но сейчас...

У нее был Влад. Впервые за долгое время в ее жизни забрезжил яркий солнечный свет, и все, чем она жила раньше, показалось пресным, неправильным и лишенным какого-либо смысла. И вроде бы все складывалось идеально: они вновь обрели друг друга, Спикер отыграл свою роль в Синдикате... но что-то тяготило, давило на плечи неприятной тяжестью, тревожные мысли и сомнения в правильности всего происходящего все-таки накрыли её.

Настя сжала кулаки и огляделась по сторонам. Что ж, она сделает все, что от нее требуется. Придется идти ва-банк. Но для начала чужими руками устранить того, кто пустил ее жизнь под откос. И у нее, вполне вероятно, совсем нет времени.

— Приветствую, Хаммер, — сказала Настя, набрав номер и дождавшись ответа. — Мне снова нужен Гейтс. Немедленно.

Ее бывший инструктор и любовник откликнулся сразу.

Правда, напоследок не забыл упрекнуть:

— Сука ты, принцесса. Звонишь, только когда тебе что-то надо!

Настя ничего не ответила. Она за все расплатилась с ним сполна, когда позволяла иметь свое тело до разрывов без права сказать ему “нет”. Не прошло и минуты, как самый неуловимый хакер Европы вышел на связь.

— Мне срочно нужна ваша помощь. На когда? На позавчера, Гейтс, на позавчера...

Ожидаемые, но незваные гости явились к ней на рассвете. Вскрыли кодовый замок, проникли в спальню, но застать ее врасплох так и не смогли. Одному хватило удара дверью по черепу. Другой был гораздо опытнее. Его кулак ударил Настю в нос, но она не собиралась

падать в обморок, саданула секьюрити Спикера прямо по яйцам коленом. Этот был малость неадекватный. Повалил ее на пол и сомкнул руки на ее шее. Настя сопротивлялась, с отчаянием понимая, что ее курорт в особняке Лидера и отсутствие тренировок вышли боком. Она проигрывала. Перед глазами плясали кровавые пятна, кислорода катастрофически не хватало. Из последних сил она вскинула дрожащую руку и растопырила пальцы, целясь в глаза противнику...

— Пусти ее! — в голове шумело, и голос Спикера показался далеким и глухим.

Настю грубо поставили на ноги. Кровавая пелена перед глазами слегка разошлась, она шмыгнула носом, из которого стекала струйка крови, и выдержала его пристальный взгляд. Сохранить самообладание Антону надолго не удалось. На лице заиграли желваки, зрачки сузились. Он резко вскинул руку и отвесил Насте крепкую пощечину.

Комната зашаталась перед глазами девушки. Но нет, она не имела права сейчас сдаваться. Вскинула голову, борясь с головокружением и не замечая крепких тисков рук, которые ее держали. Сохранила самообладание и вопросительно посмотрела в глаза Спикеру, словно не было этой затрещины.

— Значит, батрачила на серого кардинала, дрянь? — от ярости он говорил сквозь зубы, шипящий звук резанул по нервам.

Настя внутренне собралась и посмотрела на него с недоумением:

— Антон Сергеевич, вы пытаетесь сделать меня виноватой в том, что мои услуги понадобились тому, кому вы сами никогда не отказываете. Не надо спускать всех собак на несчастную слабую женщину...

— Я тебе сейчас язык вырву, юмористка! — его кулак завис в воздухе перед ее глазами. — Ты не при делах? Совсем меня за конченого держишь?

— Я не понимаю.

Спикер кивнул, и Настю грубо швырнули на кровать. Что ж, крестный предупреждал о вероятности такого исхода. Насте не было страшно, хотя сомнения в том, что она учла все детали, так ее и не покинули.

— Держи ее, — кивнул авторитет подручному, и на плечи Насти грубо надавили.

Только сейчас она заметила, что Спикер кривится от боли и без надобности не напрягает левую руку. Второй боец было кинулся ему на помощь, когда Антон начал расстегивать пальцами правой руки пуговицы темно-оливкового костюма. Его лицо побледнело, когда он рывком стянул пиджак с левого предплечья. Настя уже увидела плотные бинты повязки под облегающей светло-синей рубашкой, но ничего не сказала, продолжая наблюдать, как мужчина расстегивает пуговицы. На его бритом черепе выступила испарина, когда он, чертыхнувшись, стянул рубашку. А Насте на миг захотелось расхохотаться. Ее босс был счастливым обладателем красиво прокачанного торса. Именно эти рельефные кубики привлекли ее внимание, а не обширная повязка.

— Весело, сука? Пока ты шлялась неизвестно где, в меня стреляли. Что ты скалишься?

— Потрогать хочу! — огрызнулась Настя.

У Гуляева оказалась неточная информация. Вчера в разговоре он сказал ей, что Спикера не задело. Что это было вовсе не покушение, а попытка выбить заранее приговоренного к смерти лидера Синдиката из колеи. Увы, эти два игрока были, похоже, на равных и умели скрывать некоторые вещи.

— А куда, спрашивается, смотрела ваша охрана?

Спикер сжал губы. Можно было подумать, что Настины слова резанули его поверх раны

на предплечье.

— Меня сейчас куда больше интересует, где в это время шлялась ты. Про сопровождение груза и нападение на вас я уже знаю от Гуляева. Давай теперь говори мне то, чего я не знаю. И если мне твой рассказ не понравится, я пушу тебе пулю в лоб. Запомни, мне плевать на Гуляева. Я урою всех, кто пытается меня достать, у тебя больше нет защитника!

Настя попыталась сбросить руки, которые удерживали ее на постели. Она никогда не боялась смерти. Забыла напрочь, что это такое, отключила эмоции и просто выполняла свою работу. И эта смерть, казалось, бежала прочь от отчаянного Ангела. Но сейчас...

Это был страх. Забытый, неузнанный до конца, приглушенный, но все же — страх. Даже ужас. Ужас оттого, что ей придется попрощаться с жизнью именно сейчас, когда она наполнилась смыслом. Когда рядом был любимый мужчина, ради которого хотелось просыпаться и жить. Когда настало время строить планы и похоронить черную полосу жизни раз и навсегда.

Она смотрела прямо в глаза Спикера. Впервые смотрела так, как никогда прежде: с решительностью, вызовом и едва ли не отчаянием. Впрочем, последнее очень быстро таяло. Если ее приговорили, она продаст свою жизнь очень дорого, и точка. Ангелы не умирают. Они либо свергаются с небес, либо переходят на противоположную сторону.

— Сопровождала груз... покушение... это все, что вам сказали?

Ей надоело ощущение чужих рук на своих плечах, и Настя с раздражением взяла кисть охранника на излом. Тот зашипел от боли, но ударить в ответ не решился. Дождался благосклонного кивка Спикера и отошел в угол комнаты, бросая на Настю яростные взгляды. Ей было наплевать.

— А про то, что я нашла того, кто продал вас ни за грош и кого вы записали едва ли не в сыновья? Ах да, понимаю. Гуляев оставил это право за мной. Только он не знал, до какого дебилизма вы дойдете от своей ярости!

— Послушай, ты...

— Внимательно послушайте вы! — Сердце колотилось в горле, когда Настя сделала несколько твердых шагов к Антону. — Да, я не успела предотвратить это покушение, потому что меня не было рядом! И я не смогла действовать по собственному усмотрению, потому как, учитывая мою давнюю любовь с тем, кто это сделал, вы бы мне не поверили! Прямо сейчас и слушать меня бы не стали, пулю в лоб, а потом только разбирались! И к тому же, если мне не изменяет память, я не ваш личный телохранитель, чтобы неотрывно следовать за вами 24 часа в сутки!

— Да на кого ты повысила голос? — Спикер сжал кулаки и тут же, к явному удовольствию Насти, побледнел, сцепив зубы.

— Воды! Что стал, как столб? — гаркнула Настя стоящему за спиной Сергеевича охраннику. — Босс сейчас сознание потеряет, а они тупят! В темпе! А вам лучше присесть на диван.

Сердце так же колотилось, буквально разрывая диафрагму. Но девушка больше не обращала на это внимания. Положила ладонь на сгиб локтя своего шефа, транслируя через прикосновение тепло и умиротворение. Подозрительность в глазах Спикера сменилась удивлением, но он подчинился этому выпадающему из логической цепочки “поглаживанию”. Опустился на ее постель, стараясь не выдать своей боли, дождался, когда кто-то из ребят принесет ему воды. Только тогда повернулся к Насте, которая копалась в

шкафу, злясь на то, что ей вряд ли позволят принять душ и заняться получасовой тренировкой.

— Кто, Ангел? Лидер подобрался вплотную? Ты знаешь, кто он?

Настя сорвала с плечиков красное трикотажное платье с высоким горлом и бросила в кресло. Решающий момент настал.

Она мысленно досчитала до пяти и повернулась к боссу, качая головой:

— Антон Сергеевич, Лидера не существует.

Спикер не сводил с нее глаз. Насте было плевать на такие мелочи. Нельзя было терять ни минуты, не позволить его здравому смыслу сейчас выстраивать свои логические цепочки, а бить на поражение, забрать любые сомнения.

— Лидер — это заговор нескольких лиц, особо приближенных к вам.

Настя стянула черную шелковую рубашку через голову и натянула платье. Эффект сработал. Нет, Спикер по-прежнему не рассматривал ее как предполагаемого сексуального партнера, но следы гематом на ее животе и ребрах подтверждали теорию Гуляева относительно их получения.

— Я назову имя одного из них, потому как насчет остальных у меня нет стопроцентной уверенности. Но все данные хранятся на его сервере. Шифр для меня довольно простой. Не спешите обвинять меня в каких-то своих целях, пока этого не увидите воочию...

Город еще спал под покрывалом белой зимы. Но уже погасли фонари, по оживленной днем трассе проезжали редкие автомобили. Настя не замечала холода, который скрутил пальцы. Смотрела вперед, на убегающую из-под колес дорогу. Только бы Гейтс сделал все, о чем они договаривались! Когда ее мысли возвращались к Владу, к его сильным рукам, в которых она так любила засыпать и просыпаться, сладкие воспоминания придавали уверенности в успехе. Если она все сделает правильно, скоро все закончится.

Кольнула неприятная мысль о том, что она может снова потерять своего мужчину, если Гуляев все-таки поставит его во главе обновленного Синдиката. Они привыкли жить под свист пуль на волосок от смерти, каждый по отдельности. Но теперь они вместе. Не поставит ли это новое назначение крест на том, что каждый из них только что обрел ценой таких больших потерь?

Она шла на свой решительный бой, как хладнокровная и уверенная в себе гладиатрикс — на арену Колизея. Она сделает все, чтобы Цезарь, наблюдающий за поединком, поднял в конце палец вверх. Тем самым он даст ей недоступную для иных привилегию стать равной правителю и самой решать судьбу своего заклятого врага.

Пустые коридоры офисного центра. Приглушенный свет и безлюдные в это время суток кабинеты. Стерильная чистота в святой святых Шахновского. Время начинает свой обратный отсчет. Никогда она не была настолько близка к цели и настолько на волосок от гибели.

Мягкое кожаное кресло, которое знало только одного хозяина. Хотя, не исключено, в отсутствие Лекса многие примеряли на себя его роль. Уборщицы, охранники. Может, даже ныне покойная Элина Валлиулина. Насте нет до этого дела. Сложно расслабиться, хотя высокий мягкий подголовник буквально манит откинуться и досмотреть сон, который так грубо прервали.

Она сидит, удерживая прямую спину, глаза зорко следят за изменениями картинка на широком мониторе Шахновского. Полоса загрузки сменяется 3D — панорамой Ниагарского водопада с россыпью иконок. Мозг задействовал все свои резервы, в голове звучит спокойный голос Гейтса, и Настя вспоминает все его указания. Пальцы подчиняются

мысленным командам, стучат по клавишам в поиске нужной информации. Этап первый — Спикер увидит то, что лишит его каких-либо сомнений относительно Шаха. Этап второй — и сверхновый вирус превратит базы данных Синдиката в хаотичный хлам мегабайтов и пикселей... но это будет не сразу. Сутки, может больше, и никто ничего не сумеет понять.

Дыхание Спикера обжигает ей затылок. Если Гейтс ошибся, не успел, не справился, Ангелу Смерти наступит конец. Не исключено, что прямо здесь, в этом кабинете. Таймер начинает свой отсчет вместе с нажимом пальца с ярко-красным ноготком по клавише Enter. Шаг навстречу спасению или в бездну поглощающего адского пламени?

На экране — карта столицы с непонятными линиями и кое-где разбросанными метками. Курсор на значок приближения.

— Что это? — дыхание Спикера сбивается.

Если б еще сама Настя точно знала, что же это. Остается только догадываться. Повинуясь инстинкту, быстро прокручивает изображение вниз. Здесь целая таблица расшифровки этих маловразумительных разноцветных знаков и линий.

Перенаправление наркотрафика.

Продажа сектора букмекерской ответственности.

Новый транзитный путь оружия.

Маршруты передвижения Спикера.

Адреса родственников его очередной юной супруги. И место предполагаемого удара на поражение.

Дамоклов меч, описав полукруг над ее головой, падает на пол. И в ее жесте почти нет фальши, когда она ловит ладонь Спикера и ободряюще сжимает его пальцы. Крепитесь, уважаемый наш босс. На каждом корабле есть крысы, и иногда капитан даже не догадывается, что пьет и ест с ними за одним столом. Смотрите, шеф, я даже не злорадствую, не бью вас по плечу с огнестрельным и не танцую ритуальный танец с извечным женским припевом “а я говорила!”. Я просто отхожу в тень с чувством даже не выполненного долга, нет... с чувством, что спасла вас и мне от этого охренеть как хорошо. И вы сейчас в это верите. Именно верите, я сказала. Женское чутье не ошибается. Однажды он попытался сделать это со мной, а теперь вот ваш черед...

Настя не смотрит на Спикера, который забыл о боли в предплечье и вообще о ее присутствии. А Настя так же забыла о его охране, которая замерла в нерешительности у двери. Непонятно, чем это смятение вызвано — то ли поведением их шефа, то ли тем, что сейчас на их глазах личный ангел Сергеевича вновь взошла на пьедестал. И непонятно, что сделает с теми, кто ее бил и душил меньше часа назад в спальне. Она просто отмечает, что ее руки не дрожат. Не бьется стекло бутылки об ободок бокала, когда наливает себе виски в бокал, для шампанского. Такая вот блажь, ломка шаблонов ее второе имя. Виски в это время суток — моветон. Вся ее жизнь сплошное нарушение правил и вызов реальности...

Спикеру надо отдать должное. Он смертельно устал. И наверняка то, что он увидел на экране, — а там, как успела заметить Настя, не менее четырех папок — перевернуло его мир вверх дном. Но чтобы в этих глазах заматеревшего убийцы сейчас отразились какие-либо эмоции? В этом он с ней был похож, ее зеркальное отражение. Только черты лица заострились, хотя, возможно, это сказала боль от ранения.

— Ты знала?

Его голос прозвучал сухо, но глаза смотрели цепко и беспощадно. Настя выпила виски залпом, чувствуя, как тревога вытесняется азартом.

— До вчерашнего утра нет. Не спрашивайте, тот, кто раскололся, уже мертв.

Их взгляды встретились. Ей было не привыкать к этому испытывающему сканеру, она очень хорошо его знала. И в такие моменты главный криминальный авторитет столицы и его совершенная машина смерти понимали друг друга без слов.

— Пожалуйста, — твердо сказала Настя, беспрепятственно позволяя датчикам чужих глаз считывать данные с ее сознания.

Спикер колебался. Внешне это ни в чем не проявилось, но Настя знала наверняка.

— Для вас это практически рутина. Еще одна галочка напротив фамилии того, кто осмелился пойти против вас. Для меня это дело чести. Той самой, которой я ради вас была готова поступиться, скрепя сердце.

— Настя, — Антон первым отвел взгляд и покачал головой. — Если это подстава...

— Вы сами все видели. И вы знаете Лекса, который редко доверяет исполнителям. Он сделал это сам. Я бы предположила, что он давно избавился от оружия, но в этот раз его уверенность в собственной неуязвимости и вашем доверии сыграла с ним злую шутку. Могу ошибаться, но вы наверняка найдете этот ствол у него... возможно, дома. Это просто теория. Но вы сами можете сопоставить факты. Кто знал о том, где вы будете в тот вечер? Гуляев сказал мне, что вы как раз пытались разрулить непонятку с букмекерами. Если учесть, чья это юрисдикция...

— Собирайся, — Спикер кивнул ребятам. — Единственное, никаких красивых жестов. Резни бензопилой, кастрации или расчленения. Ты меня поняла?

Настя кивнула. Даже разоблаченный, Лекс все равно остался для Спикера одним из своих. Тем, кто годами преданно служил, как верный пес, и сыграл немаловажную роль в возвышении ее босса. Что ж, она готова была принять эти условия.

С появлением в ее жизни Влада даже месть стала рутинной, с которой хотелось покончить как можно быстрее.

Глава 22

Сейчас, оглядываясь назад, Влад часто задавал себе вопрос: какой бы смысл имела его жизнь, если бы он разобрался со своими врагами. Восторг. Почивание на лаврах и мысль “вот, свершилось”. А дальше? Конечно, он хотел если не уменьшить влияние Синдиката, то хотя бы сузить поле его деятельности, и в то же время понимал, что в открытую это сделать ему не удастся. Такую многоголовую гидру сразу не уничтожить. Она существовала десятилетиями, крепла, запуская свои щупальца тотального контроля в каждую из сфер жизни этого города, да и страны в целом, прописывая там день ото дня свои порядки. Быстрые изменения невозможны.

Таким, как он, не пристало заглядывать вперед. Единственное, что остается, — жить сегодняшним днем. Никогда не знаешь, когда тебя настигнет смерть. Он был готов и к этому. Иногда надеялся, что сможет от нее убежать, как в тот раз, но недооценивать тоже не стал. Давно не умел жить по-другому. Какие-то придуманные цели, следование своей, известной только ему программе — образ жизни, который настолько прочно слился с его сознанием и нервами, что сбросить, отсечь в один раз не представлялось возможным. Вернее, это возможно, но чертовски больно!

Вместе с тем именно так и произошло, когда он прибыл на заброшенную лодочную станцию с намерением своими руками убить ту, которая играючи подписала приговор его людям. Заглянул в ее глубокие, словно воды Ледовитого океана, серые глаза...

Узнал. И это узнавание резануло по всем наростам на сознании острым лазерным скальпелем, отсекая приобретенную опухоль ложного существования. Влад тогда еще не понял, что имя этому явлению было Смысл. Новый смысл жизни, который он считал давно и безвозвратно утерянным. Тот самый, который не раз пытался отыскать в других объятиях, но приобретал лишь разочарование, неминуемо следовавшее за подобием умиротворения. В его сердце всегда жила Настёна. Девочка, ради которой он готов был шагнуть под пули в обмен на то, чтобы однажды увидеть ее снова. Сжать в объятиях до боли, до сдавленного крика, наполнить своей любовью до самых краев и никогда больше не отпускать.

Он до сих пор не мог поверить, что снова, спустя столько лет, держал ее в своих руках, вдыхал ее аромат, не утративший своих тонких нот даже спустя время, становился с ней единым целым, давая волю страсти, которая спала годами, ожидая только ее одну. Лидер, как истинный волк-одиночка, нашел свою пару. Теперь ничто и никто не в состоянии отнять ее у него.

Она сама сделала шаг ему навстречу, раскрошив лед, сковавший его сердце вдали от нее. Но он никогда бы не смог ее обидеть. Влад боялся одного: что ее мысли больше не с ним, что за прошедшие годы она избрала ложный путь и будет следовать ему до последнего. Именно поэтому пошел на крайние методы, заставив говорить под воздействием сыворотки правды. Мало кто знал, что именно в те дни он вспомнил о существовании Всевышнего и обратился к нему, искренне умоляя об одном: чтобы никакая реальность не отняла ее у него сейчас, когда его жизнь вновь готова была взорваться фейерверком ярких чувств.

Нет, никогда его девочка не узнает о том, что ему стало известно. Он пошел до конца. На ощупь, на грани фола, но он получил зацепку, которую принялся раскручивать, собирая данные до полного представления всей картины. Вроде все было гладко. Он понимал, что всегда найдется кто-то еще, заинтересованный во власти и стоящий на ступень выше Синдиката. Кто-то, кто предпочитает оставаться в тени и выйдет из нее в самом крайнем, исключительном случае. Так и произошло.

Этот человек, на первый взгляд, не представлял никакой угрозы для его Насти. Наоборот, играл за его, так сказать, сборную команду. Влад не мог понять, что же именно во всем происходящем не давало ему покоя, резало изнутри непонятной тревогой, заставляя копать глубже, изучать, собирать информацию и пытаться уцепиться за то, что и включило тревожный звоночек в его сознании.

Настя засыпала — сперва от усталости и болезни, потом — от изматывающего сексуального марафона, а Лидер вновь баррикадировался в своем кабинете, изучая все, что касалось личности “серого кардинала”. Все прямо кричало о том, что в его лице можно обрести ценного союзника, но... Тревожный звоночек в голове не умолкал ни на миг. Беспечность Насти не успокаивала, а настораживала. Влад не мог понять почему. Он всегда подозревал, что есть некто, заинтересованный если не в свержении Синдиката, то в том, чтобы утвердить там свою власть. Этому человеку удавалось оставаться в тени только потому, что он никогда ничем не выдавал своей явной заинтересованности.

Несколько сказанных слов в бреду от психотропной сыворотки, которым Лидер в первый раз не придал значения. А могло ли быть по-иному? Больше всего он хотел услышать подтверждение того, что его девочка не работает на врага и ухватиться за шанс на воссоединение обеими руками. Во второй раз он переживал за ее состояние и был готов переломать себе пальцы, которые собственноручно подписали назначение на эту манипуляцию, больше похожую на экзекуцию. Сказанные вскользь, едва разборчивые

отрывистые фразы могли пройти мимо, но интуиция одержала верх. И в тот же вечер, оставив пьяно посапывающую Вику Шахновскую в одном из пентхаусов «Гранд Отеля», он буквально перетряс всю имеющуюся информацию относительно личности серого кардинала.

Ему бы успокоиться. Но вопль интуиции звучал в его голове с каждой минутой все настойчивее. Понятно было одно: его Настя доверяла этому человеку, как самой себе. Осторожная, подозрительная, практически неуязвимая убийца высшего класса, которую учили не доверять в этой жизни никому. Стало быть, этот человек ей близок. Три дня Влад буквально сканировал личность Терминатора, самого вероятного кандидата на эту роль. Затем Настиного отца. Вот на этом этапе и всплыла личность Гуляева, недостающие элементы головоломки сложились в пока еще размытую, неточную, лишенную красок, но все же картину.

Архангелы — так курсанты прозвали между собой членов совета учредителей “Обители ангелов”, не были равны между собой, несмотря на практически равное распределение пакета акций. Кому-то достаточно было жить на дивиденды. Кто-то, как психоаналитик Якудза, просто содержала свое охранное агенство и получала лучших рекрутов. Терминатор горел самой идеей создания “сверхлюдей”, иных звезд с неба не хватал. Дмитрий Краснов вообще чувствовал себя не в своей тарелке в этом мире, где все было нацелено на смерть, особенно с того времени, когда эта безжалостная система поглотила его дочь. Иное дело Гуляев...

В ту ночь, когда Влад принял решение отпустить Настю, — пусть ненадолго — он собирался забрать ее из этого жестокого противодействия, как только она совершит свою месть, — на его стол легли последние данные о Гуляеве. Его любимая женщина ни о чем не подозревала. Сладко спала, обнимая пустую подушку и сбитое одеяло, а Влад до рези в пересохшей сетчатке вглядывался в сухие строки и размытые снимки, пытаясь ухватить за хвост проблеск какой-то малоприятной, даже опасной догадки, но она ускользала, не желала замыкаться в логической цепочке, оставляя после себя еще больше вопросов.

Его мужское начало рвалось к Насте. Желание прижать ее к себе, оглушить страстными жаркими поцелуями становилось непреодолимым, кровь закипала от одной мысли о ней, лишая воли... Он сжимал пальцы в кулаки, закусывал губы до крови и вновь нырял в эти сухие строки, пытаясь докопаться до истины. А может, бежал от самого себя, умом понимая, что, стоит ему прижать к себе ее податливое гибкое тело, накрыть жадным поцелуем припухшие губы, погрузить пальцы в золотой шелк ее мягких волос и вдохнуть ее сладкий аромат — слетит с катушек окончательно, не выдержит. Закроет ее в своем особняке, вколет снотворное, чтобы не рвалась в этот опасный мир за окном, прикует наручниками к батарее. Пусть кричит и на полном серьезе обещает его прикончить. Слишком много времени он жил без нее, чтобы вновь лишиться своей девочки на пороге восхитительного воссоединения.

Несколько раз Влад тянулся к телефону с намерением отменить свое распоряжение и дать указание не выпускать Настю за пределы комнаты, но отдергивал руку, словно прикасался к раскаленному металлу, сглатывал тяжелый ком в горле и возвращался к монитору и бумагам. “Филипп Патек” на его запястье равнодушно отсчитывали минуты, которые складывались в часы. Время истекало слезами сожаления, а он изо всех сил заставил себя остаться глухим к его призывам.

За окном поплыли вечерние тени, нетронутый кофе остыл и был противно-горьким на вкус, его не спас даже элитный коньяк в неравномерной пропорции. Когда ему сообщили, что Настя на въезде в город заказала такси, перед глазами плясали искорки от усталости и

перенапряжения. Влад протянул своему помощнику несколько листов с набросанными от руки схемами. Лидер не пользовался линейкой, но линии были четкими и ровными, знаки вопроса снабжались текстовыми пояснениями, прописанными ломаным, почти готическим шрифтом его почерка.

— Мне нужны эти данные. Немедленно. Я буду в городе. Три часа вам достаточно?

Его люди не задавали вопросов. Для них не существовало понятия “невозможно”. Влад ощущал себя на пороге какого-то грандиозного открытия, но пока плохо понимал, какого именно. Знал, что это известие перевернет все вверх дном. И знал, что первым делом сделает Настя по возвращении.

Несколько раз желание сорваться и отговорить ее от затеи мести бурлило в нем с утроенной силой. Он понимал, что это поставит крест на дальнейших планах, но при мысли о том, что его девочка, его ангел света, а не тьмы, подставляет себя под удар, о котором даже не догадывается, внутри бушевал ураган. Если он потеряет ее, после того как снова обрел, его жизнь будет лишена смысла.

Влад едва сдерживал себя, когда ожидал информацию от своих доверенных лиц, сидя в том самом ресторане, который считался их базой. Наполовину полный бокал остался нетронутым. Если ему придется действовать, следует сохранить ясную голову.

Никому бы не пришло на ум не то что искать его здесь, но и заподозрить в том, что это заведение, приобретенное подставными лицами, которые исправно отстегивали в бюджет государства и Синдиката, на деле принадлежит ему. Но все равно Лидер всегда был осторожен. Никогда не пользовался дважды одним и тем же транспортным средством и следил за тем, чтобы с записей камер были вырезаны фрагменты с его визитами. Доверенные лица тоже соблюдали конспирацию. Драго заявился под руку с официанткой, как со своей дамой, с виду — обычная влюбленная пара. Другой доверенный человек играл роль постоянного посетителя. Переступив порог, он сухо кивнул девчонке, которая умела молчать, и протянул Владу флешку. Явившийся спустя четверть часа Ликан принес ту же самую информацию с некоторыми дополнениями.

Что ж, Влад получил ответы на свои вопросы. Те самые, которые заставили его похолодеть внутри.

“Куда ты ввязалась, Настёнка?” — ментальный крик в никуда, лишенный какого-либо смысла. А могла ли она этого избежать? Он был почти членом семьи. Крестным отцом его девочки. Какая жестокая ирония судьбы — «крестным отцом» в двух разных значениях. Наверняка покупал его Насте конфеты и игрушки, когда она была совсем маленькой, пил за одним столом с ее родителями; скорее всего, именно он первый узнал о том, что его крестница впервые влюбилась; одобрительно, в отличие от отца с матерью, кивал, когда она сделала свой первый пирсинг. Это он привел ее за руку в “Обитель ангелов”, когда она об этом попросила. Отдал свой долг за то, что не смог уберечь от пешек Синдиката. А может, мог, но не стал, и на это у него были вполне веские причины.

Все эти годы он не спускал с нее глаз, наблюдал, как хрупкая, ужаленная жизнью девчонка превращается в жестокого бойца, сильную амазонку, совершенное боевое оружие. Многие из тех испытаний, от которых у Насти до сих пор холодела кровь при одном только упоминании о насилии и травмах (Влад хорошо помнил, как сбивался ее голос при этом), серый кардинал срежессировал сам. Вернее, с помощью Якудзы, королева психоанализа не зря гребла свои дивиденды. Но он же и предотвратил ряд покушений на своего ангела на первом этапе обучения. Сама Настя наверняка не догадывалась, что было как минимум три

попытки лишить ее жизни. Такая вот расчетливая доброта: он не позволил ее убить, но с легкой руки позволил старичкам обители изгаляться над ее телом и сознанием. И все равно после этого Настя была ему преданна. Чем он ее подкупил на этот раз? Рассказнями о том, что не имел права вмешиваться?

Влад сам прошел краткий курс в этой «обители». И видел достаточно. Знал о существовании так называемой высшей касты, которой ужасы выживания в казарменных условиях не коснулись. За большие деньги ими занимались лучшие инструкторы, давали им такие знания, которые мало кто получал. Потому как большинство ломались и вылетали. Почему Архангел заставил свою крестную дочь идти обычным путем новобранцев? Почему не вверил ее Хаммеру для направленного обучения? Надеялся, что малышка сломается в первые дни и выкинет эту блажь из головы? Пожалел средств — вряд ли, достаточно было одного его слова, чтобы Настя научилась убивать, не получив при этом ни царапины.

Влад отвернулся от монитора, глядя в окно, за которым быстро проезжали автомобили и светились вывески реклам.

Серый кардинал воспитывал себе не просто оружие. Цепного Цербера, которая должна была научиться сама преодолевать препятствия и рассчитывать только на себя. А цепью для нее стали как раз их почти родственные отношения... Идеальный расчет! Гуляев сам слепил себе машину смерти, золоченую ширму для своих интриг. Настя никогда бы и мысли не допустила, что ею играют или же используют.

Такой человек не остановится ни перед чем. Если он не пожалел эту девчонку, дочь своего лучшего друга, тогда... что будет с ней, когда игра против Синдиката придет к логическому завершению? На первый взгляд, их особые отношения могли застраховать ее от последующего слива. Ангел сделал свое дело, может уйти на заслуженный отдых. Но если она не захочет довольствоваться ролью исполнителя и начнет задавать вопросы? Рано или поздно так и будет. Это сейчас ей комфортно не лезть в дела крестного, сосредоточившись на своем возмездии. А что будет потом?

Спикер уничтожал тех, кто был слишком умен и позволял себе такую роскошь, как собственное мнение. Нет, он пользовался их мозгами, поручал самые деликатные дела, но, стоило кому-то усомниться в его приказах или возразить — приговор подписывался в считанные секунды. Но на кого, хоть в самой ничтожной доле, равняется даже самый уверенный в своем положении криминальный авторитет?!

Вопросы. Сотни вопросов без ответа. Большинство — домыслы, не лишены оснований. Настя не станет свободна после гибели Спикера. Серый кардинал не отпустит свое лучшее оружие...

Только к полуночи, возвращаясь домой, Владу показалось, что он понял, в каком направлении надо действовать. Но всё равно не торопился набирать номер, который его парни раздобыли буквально чудом. Часы в его городской квартире глухо пробили полночь, когда он, открывая замок в квартиру, все же решился на разговор.

— Вы хотели встретиться со мной. Я кандидат, о котором говорила Ангел. Вакансия в силе?

— Приветствую, Корнеев, — у Гуляева был приятный голос, в котором сквозила почти отеческая теплота. — Человек, который нашел способ выйти со мной на связь, заслуживает внимания. Бесспорно. Жди звонка моего помощника...

Последние слова Лидер пропустил мимо ушей. Дверь с глухим щелчком захлопнулась за его спиной. Он не стал зажигать свет, просто скинул пальто, наугад повесив его на крючок,

и положил ладонь на рукоять пистолета у бедра.

Тонкий аромат сигаретного дыма с ярко выраженным запахом ванили. В тамбуре он подумал, что ему это показалось, но сейчас... Рецепторы тела уловили пониженный градус температуры. Кто-то открывал окна, чтобы выветрился запах сигаретного дыма, еще совсем недавно.

Влад выхватил пистолет и несколько раз зажмурился, чтобы глаза привыкли к темноте. Тишина, нарушаемая тиканьем часов и порывами ветра за окном, обволокла тревогой. Несколько секунд, что он вглядывался в полумрак спальни, прислонившись к дверному косяку, не принесли результата. Влад собирался двинуться дальше, но тут слух уловил легкий скрип кожаной обивки мебели. Совсем тихий, едва различимый, но звук. Только сейчас все слуховые рецепторы обострились, и свист ветра был на миг перекрыт звуком сдерживаемого дыхания.

— Вышел, иначе я продырявлю тебе башку, — ласково произнес Влад, не повышая голоса, удерживая на прицеле размытую фигуру в кресле. Его незваный гость мог быть вооружен, но Лидер был готов и к этому.

Рывком грациозного и осторожного хищника покинул свое убежище. Пальцы коснулись выключателя, и спальню залил мягкий свет высоких бра.

То, что это была женщина, он понял еще перед своим маневром. Может, интуитивно, может, по частоте и легкости дыхания и тонкой нотке “Лайт блю”, которую не до конца перебил сигаретный дым.

— Вика, — устало выдохнул Лидер, опуская пистолет.

То ли оттого, что чувство опасности сменилось удивлением, то ли от всех событий этого дня на плечи упала усталость. А еще осознание, что при виде поднявшейся ему навстречу из кресла женщины сердце не то что не дрогнуло, наоборот, застыло льдом несвойственного ему ранее безразличия.

А встрепенуться ему было от чего. Истинная дочь монголо-татар с горящими темными глазами, красивым контуром высоких скул и лепными губами, с осанкой королевы, в черном платье в пол, облегающем ее изумительную фигуру, смотрела с вызовом. Тем самым, который бы вскипятил кровь и довел до эрекции даже мертвеца. Узкая ладонь якобы небрежным, но утонченным жестом откинула блестящие черные волосы на плечо, когда девушка повернулась спиной, вроде как для того, чтобы поправить диванную подушку, а на деле продемонстрировать большой вырез на спине, который заканчивался ниже линии копчика, демонстрируя взгляду ямочки у начала плавной линии стыка упругих ягодиц. Красивая татуировка в виде нотных знаков, которые рассыпались на черную пыль, венчала правую лопатку, пересекая бусины позвонков. Когда-то Виктория закончила музыкальное училище по классу скрипки и, по слухам, достигла в этом немалого мастерства, но сам Влад никогда не слышал, как она играет. И, откровенно говоря, никогда не горел желанием это услышать, даже тогда, когда ему казалось, что эта роковая брюнетка сумела вытеснить из его сердца образ Насти.

— Я сделала дубликат, — спокойно ответила Виктория, хотя Влад не собирался задавать риторических вопросов а-ля “как ты сюда попала”.

Когда она повернулась к нему, от Лидера не укрылась какая-то легкая, едва уловимая неуверенность в ее движении. Ответ на свою догадку он получил сразу, стоило перевести взгляд к подножью кресла. Откупоренная бутылка “Курвуазье” и перевернутый бокал. На светлом ковролине отпечаталось коричневое пятно от пролитой жидкости. Даже в

состоянии алкогольного опьянения Вика умудрилась сохранить величественную осанку и аристократическую надменность. Но теперь все это было для Влада чужим и не вызывающим больше никаких эмоций.

— Я просил тебя не курить в спальне. — Револьвер полетел на постель под ироничным прищуром Виктории.

Влад ослабил узел галстука и отвернулся, чувствуя, что Вика, все еще не растерявшая уверенности в силе собственных чар, смотрит ему в спину.

— Надо же мне было чем-то скрасить ожидание. И кстати, я приготовила твою любимую лазанью, ты, должно быть, голоден.

“Максимум разогрела ресторанное блюдо и украсила зеленью”, - Влад внутренне поежился от подобного проявления заботы.

Появление Вики вызвало раздражение. Он собирался застесаться кофе и уделить несколько часов повторному изучению материала о Гуляеве, чтобы потом выкроить положенные три часа для сна. Светская беседа или же выяснение отношений с бывшей любовницей не входили в его планы.

— Спасибо. Но я не голоден. И не смогу уделить тебе время, у меня очень много работы.

— Это не страшно, милый. — Ему не понравились нотки едва сдерживаемой истерики в голосе Вики. — А хочешь, я буду ласковой кошкой сидеть у твоих обнаженных ног?.. Ты меня не заметишь, обещаю...

— Вика, давай так. Я вызову тебе такси, и мы поговорим в другой раз.

Он услышал, как она подошла со спины, и понадеялся, что у нее хватит благоразумия не вешаться на него. Как бы не так. Длинные пальцы девушки погладили его плечи и легли на грудь, обрисовывая бугры напряженных мышц.

— Не-е-е-т... Я соскучилась, и никуда не уеду. Ты же тоже скучал по мне, я знаю.

Влад сжал зубы до скрипа эмали. Может, стоит послать ее прямо сейчас? Ласково — так, чтобы не сразу догадалась. Еще не совсем время сбывать с рук своего информатора и соратника в борьбе против Шаха, он это понимал, но от навязчивости этой красивой куклы самоконтроль грозил раствориться без следа.

— Вика, я действительно очень занят. Кроме того, ты рискуешь, появившись здесь. Сейчас очень ответственный этап, и ты можешь оказаться под ударом. После Рождества все закончится и мы уедем отдохнуть, но для того, чтобы все получилось, сейчас нужна предельная осторожность!

— У меня были ребята Спикера в гостях, — прочертив линию заостренным ноготком по его ключице, проворковала Вика. — Забавные такие. Пили детокс-чай, чуть не стошнило бедняжек, и угощали меня солеными фисташками. Всё про Лекса спрашивали, не виделась ли я с ним и не известно ли мне, появились ли у него новые враги. А я, не будь дурой, слила им Катрин, эту суку. А нечего распускать обо мне сплетни. Еще этот, что бизнес попрошаек крышует, заманал, все подкатывает, не понимая, где он, а где я. Его тоже им в работку подкинула...

— Они тебя не тронули? Ты ничего лишнего не сказала?

— Владик, ну как можно. Я ж тебя люблю. А вот про Настю намекнула... Аудиторы, они страшные люди, понимаешь. Подлые. Руки загребущие, есть привычка тянуться к чужим мужчинам...

На миг Владу показалось, что кровь застыла в жилах. Застыла и в тот же момент

вскипела, ударив в голову накатом штормовой волны. Излишне сильно, так, что Вика взвизгнула, сжал ее музыкальные пальцы до боли и оттолкнул от себя.

— Что ты только что сказала?

Какой-то новый, резкий, едва ли не сатанинский смех женщины разлился по комнате тревожными аккордами. В этот момент она напомнила ему ведьму. Нереально красивую черную колдунью в черном платье и с горящими глазами, в которых отражался мягкий свет светильников.

— Ты ничем не лучше моего благоверного. Вы оба привыкли видеть во мне тупую куклу с шикарным телом, чей круг интересов ограничивается новым маникюром и изучением «Кама сутры». Ты действительно думал, что я не узнаю, в чем заключается твоя работа? Что ты все это время трахал эту белобрысую шлюху в своем загородном доме?

Лидер, я прекрасно знаю, что ты драл свою горничную. Вот только не учел, что она давно работает на меня! О да, этой провинциалке надо отдать должное. Сперва она была так довольна собой, что якобы увела у меня моего козырного мужчину, что не могла не подколоть, когда ты выкрал Лехину суку и жарил целыми днями! Наверное, чтобы она охотнее раскололась?

— Виктория, — он только чудом не подскочил к ней и не сомкнул руки на ее шее. — Твоя ревность сейчас не в дугу совершенно. Это враг, и я обязан был вытянуть из нее все, что ей известно!

— Знаю, ты ее на наркоте держал. А потом совсем с катушек рухнул. И отпустил, если я не ошибаюсь. Интересно, как дорого Спикер заплатит за подобную информацию? Особенно, если я преподнесу ему ее вместе со своим совершенным телом.

Последнее как раз волновало Влада меньше всего. Виктория отыграла свою роль. Но то что она обскакала его на этом игровом поле, а он ни разу не воспринял ее всерьез, больно полоснуло по сознанию. Внешне же это никак не проявилось. Влад улыбнулся, скрестив руки на груди. Раньше Вика побаивалась подобной улыбки, но сейчас триумф в ее крови сорвал все тормоза.

— К Спикеру? Убью, сучка. Ты моя.

Смех оборвался на губах красавицы. Но не от страха перед угрозой, — перед растерянностью, приятной такой растерянностью. А еще в ее глазах вспыхнули искры восторга от подобной демонстрации силы. Выпад Влада достиг цели. Мужчина сжал кулак, впечатав его в ладонь левой руки до хруста костяшек, смерив Вику взглядом абсолютного хозяина положения.

— Перепила? Или заигралась, черноглазка? — Вика вздрогнула, когда он сделал шаг ей навстречу, но осталась стоять на месте, замороженно наблюдая. — Давай, рискни. Я тебя на цепь посажу, сука. К Спикеру? Ты кому принадлежишь? С кем ты спишь? Или ты думаешь, я буду смотреть, как моя женщина лезет в чужую постель?

— Влад, я... — Виктория растерялась.

Не испугалась только потому, что его тон, его поза и все поведение сейчас зажгли в ее крови неистовое пламя. Это можно было легко прочесть в ее глазах. Только что она получила подтверждение тому, что нужна и желанна. “Дали им свободу, а они готовы остаться рабынями”, - некстати вспомнились Владу слова Оскара Уайлда. Лучше одержимость на грани помешательства, чем галантные реверансы.

Вика зажмурилась, когда Влад схватил ее за волосы и сильно дернул.

— Не смей закрывать глаза. Ты что только что сказала? Кому ты там свое совершенное

тело показать собиралась?

— Я не... это все ты! Ты спал с ней за моей спиной!.. Как только все узнал про моего мужа, я стала не нужна... пусти, мне больно!

— Придержи язык, пока я тебе его не откусил. Ты чего хотела? Ты в постели о чем-то думала, кроме как о том, чтобы отомстить бывшему? Я мужчина, это понятно? Если моя женщина настолько меня не уважает, что думает о посторонних вещах, когда я ее имею, я буду драть шлюх, у которых иные эмоции. Я заманался ждать, когда ты оттаешь и начнешь отвечать на уровне! Видимо, зря.

— Влад...

В голове помутилось от ярости. Эта сука вознамерилась сломать ему все в нескольких шагах от счастья. Он не собирался терять ни минуты. Схватил Вику, вцепившись пальцами в вырез платья и резко рванул, разрывая его по шву. В этом действии не было ни капли сексуального вожделения. Только холодная злость. И еще необходимость не допустить провала любой ценой.

— Раком, лицом в пол! — Только потому, что Виктория подчинилась, он сумел позволить себе секундную передышку и закрыть глаза.

Ярость так часто переходит в неистовое желание... но сейчас это правило не сработало. Даже при виде упругой попки Вики и ее коленопреклоненной позы. В секунды само сознание охотно пришло ему на помощь, подкинув кадры из недавнего прошлого. Настя с потемневшими от страсти глазами. Ее язычок, облизывающий пересохшие губы. Платье цвета небесной лазури, которое так же трещало по швам, когда он терял голову в неистовом желании обладать женщиной своей мечты. Ее отчаянная смелость и такая восхитительная покорность. Ее пальцы на его затылке, спине и бедрах. Ее тугие внутренние мышцы, сомкнувшиеся самой желанной ловушкой вокруг окаменевшего члена. Он едва успел прикусить язык, чтобы не произнести самое дорогое имя, и рванул ремень брюк, освобождая налившийся фаллос и грубо притянул бедра Вики на себя.

— Убью... Только произнеси при мне еще раз имя Спикера! — В тот момент ему показалось, что это Настя недавно пригрозила явиться к своему боссу в одном negligé.

Этого оказалась достаточно, чтобы он с яростным рычанием погрузился в Вику одним толчком на максимальную глубину. Женщина взвизгнула.

— Еще. Раз. Услышу. Твои. Угрозы! — Зубы мужчины впились в ее шею. Ярость. Ничего иного. Он оставался твердым только при мыслях о Насте. — Я схожу по ней с ума, а она понты кидает!..

Он буквально потерял связь с реальностью. Вколачивался в податливое тело постанывающей Вики, мало обращая внимание на ее слова и признания в любви. Разрядка не приходила, даже когда Вика затряслась в приступе уже второго оргазма.

— Это только начало! — шлепнув ее по ягодице, пообещал Влад. — Налей мне выпить. И, как и обещала, сидишь у ног. Я тебя до хрена разбаловал...

Вика, не в состоянии скрыть счастливую улыбку, поднялась на ноги. Ее пошатывало, но Владу показалось, что она не шла, а летела к бару. Черные глаза сияли от удовольствия.

Он выиграл этот раунд. Но прекрасно понимал, что всего лишь отстрочил неизбежное. Завтра будет новый день, а Виктория потеряла все возможные тормоза. Мог ли он ее в этом винить? Как бы вы негласно ни договаривались о том, что не станете предъявлять друг другу никаких претензий, все летит к черту, когда в дело вмешиваются чувства. Он никогда не думал, что Вика помогает ему ради него самого, а уж никак не ради мести. Не хотел думать,

поправил себя Лидер, наблюдая за тем, как обнаженная красавица с взлохмаченными волосами и счастливой улыбкой на лице наполняет бокалы, распрямляет спину и крадется к нему грациозной походкой кошки.

Он знал, что ему надо сделать, чтобы обезопасить себя и Настю. Знал, но почему-то понял, что ему будет трудно сделать это самому. А не сделать — значит, подписать себе смертный приговор. Почему обстоятельства сложились так, что ему приходится воевать с женщинами? И почему они бьют в самый эпицентр уязвимости с таким извращенным садизмом, который не снился даже мужчинам?

Вика протянула ему бокал и устроилась у его ног в обманчиво покорной позе. Как бы не так! В ее глазах так и не погас тот хищный блеск победительницы, уверенной в том, что подобный Владу мужчина у нее на крючке. Как же ему хотелось в этот миг увидеть в восточных глазах хоть капельку понимания, согласия, доверия... но ничего из этого в них не было и в помине. Только эгоцентризм, запредельное самодовольство и наслаждение собственной властью. Женщина загорелась игрой, которую начала против него, и останавливаться не собиралась. Этот азарт не погас даже тогда, когда Влад запустил ладонь в ее волосы и рассеянно погладил.

Ему было жаль. Но он прекрасно видел, с какой легкостью эта стервочка расправлялась с теми, кто осмелился перейти ей дорогу, достаточно вспомнить Шахновского. И как ей было плевать на всех, кто непроизвольно попал в мясорубку, взять ту же Элину. Она не остановится, и надолго обмануть ее сладкими обещаниями не удастся. Сейчас Вика была подобна разомлевшей тигрице у его ног, но, стоит этому сексуальному угару в ее крови раствориться, упадет снова.

Казалось бы, она могла стать идеальной парой ему. Но увы, Влад не испытывал к ней ничего. Если раньше в этом оставались какие-то сомнения, то с появлением Насти они растворились без следа. В тот момент он понял одно: ни за что, ни при каких условиях он не позволит кому бы то ни было отнять у него его любимую женщину. Как и себя — у нее.

Одурманенная собственной победой и желанием Виктория пока еще, слава богу, этого не поняла. Влад не обольщался. Утром она все сложит в уме, и угрозы прозвучат куда увереннее. Женщины чувствуют, когда мужчина к ним охладевает. Очень хорошо чувствуют. Но пока еще экс-жена Шахновского этого не понимала. А у него оставалось совсем немного времени.

— Если тебе надо поработать, милый, — хрипло прошептала Вика, не сводя с него глаз и облизывая губы, — Я не буду мешать...

— В топку работу.

Раскрасневшееся личико Насти, ее широко распахнутые глаза цвета штормового моря всплыли в его памяти вместе с хриплым шепотом в его губы. “Целуй или ломай мне позвоночник. Третьего не дано...” Его смелая и такая отчаянная малышка. Его смысл жизни уже на протяжении девяти лет. Он не мог позволить себе потерять ее. Он сам ломает позвоночник каждому, кто посмеет встать на пути их чувства.

Любимая женщина и сейчас держала его в своих крепких и нежных объятиях, не покидая мыслей ни на секунду. Это не Вику он сейчас поднял за плечи, усаживая к себе на колени так, чтобы видеть лицо. Это не ее гибкое тело сейчас прильнуло к нему, поймав налившийся член в тиски своей тесной раковины. Это не в нее он сейчас вколачивался, хрипло выдыхая сквозь зубы от нахлынувшего удовольствия.

Вики не существовало. Он зажмурился, чтобы не видеть блеска чужих темных волос,

задержал дыхание, чтобы не вдыхать и свежий, и одновременно пряный аромат с нотками цитруса и жасмина. Той, что сейчас буквально пронзала его барабанные перепонки раскаленными иглами своих б**дских стонов, уже не существовало. Ей оставалось жить совсем немного.

Имя Насти замерло на его губах, так и оставшись произнесенным. Последний раз он так промолчал. Он вырвет собственное сердце за право произносить его с любовью снова и снова и безжалостно устранит всех, кто когда-либо заставит его молчать.

...Виктория посапывала во сне, развалившись поперек его кровати. Чувство вины от всей неоднозначности ситуации укололо его всего на миг, последняя дань совести и морали. Увы, на войне как на войне. Влад не стал звонить Лектору, ликвидатору в его группировке. Достаточно было эсэмэски.

“Приступаю. Мне необходим час”. — Влад кивнул дисплею телефона в ответ.

Стер переписку и позволил себе уснуть, не вставая с кресла. Утро раскрасило небо серыми унылыми красками с мазками снежных хлопьев, когда он открыл глаза. Виктория уже проснулась, лениво водила по губам кистью блеска для губ. И улыбалась. Черт возьми, даже он никогда не испытывал такого превосходства, которое плескалось в ее миндалевидных глазах.

— Я уезжаю. У меня массаж и пилатес скоро, — проворковала женщина, пряча блеск и зеркальце в сумочку. — Влад, я насчет Спикера пошутила. Но если ты будешь играть со мной в игры, я все ему про тебя выложу...

— Альпы? Куршевель? — холодно осведомился Лидер. — Карпаты?

Взгляд Вики не потеплел. Но в нем проскочила искра глупого самодовольства.

— Я подумаю...

Он поцеловал ее на прощание. Постарался сделать это так, чтобы ничем не выдать себя.

Помог Вике продеть руки в рукава норковой шубы и даже прошептать напоследок:

— Ты моя. Хрен когда отпущу. И перестань сомневаться...

А спустя десять минут стекла задрожали от взрывной волны. Она достигла даже окон пентхауса. Надрывно завывла сигнализация припаркованных автомобилей, грохот взрыва растворился в безрадостном небе наступившего утра. Оранжевое зарево на миг осветило полумрак спальни, отбрасывая ломаные тени.

Влад плеснул себе коньяка и залпом выпил его до дна, уже не удивившись ни шуму, ни почему не испытывает никакого сожаления.

— Покойся с миром, Виктория...

Еще спустя два часа он покинул квартиру. На месте взрыва Викиной “ауди” все еще копошились пожарные и полицейские. Толпа не расходилась, и никто не обратил внимания на мужчину в сером пальто с кейсом в руках, который вроде бы удивился происходящему, растерянно оглянулся и, решив, что потеряет много времени, расспрашивая зевак, направился к своему автомобилю.

Только что он завершил свой разговор с помощником серого кардинала. До встречи оставалось несколько часов, что позволяло ему успеть собрать совет в загородном доме. Разобраться с предателем, который, вернее которая, сливала Вике информацию, и объявить своим соратникам о новом плане их дальнейших действий.

Дорога убегала из-под колес бронированного автомобиля. Рваные хлопья снега бились в лобовое стекло, превращаясь в быстро исчезающие круговые разводы, на секунды оставляя идеально чистую поверхность, на которой тут же расцветала новая картина абстрактных снежных мазков. Симфония-реквием с визуальным видеорядом под скрип шин по обледеневшему гравию пригородной дороги, под свист ветра на предельной скорости с едва уловимыми аккордами сбившегося дыхания пассажиров, хотя каждый из них сохранял самообладание. Хмурый водитель. Широкоплечий бодигард. Уставший, с залегшими темными тенями под глазами Спикер, стойко выдерживающий тряску, — только бледность и легкая испарина на его бритом затылке выдавали с головой, что именно он чувствует в этот момент. Насте хотелось уговорить его отправиться к доктору или на крайний случай в постель. Не потому, что о нем беспокоилась. Акт возмездия Шахновскому, что так неотвратимо скоро наступит, не предполагал присутствия посторонних. Увы, паранойя Антона Сергеевича спутала ей все планы.

“Неужели это все? Неужели через час все будет окончено?” — Настя поплотнее стянула у горла ворот полушубка, наблюдая за мелькающим за окном пейзажем. Столько времени азартного ожидания, детальной подготовки и осторожности к каждой прошлой попытке. Почему сейчас она не испытывала никого душевного подъема?

Обстоятельства так четко выстроились в ряд, предоставив ей удобный случай. Раньше она полагала, что, стоит только Шаху испустить последний вздох, ей придется в авральном порядке заметать собственные следы и бежать из столицы, справедливо опасаясь гнева Спикера. Сейчас же она практически получила от него санкцию на свою месть. Более того, ей даже в этом помогли.

После увиденного в компьютере главный столичный мафиози буквально вышел из себя, орал на своих подопечных, раздавая указания, а Настя молча налила ему виски из бара Лекса и заставила выпить.

— Вам нельзя нервничать. Вы уже не пацан. Берегите сердце.

Спикер поперхнулся напитком, и в его затуманенном болью и яростью взгляде промелькнуло что-то, прежде не знакомое. Открытость? Доверие? Поиск поддержки? Насте стало его жаль. Сергеевичу было бы безопаснее довериться прайду голодных львов, чем ей.

— Я без оружия. Не хочу марать руки.

— Марат, отдай ей ствол.

Настя проверила обойму, привычно покрутила знакомый с детства ПМ на ладони. Телохранитель Спикера непонимающе посмотрел на босса, который лишил его оружия, но тот только махнул рукой.

— В багажнике найдешь... — Спикер поморщился от боли и опустил в кресло, сомкнув руки в замок.

Настя выиграла свой главный поединок. Если бы не было нападения и ранения, которые не оставили Антону простора для выяснения обстоятельств вины своего ставленника, все бы так просто не решилось. Понадобилось бы черт знает сколько времени, для того чтобы проверить информацию. Настя не сомневалась в профессионализме Гейтса, который обставил все так, что не подкопаешься, но ее задача бы значительно усложнилась. Способность реагировать молниеносно на изменения в ситуации позволило ей повернуть эту комбинацию в лучшем виде.

— Стало быть, ты была права, Ангел? Все это время?

Настя повернулась на голос босса. К счастью, он не смотрел на неё, пялился в одну

точку с отрешенным видом.

— Я не была уверена. Вы скрывали от меня информацию относительно Лидера. Пришлось самой проработать десяток разных теорий.

— Или ты так сильно жаждала его уничтожить?

— Если бы я этого не хотела, как знать, может, он сумел бы замести следы и выйти сухим из воды.

Зазвонил телефон. Выслушав, Спикер резко поднялся, охнув от боли, но не растеряв решимости.

— Черти, за мной. В Подлесное.

Там находился заброшенный дом, который служил камерой пыток вышедшим из доверия и плахой для приведения приговоров в исполнение. Настя была там всего раз, но в расправе не участвовала, ожидала в машине. Это было еще в начале ее сотрудничества с главой Синдиката, когда он использовал любую возможность, чтобы испытать ее нервы. Забавный круговорот событий во времени. Однажды в таком же заброшенном бетонном коробе едва не убили ее. И там встретила свою смерть Света.

Час расплаты настал, Леша, и теперь у твоей смерти будет мое лицо. То, которое ты так и не узнал. Ничего удивительного. Только любящий Влад мог запомнить мои глаза и узнать их из тысячи даже сквозь время. Ты же не видел ничего, кроме моего тела и собственных жестоких амбиций...

...- О чем задумалась? — Спикер выдавил из блистера две таблетки обезболивающего, вырвав пластиковую бутылку минералки из протянутой руки телохранителя.

Настя сама не понимала, почему захотела с ним поделиться своими соображениями. Возможно, потому, что знала то, чего еще не знал никто: Спикер будет следующим.

— О том, что Светка была далека от классического эталона идеальной подружки. Мы в свое время цапались как кошка с собакой. Но вот парадокс: когда она перестала видеть края и встала на мою защиту, ее убили. А сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что никому не было угрозы в ее словах и действиях. Был повод для беспредела.

— Но ты ни разу не посетила ее могилу.

— Я не была уверена, что за мной не наблюдает кто-то еще, помимо вас.

— Я всегда проверяю тех, с кем работаю. До мельчайших подробностей.

— Про завязки в Осло тоже не соврали, когда шантажировали меня жизнью сына Ирки?

— Об этом забудь. Я бы не стал использовать такие методы.

“Ну да, конечно же. Ты даже за свой базар больше не отвечаешь”, - Настя проводила взглядом табличку с названием их пункта назначения на грязной обочине и сжала пистолет под мягким мехом норковой шубы. Сердце не сорвалось в хаотичный бег, кровавая пелена не застила глаза, азарт не насытил кровь своими сумасшедшими атомами. Вот так легко цель всей ее жизни на пороге осуществления превратилась практически в рутинную работу.

Все, что она сейчас хотела, — это поскорее оказаться в объятиях Влада. Желательно где-нибудь на морском побережье под теплым южным солнцем, но и это не обязательно. Рядом с ним в одном замкнутом периметре всегда разгоралось жаркое лето. А еще ей было немного грустно, оттого что спокойной жизни никому из них не видать в ближайшее время. Гуляев уже наверняка сделал свою ставку на нового предводителя Синдиката, обмануть ее не вышло. Какие там другие кандидаты? Вряд ли они когда-то существовали. Влад стремился к власти куда сильнее, чем к завершению собственной вендетты. Когда и если он заменит на троне Спикера, начнется война. Холодная, скорее всего, и у Насти не было сомнений, что ее

мужчина завоюет авторитет, но придется приложить усилия. Кто из главарей этой многоголовой гидры Синдиката не представляет себя на месте вожака? Да каждый ждет, когда наверху разберутся между собой и поубивают друг друга в этой яростной схватке. Тогда, Настя не сомневалась, вчерашние партнеры порвут соперников на пути к трону. Вряд ли они допускают возможность того, что новый глава Синдиката будет чужаком, а не из их окружения.

А Влад? Он будет ходить по лезвию ножа. И это никогда не закончится. Настя не будет покорно ожидать его дома, варить борщи и утирать детям сопли. Не будет, даже если безумно этого захочет. Прежде всего потому, что таким, как Лидер, опасно иметь детей. Это слабость и рычаги давления. Она, следует полагать, станет его щитом и персональным ангелом. Жизнь, полная опасностей, ежесекундного преодоления преград и напряженных нервов. Скоростной экспресс, с которого не сойти на ходу никогда. Остановка — катастрофа и неминуемая смерть.

Еще несколько недель назад такая жизнь показалась бы ей чуть ли не адреналиновым раем. Но сейчас, когда они вновь обрели друг друга спустя столько времени...

Шины забуксовали на промерзшей земле загородного бездорожья. Рывок, и автомобиль затормозил возле небольшого деревенского домика с плотно закрытыми деревянными ставнями.

Настя покачала головой. Неужели она совершила ошибку? Не позволила своей гордости уговорить Влада остаться с ней, уехать из этого криминального государства туда, где можно начать жить нормальной жизнью, создать семью и забыть обо всем, как о страшном сне? Или просто видела, как сильно ее мужчина жаждет власти, и не посмела отнимать его мечту? Она, кажется, устала. Смертельно устала за эти девять долгих лет. Жила ярко, как гонщик болида «Формулы 1». Все ее задания — будто полеты в неизведанное. Каждый старт — новый виток игры со смертью, не всем улыбнется удача на финише. С этого трека не сходят. Победитель или проигравший — участник ралли никогда не покинет его. Здесь есть все: крушения, смертельные аварии, заносы на скользком гудроне; шампанское и золотые награды, огромные ставки и пристальное внимание толпы. Нет только свободы от этого образа жизни.

— Ангел, просыпайся.

Настя перевела взгляд на Спикера. Даже в салоне автомобиля было заметно, что его состояние ухудшается.

— Я сама. Все помню. Никаких излишних движений...

Морозный воздух обжег щеки. Казалось, единственный источник тепла — это пистолет в ее ладонях, который согревал куда сильнее, чем кожа перчаток.

“Сделаю это, и все”, - сказала себе Настя, следуя за охранником Спикера, который совсем недавно ее едва не задушил. За хлипкими воротами с облезлой краской она заметила еще один автомобиль, салон пустовал. Девушка, с трудом удержавшись на обледенелом крыльце, вошла в дом.

Здесь царило запустение и затхлость, хотя при желании его можно было сделать пригодным для жилья в краткие сроки. Настя поравнялась с сопровождающим, отметив, что дом изнутри оказался довольно просторным. Пыльная лестница сбегала вниз. Только преодолев десяток ступенек, Настя услышала звуки ударов. Спутать их с чем-то другим было невозможно.

Нет, она не вздрогнула и не удивилась, когда вошла в полуподвальный блок. Так часто

ее реальность отличалась от голливудских фильмов, но здесь это правило не работало. Видимо, каратели Спикера не стали изобретать велосипед для выколачивания сведений из своей жертвы. Классическая схема: колченогий стул с примотанным к нему скотчем Шахновским, запрокинутая голова, лицо в кровавых ссадинах и нечленораздельные стоны в полоску из такого же скотча, которую его палач эффектно сорвал с губ резким рывком при ее появлении. До оригинальности очень далеко.

Настю буквально качнуло в сторону, на грубый косяк двери со вздутыми хлопьями масляной краски. Сквозь тонкий полущубок его ребро больно впилося в лопатку. Тряхнула головой, испытав подзабытое чувство нереальности всего окружающего, ощутив запах крови. Не стала вспоминать, что и сама не столь давно находилась в похожем положении. Тут хотя бы не было так холодно, как в лодочном ангаре, где она впервые после долгой разлуки увидела Влада. Перевела слегка удивленный взгляд на мужчину в грубой кожаной куртке, который остановил кулак перед лицом Шахновского и нацелил в ее голову пистолет, не сняв с предохранителя.

— Эй, уймись! — Второй из дознавателей был ей смутно знаком. Пересекались тогда на вилле Спикера, когда шерстили рыболовное суденышко, вспомнила Настя. — Проходи, Анька, не стой в дверях. Что ж ты тогда промахнулась-то? Сейчас бы нам меньше работы было.

Настя глубоко вдохнула, возвращая ясность сознанию.

— Развлекаемся, мальчики? Хватит, ждите за дверью.

Тот, что нацелил на нее пистолет, попытался было возразить, не стесняясь в выражениях, но напарник миролюбиво похлопал его по плечу, увлекая к выходу, и подмигнул Насте. Когда за ними с громким лязгом закрылись двери, она мысленно досчитала до трех. Иногда, в особо тяжелых случаях, ее это спасало. Но как, черт возьми, можно было отнести эту ситуацию к тяжелой?

Она шла к этому долгих девять лет. Ни разу за все это время она не усомнилась в справедливости поставленной цели. Дальнейшие действия Шаха тоже ну никак не добавили бонусных баллов для какого-либо минимального сожаления. Она сама не могла понять, что чувствует в этот момент. Призывала на помощь ярость, злорадство, торжество победителя и не понимала, почему эти непереманные спутники вендетты не приходят. Просто смотрела прямо в заплывшие от ударов глаза своей жертвы, испытывая что-то сродни растерянности.

Сколько раз она прорисовывала в своем воображении варианты возмездия этому человеку! В начале своего пути — самые сказочные, невероятные, но зрелищные, чуть позже — болезненные, жестокие, но и те казались ей недостаточными, чтобы воздать ему по полной. Меньше всего она могла предположить, что в час икс не почувствует ничего, кроме усталости и желания расправиться с ним поскорее. Никаких долгих разговоров, выплюнутых в его разбитое лицо обвинений и того самого восторга, который получила в исключительных случаях.

Бьющаяся в душевой Гюрза с перерезанными сухожилиями. От таких ран не умирают, но поговаривали, Терминатор счел опасным оставлять ее в живых.

Крот, который пришел в первую ночь ее насиловать, скрючившийся на бетонной плите после падения с высоты, с закатившимися глазами, смотрящими в небо, с расплывающейся под головой лужицей крови.

И Катон, которому она с таким наслаждением проломила височные кости во время очередного спарринга. Мгновенная смерть.

Тогда офигел даже Хаммер, а Настя поймала свое отражение в пыльном оконном стекле и буквально прибалдела от вида собственной улыбки.

Говорят, однажды привыкаешь ко всему, даже к остроте ощущений во время актов возмездия, и со временем этот адреналин сходит на нет. А может, все меняется именно тогда, когда ты находишь более сильный и неиссякаемый источник счастья. Остальное меркнет на его фоне.

Мысли путались. А Лекс между тем заговорил. Хрипло, сплевывая кровь, не понимая до конца, что происходит.

— Что за херня, Анна? Спикер знает?

Настю поразило его голос. Такой же четкий, с агрессивно-ироничными нотками... разве что более сиплый. Конечно же, он решил, что его Ангел пришла ему на помощь. Но такие люди даже за это не умеют благодарить. Скорее, это было похоже на предьяву за то, что его спасительница не особо торопилась.

— Спикер все знает, Лекс.

Эти слова не произвели на него никакого впечатления. Настя перевела взгляд на пистолет в своей руке. Один выстрел, и все будет кончено. Но что-то ее останавливало. Не жалость. Не отказ от прежних намерений. Еще не понятая до конца эмоция, поиск чего-то... то ли ответа, то ли нового решения... Шах продолжал что-то говорить, повышая голос, интересуясь, чего же она, такая сука, медлит и не торопится его развязать. Взгляд девушки упал на валяющийся на колченогом табурете кейс с уложенными в пазы шприцами, ножами, кастетами и скальпелями. Все еще не понимая, зачем она это делает, Настя шагнула к этому набору юного живодера, залюбовавшись глянцевым блеском на лезвии тонкого хирургического скальпеля.

— Слушай, бойчица, ты оглохла? Я сдам тебя Антону с потрохами! — в голосе Лешки послышались истерические нотки. А вместе с этим растерянность. Может, он наконец-то осознал смысл фразы “Спикер все знает”.

Настя словно зависла, лишь краем сознания отмечая реакцию своей жертвы, сунула пистолет в карман полушубка, по инерции натянув на ладонь тонкую кожаную перчатку, и только тогда уверенно сжала пальцами рукоятку скальпеля. Это было озарением. Еще неосознанным, на уровне то ли рефлекса, то ли инстинкта. Потемневшее лицо Влада, который рассказывал о том, как его чуть не похоронил заживо их общий враг, промелькнуло перед глазами, резанув сердце пылающей плетью, оставив на нем тонкий ожог. Достаточно для того, чтобы холодное оружие уверенно легло в женскую ладонь. Тепло металла ощущалось даже сквозь тонкую лайковую кожу.

— Ань, ты чего, обдолбалась? Ты в доктора решила поиграть? Аня! Я не знаю, что это за херня! Я ничего не делал! Скажи Антону, я не виноват! Какое на хрен покушение? Меня подставляют, ты понимаешь?! Аня!

Заброшенная пыльная комната, залитая светом длинных ламп, качнулась перед ее глазами в последний раз, перед тем как обрести четкие контуры вместе с ясностью сознания. Настя улыбнулась глухой стене с частично обвалившейся штукатуркой.

— Конечно, не делал. Я знаю. Обидно, наверное, когда тебя приговорили просто так, даже без повода?

Он замолчал. А Настя, хоть всегда скептически посмеивалась над голливудскими сценариями, в которых преступникам всегда читают проповеди с детальным раскладом их преступлений, сейчас прикусила язык, чтобы не последовать этим постановочным шаблонам.

Но сказать ему хотелось очень многое. Вызвать страх. Пусть свой ужас она давным-давно забыла, при мысли о Владе шрам на сердце пульсировал с новой силой.

— Не ожидал, что одна из смертниц, которая по чистой случайности не попала в лапы Мамбе, сумеет выжить и прийти за тобой? — Удивительно, но в ее голосе сейчас не было ни грамма театральности. — Прийти и сделать то, что надо было с тобой сделать еще в колыбели.

— Я не... о чем ты?

— Спикер попросил прикончить тебя быстро. Я пойду ему в этом навстречу.

По позвоночнику Насти прокатилась легкая дрожь, будто ее коснулись мягкими перьями. Что-то новое, незнакомое ей прежде. Придающее силы и уверенность. Кровь запульсировала в кончиках ее пальцев, когда она шагнула вперед, отметив, как расширились глаза Лекса от ее слов. Мало. Ничтожно мало. Страх — не то, что ей надо. Ужас. Вот чего она хочет.

Это было похоже на внутренний голос. Звонкий, как колокольчик, мелодичный... и очень знакомый. Голос, который направлял ее. И еще ощущение пальчиков, которые просто легли на ее ладонь, сжавшуюся вокруг рукоятки скальпеля. Этот голос сейчас проник в ее сознание, именно он, казалось, заставил Настю скинуть шубу, привел в движение голосовые связки, прежде чем она поняла, зачем именно. И тогда она заговорила. Не сама. Именно так ей показалось.

— Ты в свое время не смог убить двоих. Двоих, встреча которых была давно предначертана свыше, а ты счел, что можешь им в этом помешать. Ты не смог. Какая ирония, что теперь эти двое с легкостью уничтожат тебя...

Кажется, он закричал. А может, Насте это только показалось. Левая рука поднялась, вцепившись в волосы Алексея, потянула на себя. Слова мужчины, в которых сейчас наконец-то прорезался ужас, судорожно проходили навывлет, словно пули: "Спикер... я ничего не делал... "Я тебя не знаю! ..." Настя в них не вникала.

— Это мы тебя уничтожили, Викинг. И да, в этот раз, какая ирония, ты действительно ничего не сделал!

Блестящая поверхность скальпеля легла поверх пульсирующей жилки на его напрягшейся шее. А Настя сама не поняла, почему назвала его Викингом. Как и то, что вряд ли акцентировала тогда внимание на его прежнем прозвище.

— Босс просил пристрелить тебя в голову. Сказал, это благородно. Но благородство и ты — несовместимые понятия. Когда закапывал живым Славэна, тебе было скучно в него просто выстрелить. Ты хотел, чтобы он умер от удушья. А мне жаль, что ты сейчас не почувствуешь гипоксию в полном объеме. И даже боли, наверное. Я сейчас проткну тебе артерию. Слышишь, как бьется твое сердце? Оно вытолкает кровь очень быстро. Ты даже не поймешь, что я тебе только что говорила. У тебя тридцать секунд до смерти. Можешь считать...

Едва уловимое движение пальцев, обтянутых черной кожей перчатки. Поворот острия скальпеля...

— Один.

Настя вздрогнула, не поверив, что отсчитывает последние секунды кровного врага.

— Два...

Паника в его глазах. И такая далекая попытка ее локализовать. Или просто не допустить униженных рыданий с просьбами не убивать.

— Аня!..

— Меня...

Лезвие вошло в его шею, словно в желе.

— Зовут...

Резкий рывок с углубленным надрезом, чтобы тут же выдернуть скальпель и отскочить в сторону, наблюдая, словно в замедленной съемке, как выстрелил фонтан алой крови, а душераздирающий крик резанул барабанные перепонки:

— Настя!

Скальпель глухо стукнулся о пол. Настя, словно замороженная, следила за этим фонтаном крови, который не желал прекращаться. Провела рукой по лбу, даже не понимая, что на перчатке осталась кровь, которая сейчас прочертила ровные полосы от брови к виску.

— За Светку. За Влада. За меня.

Она продолжала стоять и смотреть даже тогда, когда фонтан крови иссяк, а конвульсии Лекса прекратились. И только его предсмертный хрип все еще звенел в сознании. И в нем было именно то, чего она хотела. Панический ужас и боль. Ну а разве она надеялась услышать что-то другое? Раскаяние или сожаление? Увы. Жизнь давно лишила ее напрасных иллюзий.

Холод пробирался под кожу. Тонкое платье от него не защищало.

«Ты опять захотела пневмонию, дура? Краснова, эгоистка... Все время тебя спасаешь, подставляешь свое плечо, а ты продолжаешь заигрывать со смертью! Я, чтобы ты знала, тоже устаю и мне нужно время на восстановление...»

На губах Насти появилась легкая улыбка. Смущенная и слегка виноватая, та, которую часто можно было встретить на заре ее юности. Та, которой она сама раньше жутко стеснялась, пытаясь спрятать за неприветливостью, и от которой в свое время потерял голову Влад.

«Светлячок, ну перестань... я оденусь... вот, уже все! И выпью горячего чая. Только не злись!»

Настя скинула на пол окровавленную перчатку, продела руки в рукава полушубка, удивившись тяжести в кармане и только спустя несколько секунд вспомнив, что уложила туда пистолет. Достала, сжала в ладони, посетовав на себя за такое обращение с норковой прелестью, и спокойно направилась к двери. На Шахновского даже не обернулась, примерно понимая, что увидит. Нет, она сможет прекрасно спать, даже если поежится от гримасы панического ужаса на его красивом лице и в зеленых глазах, которые однажды свели ее, столь молодую и наивную, с ума. Скорее, это была привычка: никогда не задерживаться на месте преступления.

Снег прекратил сыпать, но безрадостное зимнее небо было по-прежнему серым и неприветливым. Настя прошла мимо “дознавателей”, курящих на крыльце, хлопнула калиткой, покидая территорию заброшенного дома. Спикер стоял к ней спиной, засунув руки в карманы, а телохранитель что-то тихо говорил ему. Он запнулся, увидев Настю, и кивнул в ее сторону.

Антон повернулся. С непроницаемым выражением на лице следил, как Настя медленно приближается, смотрел то на ее лоб, то на пистолет в ее руке. Когда до него осталось несколько шагов, Настя вздрогнула от неожиданности и не поняла, зачем ее босс, несмотря на ранение, кинулся ей навстречу. Перехватил пистолет из ее рук, бросил охраннику. Сжал плечи, больно впиваясь, пытливо вглядываясь в ее глаза.

— Эй, вы чего?

— Ты ранена?

Непривычные нотки беспокойства удивили Настю. Как и жест мужчины, который провел по ее лбу ладонью. На ней остались мелкие хлопья свернувшейся крови.

— Нет. Это его...

— Я не слышал выстрела.

— Я решила холодным оружием. Мало ли, грохот услышат.

Настя оглянулась назад, вспомнив о курящих парнях. Свою электронную сигарету она с собой не прихватила.

— Антон Сергеевич, я курить хочу.

Он не отпустил ее. Все так же смотрел в ее глаза, лишь коротко бросив охраннику:

— Ты слышал, что сказала дама?

— Но я не...

— Твою мать, не беси меня. Знаю, что куришь. Гробишь здоровье, уволю к черту, КМС недобитый. Не заставляй искать, найду — грохну.

Не прошло и минуты, как Настя затянулась ощутимо крепкой сигаретой. Затянулась, но не закашлялась с непривычки, как ожидала. Спикер разжал свою хватку на ее плечах и поморщился. Якобы от дыма, а на деле от боли.

— Давай пройдемся, Ангелок, — кивнул в сторону небольшого обрыва, за которым располагались огороды.

«Ехал бы домой с таким ранением», — подумала Настя, но вслух ничего не сказала. Молчала даже тогда, когда Спикер остановился, спокойно разглядывала безрадостную панораму запущенных грядок с колышками. Ветер трепал остатки чучела в грубом рванье, отдаленные крики ворон нарушали тишину.

— Что дальше думаешь делать, Настя?

Девушка пожала плечами. Возможно, он снова испытывал ее на прочность. Зброшенная земля — идеальное место для захоронения. А как знать, что пришло в голову главе Синдиката, когда Ангел выполнила свою работу? Она не боялась. Даже если бы оставила при себе пистолет или скальпель, силы были не равны. Трое в лодке, не считая Сергеевича.

Затянулась крепким дымом, не повернув головы, проронила:

— Спать. Устала я.

Антон скользнул по ней внимательным взглядом. Незнакомым ей прежде. То ли оценивающим, то ли заинтересованным. Почти все мужчины смотрели на нее так в последнее время.

— Я думал, моя Ленка наняла киллера. Достало все это... Накануне заставил юриста нас по-тихому развести.

Настя ухмыльнулась. Учитывая тот тип женщин, на которых Спикер любил жениться, от его юной супруги можно было ожидать куда большей тупости.

— Поздравлять или соболезновать?

Мужчина пошатнулся, скривившись от боли.

Девушка покачала головой:

— Босс, к чему этот пикник на обочине? Так боитесь умереть в постели? Глупое геройство.

— Может, все дело в том, что там некому обо мне заботиться, Настя?

Это все больше и больше начинало походить на флирт.

— Я не доктор. Пыталась им побыть, но один пациент только что скончался от моей операции. И сестрой милосердия меня тоже можно назвать с большой натяжкой.

— Мне не понадобится доктор, если в меня не будут больше стрелять, верно? — голос Спикера дрожал от едва сдерживаемой боли, но он улыбался. Продолжал шутить как ни в чем не бывало.

Настя уже давно перестала удивляться его стойкости. Другой бы долго и не продержался на троне главного мафиози.

— Не хочу рушить ваши иллюзии, стрелять будут. И не раз. И не только стрелять. Но, поскольку сейчас реально некому заставить вас соблюдать постельный режим, я попрошу ближе к делу. Поговорим за бутылкой коньяка, когда оклемаетесь.

— Да в общем, Настя, я устал переживать за кого-то. Когда угрожают моей жене. Счастье, что о моих детях никому не известно.

Настя покачала головой. В чем-то она осталась неисправимой идеалисткой. В ее утопическом воображаемом мире подобные Спикеру не имели права иметь детей.

— Теперь некому угрожать, верно?

— Надеюсь, будет кому. Но эта девочка откусит руку по локоть и вырвет глотку любому, то подумает это сделать.

Ей понадобилось секунд тридцать, чтобы осознать смысл сказанного. Чтобы проанализировать, отбросить допустимые и недопустимые значения и в который раз за сегодня удивиться.

— Босс, а что вы глотали в машине?

— Настя, меня всегда умиляли подобные девчоночьи шпильки: “я подумаю, так неожиданно, вы в своем уме?”. Но я их вдоволь наслушался. А раз ты сама настаиваешь на том, что сейчас время играет против моего хорошего самочувствия, перестанем ходить вокруг да около. Или все-таки вам, как полагается, надо подумать?

Настю разбирал смех. Она действительно меньше всего была готова к подобному повороту.

— И когда вы осознали, что не можете без меня жить?

— Настя, не паясничай. Романтика для меня — недопустимая роскошь. Я говорю с тобой на твоём языке, единственном тебе понятном. На языке голых фактов без каких-либо эмоций. Давай посмотрим на расклад. Я устал от статусности на публику. Устал от глупости этих малолеток, которых, кроме шопинга, фитнес-клубов и тачек, ничего не интересует. Устал, оттого что многие спешат воспользоваться их недалеким умом и выведать информацию. Оттого что мне угрожают жизнью каждой из них. Да и просто оттого, что мне не с кем поговорить. Мало кто поймет.

Настя отшвырнула окурок и повернулась к Спикеру:

— Антон Сергеевич, вы хотите приобрести секьюрити, любовницу и бойца, который способен за себя постоять, — все в одном флаконе?

— Ты всегда была умной девочкой. А я все чаще склоняюсь к мысли, что партнеры в браке должны быть равноправны. И служить друг другу прежде всего поддержкой. И кстати, прекрати мне выкать.

Настя покачала головой, не в состоянии сдержать улыбку:

— Пока я не приняла предложение, сохраним привычный шаблон общения. А вам пора в постель. Обидно, если жених не доживет до свадьбы.

— Ты согласна?

— Я подумаю! — Настя кивнула в сторону автомобиля с охранником, отбивающим чечетку от холода. — А теперь, шеф, курс на восстановление!

Глядя вслед Спикеру, который из последних сил старался сохранить осанку и идти уверенным шагом, Настя подумала о том, что все могло бы сложиться именно так, не появись в ее жизни Влад. Понятно, что ни о какой согласии с ее стороны не могло быть и речи.

Антон Сергеевич уже был приговорен и не догадывался об этом. И впервые Настя не участвовала в этом. Несколько дней, и все решится. В стае будет новый вожак. Спикера в живых не оставят, устроят показательную казнь. В какой-то степени ей было жаль этого сильного мужчину. Нельзя было отрицать того, что она испытывала к нему уважение и особую симпатию.

Увы. Перемены в Синдикате были неизбежны. Но она ничего не могла с этим поделать и, по правде сказать, не хотела. Все, чего ей хотелось, — выпить. И уснуть на плече Влада, забыв на миг о жестоких реалиях жизни.

Глава 24

Мрак.

Боль.

Жжение в легких, которое с каждой секундой перерастает в огненный жар.

Привкус земли и крови на языке. Отчаянный гребок рукой. Мышцы теряют чувствительность. А он из последних сил гонит мысли о том, что не успеет. Цепляется за ускользящее сознание.

Его ладонь вроде как уже хватает пустоту, давление грунта слабеет. А он не хочет думать о том, что ему это только кажется. Что душа вырвалась прочь из тела, которое погребено в безымянной могиле на окраине города, за оградой кладбища. Братское захоронение сотен смельчаков, которые однажды оказались неуютны Синдикату.

Это жестокая ирония судьбы — потерять сознание в шаге от цели. Вглядываться в темноту и чувствовать на себе капли дождя. Цепенеть от мысли, что это иллюзия. И от понимания, что потерял слишком много крови. Что он выбрался из могилы только для того, чтобы уснуть навсегда в эту ночь уходящего лета под плачущим небом окраины неприветливой столицы.

Дождь. Темнота. Бессилие. Он закрывает глаза. Не чувствует холода и сырости. Только покалывание в конечностях. Можно попытаться их размять и согреться, в “Обители ангелов” этому научили, но совершенно не хочется двигаться. Спокойно так и уютно.

Темноту пронзает яркий луч света. Мысль, что его палач вернулся, чтобы добить свою жертву окончательно, тает, как будто смывается потоками ливня. Он не сдался, это не апатия. Он всего лишь устал и хочет спать.

Его щеки касается чья-то ладонь. Это так странно, потому что дождь проходит сквозь нее, не встречая препятствия... но он явственно ощущает это нежное прикосновение. Открывает глаза, слегка удивленный нелогичностью происходящего, и непроизвольно жмурится от яркого света.

Он не видит ее лица. Только силуэт. Прозрачный, размытый и светящийся. И чувствует нежность ладони, которая перемещается выше, а пальцы ложатся на его веки, оставив

ощущение покалывающего тепла. Дождь обрушивается с черных небес, не думая прекращаться, а он хрипло, преодолевая боль, шепчет единственное имя, которое уже целую вечность не покидает его губ. Именно вечность. Хотя прошло всего-то несколько недель после их первой встречи.

— Настя!..

Боль в плече. Там рана, через которую к нему попыталась вломиться смерть. Кажется, эта сука не оставила своих попыток. Стоит у запертой двери, подбирая ключи. Вот-вот она найдет нужный, войдет полноправной хозяйкой, одним взмахом костлявой руки выключит свет и цинично наклеит на дверной стык ордер своего владения. Но сейчас она замерла. Влад чувствует приятные прикосновения пальцев, и на миг его осеняет. Смерть в балахоне и с косой — фольклор. Вполне возможно, что у нее иной облик. Облик этой девушки с нимбом лунного сияния, которая сейчас гладит его по лицу. Как жаль, что об этом уже никому не расскажешь. Он никогда не верил в существование потусторонних сил. Понятие «ангел» для него свелось к термину «профессиональный убийца». Сейчас ему стыдно за собственный скепсис.

Что-то произошло, стоило этой невесомой ладони переместиться на его лоб, кольнув сетчатку глаз иглами мягкого свечения. Как будто остановилось время. Даже дождь отошел в сторону, не прекращаясь, но больше не заливая ему глаза. И виски запульсировали, словно прошла рябь, прежде чем этот серебристый свет вспыхнул в его голове. Как будто лампочку включили.

“Вставай!”

Ангел говорил с ним. Но говорил иначе. Ее голос звучал в сознании Влада, словно передавался усилием мысли. Он горько усмехнулся. Открыл было рот, чтобы ответить, и не смог. Пришлось об этом просто подумать.

“Ты же видишь, я не могу...”

“Вставай!”

Вместо того чтобы послушаться, он испугался. Не за себя. Сколько дней он безуспешно искал свою Настю, свою солнечную девочку, которая исчезла, словно в воздухе растворилась. Мысль о том, что ее нет в живых, ударила раскаленным шаром по солнечному сплетению. Он резко сел, не замечая боли в плече, глухо застонал сквозь зубы от моральной боли. Что, если это она сейчас пришла с того света, чтобы сказать ему последнее “прощай”?

“Вставай, если хочешь увидеть ее снова!..”

Она жива? Серебристый свет стал ярче, словно подтверждая это.

“Иди за мной!..”

И он пополз. Теряя кровь и не замечая боли, погружая пальцы в размякшую жижу, следуя за нечетким светящимся силуэтом. Сознание металось, пытаюсь покинуть тело, но серебристое свечение усиливалось, словно захватив рассудок в сильное энергополе. Грязь сменилась колючей мокрой травой, которая впивалась в ладони, а затем острым гравием. И тогда Влад огляделся по сторонам. Дождь. Надгробия. Оградки. Свет редких фонарей. Кладбище. Протянул руку к женскому силуэту, но он, словно испугавшись, растаял в желтом мареве электрического освещения от высокого фонаря. Так же поспешно вслед за свечением уходило его сознание.

Резкий треск. Перед глазами плясали черные пятна, но яркая вспышка молнии разрежала пространство, ударив в крышу каменного флигеля метрах в ста от его местонахождения. Острые куски шифера разлетелись, звуки от их удара о землю потонули в раскате грома.

Последнее, что он увидел, — это смутный, но земной, не призрачный силуэт человека в дождевике, который выскочил на усыпанную гравием кладбищенскую аллею, оглядываясь по сторонам...

Что было потом? Ему казалось, что он завис в невесомости между жизнью и смертью, раем и адом. Смутно помнил, как его втащил на себе во флигель сторож погоста, как вливал ему в горло крепкий спирт и все порывался вызвать милицию. Как Влад устало кивнул на свой карман, где остался бумажник, вследствие чего вопрос с представителями власти самоисчерпался. Как стучал по кнопкам раритетной мобилы, выслушивал маты случайных абонентов, которых наверняка поднял с постели, и только с четвертого раза попал к Самвелу. Как проваливался в глубокий обморок, с которым отчаянно, но безуспешно боролся. Как испытал подобие счастья, увидев своего верного собрата по оружию, и наконец-то окончательно потерял сознание, больше не сомневаясь в реальности происходящего.

Он выжил. Рядом верный друг. Теперь все будет хорошо...

Лидер открыл глаза. И даже успел удивиться, что впервые за долгое время не вскочил, прижимая руку к бешено колотящемуся сердцу. В панорамное окно его пентхауса светила луна. Завеса серо-угольных снежных туч наконец разошлась, и завтра обещал быть ясный солнечный день. Тусклые звезды едва угадывались, потерявшись в огнях мегаполиса.

Влад повернул голову, глядя в безмятежное лицо спящей рядом Насти. Лунный свет падал на ее шею, подсвечивая золотистые кудри и светлую гладкую кожу. Безжалостная убийца. Гроза каждого, кто посмеет перейти дорогу ей и ее интересам. Сейчас она совсем не напоминала себя прежнюю. Его любимая женщина. Смысл его жизни. Единственная ниточка, которая не оборвалась ни на миг, звенела подобно натянутой струне долгие годы, воплощая в себе все его желания. Она — целый мир. Влад оперся на локоть, разглядывая ее умиротворенное лицо с длинной тенью ресниц на скулах, слушая ее дыхание. В его сознании расцветали вспышки эйфории, ничем не омраченное счастье ласкало теплыми волнами. Хотелось смеяться. Хотелось петь. Кружить ее в объятиях и гасить возмущенные протесты, когда она проснется, своими губами. Уничтожить каждого, кто посмеет только подумать о том, что может забрать ее у него.

Она так безмятежно спала. А ведь он знал, что утром его Настя наконец-то накормила своего врага холодным блюдом до летального исхода от гастрономического передоза. Только вот говорила об этом неохотно, словно не испытывала никаких эмоций по этому поводу. “Это как будто вообще была не я, — пожала плечами и, подумав, добавила: — А его ужас можно было буквально потрогать руками. Такой сильный, что он вряд ли боль испытал...”

Она была задумчива и растеряна. Но, стоило Владу обнять свою девочку, скользнуть губами по нежной коже ее скул, страсть вывела ее из этого состояния. Они занялись любовью прямо на столе, опрокинув горящие свечи, которые оросили каплями воска темный паркет, застывая на нем абстрактной живописью. Черный воск был похож на капли крови, когда Настя, потеряв голову от дикого первобытного желания, занесла высоко над собой пылающую свечу, позволив горячим каплям упасть на свою белоснежную кожу. В эту ночь они объявили соревнование, выявляя степень своих страстных безумств. Сама сущность каждого из них жаждала одного: любить как в последний раз, пьянеть от этих незабываемых сумасшедших ощущений. Играючи падать вниз, подобно истребителям в крутом штопоре, и вновь взмывать в темнеющую высоту неба с россыпью созвездий в метре от гранитных стен

неприветливой действительности. Забыть обо всем. Только обладать, поглощать, заполнять собой друг друга, наперебой заявляя о своем неоспоримом праве любить и владеть. И сам Лидер готов был пойти на все, только бы выбить эту растерянность и пустоту, заполнить ее своими поцелуями, жаркими прикосновениями... заполнить самим собой.

Она забылась крепким сном, а Влад не хотел засыпать. Не потому, что боялся увидеть во сне события той злосчастной ночи, которая развернула его жизнь на сто восемьдесят градусов. Он хотел смотреть на свою любимую девочку, слушать ее дыхание и стук сердца. И впервые в жизни не сопротивляться той переоценке ценностей, которая прямо сейчас проходила в его сознании.

Власть, признание, контроль. Трон нового короля этой насквозь коррумпированной криминальной столицы. Страх и восхищение. Незыблемый авторитет. Все то, что раньше было целью, смыслом его существования, тем самым конгломератом устремлений, вступило в фазу разрушения. Он считал, что выжил ради этого. Ради восхождения на Олимп, ради мести, ради установления собственных порядков и законов. Все это было движущей силой на пути его становления. Но было что-то еще.

Вернее, не было. Все эти годы в его жизни не было ее.

Амбиции таяли. Желаемое в одном шаге от достижения стало пресным и лишеным смысла. Не ради этого он ломал стены, брал свои Рубиконы и шел по трупам. Только одно обещание вытянуло его с того света. Обещание того ангела, который заставил его ползти, карабкаться, цепляться за жизнь, пообещав ему взамен Настю. Этот эпизод стерся из его памяти. Но, когда он увидел его во сне, память услужливо напомнила.

Лидер не хотел больше выгрызть свое место в криминальной элите столицы. Такая вот ирония судьбы: в шаге от восхождения на трон его цели пали жертвой революции сознания. Сегодня, укрывая одеялом свою уставшую любимую девочку, он хотел только одного: каждый день засыпать с ней рядом и просыпаться раньше, чтобы любоваться ею спящей. Носить на руках, осыпать поцелуями, не расставаться ни днем, ни ночью. И больше не бояться того, что неумолимый рок однажды ее снова отнимет.

Они были так похожи. Каждый играл с судьбой, бросая ей вызов. Говорят, фатум любит смелых и отчаянных. Но он же с легкостью меняет свои пристрастия, не повинуюсь законам логики. И Лидер, и его Ангел в свое время заключили сделку с судьбой. Азарт, авантюризм, бег по лезвию ножа в обмен на благосклонную улыбку. Как скоро щедрые бонусы судьбы окажутся окончательно розданы?

Никто из них не боялся смерти. Но теперь мысль о том, что однажды они смогут вновь лишиться друг друга, сделала их уязвимыми. Прежние цели и желания стали скучными и потеряли свой смысл. Влад с потрясающей ясностью понял, что хочет совсем другого.

Покоя. Той самой жизни, которой живут миллионы других. Они не знают бремени неподъемной власти, не ощущают на себе ежесекундной метки оптического прицела. Да, у них есть свои проблемы, но они меркнут рядом с уникальным счастьем: иметь семью, проводить время наедине друг с другом, воспитывать детей и находить прекрасное и возвышенное в привычных вещах. Пусть у них нет полной уверенности в завтрашнем дне, нет привычки хватать звезды с неба, но у них есть то, чего никогда не будет у него, если он пойдет путем, который много лет считал правильным: жизнь без оглядки на мнение окружающих, и вследствие этого — ежесекундное ожидание удара в спину. До нынешнего момента сомнительные бонусы от такой жизни перевешивали все издержки. А все эти люди даже не осознают, насколько счастливы.

Что есть власть и авторитет рядом с таким даром небес — начинать каждый новый день со своей любимой женщиной, неметь от счастливого осознания, что они наконец-то вместе, встречать закаты и рассветы, переплетая пальцы и согревая друг друга своим теплом! Разве может сравниться привилегия рулить пиратской шхуной Синдиката с первой улыбкой твоего ребенка? С возвращением домой, где будет ждать самый дорогой человек? Ждать, а не вздрагивать от каждого шороха, не оббивать пороги церквей в стремлении вымолить для тебя благосклонность высших сил, не прятать слезы страха за твою жизнь под натянутой улыбкой.

Влад провел рукой по разметавшимся волосам Насти. К черту все. Серый кардинал сделал неправильную ставку. Лидер ставит на любовь. На жизнь, в которой больше не должно быть места опасности. Теперь их двое. Семья. Солнечный свет. Счастье. Не нужна ему корона нового Спикера. Максимум, что он может сделать для Синдиката, — сразу прояснить ситуацию и передать трон кому-то другому «достойному». Он сделал свой выбор.

Кажется, он все же уснул, прижав к груди свою спящую девочку, нежно и осторожно, чтобы не разбудить, зарывшись пальцами в ее волосы, согретый ее теплом. Засыпая, подумал о том, что жизнь так и не сумела сломать никого из них. Ей не под силу было уничтожить их человечность, забрать способность любить и чувствовать, отравить стальным цинизмом и превратить в киборгов, способных только убивать. Так происходит со многими, но именно им судьба предоставила последний шанс.

Утро началось с кофе и шоколадного брауни, заботливо приготовленного Настей. “Ничего другого не нашла в твоём холодильнике”, — развела руками девушка, счастливо посмеиваясь и закусывая припухшую от поцелуев нижнюю губу. Влад едва удержался, чтобы вновь не повалить ее на этот самый стол, расплескав кофе и раздавив кекс. Жалел только об одном, что сегодня решающий день. Серый Кардинал устал наблюдать за беспорядками в Синдикате из подполья. Недавний разговор с Гуляевым с глазу на глаз прояснил все спорные вопросы. Влад внимательно выслушал его, поделился своими соображениями и удивил смотрящего своим хладнокровием и самообладанием. Но тому было невдомек, что открывающиеся перспективы больше не грели Лидера.

Сегодня в три часа пополудни все решится. Спикер приговорен. Две ключевые фигуры — возглавляющий ветвь работоторговли и куратор наркотрафика — отправятся вслед за боссом. Сюрпризов быть не должно. Влад отмахнулся от непонятной тревоги. Вернее, просто не стал акцентировать на ней внимание. Уж слишком часто она давала о себе знать, настолько, что стала его постоянной спутницей. Вся жизнь как на вулкане, расслабляться некогда. Наверное, когда все это закончится, он не сразу войдет в прежнюю колею, все еще будет оглядываться и держать оружие на расстоянии вытянутой руки. От привычки выживать так просто не избавиться.

Вчера Настя сказала, что тоже будет там. На ее присутствии настоял крестный. И Влад сжал кулаки, сжал так, что ногти впились в ладони, а стиснутые зубы едва не закрипели. Увы, он достаточно повидал в этой жизни, чтобы понять, что Гуляев ратовал совсем не за соединение двух любящих сердец. Его Ангел — страховка? Гарантия того, что он согласится на условия, которые при закрытых дверях остались неозвученными? Одно он знал точно: порвет любого, и не раздумывая, если любимая женщина окажется на линии огня. Он даже не подумал о том, что Настя сама может за себя постоять. Еще совсем немного, и ей не придется самой разряжать обоймы в головы своих обидчиков. Он закроет ее ото всех жизненных невзгод, станет стеной от порывов ураганных ветров и стремительных пуль.

Воин-защитник для своей принцессы. Конечно, Настя будет сопротивляться. Пусть. Со временем поймет, что он никогда не ставил целью ограничивать ее свободу. Он просто не может позволить себе снова утратить смысл своей жизни...

Лидер сделал все, чтобы его тревога не передалась Насте. Как и девять лет назад, они ели суши, женские пальчики, которые так уверенно держали пистолет и наносили выверенные удары по болевым точкам на теле противника, сейчас не могли справиться с хаши. Намеренно или нет, не имело значения. Влад кормил ее со своих рук, как и тогда, на их первом свидании, и внутри разливалось солнечное тепло, которому он теперь знал определение.

Оно носило ее имя.

Оно называлось счастьем...

...Обычно во время подобных сходок криминальная элита столицы, в простонародье “братва”, предпочитала не прятаться по загородным особнякам. Собирались для переговоров в в ВVIP-зале на Стрелковой, практически напротив здания Сейма. Никому бы не пришло в голову им как-то в этом помешать. Сам политический строй государства обуславливал подобные мероприятия, и почти все члены Синдиката имели мандат неприкосновенности. Зарубежные СМИ давно прозвали эту форму власти “криминальной автократией”, местные же гордо именовали ее демократией. Никто не хотел лишиться головы.

Сегодня привычный формат встречи претерпел изменения. Совет Синдиката собрался в загородном имении. Никто не знал, кому именно принадлежит этот трехэтажный дворец с мраморной отделкой, с резными шпилями башен, огромным полем для гольфа... и даже вертолетной площадкой. Настя подозревала, что этот дом принадлежал Гуляеву. Негласному крестному отцу, главному смотрящему, которому удобно было оставаться в тени.

В свое время девушка предприняла осторожную попытку раскопать подноготную своего крестного. Только из этого не вышло ровным счетом ничего. Александр был стопроцентной темной лошадкой, любая информация о нем была скрыта за семью замками. Тогда смотрящий лично пожурил ее за такое вот рвение. “Занимайся своими играми в возмездие. Все, что касается меня, как-нибудь, бог даст, расскажу тебе за бутылкой чая, если будешь хорошей девочкой”, - он говорил это и по-отечески улыбался, но стальные нотки в голосе и предупредительно потемневший взгляд сразу дали понять: дальнейших игр в детектива с ее стороны он не потерпит. Настя больше не искушала судьбу. Не потому, что испугалась, просто приоритеты на тот момент были расставлены иначе. Например, первым делом ныне покойный Шахновский, а тайны мадридского двора — потом.

На совет Синдиката они с Владом приехали порознь. Откровенно говоря, Настя до сих пор не понимала, отчего Гуляев так упорно настаивал на ее присутствии. Исполнители воли сильных мира сего всегда оставались в тени. Приобщаться к делам Синдиката она не собиралась ни при каких условиях. Решил ее испытать? Это была распространенная практика в этой структуре. Может, прознал о брачном предложении Спикера и решил насладиться спектаклем? Вероятно, в этом городе глаза и уши есть даже у асфальта. Безопасность? Самого Гуляева охраняли профессионалы за пределами высокого класса. Как и остальных. Если эти монстры схлестнутся, от нее толку будет мало. Стрелять каждый умеет.

Влад... Вот это было ближе всего к правде и не давало ей покоя. Зная, как крестный любит спецэффекты, и подавно. Если он сделал ставку на Лидера... Присутствие любимой женщины нового главы Синдиката на его коронации — сюжет, достойный Каннского

фестиваля. Заодно и возможность донести до общественности, что к Насте на кривой козе не подъедешь и не используешь как инструмент давления на Лидера. Сама кого хочешь продавит и, скорее всего, до летального исхода.

Но все равно какая-то изменчивая противная тревога точила изнутри. Развитая интуиция редко молчала, а сейчас и вовсе царапала, словно гвоздем по стеклу. Логика же растерянно разводила руками, до конца не понимая, чем вызваны эти беспочвенные, на первый взгляд, опасения. Если ты в сговоре с Синдикатом, забудь про беспечность. Здесь ни в чем нельзя быть уверенной до конца.

Большая двухъярусная парковка на территории обширного имения постепенно заполнялась автомобилями. Сюда съезжались самые престижные марки авто: “Бентли”, “Лексусы”, “Порше”, “Кадиллаки”. И каждая машина отличалась особым тюнингом: бронированными каркасами и пуленепробиваемыми стеклами. А большинство еще и государственными номерными знаками.

Уважаемые люди Синдиката не спешили в гостеприимное тепло дворца. Покидали свои четырехколесные убежища, оглядываясь по сторонам, распускали кольцо широкоплечей охраны и обменивались друг с другом рукопожатиями, иногда братскими объятиями. Курили, смеялись, спорили, строили предположения относительно цели этой внеплановой сходки. Персона Насти не осталась без внимания. Появление в этом мужском обществе девушки с внешностью фотомодели в дорогой норковой шубе и бриллиантовых украшениях вызвало самую различную реакцию. Некоторые попросту теряли дар речи, другие, не задумываясь о последствиях, поедали ее глазами, а те, кто уже имел удовольствие с ней познакомиться, просто уважительно кивали. Настя лишь иронично улыбалась на обрывки фраз, долетающих до ее слуха. “Та самая? А с каких пор бабам тут место? Seriously? Ликвидатор? Личная киллерша Спикера? Не гони... может, Спикер свою телку не успел и спа отвезти?.. Если так, кто пригласил ликвидатора... с какой целью?”

Те, кто поглупее, ограничивались репликами в стиле “я бы вдул”. Настя не обращала на них внимания. Высокомерно улыбалась, стараясь ничем не показать своего волнения, и ожидала приезда Влада. Он задерживался. Может, это было сделано намеренно, и крестный срежессировал его появление в урочный момент. Когда криминальный бомонд притих и на парковку, оставив росчерк шин на бетоне, влетел уже знакомый ей “гелик”, Настя нервно хихикнула, на миг представив абстрактную зарисовку: Антон, кривясь от боли, вываливается из автомобиля с букетом цветов и делает ей предложение на глазах у ошеломленной публики. А что? Она женщина, и даже образ жизни не смог полностью выбить из ее души романтику.

Спикер выглядел уставшим, но уже не таким измученным, как в прошлую их встречу. Держал прямую осанку, чтобы компенсировать невысокий рост, сухо кивнул в ответ на приветствия. От внимания Насти не укрылось, что многие из присутствующих уже догадались о скором изгнании главы мафии с насиженного места. Проявлялось это по-разному. Кто-то просто кивал в знак поддержки, с трудом скрывая растерянность. Другая же категория злорадно ухмылялась, примеряя корону власти на себя. Эти два ментальных потока буквально осязались кожей, а Настя не могла причислить себя ни к одному из лагерей. Ей было все равно. Да, они довольно долго проработали бок о бок, никогда не переступая грани “заказчик-исполнитель”, последние дни не в счет. В глубине души она уважала этого сильного мужчину, который сумел бы удержать власть, не будь вышестоящей силы. Иногда ей даже казалось, что, окажись она на его месте — понятие “диктатура”

показалось бы Синдикату самым мягким. Когда она узнала о том, как ее босс цинично приговорил Влада... странно, но ненависти не испытала. Испытала кое-что посерьезнее. Отстраненность и равнодушие.

— Ангел? — Антон знаком велел охране держаться на расстоянии и остановился в паре шагов от Насти. — Что ты здесь делаешь?

Девушка не стала ему отвечать, ограничилась легким пожатием плеч. Если бы она сама это понимала. Хотела было поинтересоваться самочувствием босса, но поняла, что это прозвучит сухо и фальшиво. Появление двух мужчин в костюмах, которые пригласили всех пройти в дом, избавило ее от этой необходимости. Напоследок она осторожно огляделась по сторонам. Почему нет Влада? Что все это значит? Тревога росла, не отпустила даже в роскошной прихожей особняка, заставив вздрогнуть от зуммера металлоискателя. Хмурый то ли дворецкий, то ли глава безопасности кивнул, пропуская ее вперед под цепкими взглядами всех собравшихся. Им не позволили оставить при себе оружие.

Переговорный зал казался бесконечным. Длинный черный стол с глянцевой поверхностью без единого пятнышка, по центру — букет белоснежных лилий в большой вазе. Эркерная зона комнаты скрыта тяжелыми шторами в целях безопасности. Чучела голов диких животных на стенах немного сглаживали официальный интерьер, вместе с огнем в огромном декоративном камине придавали помещению флер легкого уюта. Это все, что успела рассмотреть Настя, перед тем как ее взгляд переместился на двух мужчин, спокойно ожидающих у огромного стеклянного глобуса на лакированной стойке. Крестного она узнала сразу, а второй оставался в тени. Только когда он сделал неспешный глоток кофе и повернулся, Настя узнала такие родные движения... этот поворот корпуса и слегка склоненную набок голову. Эти длинные пальцы, которые еще утром ласкала своим языком. И этот взгляд темного янтаря, который прожег ей кровь за считанные секунды.

Влад! Уже не обращая внимания на окружающих, которые так и не сбавили градус своего интереса по отношению к ее персоне, девушка сделала несколько быстрых шагов вперед. На ее губах расцвела улыбка счастливой влюбленной женщины, которой уже было не под силу скрывать свои чувства. Не имело значения, что они провели вместе ночь и расстались только несколько часов назад. Секунды для них становились вечностью. Каждый час порознь превращался в бездну холодной тоски. Расстояние становилось холодным оружием, которое наносило свои беспощадные удары. Нет, больше никогда они не расстанутся надолго. Свободолюбивая сущность Насти с легкостью отказалась от прежней жизни ради единственного счастья — быть только с ним...

Она так и не поняла, что удержало ее от безотчетного порыва кинуться на шею Владу на глазах у донов Синдиката. Наверняка не их любопытные и удивленные взгляды. И даже не Спикер, который сперва двинулся в ее сторону... а потом застыл на месте, уставившись на вышедшего из тени Влада Корнеева. И уж точно не правила этикета или опасение показать свою слабость. Нет. Высокие каблуки «Джимми Чу» слишком мягко пружинили по необычной фактуре коврового покрытия. То ли каучук, то ли силикон, замаскированный под ковролин. С такого очень легко потом смывать грязь. Или кровь...

Настя так и осталась стоять на месте, осознав собственную догадку. Мера предосторожности? Или Гуляев свихнулся окончательно, решив устроить показательную казнь Спикеру прямо в зале переговоров? По всему выходило, что удержаться в стороне от мясорубки внутренних разборок ей не удастся.

Влад хранил самообладание. Но нельзя было назвать это абсолютной уверенностью.

Гуляев же приветливо улыбнулся Насте и поманил рукой поближе. Только тогда девушка окончательно взяла себя в руки и шагнула навстречу, остановившись по правую сторону от широкого кожаного кресла. В немалой степени этому помог согревающий взгляд Влада с легким кивком. Он наполнил кровеносные сосуды восхитительным теплом, и Настя непроизвольно опустила голову, скрывая счастливую улыбку. Наблюдала из-под опущенных ресниц за тем, как приглашенные рассаживаются за длинным столом, не вполне врубаясь в происходящее и недоумевая, почему кресло во главе стола занял не Спикер, а влиятельный олигарх. Многие вообще видели Гуляева впервые. А сам Александр был предельно спокоен.

— Приветствую, господа, — прозвучал в воцарившейся тишине его уверенный голос. — Я не люблю ходить вокруг да около, поэтому сразу отвечу на вопрос, который волнует большинство. Мы сегодня здесь потому, что настало время перемен. Глобальных перемен, на которые никто из вас, к сожалению, повлиять не сможет.

Настя не выпускала из поля зрения Спикера. Антон, казалось, даже не осознал в полной мере сказанное. Смотрел на Влада, нервно постукивая пальцами по лакированной столешнице. Не было никакого сомнения, что он узнал того, кто в свое время был неопенимым помощником и кого он с такой легкостью приговорил к смерти. А Лидер делал вид, что ничего не замечает или же все прекрасно видит, но не испытывает каких-либо эмоций по этому поводу.

— Годами мы работали под руководством лидера, чей авторитет неоспорим и сейчас. Я не могу не отметить его достижений и колоссальной работы, укрепление позиций Синдиката и организованность. Антон собрал лучших из лучших. Многие отсеялись в процессе формирования структуры, но таков естественный отбор. Остались лучшие.

Настя вскинула голову, отметив резкое, нервное движение барона работоторговли. Многие выглядели растерянными. Некоторые едва скрывали самодовольство. На миг ей подумалось, что абсолютно никто из присутствующих не догадывается об истинном положении дел.

— Но рано или поздно в каждой системе наступает перезагрузка. Элементы любого механизма изнашиваются и выходят из строя. И если структура стремится к самосовершенствованию и упрочению своих позиций в условиях меняющихся реалий, мы обязаны заменить износившиеся винтики иными. Современными и улучшенными.

Сказанное дошло до сознания присутствующих не сразу. Спикер поднялся, и только тогда тишину нарушил гул голосов. Настя поймала его взгляд.

Осознав слова смотрящего, он, на пороге собственной гибели, смотрел только на нее. На своего Ангела. Смотрел так, как смотрят дети, а не сквозь маску непробиваемого криминального авторитета. Смотрел без напускного равнодушия... и без надежды либо невысказанной просьбы вмешаться. Смотрел так, словно старался ее запомнить. Взглядом не босса. Взглядом мужчины. И тогда, несмотря на свое безразличие, Насте отчего-то захотелось крепко зажмуриться.

Тихо открылась дверь. Вошедший мужчина толкал перед собой нечто похожее на гостиничную тележку, только более длинную, накрытую красной струящейся тканью. Настя разорвала зрительный контакт со Спикером, ставший для нее невыносимым, перевела взгляд на пришедшего, ощутив, как спирали тревоги закрутились в тугую пружину. И Гуляев, который остался верен себе и не собирался утомлять собравшихся долгим красноречием, спокойно, словно ему не было до этого никакого дела, произнес:

— Вперед, волчары. Там ваше оружие. Порвите друг друга за право назваться

сильнейшим.

Повисла ошеломительная тишина. А потом перед глазами Насти предстал наглядный пример того, как обычные люди превращаются в зверей. Увы, с сагой про оборотней эта немая сцена не имела ничего общего. Никто не проронил ни слова, но, когда слова крестного отца достигли их сознания, посрывались с мест, опрокидывая стулья, рванули к тележке, с которой предусмотрительно стянули красное покрывало. Образовалась давка, и тишина нарушилась отборным матом, звуками ударов и лязганьем металла.

— В соседнюю комнату, Ангел, — тихо сказал Гуляев, слегка коснувшись ладонью ее руки. — С вами я потом поговорю.

Настя не стала задавать вопросы или раздумывать. Толкнула Влада, который хранил невозмутимость, в сторону двери, с силой захлопнула ее и повернула ключ. Именно в этот момент раздался первый выстрел.

Она не могла видеть, что происходит за закрытой дверью. Слышала только шум борьбы, крики, мат, а потом новые выстрелы.

— Настя! — Влад разжал ее пальцы, вцепившиеся в дверную ручку. — Я с тобой, успокойся! Все будет хорошо!

— Гребаные битвы за власть! — процедила сквозь зубы Настя.

С той стороны двери раздался глухой хлопок, сопровождающийся падением чего-то тяжелого. Сердце отплясывало контемпорари дэнс, но объятия Влада стали крепче, вытесняя аритмию и заменяя ее ласковым теплом. Горячие губы прижались к ее виску, и девушка покорно откинулась на его плечо, закрывая глаза. Это казалось безумием. За тонкой дверью в паре метров гремели выстрелы и раздавались крики боли, а ей больше всего на свете хотелось раствориться в своем любимом мужчине, не думая ни о чем. Повернула голову, встречая нежный поцелуй, и симфония смерти заглохла, сменившись мелодией их персональной любви. Ласковой и такой сильной, что, казалось, ей под силу сменить обстоятельства.

Настя не имела понятия, как долго продлился этот поцелуй, как давно затих шум борьбы по ту сторону и что же приключилось с крестным в этой свистопляске смерти и кровавых амбиций. Едва не выругалась, когда дверь открылась. Влад среагировал молниеносно: выхватил пистолет, направив на вошедшего, и лишь после этого прервал поцелуй, напоследок коснувшись губами лба Насти. Невозмутимый бритоголовый “дворецкий”, который привез оружие, скользнул по обнимающейся парочке равнодушным взглядом.

— Корнеев, босс зовет. Одного.

— Хрена с два, шушваль.

Настя встала и решительно шагнула в дверной проем, намеренно грубо задев мужчину плечом. Увиденное не повергло ее в шок. Пусть редко, но с подобным ей приходилось сталкиваться и прежде.

Спикер развалился в кресле. Настя поспешно отвела глаза: выстрел в висок превратил правую часть его лица в кровавое месиво. Тяжелый запах крови и пороха повис в воздухе. Белоснежные лилии по центру стола окрасились красными брызгами, из простреленной вазы, чудом не разлетевшейся на осколки, вытекала вода, смешиваясь с кровью и омывая блестящие гильзы на глянцевом обсидиане стола. Кровавая капельная аэрография покрыла также стены и портьеры абстрактным рисунком.

Двадцать присутствующих. Четверо из них мертвы. Еще трое ранены, не факт, что

выживут. Настя скользила взглядом справа налево, не узнавала практически никого — разорванная одежда, взлохмаченные волосы и кровь на коже, непонятно уже чья. В ушах предательски зашумело, и девушка вцепилась в пальцы Влада, который тихо подошел сзади и в буквальном смысле накрыл собой, защищая от этой вопиющей жестокости. Лидер во всем, до последнего слова и действия. Казалось, рухни небо, начнись извержение вулкана или что серьезнее, он бы не утратил самообладания. Сжимал ее руку и нежно гладил по голове, прогоняя тяжелые мысли.

— Влюбленные, извиняюсь за Варфоломеевский вечер.

Гуляев, подобно Коперфильду, материализовался из эркерной зоны. Уже привычная ко всему Настя непроизвольно моргнула, когда он, не замечая убитых, оглядел заляпанные кровью стены и недовольно цокнул языком.

— Законы стаи не вытеснить никакой дипломатией. А вот теперь можно цивилизованно поговорить о новых перспективах.

Настя открыла было рот, чтобы сказать ему в ответ что-то резкое, но Влад предупредительно сжал ее ладонь. Мерзкий металлический запах крови, казалось, въедался в каждую пору, пропитывал собой волосы, оседал на языке тошнотворным соленым послевкусием. А крестный отец как ни в чем не бывало раздвинул портьеры, открыл окно, впусив в комнату свежий морозный воздух. Выжившие в бойне зашевелились, поднимаясь на ноги. Никто не проронил ни слова, словно они только сейчас начали осознавать, что же произошло. Один из них — Настя узнала куратора рынка металла по кличке Пиночет — подошел к Спикеру и опустил ему веки, оставив кровавые отпечатки пальцев на коже. Она была так поглощена этим действием, в котором было гораздо больше смысла, чем в целой заупокойной речи, что даже не заметила, как тот коротко кивнул Владу и вытер руки о серый пиджак собственного костюма. И слишком поглощена собственным неприятием происходящего, чтобы понять: ни у кого присутствие Лидера не вызвало вопросов. Создавалось впечатление, что большинство его знало и прекрасно понимало, с какой целью он сегодня здесь.

Влад подвел Настю к креслу во главе стола, выдвинул незадействованный на переговорах стул, на который не попали капли крови, но девушка отрицательно мотнула головой. Тревога разгоралась в ней с новой силой, и даже нежные прикосновения любимого мужчины сейчас не могли ее погасить.

— Кто же теперь возглавит Синдикат и сделает его крепче и неуязвимее? — Гуляев скрестил пальцы в замок, упираясь локтями о спинку кресла. — Я знаю, вы ждете моей фразы, что я собрал вас для того, чтобы сделать выбор. А что делать в том случае, если вы недостойны быть избранными? Никто из вас?

Влад отпустил руку Насти и выпрямился. Только сейчас она почувствовала его напряжение. Театр не закончился. Гуляев продолжал играть свою роль — ту самую, которая казалась понятной лишь на первый взгляд. Настя повернула голову, но тут же внутренне вздрогнула от странного ощущения. Словно все мысли разом зависли в невесомости, а шум в ушах трансформировался в четкий приказ, прозвучавший в голове.

“Убей его”.

Что это было? Она сходила с ума? Но разве не этот самый голос направлял ее ладонь с зажатым в ней скальпелем? И тогда у нее не было сомнений в том, кому он принадлежит.

“Света?..”

“Разуй глаза, Краснова! Как ты могла забыть о политике Синдиката? Ты не знаешь, что

делают с сильнейшими?”

Настя сжала пальцы в кулак. Речь Гуляева, которая до того казалась обыкновенным позерством, постепенно начала обретать зловещий смысл.

— Я долго наблюдал за тем, что происходит в Синдикате. Пора вмешаться тому, кто наведет окончательный порядок. И никто из вас не подходит для этой цели. Мною принято решение о полной замене кадрового состава. Ваши никому не нужные нормы морали и совести лишили наш бюджет миллионов, ваши внутренние терки с подачи Спикера превратились в бабские разборки. Вы, как шавки, перестреляли друг друга по одному щелчку пальцев, надеясь заграбастать трон смотрящего. Никому из вас здесь больше нет места.

Настя повернулась на звук взведенного курка. Достаточно было одного взгляда в глаза Гуляева, чтобы понять: никакой паранойи. Она единственная поняла суть происходящего без всякой подсказки.

— Я не дам вам этого сделать, крестный.

Подошла еще ближе, закрыв собой Влада. Сомнений не осталось. Серый Кардинал не собирався назначать нового Спикера. Его цель была иная: прибрать к рукам то, что создавалось десятилетиями, уничтожив всех, кто оказался достаточно силен, чтобы ему в этом помешать.

Почему она была так слепа? Не разглядела тьмы безумия в глазах бывшего коррумпированного чиновника, ныне серого кардинала, который стоял у истоков, дергая за нити, и умудрялся так долго это скрывать?

— Крестница, заткнись. Твой папа будет не рад, если мне придется прострелить тебе голову. Отойди и не мешай...

— Нет никакого Совета, правда? — глухо повторила Настя. — Вы собрали здесь тех, кто умнее и амбициознее. Тех, кто мог бы возглавить Синдикат и повести за собой массы. Но вовсе не с целью провести выборы. Вы собрали здесь всех с целью истребить!

Настя потеряла бдительность. Все-таки Гуляев не был слаб и глуп. Когда он буквально швырнул ее, схватив за горло, на высокий стол, Настя потеряла над собой контроль. Дуло пистолета в руках крестного смотрело прямо в лоб Влада. Все произошло очень быстро.

— Кто грохнет эту суку, останется на своих местах!

Настя едва поняла смысл сказанных слов. Вскочила на ноги, ощутив, как треснул каблук модельных сапог, и кинулась наперерез между Гуляевым и Владом, выхватывая пистолет у кого-то из ошарашенных бандюков...

Она не поняла, что произошло в этот момент. Только краем глаза заметила Пиночета, который схватил ствол обеими руками и направил в ее сторону. Но стрелял не он. Оглушительная боль прострелила ключицу, залила левое легкое сумасшедшим жаром, а ноги перестали слушаться. Да, она сломала каблук, но почему так больно? И почему нарастает гул в ушах, перекрыв грохот нового выстрела, а глаза больше не видят безумия на лице Гуляева? Только темноту... Она похожа на ковровое покрытие, если бы кому-то пришлось в голову сделать его из резины. Металлический вкус крови на языке стал нестерпимым, а попытка вздохнуть вызвала удушье с приступом новой боли. Ей не приходилось прежде испытывать подобную. Комната плыла перед глазами, тьма перемежалась багровыми вспышками. Настя попыталась зажать уши, чтобы этот гул не буравил ей мозг, но не смогла поднять рук. Боль ударила на поражение, и, улетающая в пустоту, Ангел закрыла глаза...

Темнота никогда не бывает однородной. У нее тысячи оттенков. Тысячи бликов, которые призваны оттенять ее черное величие. Вспышка молнии на краткий миг придает ей бархатный темно-синий отлив. Искры огня тонут в ее густоте, затухая красным заревом. Даже луч чистейшего белого света задает ей серый размытый тон, перед тем как мрак схлопывается, окончательно его поглощая.

На первый взгляд кажется, что в этой черноте всегда царит тишина. Но это не так. Сбивчивый шепот бездны режет барабанные перепонки. Столкновение полей разного оттенка сопровождается громовыми раскатами. А искры света гаснут с шипением, от которого хочется зажмуриться. Даже если глаза и без того закрыты, а ты барахтаешься в этой вязкой тьме, слишком упрямая, чтобы вот так просто в ней захлебнуться, и недостаточно сильная, чтобы вырваться из ее вязкой клетки. А картинки, кадры, вырванные из прошлого, бьют по нервам с беспощадностью формата 7Д, непонятно, с какой целью — то ли придать тебе сил для борьбы, то ли, наоборот, отнять последние.

...Пустое помещение душевой с мигающими лампами дневного цвета, заполненное паром. Она не успевает увернуться, когда женская ладонь с зажатым в ней ножом из последних сил поднимается вверх и задевает лицо. От боли мутнеет перед глазами, а красная кровь льется буквально в глотку Гюрзе, стекая с разреза на скуле. Это борьба не на жизнь, а на смерть. Борьба за право выжить. А с ее стороны еще и за мужчину, от которого у каждой матери случился бы инфаркт, узнай, как он любит заниматься сексом с их дочерьми. Зять из страшной сказки.

Насте плевать на Хаммера с высокой колокольни. У нее к нему иной интерес. Этот варвар с садистскими закидонами работает с лучшими из лучших. Ученица у него будет только одна, и Настя намерена застолбить эту нишу. Второй год ее обучения подходит к концу. На кону отбор в серьезные структуры... и если повезет, доступ в святая святых Синдиката, где и находится ее главный враг. Увы, иначе к нему не подступиться...

Кровь продолжает бежать по лицу. Она не имеет права отключаться сейчас. Пальцы сжимаются на горле Гюрзы до боли в фалангах, и нож падает на плитку. Настя отшвыривает его в сторону ног, сняв колено с груди противницы и сильнее сжав пальцы, пока та не начнет хрипеть. Хочется ее грохнуть прямо тут, но это будет крахом всем планам. Саму Настю тоже не оставят в живых.

Она не понимает, что помещение заполнилось людьми, а кто-то пытается за плечи оторвать ее от поверженной Гюрзы, которая уже не хрипит, а просто дергается в конвульсиях. Выучка не прошла даром, Настя медленно рисует в воображении мантру самообладания и разжимает пальцы на ее горле, позволив поднять себя на ноги. Футболка камуфляжной расцветки пропитана кровью и паром, сознание уплывает. Она очнется в лазарете спустя полчаса. Врач без обиняков скажет, что ее лицо теперь подпорчено, останется шрам. Стоящий рядом Хаммер устало вздохнет, мысленно похоронив перспективы использовать Настю как универсального агента, не вызывающего подозрения своей смазливой внешностью. Это будет единственный раз, когда она обратится к крестному с просьбой найти пластического хирурга высшей категории.

А потом будет долгий период реабилитации в израильской клинике. Возвращение на базу, где придется в течение месяца восстанавливать прежнюю физическую форму. И привыкать к новому образу. Ей казалось, что она мало изменилась, просто ушла прежняя округлость лица и скулы стали четко очерченные. Появилась даже какая-то трогательность.

Обманчивая, сбивающая с толку. Никто не воспримет ее всерьез такую. За что и поплатятся однажды. Так она себе каждый день говорила.

Гюрзу куда-то слили. Никто не знал куда и зачем. Больше никто не смел покушаться на жизнь и спокойствие Насти после того случая. Даже не потому, что она считалась любимицей Хаммера, она и без покровительства главного инструктора теперь умела за себя постоять...

Хаммер. Чего этот маньяк никак не уходит из кадров этого черно-белого кино? Лента без звука, а она слышит его голос.

Иногда снисходит нечто вроде озарения. Становится понятно, что застряла в невесомости между жизнью и смертью. Но непонятно другое: почему больше не слышит голос Светы. Почему не уведет вместе с собой навстречу новой жизни или не вернет в прежнюю. Похоже, ее все бросили. Хотя иногда кажется, что она чувствует руки Влада. Влад? Разве его не убили? Она не успела... стрелял Гуляев... еще и Пиночет. Два выстрела, один поразил ее, а второй... Влада или крестного? Мысли путаются, убегают и растворяются в вязкой тьме. Сколько еще ей тут барахтаться? И неужели это все?

Пару раз ей показалось, что она выбралась из черного омута. Но свет был таким ярким, что буквально опалил сетчатку, а голоса и писк приборов слишком громкими. Тьма не преминула этим воспользоваться и потащила обратно в свою вязкую трясиину. Насте не хочется думать, что же случится, когда она устанет с ней бороться. Сдастся? Или все закончится гораздо раньше?

Здесь нет времени. Невозможно понять, сколько прошло минут, часов, дней, недель и на исходе какого именно временного отрезка наконец-то догоняет усталость. Тьма ждала именно этого момента. Теперь Настя знает: так выглядит ад. Никакого огня, котлов с грешниками и чертей. Что обидно, никакого Князя Тьмы, которого так часто любят рисовать в образе сексуального мужчины со сказочной мускулатурой и рогами, которые его вовсе не уродуют. Даже этой шаткой иллюзии лишили. Что дальше? Будет задыхаться в вязкой тьме целую вечность? Такие девочки, как она, не попадают в рай. Чтобы там оказаться, ей надо было отойти в мир иной вместе со Светой девять лет назад...

Настя уже готова сдаться, понимая, что преисподняя никогда ее не отпустит. Вроде бы ей показалось, что вернулась, но разряд, похожий на электрический, так больно уколол, что она непроизвольно нырнула обратно. Сама виновата.

...Опять эти стальные тиски взбесившейся темноты. Вне времени и вне пространства. Ты падешь в это снова и снова. Будет момент, когда тебе станет вдруг легко и свободно в этой тьме. Ты почувствуешь, как вырываешься из ее черных тисков и пытаешься взлететь. Взлететь в такую же непроглядную тьму с одним лишь различием: там нет стальных оков, там свобода и уникальная возможность покорить тёмное небо взмахом сильных крыльев. Они уже раскрылись, твоя персональная божья или дьявольская благодать, ты взмахнула ими... и закричала от боли.

У тебя вырвали сердце. Вырвали гуманно, для начала решив его отключить при помощи разрядов высокочастотного тока. Это было посильнее, чем в первый раз, и от этой боли ты рухнула обратно в жесткие объятия своего черного хаоса. Его густая тьма обволокла изгибы твоего тела, застывая твердым обсидианом. У тебя не получилось вырваться, и рай остался недостижимой мечтой. Хотя разве твой ад был так жесток к тебе? Он позволял уснуть и забыться. Просто ты оказалась слишком крутой и упрямой, чтобы это сделать.

Хотя, наверное, ты все же уснула. Даже послала соблазнительную улыбку Сатане,

который по закону жанра должен был существовать. И когда тьма озарилась светом, даже не удивилась. Шаблоны созданы для того, чтобы их ломать. Все считают Дьявола воплощением ужаса, забывая о том, что он прежде был ангелом. Пусть падшим, но все ангелы милостивые. Даже если отпустят бороду, набьют на теле татухи и заставят всех себя бояться.

“Дьявол? Краснова, я так хохотала, что свалилась с поверхности своей планеты и даже не знаю, примут ли меня обратно без консультации у Фрейда...”

Нет, не могло быть все так просто. Тьма съедает ее рассудок. Забралась под черепную коробку и разрушает мозг, активировав программу миражей из прошлого. А Настя пытается повернуть голову, чтобы увидеть Светлячка, но вокруг пустота. Все та же тьма, пусть и разбавленная сиянием до оттенка серого шелка.

“Ты взлететь пыталась, да?” — любопытствует Тьма голосом подруги. И ты киваешь в ответ, устав вертеть головой.

“Ну как бы да...”

“Рожденный ползать летать не может”.

“В смысле?”

“В смысле рано тебе пока”.

“Разве ты не пришла забрать меня с собой?”

Ее смех, такой до боли родной и звонкий, ты узнаешь из тысячи. Никому не под силу так его повторить, это может быть только она, Светлячок. А потом мрак озаряется светом. Каким-то уж очень ярким. И оковы тьмы слабеют.

“Забрать? Ты смеешься? У нас нет оружия, полигонов смерти и негодяев. Всего того, к чему ты за эти девять лет так привыкла. Свихнешься от тоски. И тебя ждут в иной епархии”.

“В аду?”

“В Валгалле”.

Ты не осознаешь, что улыбаешься.

“Правда?”

“Нет конечно. Не надейся. Там, на земле. Я попрощаться пришла. А ты давай, возвращайся, пока он не сошел с ума от переживаний...”

Он? Наверное, Влад. Почему ты о нем не вспомнила? Отрицала очевидное? То, что его нет в живых? Ты и сейчас гонишь прочь эти мысли, тебя куда больше волнует, почему она прощается. Наверное, ты достаточно грешила в своей жизни, и ангел от тебя отвернулся.

“Почему, Свет?”

“Потому что в этом больше нет необходимости. И он справится с этой ролью куда лучше, чем я. Пора мне помочь тому, кому повезло с защитниками меньше...”

«Но я не хочу... не уходи... я бы ничего этого не достигла, если бы не ты...»

“Ты сделала правильную ставку. Теперь все будет хорошо. Черная полоса и без того затянулась. Возвращайся...”

“Ставку?”

Подруга уходит, а свет становится ярче. Ее голос почти не слышен:

“Именно. Ты поставила на любовь. Теперь все у вас получится...”

Ты открыла глаза в ослепительно белой больничной палате. Пошевелила руками с обилием трубок, зажимов и пластырей, поморщилась от слишком громкого писка электронных приборов. Когда над тобой склонилось чье-то лицо в хирургической маске, непроизвольно потянула руку к бедру, испытав что-то похожее на панику от отсутствия пистолета на привычном месте. На боль в области плеча не обратила внимания. Ты к

подобному привыкла. Но так ничего и не успела сделать: ни вырваться из тисков капельниц, ни задать вопросы. Обезболивающее и успокоительное сделали свое дело. Ты уснула.

А потом услышала его голос. Ощутила нежные поцелуи на своей коже, ласковые поглаживания пальцев, и такой родной свет весеннего солнышка затопил берега твоих спящих территорий. Ты не могла говорить, шевелились только губы, но знала: он тебя слышит. Он выжил в этой мясорубке. И теперь у вас просто не может быть ничего плохого.

Сон и явь сплелись воедино. Кажется, ты ощущала порывы холодного ветра на своей коже, но тебе не было холодно. Его тепло преследовало неотступно. Потом тряску, которая усиливала боль от ранения, громкий голос Влада и его руки. А затем снова сон без сновидений. Временные рамки уже в который раз размылись. Сколько ты проспала? Наверное, надеялась открыть глаза и увидеть его, но пробуждение произошло по куда более банальной и приземленной причине. Зов природы, который поднял тебя с мягкой постели полусонную и отключил все инстинкты, кроме основного.

Ты шипела от боли и шла на ощупь, моргая и прогоняя темные пятна перед глазами. Комната была незнакомой, но, судя по спартанской обстановке, принадлежала мужчине. Может, Лидеру? У него был более изысканный вкус в том, что касалось интерьера, но все же... Ты остановилась передохнуть, прижавшись щекой к стеклу фоторамки на стене. Оба мужчины на фотографии были тебе знакомы. Один часто мелькал в телевизоре и его называли самым сильным человеком планеты. Второй же... ты его знала. Знала, но сейчас затруднялась с идентификацией. А может, тебе было все равно.

Если до санузла как-то удалось добраться, цепляясь за стену, то возвращение обратно было сравнимо с восхождением на Эверест. Со сбитой со стены фоторамкой, в которой тот самый смутно знакомый стоял в окружении крепких парней в камуфляже. “Гондурас. Огневой рубеж” — гласила надпись. А тебе стало смешно. Потому что этот самый мужчина тоже подходил под краткое описание “Гондурас”.

Ты забыла о нем тут же, как только голова коснулась подушки. Тебе предстояло проспать еще не один десяток часов.

...Ощущение чужого пристального взгляда было таким сильным, что сон спасовал перед этим дискомфортом практически сразу. Приобретенный инстинкт — сорваться, вцепиться в глотку нарушителю спокойствия и уже потом разбираться, с какой целью он на нее пялится, почти сработал. Если бы еще не эта адская боль, которая во сне практически отступала! Настя застонала и открыла глаза, готовая биться на пределе сил.

— Куда, принцесса? Лежать! — несмотря на твердость голоса, в нем скользили ироничные нотки. — Успеешь еще подрыгать руками.

— Епт твою за ногу! Хаммер, я что, в аду?

Говорить тоже было тяжело. Но своего бывшего инструктора она меньше всего ожидала увидеть. Особенно в футболке с надписью “I love World of Tanks” и обычных джинсах. Без камуфляжа, отмороженного выражения на лице и кобуры. Еще и с веселой иронией в глазах.

— Принцесса, как ты умудряешься проходить подобные мясорубки и так круто выглядеть?

— Хаммер, застегни губы. — Ей было не до долгих созерцаний своего отражения в зеркале, но хватило одного беглого взгляда, чтобы убедиться: краше в гроб кладут. — Впрочем, я всегда знала, что ты редкостный извращенец.

Очертания комнаты прояснились. Только сейчас Настя отметила, что, несмотря на спартанскую простоту, она оформлена с дизайнерским вкусом. Оставалось непонятно,

почему ее привезли сюда. Хаммер на роль няньки-сиделки подходил меньше всего, в ее воспоминаниях он всегда был хищником, лишенным каких-либо тормозов, когда в поле его зрения появлялась миловидная женщина... к тому же настолько от него зависимая, как сейчас Настя.

— Влад где?!

— Я же сказал, дергаться прекрати! У тебя кровь! Какой Влад?

— Лидер где? Так тебе понятно, б**ядь?

Она не хотела ругаться. Но от одной только мысли о том, что теплые слова и нежные прикосновения любимого мужчины были следствием ее галлюцинаций и его больше нет на этом свете... Да, она видела сон, долгий сон без каких-либо ярких красок, где Светлячок уверила, что с ним все хорошо, но все же...

— Жив твой Лидер. Церемонился б я с тобой тут, если бы он был мертв.

— Охренительная честность, — счастье, похожее на россыпь золотого песка, затопило своими искрами, изогнув губы в улыбке. Перед этим спасовала даже боль.

Ничто больше не имело значения.

Ни ранение, после которого выживают только самые стойкие.

Ни напряжение последних дней, которое убивало своей неизвестностью.

Ни боль, от которой нет спасения, и не будет еще долго.

Ведь он жив. Ее мужчина. Ее единственный оплот в этом мире. Ее шанс на счастье и жизнь, в которой начнется новый отсчет. Не для того она выжила, чтобы сейчас все это потерять.

— Принцесса, может, того? По-быстрому? — беззлобно подколот Хаммер, наблюдая за ее улыбкой.

Настя подтянулась на локтях, преодолевая боль, готовая растерзать того, кто вырвал ее из этого царства грез своим похабным заявлением.

— Слушай, гиббон, я, конечно, не в форме, но оторвать кое-что сумею. Ты не в “Обители”, где был самым неотразимым ввиду отсутствия других...

— Принцесса, что за социопатия? — Хаммер придвинулся ближе, протягивая ей стакан с водой и таблетку. — Давай, это обезболивающее. Я вот все для нее делаю, а она не успела проснуться, как опускает меня...

— Можно подумать, оклеветали ни за что ни про что!

— Здоровый сарказм — признак выздоровления. Да расслабься ты. Я еще окончательно не выжил из ума, чтобы приставать к женщине нового криминального авторитета столицы.

Резкая отповедь замерла на губах девушки. Она непроизвольно покачала головой, не в состоянии поверить услышанному. Перевела растерянный взгляд на бывшего инструктора, но он лишь утвердительно кивнул.

— Спикер мертв, Гуляев мертв. Тех, кто попытался рыпнуться наверх без царя в голове, тоже пустили в расход. И так бывает. Выпускник “Обители” сделал своего ректора. Говорят, все там утонули в крови. Так же и было, принцесса?

— Гуляев? Разве...

— Его план собрать сильнейших в столице и замочить всех одним махом потерпел фиаско. Я чему тебя учил? Никогда нельзя недооценивать противника. В силу возраста того, отсутствия опыта или самоуверенности. Вот Лидер усвоил урок на отлично.

Настя забыла о боли. Вцепилась в руки мужчины, уже не в состоянии удержать счастливый смех. Хаммер излишне резко освободился от этой хватки.

— Так, тебе прямо не терпится от меня избавиться! — то ли психанул, то ли почти ласково пожурил. Хотя понятие “ласка” и сам этот мужчина были несовместимы. — Если он сейчас застанет эту картину, задавать долгих вопросов не будет...

— Он едет сюда? — Настя непроизвольно прикусила губы, чтобы придать им розовый цвет. — И ты молчал?

— Да ты бахнутая, я боялся, начнешь плясать по комнате...

— Зеркало!

— Может, мне еще тебе косички заплести? — пробурчал Хаммер, но поднялся, взял с прикроватного столика зеркало и осторожно вложил в руки девушки.

Настя непроизвольно поморщилась. Она не привыкла видеть себя настолько уставшей и беспомощной. Но ее сил сейчас хватило исключительно на то, чтобы пригладить растрепанные пряди и расчесать их пальцами. Хаммер только покрутил пальцем у виска, когда его лучшая ученица залепила самой себе пощечину, чтобы придать скулам легкий румянец. Увы, все эти манипуляции были лишены смысла. Спустя час кошмар ее будней в “Обители” вернулся с тучной женщиной грубой внешности, которая сделала перевязку, особо не миндальничая с Настей. И отважной амазонке, которая могла убить одним взглядом, пришлось терпеть, скрипя зубами, чтобы не нагубить этой бой-бабе и не кричать от боли.

— Мама твоя? Похожий стиль. — Ну на ком ей еще было отыгаться, кроме как на Хаммере?

Может, он и хотел ответить ей что-то резкое, но автомобильный сигнал за окном прервал зарождающуюся полемику. И окружающий мир преобразился. Перестала жечь напалмом боль с фантомными отпечатками пальцев грубой медсестры, выбивающая слабость сошла на нет — это уже такой родной солнечный всполох прошел сквозь тело, забирая усталость и давая странное, но приятное ощущение растущих за спиной крыльев.

Тепло этих ласковых лучей невозможно было перепутать с чем-то иным. И когда он вошел в комнату, на ходу снимая пальто и кожаные перчатки, путаясь в шарфе, стремясь как можно скорее с ним разделаться, Настя буквально перестала дышать. Как мало надо, чтобы счастье затопило неудержимым паводком, смывая навсегда само прошлое... Так ей в тот момент казалось. А уж когда его горячие ладони осторожно накрыли пылающие скулы девушки, с легким нажимом поворачивая ее лицо, затягивая взгляд в омут своих глаз... Она никогда в жизни не падала в обморок от переизбытка чувств. Но сейчас комната завертелась, словно в бешеном калейдоскопе. Даже не его руки, нет, усилие его взгляда удерживало ее на этой нестабильной орбите.

— Влад!..

— Это я, моя отважная девочка.

Это было слишком восхитительно и сверхъестественно, буквально до неверия. Возможно, именно это он расслышал в ее восторженном шепоте. Слова потеряли свой смысл. Насте осталось только уронить голову на его плечо и пить из этого источника солнечного тепла. До скончания времен, если так тому уготовано. Слушать его сердце и неметь от счастья, что наконец-то вместе. Плыть по бескрайнему океану этой нежности. Как когда-то мечтала, рука об руку на корме пиратского корабля. Только сейчас он стал белоснежным лайнером с именем «Надежда». Их переплетенные руки больше не сжимали рукоять меча, тяжесть щита не отягощала свободных ладоней.

То, о чем она так часто мечтала и что казалось невыполнимым, сбылось. Поставить все

на любовь оказалось так легко и так прекрасно... Говорят, выбрав путь разрушения и смерти один раз, с него уже не свернуть. Это ошибочное заблуждение, навязанное с детства. Начнешь курить и пить водку — скатишься на дно, бросишь учебу — отупеешь, убьешь один раз — не отмоешься всю жизнь, убьешь дважды — войдет в привычку. Словом, потеряешь вкус к жизни.

Сейчас ей хотелось кричать об обратном.

Верьте, никогда и ничего не потеряно! Каждый из вас сам хозяин своей судьбы. Прошу вслушаться и прочувствовать это, а не воспринять поверхностно, как указание из дешевого тренинга личностного роста. Даже когда кажется, что не вырываешься, а вязнешь в этом еще глубже. Не все средства хороши для достижения своей цели. Этот рывок может быть болезненным, но он необходим. Необходим, чтобы оставить прошлое позади и начать жить с чистого листа.

Насте все еще было больно. Но это не имело значения. Она прижимала своего мужчину к сердцу, не стесняясь жарких слез, которые бежали по ее щекам, не стесняясь своей слабости, обретая себя новую в его объятиях и больше не оглядываясь назад. Ну, может, ненадолго, всего на пару фраз...

— Ты опять уедешь?..

— Мне придется.

— Я не хочу так жить, зная, что каждый день ты будешь на прицеле. Что те, кто сейчас шмякнулись на колени у трона нового лидера Синдиката, через час с легкостью всадят тебе нож в спину...

— Это ненадолго, просто поверь мне. Я не останусь на этой должности. Раздам им указания и подам в отставку.

— Но ты же всегда этого хотел...

— Власти? Величия? Настя, я хотел этого ровно до того вечера. До того самого момента, как ты кинулась под пули, чтобы уберечь меня. Мне показали изнанку этой жизни во всей красе. Не это повальное убийство. И не дыру в голове Спикера. Как ты понимаешь, я бы сам это сделал с ним рано или поздно. Кто-то показал мне, чем я должен быть готов пожертвовать ради иллюзии власти. Ради этой никому не нужной должности, которая насытит внутреннюю тьму и станет обузой. Я сейчас сделаю все, чтобы сбавить ее тому, кому по факту нечего терять.

— Почему все должно быть по правилам? Почему ты просто не можешь развернуться и уйти? Твоих обидчиков уже нет в живых... наших общих обидчиков. Справедливость восторжествовала. Те, кто остались, — не ясельная группа детского сада.

Руки Влада скользят по бархатной коже ее рук, и от согревающих лучиков солнечного тепла россыпь сладких мурашек вызывает блаженную улыбку на искусанных губах. Настя даже не понимает, что кусала их с целью отодвинуть боль в груди на задний план. Ей сейчас так не хочется его отпускать, подвергать риску и терять это тепло их окончательного воссоединения!

— Я вернусь. Ничего со мной не случится. Я неубиваемый, ты забыла?

Она не забыла. Она такая же. И только сейчас понимает: пуля от бойцов Никитенко тогда пришлась туда же, куда и пуля ныне покойного крестного. Каждый хотел вырвать ее сильное сердце, отчаявшись прогнуть под себя и поставить на колени. И оба забыли об основном: хочешь убить — стреляй в лоб. Или в сердце, но помни про контрольный. От этого умозаключения она тихо смеется, доверчиво спрятав лицо на груди своего мужчины.

Кивает в такт его обещаниям вернуться и верит каждому слову. Финальный бросок. Самый сложный последний бой. Расставить все точки и шагнуть в новую жизнь.

Влад что-то говорит о том, что за эти дни он решит все вопросы, а ее рана заживет. Обидно будет, если она не выдержит перелет в силу своей слабости. Настя все порывалась вскочить с кровати, смеялась в ответ на шутливые замечания Лидера о том, что в этом случае он ее отшлепает. Никогда еще желание вот так, одним ударом покончить с прежней жизнью не было таким сильным. Даже когда он уехал, Настя продолжала жмуриться от счастья и считать минуты до того момента, когда они наконец-то вдвоем покинут эту неприветливую страну, где криминал стал узаконенной формой правления, и начнут жизнь с чистого листа в ином государстве.

А потом были четыре дня неведения и тревоги, которые едва не свели Настю с ума. Когда сила воли и желание услышать его голос немедленно вступили в противоборство. Пальцы замирали над сенсорными кнопками, бессилие и отчаяние иссушали изнутри, усиливая ноющую боль в груди, которая в такие моменты становилась невыносимой. Она все понимала. В их с Владом мире один звонок мог стать той роковой каплей, которая будет стоить жизни. Но как это было невыносимо тяжело — оставаться в неведении, теряя сон и покой, желая помочь своему мужчине... и не имея сил на резкие движения и прыжки.

Она сейчас была, по сути, бесполезна. Каждое утро разминала руку, стискивая зубы от боли, делала упражнения на растяжку и восстановление мышечного тонуса, огрызалась с Хаммером, который запретил ей даже безобидный дартс, опасаясь, что откроется рана... и ждала, вздрагивая от каждого шороха и шума редких машин за окном. Но ее интуиция была верна ей до конца. Она просто знала, что ничего плохого с ним случиться не может. И осваивала новую, непривычную для себя роль влюбленной женщины, ожидающей своего воина из похода. И даже не обиделась на то, что в этот раз ее туда не взяли.

Ее разбудил запах мандаринов. И, кажется, хвои, но в последнем Настя была мало уверена. Открыла глаза, зажмурившись от мерцания голубых огоньков на... сперва она не поверила своим глазам. Елка? Настоящая ель?! Не сосна, которой были забиты все рынки в преддверии Нового года?! Аккуратная пушистая елочка, украшенная только золотистыми шарами. Больше ничего. Вкус Лидера воплощался даже в таких вот приятных мелочах.

— Просыпайся, любимая.

Он намеренно отошел в сторону, чтобы Настя не кинулась ему на шею, рискуя разорвать шов. Позволил ей прийти в себя после тревожного сна, и только после этого осторожно обнял со спины, целуя в пробор волос, запуская прямо под кожу свое уникальное тепло весеннего солнца.

— Мы в этой мясорубке пропустили Новый год. К счастью, есть еще 14 января.

Насте очень хотелось спросить, как все прошло на боевом фронте, но она загасила свое любопытство, чтобы не спугнуть момент волшебства родом из детства. Словно маленькая девочка, подтянула край одеяла к подбородку, сжав пальцами, и счастливо улыбалась, наблюдая, как Влад разливает по бокалам шампанское. И впервые за черт знает сколько лет чувствовала себя счастливой. Свободной от обязательств. Любящей и любимой. И отчетливо понимала, что никогда больше не вернется к прежней жизни, какой бы захватывающей та ей ни казалась.

— У меня для тебя подарок. Но сперва — с Новым годом, моя любимая воительница!

Он присел на край кровати, переплетая свою руку с ее. Сладкое шампанское ударило в голову, но последовавший за глотком поцелуй вновь восполнил ее силы. Настя вздохнула

было с разочарованием, когда Влад его прервал, но типично женское любопытство одержало верх. Пальцы разорвали упаковочную бумагу с поразительной быстротой. И тут же восторг сменился удивлением.

Два паспорта. Заграничный и обычный. Настя недоуменно уставилась на пластиковые корочки, с трудом узнав себя на фотографии.

— Хильда Фрайберг? Влад, ты умом тронулся?

— Фрау Фрайберг, пора вам вспомнить базовый курс немецкого. И не называть супруга слабоумным.

— Супруга? Мне, конечно, делали предложение ноги и сердца не так давно. Но я тебя расстрою, это был не ты...

При виде потемневших глаз Корнеева Настю просто пронзило стрелами острого удовольствия. Как много было в этой демонстрации ревности на грани и как сильно она согревала сейчас изнутри!

— Кто?

— Рок у меня такой, вызывать это желание у лидеров криминального мира... Эй, нет!

Влад все равно обнял ее очень бережно, стараясь не задеть рану.

Настя задохнулась скорее от счастья и новой инъекции тепла. Когда его губы коснулись мочки уха, а шепот опалил своим эротизмом, девушка вообще забыла, что не столь давно получила огнестрельное ранение.

— А что еще в этой коробочке, фрау Фрайберг? Теряешь бдительность. Я подскажу, это измеряется в каратах и об этом мечтает каждая женщина. Даже та, что до недавнего времени предпочитала ножи и пистолеты...

Эпилог

Сложнее всего было привыкнуть к вниманию свекрови, которая так любила поговорить за жизнь и разведать, чем же невестка занималась до знакомства с ее сыном. “КМС по стрельбе”, - отшутилась Настя. Да, это опасный спорт. Настолько, что пуля отрикошетила и ранила ее. Пришлось ставить крест на дальнейших спортивных достижениях. Но это же к лучшему, правда? Теперь она уделяет достаточно внимания семье. Двум очаровательным близняшкам, Валентине и Алексе. Что молодой матери делать на стрельбищах? Правильно, нечего делать, максимум, что она может, — научить боевую Алексу держать игрушечный пистолет. Валентина иная. Влад Фрайберг часто смеется, что ребенок пошел в дедушку с бабушкой. Настя с этим не согласна. Гены миротворца изначально присутствовали и в каждом из них. Только вот суровая жизнь внесла свои коррективы.

Странно, что Татьяну Николаевну совсем не смутили документы на чужое имя. Как и то, что молодожены получили гражданство довольно быстро. Влад подсуетился. Меньше всего он хотел, чтобы девочки имели что-то общее с той самой страной, в которой процветал бандитский беспредел.

Сама же Настя нырнула в свою новую жизнь с головой, стоило только “боингу” выпустить шасси в столице благополучной Норвегии. Словно невидимый ластик стер все, что было до этого, позволив начать жизнь с чистого листа. Она ни о чем не думала. Просто наслаждалась жизнью, даже не удивившись тому, что к ее приезду в Осло все было готово. Огромный дом. Родители Влада, которые приняли ее как родную. Пышная свадьба, слезы матери и медовый месяц на Мальдивах. Не имело значения, что по поддельным паспортам

они уже считались супружеской парой. И Настя погрузилась в беспечную и счастливую жизнь, которой ее так жестоко однажды лишили. Расцвела уникальной красотой по-настоящему счастливой женщины, ей даже казалось, что она видит в зеркальном отражении ауру чистейшего солнечного света. Конечно, вряд ли так было, но именно так она себя и чувствовала. Просто чудо, как некогда деструктивная энергия нашла свое воплощение в совершенно противоположных вещах. Обустройстве дома. Маленьком магазине цветов. В кулинарии, к которой проснулся особо повышенный интерес. Надо же было хоть когда-то довести рецепт черничного пирога до совершенства!

“Какой ангел поцеловал тебя взасос?” — шутил Влад. Настя лукаво подмигивала, опустив глаза, словно маленькая девочка. Она знала кто. После таких вопросов обычно следовал жаркий секс на всех поверхностях в доме... а иногда и в машине, в их семейном магазине и на природе. И только придя в себя после потрясающего оргазма, Настя искренне шептала в его губы: “Ты...”

Скучала ли она по прежней жизни? Временами ей казалось, что после ранения в нее словно вселился кто-то иной. И этот иной напрочь не желал вспоминать о том, сколько убитых на счету той прежней Насти. Она жаждала забыть прошлую жизнь, как кошмарный сон. Но когда впервые после тяжелых шестичасовых родов обняла трясущимися руками близняшек...

Нет, у нее не было желания крушить и убивать. Это было нечто иное. Защитить своих малышей любой ценой. Ради этого она возьмет в руки оружие и не задумываясь всадит пулю в лоб каждому, кто посмеет даже подумать о том, чтобы их обидеть. Придя в себя после самого счастливого события в жизни каждой женщины, Настя вернулась к тренировкам. Времени не хватало, но она не сбавляла темп, уделяя внимание девочкам и любимому мужу.

Влад часто возвращался в столицу той страны, из которой они однажды сбежали. Она все понимала и не задавала вопросов. Мужчина — воин и охотник. Теперь его женщина не должна сама защищать себя. Гасила переживания, ожидая его возвращения. Вряд ли кто-то, глядя на эту сияющую молодую маму двух очаровательных близняшек, мог бы даже предположить, через что ей пришлось пройти на пути к своему счастью. Если у кого из соседей и новообретенных друзей, вхожих в дом, и возникали вопросы, они очень быстро гасились.

«Почему чета Фрайберг внешне — славяне?» — «Да говорят, их предки всю жизнь прожили в Т...» — «В Т? В этом бандитском государстве?» — «Не стоит быть столе предвзятыми. Какая мафия? Хильда ангел. Я более светлого человека и любящей матери в жизни не встречала...»

У них получилось. Получилось сделать верную ставку и начать новую жизнь. Счастливая семья, выбравшая единственно правильный путь. Владу всегда покорялись любые вершины, и бизнес не был исключением — сеть строительных магазинов успешно расширялась.

В тот день, когда близняшкам исполнились пять лет, Влад застрял в очередной командировке. Настя буквально сбилась с ног, непоседливые Валечка и Аля были в восторге от праздника с обилием воздушных шаров, игрушек и выступлениями приглашенных аниматоров. Обычно лето в Осло не радует теплом, но сегодня как на заказ была приятная погода, ветер утих. Когда в разгар поедания праздничного торта в саду появился Влад, Настя сразу поняла, что произошло нечто непредвиденное.

Оставив близняшек на попечение двум няням (одна не справлялась с гиперактивными

бесенятами), Настя проследовала за мужем в кабинет.

— Рассказывай, — она никогда на него не давила. Но сейчас в ее голосе было нечто, что не позволило Владу соврать или хотя бы приукрасить произошедшее.

— В Т начался беспредел. Братва мочит друг друга. Кто-то должен навести там порядок.

— При чем тут ты?

— Меня короновали после смерти Гуляева. Есть законы, Настёна. Кто, если не я?

Молодая женщина кивнула — не в знак согласия, а всего лишь давая понять, что его услышала. Из сада доносился смех детей, голоса аниматоров и музыка. А она подошла к сейфу под застывшим взглядом супруга. Почему проклятое прошлое никак не оставит их в покое?

— Что ты удумала? — Влад устало опустился в кресло.

Настя набрала комбинацию, усмехнувшись про себя. Нет, не деньги и не бриллианты сейчас искала она в этом сейфе. Достала блестящий “Смит и Вессон”, который всегда искушал ее своим смертельным гляncем, обнажила карабин, кинув на стол коробку с патронами.

— Настя! Если девчонки зайдут?

— Куда ты, туда и я.

Она будет бороться за свой рай. И бороться далеко не мирным способом. Ей плевать на Синдикат. Она уложит всех, и проблема с дележом власти будет решена.

Влад покачал головой. И кажется, в тот момент он принял единственно правильное решение. Есть иные обязательства. Имя им — семья. То, чем никогда не станет для него Синдикат. Настя увидела это в его глазах. Как и он видел то, что она не блефовала.

— О нет, Ангел. Даже думать не смей...

Больше книг на сайте — Knigolub.net